

**Андрей
Горн**

ДУХ ТРУДОЛЮБИЯ

2017

Annotation

В имперский приют в старой столице с амнезией после уличного ДТП попадает подросток. Технофентези, стимпанк-паропанк, АИ, немного магии, язычества, сказок и боярщины. Включает части 1 и 2.

Горн Андрей

Дух трудолюбия

— Акулина Валерьяновна! Акулина Валерьяновна! — в комнату вбежал бородатый мужчина в стеганом полушубке.

— Почто кричишь, как оглашенный, а? Ты напугал меня, Аркаша! — из-за стола степенно поднялась дородная женщина лет сорока пяти, на лице которой сохранились следы былой красоты.

— Так это... гости у нас... стража... полицейская! И какой-то важный господин с ними! Начальника они просят!

— Странно! Проверка?! Что бы это значило? Меня никто об этом не предупреждал. Аркаш, они что-нибудь говорили? А может у нас что было, а я и не знаю? — заламывая себе руки, нервно произнесла Акулина Валериановна

— Не слышал ничего, сударыня. И господа ничего не сказали.

— Где они сейчас?

— Как где, Акулина Валерьяновна? В передней прихожей оне сейчас стоят. Не морозить же, на дворе чай не лето. Далее парадной я их не пушал.

Наконец заведующая решилась:

— Не знаю, что это, но... значит, придется мне идти!

Пока Акулина Валериановна шла быстрым шагом по длинному коридору к парадной лестнице, ведущей к прихожей, в голове ее пронеслись все возможные события, которые хоть как-то могли коснуться ее. Но ни один вариант она не сочла правильным. Спустившись по лестнице, она увидела стоящих гостей.

Первым начал разговор невысокий степенный мужчина в черном пальто, из-под мехового воротника которого, виднелся темно-зеленый мундир:

— Здравствуйте, сударыня. Коллежский ассессор Бардин Петр Алексеевич, помощник его превосходительства полицмейстера Старого

Петерсборга Николая Аполлоновича Грессера. А это... — словно запнувшись, посетитель показал рукой на другого гостя.

— Нерадько, я... сударыня... Нерадько Олег Василич... городской ваш. С помощником.

— Так чем обязана вашему визиту в Имперский Ольгинский детский приют трудолюбия, Петр Алексеевич! — с вызовом спросила Акулина Валериановна.

— Исключительно по делу... по вашей части!

Дальше мужчина рассказал краткую историю. Зимним утром петербургский обер-полицейстер на своем лимузине-паровике ‘Панарь-Левассор’ возвращался из мужского клуба в свой особняк. Вместе с помощником и своей охраной. На одной из улиц Старого Петерсборга перед паровиком внезапно появился подросток в яркой одежде странного покроя. Охранник по привычке дернулся было схватить свое оружие, но не успел, заваливаясь в сторону выходной двери. Это водитель паровика, не успевая свернуть с курса, в попытке предотвратить наезд на молодого глупца, резко дернул рули в сторону. С криком “Куды ж тут прешься...убью-у-у-у ж, паря-я!” одновременно дернул тормозной кран. Тяжелый лимузин на снегу заскользил юзом, переходя в контролируемый занос и через несколько метров остановился...вдобавок окатив всех случайно рядом

проходивших по улице людей громко шипящим паром.

Пареньку весьма повезло, так как в последний момент он сумел отпрыгнуть с линии пути машины. Тормозящий по укатанному снегу тяжелый паровик задел его только боком, слегка, по косо́й. Обер-полицмейстер даже не пожелал вылезть из машины. Его помощник быстро оценил состояние потерпевшего и сообщил эту новость начальнику. Разбираться в дорожном происшествии начальник более не стал, поручив и дальше это дело своему помощнику. Оставив ему в помощь охранника, паровик обер-полицмейстера почихал дальше. Осмотр у доктора и последующий опрос потерпевшего в полицейском участке показал, что попавший под паровик юноша в норме...ну почти. Несколько пустячных царапин, порванная и запачканная грязью одежда и... установленный факт ретроградной амнезии. Главное, жив остался.

После составления словесного описания на мальчика на случай появления родственников или его представителей, помощник околоточного надзирателя, по причине отсутствия мест для содержания несовершеннолетних, порекомендовал Петру Алексеевичу отвезти мальчика в соседний район. Там, неподалеку от полицейского участка, находился детский приют. Куда он впоследствии и направился вместе со случайно оказавшимся в чужом полицейском участке Олегом Василичем.

Услышав из уст асессора незатейливую историю, Акулина Валериановна повеселела, выпрямила спину, от чего грудь ее приподнялась, словно демонстрируя имеющиеся объемы неотрывно глядящим на нее мужчинам и уже расслабленно произнесла:

— Ну, давайте же сюда... где там ваш невезучий подопечный?

Из-за спины Олега Василича его помощник быстро выдвинул навстречу паренька в яркой, но уж очень грязной и вдобавок порванной в нескольких местах одежде непонятного покроя и желтых ботинках.

— Как парня звать-то, известно? — уже спокойным голосом воскликнула Акулина Валериановна: — И не забудьте справку нам на него передать! У нас деньги считаны...

— Самой собой, сударыня...само собой, значит. А звать его Сергеем.

Сергей

— Варька, пока...до послезавтра! — произнес я на прощанье вылезшей из рио-такси девчонке из нашей школы, с которой хожу заниматься в секцию самбо при районном дворце спорта. Этот год, пожалуй, выдался весьма насыщенным на соревнования разного уровня, по результатам которых мне присвоили первый юношеский разряд. Многие из тех парней, с кем я общался в клубе, немногим старше меня, уже стали кандидатами в мастера спорта. И мне очень хотелось догнать их, стать таким же как они, что придавало мне дополнительную мотивацию к тренировкам.

Сказав улыбчивому водителю из одной среднеазиатской республики новый адрес для доставки моей тушки домой, я решил почитать скачанную в инете книжку одного популярного блоггера. Что-то про прорехи и провалы в нашей истории, тщательно скрываемые официальными историками. Через несколько минут читаемая мною книга наскучила и я, натянув поверх шапки-олимпийки свои любимые наушники, решил переключиться на музыку. Включил в смартфоне полюбившуюся в последнее время мелодию M83 Midnight city. Клипец там шикарный. И зевнув, закрыл глаза. Просто, чтобы не видеть, с какой скоростью этот чертов “летатлин” мчится по узким городским улицам, лавируя в потоке машин.

Пока играет любимая музыка, нахлынули приятные воспоминания — прошедшие

летние каникулы, которые я провел с отцом и матерью в Токио. Отец работает в одной совместной российско-японской компании. Довольно часто мотается по заграницам. На частые и затяжные командировки он может брать с собой семью, что он периодически делает, но, увы, часто оставляя меня дома с дедом. А тут как раз совпало окончание учебы с каникулами и его командировкой. В Японию. Красота-а!!

Что парню от жизни надо — денег в кармане на девайсы разные, погулять, другие места поглядеть да себя показать. Ну и в нагрузку бесплатная языковая практика — английский с японским. Английский у меня школьный и японский внешкольный, на курсах. Батя заставлял. Говорил, учи, сына, японский — не пропадешь, потом спасибо скажешь. И сам. Находясь в командировке, письма электронные мамане почти каждый день строчил на японском, редко на английском. А она с распечаткой — ко мне, за переводом. Не иначе, сговорились. Можно было бы схалтурить, пользуясь Яндекс-переводчиком, но иногда в письмах отца проскакивали серьезные вещи...да и переводчик иногда не спасал, все равно нужно было лезть в словарь. Пришлось учить. А уж когда он из командировок возвращался — у-у-у...японский на сутки-двое становился моим домашним. Больше уж дед не выдерживал и переходил на наш великий и могучий, видя творимое отцом в доме 'безобразии'.

Три месяца пацанского счастья. Первые совместные с родителями прогулки по Токио, парки, торговые центры и развлечения. Потом гулял с мамой. Потом один. До вечера — тусня по магазинам девайсов, на игровые автоматы в Joypolis, Sega club, музей автомобилей Toyota City. Машины я люблю. Дома в углу целые подшивки газеты 'Авторевю' и журнала 'За рулем' лежат. Свеженькие номера читал запоем, да и сейчас, хоть и времени особо нет, в охотку иногда пересматриваю. Мать периодически ворчала на меня. Хлам и пыль мол, в доме, собираю. Любимая периодика позволяла мне блеснуть свежими автомобильными новостями перед друзьями по двору. Другу Мишке дед отдал старый сорок первый москвич, ха, девчонок местных катать и с которым он каждый выходной возился. Ремонтировал, мыл, убирался в ней да улучшал. Обычно сам, но и нас иногда звал помочь. То молдинг там приклеит, то музон встроит или новыми накладками на диски машину порадует. За нашими домами на длинной технической дороге к водоразборной колонке, прозванной нами 'пожаркой', Мишка в благодарность давал пацанам своим москвичом порулить. Там редко кто ездит, поэтому мы катались на его тачке, ничего не боясь. Он ее не москвичом, а симкой, на французский манер, называл. Мне то что, машина как машина, пусть не иномарка, правда, но для первого раза сойдет. А маманя Мишку всегда не переваривала, боялась, что с ним я только в плохую компанию влипну. Однако никогда нам не мешала. Вот сколько можно за меня бояться, я ж теперь и сам могу сдачи дать. Как школу закончу, обязательно пойду в автошколу, буду сдавать на права. Что там такого? Площадка? Ерунда вопрос. Я в бывшем доме пионеров на картинг с дедом ходил, гонял там два года. Город? Не смешите мои тапочки, это после картинга то.

Вскоре мысли перескочили на друзей Аки Танака и Йоши Като, с которыми я познакомился в токийском метро. На станции Сангендзя, кажется. Зависал с ними целыми днями. В конце каникул, накануне отлета обратно, мы с друзьями еще раз встретились и договорились не пропадать и продолжать общаться через фейсбук и вацап. Как там они?

Ладно... подремлю-ка я немного.

Из дремы меня вывел противный скрип тормозов. Открываю глаза. Бах-ба-бах! И я вижу, как наша машинка, почти не снизив скорость в полете, пробивает чугунное

ограждение набережной Москвы-реки и падает в ледяную воду. Вместе со мной.

— Ты-ы-ы-ы-у-у-урод...что ты-ы-ы-ы на...!!!

Сильнейший удар о воду, только начавшей покрываться ледком и салон нашей машинки быстро набирает ледяную декабрьскую водичку. Сильно клацнув зубами, телом врезаюсь в натянувшийся ремень безопасности. От боли судорожно пытаюсь проснуться. Б-р-р! Дергаю ручку. Ну же! Зараза, заклинило! Да давай же! Открывайся! А-а-а-аж! Пытаюсь сам и совместно с водилой этого шайтан-такси открыть заклинившие двери машины или хотя бы разбить ее окна ни к чему не приводят. Сука-а-а!! В салоне воды все больше. Б-р-р-р, у-у-х... холодно-то как! Да давай же! Ну поддайся! Да что же это такое! Бью ногой в стекло и изо всех сил пытаюсь выдавить стекло, но безрезультатно. Воды уже набралось под потолок. В моих мыслях... гамма чувств — от как отсюда еще выбраться до судорожного, прощайте, мои хорошие.

Буль-буль-бульк. Бульк-бульк. Бульк...Бульк.

Бе-бе-е-е-е-бее-е-е-е!!!! Это сон, у-ух, точно, сон! Открываю глаз. М — м-ма-ать! Что это за хрень!? Увидев перед собой большой пыхтящий паром агрегат, тормозящий с заносом, на покрытой первым снегом скользкой городской дороге, сердце “ушло в пятки”. Слышу крик водителя:

— Куды ж тут прешься...убью-у-у-у ж, паря-я!

Подрываюсь и резко отпрыгиваю вправо, в сторону. В последний момент моя нога подворачивается на камне, которым замостили эту дорогу, и попытка уйти совсем от попадания под этот, несомненно, какой-то транспорт, увы, не удалась. Краем большого колеса, выступающего из-под крыла, интегрированного в подножки, этот агрегат все равно достает меня. Кусок широкопрофильной резины отбрасывает меня в сторону мощного тротуара. Ч-черт, второй раз опять...Как больно то! За что?

Я вырубаюсь.

Снова просыпаюсь. Чья-то рука шарилась по моим внешним карманам, словно что-то искала в одежде что-то крупное. Окончательно проснулся от ударов рукой по щекам и слов неизвестного:

— Ваше высокобродие, похож не бомбист! И не катайский шпиен, точно вам грю! Сильно молод для шпиена больно, да рожей не вышел! Оружья и иных запрещенных вещей при оном не оказалось, сами видите! Пачпорта аль иного документа тож не оказалось! Однако странности тут имеются, вашбродие! Прошу взглянуть!

Пытаюсь продрать глаза, как тот же голос продолжил:

— Ваше высокобродие... Да вы ляньте, странный парниша какой-то. Мокрый весь с головы до ног, словно в воде плавал. А до набережной с пару километров будет. Одежа то на ем не нашенская...вы ляньте...тута что-то верно по аглицкому писано. А чоботы-то какие... таких я не видел никогда. Хучь верьте, хучь нет, зуб даю — иноземец это. Али из детей купцов заезжих али благородных.

— Эй, ты живой, паря? — снова бьют по щекам: — Во-во...просыпается! Как есть, живой!

Окончательно проснувшись, вижу напротив меня несколько мужиков в черном пальто и черно-васильковых шинелях, которые наклонившись, смотрят на меня.

— Сам как...имя аль фамилья есть у тебя?! Как звать-то? Школяр ты аль гимназист? Ты чей будешь? Адресок свой скажи, не молчь?

Обшаривают видимые карманы куртки и находят пришитую бирку:

— А вот! Та-ак, тут писано...Конов...Сергей...Владимирович...на-аш это...Эк, ну и странная же тут материя. Никогда, вашбродие, такую не видал. Ну чого молчишь-то? Не понимаешь меня, нешто?

— Тьфу ты, молчит он, вашбродие, но точь не иноземец, зуб даю!

Понимаю, что тянуть дальше нельзя и решаю прервать свое молчание:

— Да Сергеем меня звать...это помню...фамилию...не помню...где живу...не помню...родители...не помню...чей...не знаю... учусь где-то... наверное.

В первые минуты я был просто в шоке. Меня чего-то спрашивали, я на все вопросы только и твердил, что не помню. Мужики в шинелях меня осмотрели и потрогали на предмет повреждений, похлопали по плечам. Вдобавок со смехом мне заявили, что мне еще сильно повезло. Попав под машину — сам жив остался, да еще без членовредительства. Водитель начальственного паровика, как они говорят, просто пожалел меня. Не захотел грех на душу брать. А охранка его была другого мнения. За бомбиста приняли. Террориста по-нашему.

Ну, в таком случае да, наверное, повезло мне. А водиле похоже за этот маневр по шее начальство накостыляет. Как пить дать.

Стража остановила на дороге пару пролетов. Тот мужик, что хлопал меня по щекам, сказал, что везут меня в полицию, для осмотра и дальнейшего опроса.

— Дохтур тебя посмотрит! И пальчики тама возьмут! Неча было под начальство бросаться!

С опросом на время от меня отстали, но помогли подняться и усадили в экипаж. От легкого сотрясения голова шумела и кружилась, мое тело предательски ослабло, немного тошнило. Н-да, последний раз меня так только Сеня, напарник по самбо, с год назад прикладывал. Разговаривать ни с кем не хотелось. Что-то стало х-холодать! Хорошо уж то, почему я в мокрой одежде никто не спрашивает. Что мне ответить, я не представлял. Однако кучер, взглянув на мокрого меня, сжалился надо мной и, не сказав ни слова, быстро накинул на меня свою теплую овчину, чтобы не простыл. Тепло в ней! Хорошо!

Мужик в темно-васильковой шинели, сел вплотную рядом со мной:

— Кабы не спрыгнул ты, парень! Нельзя!

Он назвал кучеру какой-то адрес, и мы не спеша покатались по мостовой.

Где я оказался?

Ведь я точно помню, как падал в машине в воду, как пытались выбраться, как тонули с этим чертовым водилой...да вот, только что это было, вся моя ж одежда еще мокрая. Ффух, хотя б живой остался. Под цокот копыт по мостовой я пытался рассмотреть незнакомый мне мрачный город. Густой темно-серый туман, из-за которого окружавшие меня виды казались еще мрачнее, вдруг сменился сильным ветром, который начал разгонять низко летящие по небу облака. Вскоре, сквозь разрывы облаков, начали пробиваться первые лучики солнца, и я смог лучше разглядеть картину вокруг меня. Контраст с улицами Москвы был разителен. Старые кирпичные дома малоэтажной застройки перемежались башнями, похожих на готические, церквей и домами, с установленными на крышах металлическими надстройками, разными конструкциями, часами, зеркалами, линзами и, да-да, наверное, приборами непонятного мне назначения. Каменные набережные с чугунными ограждениями, пирсы и уличные пристани для кораблей словно вены разрезали тело города на мелкие квадратики кварталов. В речных каналах то тут, то там встречались различные суда, от длинных барж-сухогрузов до рыболовецких лодок. Мощные камнем, широкие и узкие уличные дороги в первом снегу, большие мосты-акведуки и надземная железная

дорога. По рельсам которой я видел натужно движущийся, пыхтящий паровоз, тянущий за собой кучу грузовых вагонов. С высокой горки удалось увидеть этот город в больших подробностях. Наш экипаж двигался по улицам старого города, а вдалеке, в густом тумане... были видны очертания и свет другого, крупного и современного, города с многоэтажными остроносими башнями, издалека смахивавшими на американские небоскребы.

Мой взгляд перенесся на старый город. Пусть в нем не было таких высоких небоскребов, однако в нем хватало своего очарования. С высоты были хорошо видны высокие заводские трубы нескольких фабрик и заводов, да тянущаяся до самого горизонта черно-синяя гладь морского залива. В порту у морского причала на погрузке стоял большой трехтрубный бело-черный пароход. В небе над городом степенно чихали разнокалиберные дирижабли. Куда больше было небольших паролетов, часто бипланной и трипланной постройки, юрко летавших между небесными 'рыбами' и 'кашалотами' по своим делам. Тем временем кучер вез пассажиров по торговым улицам. Первая торговая, вторая торговая, третья.

За едва освещенным желтым светом стеклянными витринами, напомнившими мне недавнюю поездку в Прагу с родителями, пряталось множество магазинчиков, лавок, складов и лабазов с хоть и понятными ему, но давно забытыми на языке названиями. Эти странные вывески на них с не менее странными латинскими шрифтами: "Бакалейная лавка", "Москательно-химическая торговля", "Фраки", "Парча и утварь для церквей", "Табакъ и сигары", "Галантерейный магазин", "Прически, бритье и пиявки", "Костюм, туфли и шляпа", "Похоронных дел мастер". Весьма удивила лавка с призывной рекламой 'Магическая вещи для дома и быта. Дорого!' — проскочила мимо моих удивленных глаз.

Несмотря на утро, на улицах уже былолюдно. Кое-где махали метлами дворники. Бригады фонарщиков бегали по улице от фонаря к фонарю, туша свет калильных светильников. Перед входами в магазины разгружались первые подводы и грузовые паровики. Тем временем по торговым улицам шли первые покупатели. Одежда прохожих, мимо которых проносилась пролетка, удивляла фасоном. Е-мое, какой прошлый век. Представив себе, как сильно я выделяюсь на фоне всех этих, идущих по улицам, людей в своих ботинках на тракторной подошве и современной яркой осенней куртке со светоотражающими нашивками, сразу мелькнула мысль о необходимости переодеться. Вокруг меня по тротуарам шли женщины и девушки, все поголовно в платках, шляпках и капотах, одетые в длинные до пят фланелевые платья и костюмы, рединготы, закрытые плюшевые жакеты, пальто и шубки различного покроя. Мужчины же, из тех, кто побогаче, щеголяли в шляпах-котелках и гречниках, однобортных или двубортных костюмах под куртками и пальто, с тростями в руках. Те, кто победнее, носили фуражки и картузы на своих головах, а под шинелями и пальто виднелись штаны и трико разной степени замызганности. Расклеенные на улицах афиши зазывали в салун-театр мадам Фильдеперсовой на скорый вечер-антрактъ известного шута Макса Алкина. Смущало только обилие плакатов на городских афишных тумбах, зазывающих потенциальных рекрутов на военную службу.

Елки-палки, словно на съемки хорошего исторического кино попал. Мелькала мысль, что нет, все это враки...сейчас помреж эти съемки остановит и всем участникам скажут: — Стоп! Кино снято!

Но нет, кино вокруг продолжалось и продолжалось, поэтому молодой человек старался напротив сидящему и постоянно на него пялящемуся Бардину чувств своих не показывать, всем видом показывая свое безразличие.

По мощеным дорогам навстречу цокали конные экипажи и коляски. Проносились двух-, трех-, четырех-, шести и даже восьмиколесные стальные конструкции, пыхтящие на всех окружающих горячим паром. Все эти несущиеся по мостовым пароколяски, пароциклы, легковые и грузовые телеги и просто коляски на паровом ходу, паровые трамваи и омнибусы представляли собой симбиоз из стальных заклепок, труб, рычагов, цепей, бочек, агрегатов и прочих странных конструкций. Каждый встреченный мне на улице паровой аппарат слабо походил на других собратьев. Словно неведомый изобретатель этой паровой техники ни капельки не стремился к ее унификации. Ту же паровую махину, что буквально совсем недавно чуть не задавила меня, я на улицах более не встречал.

В небе над пролеткой пропыхтел большой сигарообразный дирижабль, несущий под своей гондолой клепаную металлическую ферму, вероятно от какой-то заводской крыши. Или моста. Вскоре кучер вырулил наш экипаж на большую городскую площадь, словно запруженную людьми, другими пролетками, разнокалиберными паровиками и омнибусами с рейсовыми номерами. На этой площади впервые увидел большую причальную станцию для дирижаблей с несколькими вышками-лестницами. К одной из них уже подлетал однотрубный пассажирский дирижабль, сверкавший большой надписью “ASTRA” на борту. К другой лестнице был причален двухтрубный дирижабль еще большего размера, демонстрирующий по всему борту название “ГУДЬИРЪ”. Изредка чихая паром, он ждал своих пассажиров.

На лестницах и площадках, ведущих к палубам дирижабля, уже толпились люди. То, что он больше не в кино, меня вконец убедил уличный мальчишка-газетчик, с задором оравший на всю площадь:

— Салу-уун! Покупайте Салун! Самые свежие новости и скандалы Старого и Нового Петербурга! Сал-уун! Покупайте Салу-уун!

Москва...Петербург...Москва....Старый и Новый Петербург...Что за черт? Какой еще Петербург? Как я тут оказался?!...Не понимаю!

Большая площадь плавно продолжилась площадью поменьше, в центре которой, в окружении красивых статуй с непонятными сказочными животными стояла башенка, похожая на часовню. Небольшая чугунная вывеска на столбе рядом с ней гласила. Перемещательная станция ‘Старо-Петербург’. Только для магов. Для всех прочих при наличии дозволения. Возле станции остановился роскошный паровик. Из которого вышел мужчина с тростью, в явно дорогом костюме, шляпе и меховом пальто. Он прошел к станции, показав швейцару какую-то бляху. Швейцар изящным отточенным движением открыл перед мужчиной дверь с красивым витражным стеклом, пуская того в освещенное помещение. Что там было внутри, из пролетки увидеть мне не удалось. Через пару мгновений свет за дверью потемнел. Что тут за фигня.

Пролетка привезла нас в полицейский участок. Бардин, войдя в него, представился и сообщил цель визита дежурному, быстро вскочившему со стула при виде нас. Городовой отдал честь и через мгновение забегал по коридору в поисках писаря. Вскоре пришедший писарь достал из шкафа новую папочку, аккуратно вывел на ней номер и прикрепил к ней несколько каких-то бланков.

Прошу дать мне возможность посушить вещи. Под строгим взглядом асессора отказать мне не решились. Пользуясь предоставленной возможностью, быстро раздеваюсь и набрасываю верхнюю одежду сушиться на горячую батарею. Писарь на время выдал мне старенький халат уборщицы и первым делом направил в кабинет к фельдшеру.

Молодой фельдшер в полицейском участке, узнав фактическую причину моего появления, весьма старательно прощупал все мои кости, мышцы, конечности, постучал по коленке миниатюрным молоточком и периодически бормотал:

— Тэ-экс... что тут у вас... давайте посмотрим, молодой человек!

— Дыхните! Ага...

— Закройте глаза. Указательным пальцем коснитесь кончика носа! Ага... Вытяните руки и вращайте кисти! Ага... не пьяны!

— Да вы весь промокший! Вам нужно сменить одежду! Обязательно! Иначе долгая болезнь вам гарантирована. Ежели у вас есть с собой целковые, попросите мага обсушить вас воздухом. Его услуги рядом с нами. Как выйдете, направо до угла и снова направо. Вывеска 'Магические услуги для дам и сударей'. Скажете, что только из полиции. Берет весьма недорого. Рекомендую.

Мага? Какого еще мага? Шутит он так, что ли?

— Болит?!... А здесь?!...здесь?...Вот тут?... а тут? Не болит?

— Головой ударились?! Шум есть в голове?!

— Скажите пару слов по-аглицки аль по-германски...

— Не помню я, доктор.

— Откройте рот, скажите а-а-а-а-а...та-ак-с!

— Зрачки расширены...запишем.

— Температура нормальная...запишем.

— Теперь сердечко послушаем...дышите...не дышите

— Реакция... фунциклирует...так и запишем.

— А знаете, я вас вчера видел? Точно!

На этот вопрос доктора с подвохом уже хотел сказать "да вряд ли", но вовремя одумался и ответил:

— Не помню ничего, доктор! Может и видели!

— Запишем... со слов больного... в наличии имеется ретроградная амнезия... по причине... проляпсус...м-да-а...под паромобиль.

Писал он недолго и перед тем, как отправить меня обратно, он вручил мне папку и подытожил:

— Тэ-экс... молодой человек...от сильного удара у вас выявлено мозговое сотрясение с последствием. В форме амнезии, м-да. Поэтому сейчас вас мучают головные боли, тошнота и головокружение. Внешне вам уже лучше, но, как врач, рекомендую вам несколько дней полежать. Сотрясение это вам совсем не шутки. И еще...держите записку... для избавленья амнезии рекомендую пока вам исключительно природные лекарства. Попьете дома настойки клеверной и на корнях девясила, чайку рябинового, хренку с лимоном поешьте. Дома займитесь цветочками, говорят, они тоже на память воздействуют. В аптекарской купите глицину... И конечно, молодой человек, вам обязательно нужно наблюдаться у доктора еще...только у доктора, практикующего амнезию.

Уже выпроваживая из кабинета, он добавил:

— Надо же, как повезло тебе, парень, в рубашке ты родился!

Потом был полицейский художник. Он так быстро и удачно срисовал мое лицо, что моментально напомнил мне такого же профи, который рисовал шаржи на Арбате. В завершение всего помощник городского сам лично снял отпечатки с моих пальцев и задиктовал писарю мое словесное описание. После чего меня заставили написать несколько

рядовых фраз по предоставленному образцу. Как сказал мне коллежский ассессор Бардин, который в этот момент присматривал за мной — для облегчения полицейского розыска или поиска моей тушки моими же родственниками.

Если б он знал, что в этом мире никаких родственников у меня быть не может, вот он б удивился. Но пусть... пусть делают свою работу. В голову пришла мысль, что раз я тут, надо бы мне легализоваться в новом мире, получить какие-то документы, заработать денег, потому что идей, как вернуться в свой мир или в Москву обратно у меня просто не было. Никаких. Сказать правду Бардину или кому-то еще — не дурак — вдруг в психушку упекут, тогда уж лучше молчком молчать и ничего в упор не помнить. Пока не отстанут. И так он на меня что-то странно смотрит.

Пока ждал завершения обработки, меня вдруг накатило. Меня уже, наверное, там водолазы ищут под водой? Как там тот чертов водила — выплыл ли он? Или в этот мир вместе со мной попал? А как родители будут меня искать, все вещи на мне же? Если только Варька вдруг моим позвонит, озабоченная моим отсутствием в школе и тренировках. Или тренер мой. Они последние меня видели в такси. Или мои ей и тренеру. Такси выловят из реки, мои вещи опознают. Только без меня. Был человек, да и пропал где-то без вести. Я про таких, только в газетах в криминальных статьях да в книжках про попаданцев, читал. А теперь и я сам пропадаец!

На шум и суету в зале из кабинета вышел помощник околоточного. Увидев гостя, он вытянулся, отдал честь и произнес:

— Кого я вижу! Неужто сам Петр Ляксеич! Молчите! Не заходите! Обижаете! Какими судьбами в нашей окраине! Впрочем вы же все по верхам да по верхам, куда уж до нас... Нешто скоро и в столицу направят, а?!

— В столицу... — Бардин скривился: — Тут только его величество Император-батюшка ведает, Георгий Владьевич!

— А пойдете-ка, дорогой мой, ко мне в кабинет. Отведаем великолепнейшей вишневой наливки. Домашнего приготовления. Самолично готовил. Там и поговорим о делах наших скорбных.

И оставив потерпевшего парня на попечение писаря в зале, мужчины ушли. Выпив по стаканчику наливки и оценив все качества натурального продукта, помощник околоточного спросил ассессора:

— Эх, хороша наливочка, Петр Ляксеич! Дык, какие ж дела у вас в нашем департаменте, а?

— И не говори, Георгий Владьевич! Хороша! Ты знаешь, парень у меня тут! Дурень, ей богу, дурень. Чуть под паромобиль Николая Аполлоныча не попал. И хорошо, а то знатный скандал бы вышел. Бо спешили мы. А ты знаешь, как мой к писакам газетным относится?!

Собеседник понятливо кивнул:

— В последний момент он отпрыгнул, но вишь — неудачно. Приложило его мобилем крепко, но фельдшер ваш грит — целый. Молодой бо, гибкий. Амнезия ось только. И знаешь, Георгий Владьевич, сильно на моего старшого похож.

— Что у катайцев, слышал, сгинул?! Ох, прости меня, вырвалось, Петр Ляксеич! На больное...

— Слышал знать про Павла?

— Да как не слышать, Петр Ляксеич? Знамо дело, ни про что посольский дирижабль погубить. Ироды!! Давай помянем!

Мужчины налили и выпили еще по одной.

— И как ты?

— Да как. Переболел я, работой ось живу. Ну и младший заодно растет да Варвара-краса, отрада моя.

— Дак что думаешь дальше, Ляксеич!

— А что тут думать! В уют везти парня надо. Когда еще розыск найдет. Сам посуди, Георгий Владьевич. Документов у парня нет никаких. А одежда на ем хорошая, наверное, из купцов али знатных. А раз так, и в прочем его превосходительство Николая Аполлоныча побережь надо. Великий Князь наш его за допущенный скандал по головке не погладит. А мне он начальник как никак. Георгий Владьевич, не в службу, а в дружбу. Подскажи, куды парня везть?!

— Дык, говоришь, сильно на твоего сына похож?!

— Ну есть за парнем такое.

— Обожди, не спеши, Петр Ляксеич. Есть тут у меня одна мыслишка.

Ф-фух. Никого нет. Снова жду, сiju и жду, хорошо никто ко мне не пристает и ладно. Живот уже поет серенады:

— Елки-палки, как же есть хочется. Там не успел до дома добраться. Тут полдня уж прошло. Интересно, а вообще кормить будут? Или дадут, догонят и еще раз дадут? Пинком под зад. И вообще, на что я еду тут куплю?

Нащупываю в джинсах хороший швейцарский многофункциональный ножик, папин подарок, а в куртке, в скрытом кармане-непромокашке — маленький школьный калькулятор на солнечных батарейках.

— О, как хорошо, вещи из карманов городские не нашли и не забрали, если что, на деньги сменяю. Ну на еду-то этого должно хватить.

Недавно полученный паспорт и новенький смартфон я, похоже, успешно утопил. Ну и славно. Наверное.

Снова едем с этим Бардиным и еще каким-то мужиком в темно-зеленой шинели на уже другой пролетке куда-то по новому адресу. Смотрю по сторонам, изучая город. Все интересней и интересней становится. Проехали красивый городской вокзал с большими арочными сводами навеса, под которым на платформе стравливал пар большой паровоз с темно-зелеными пассажирскими вагонами. К уличной стоянке возле вокзала подъезжали конные кареты и небольшие паромобили с опаздывающими на поезд пассажирами.

Улицы сменялись новыми улицами, каменные дома уменьшались в этажности, когда, наконец, проехав мимо огромной, больше похожей на склад, мастерской с вывеской 'Ремонт паровых омнибусов и телег Арбузова' наша поездка завершилась. Со словами "т-пр-ру-у, милая" кучер остановил пролетку возле огороженного чугуном металлическим забором большого кирпичного дома, который стоял на отшибе улицы, чуть в стороне от остальных домов. Дом, к которому наверняка приложил руку хороший архитектор, был украшен красным облицовочным кирпичом и красивыми штукатурными деталями на фасаде, парадным козырьком стиля модерн и аккуратными рядами, похоже недавно посаженных, деревьев. Выпавший первый снег только добавлял деревьям шарма и очарования, делая приятной получившуюся картину. Над двустворчатой деревянной входной дверью висела большая вывеска с надписью "Императорский Ольгинский детский уют трудолюбия".

— Блин, елки-палки, меня ж в какой-то детдом привезли. Приехали, называется!

Городовой Олег Василич позвонил в звонок. Ему открыл дверь сторож. Увидев

полицейскую стражу, мужик разом подбоченился, выпрямился и что-то спросил. После недолгого разговора всех посетителей сторож пригласил внутрь здания, правда попросив немного постоять в парадной. Оттуда было видно, как по главной лестнице поднимались вверх и спускались вниз дети и подростки обоих полов.

Вскоре за мной пришли. Какая-то миловидная толстушка со сторожем. После краткого разговора о событиях, предшествующих нашему появлению, Бардин сдал меня этой тётке и попрощался со всеми. Подойдя уже к выходу, он кивнул мне головой со словами:

— Ты не дрейфь, Сергей! Я тут через пару недель зайду, заодно проведаю тебя, ежели к тому сроку твои тебя не заберут!

— И нафига оно тебе нужно, ты как выйдешь за эту дверь и все. Поминай тебя как звали! — ответом ему были мои мысли. Я кивнул ассессору и снова посмотрел на, принявшую меня у полиции, женщину:

— Ну что ж, молодой человек! Тебя ведь Сережей звать?! — увидев мой кивок, она продолжила разговор: — А меня Акулиной Валериановной. Пока не найдутся твои родители, городская полиция вручила мне заботу за тебя. Я тоже буду твоим временным опекуном. Не переживай, твои тебя обязательно найдут — тепло сказала эта женщина: — Ну а пока... буду тебе временно за мать и отца. Я тут...заведующая... этим вот приютом-Акулина Валериановна развела руками: — в котором ты будешь жить, столоваться, учиться и работать до тех пор, пока не заберут... или не вспомнишь о себе все, чтобы мы могли отписать твоим родным для твоего возвращения. Ты понимаешь меня?

Я кивнул, мысленно соглашаясь со сказанными словами. Иного выхода пока все равно нет.

— А сейчас ступай с Аркадием, моим помощником. Он покажет тебе твой дортуар и ребят, с которыми ты будешь здесь жить. Выдадут форменную одежду и обувь, в котором будешь здесь учиться и работать. Береги ее, она государственная...и денег стоит. Кстати, весьма странная у тебя одежда, но в ней здесь ходить не сможешь. Не по нашему уставу. Когда переоденешься, ты свое сам застирай и отдай девочкам в мастерской. Они ее тебе заштопают. Так, еще... не забудь, завтра у тебя начнутся классные уроки, а после обеда — практическая в мастерских. Ах-да-а, куда ж тебя направить, ты же ничего не помнишь...Или помнишь?!

Я помотал головой, отрицая.

— Нда-а-а...Задали мне задачку! Слушай, Сережа! А ты грамоте вообще обучен, читать-писать умеешь? — вдруг спросила меня женщина, стрельнув в меня вопросительным взглядом.

— Не помню, уважаемая Акулина Валериановна, но я буду стараться...научусь. Книжек бы мне каких...

— Ить ты какой шустрик! И уже подхалим! Книжек ему сразу подавай — рассмеялась женщина: — Похоже палец тебе в рот не клади, сразу цапнешь! Будут тебе книжки!

И что-то вдруг решив для себя сказала:

— М-м-м-м, так...на вид вам, молодой человек, лет четырнадцать-пятнадцать, поэтому...определю тебя пока в шестой. Посмотрим на тебя со стороны. Если грамотен, оставим так или переведем в другой, к ребятам постарше. Если ж нет, переведем к тем, кто помладше. На тебя посмотреть — так вроде учен... А, ладно, решила — быть по сему.

Немного подумав, она собралась идти, повернулась, сделала пару шагов к лестнице и снова спросила меня:

— Сережа, а под какой же фамилией тебя в метрику-то вписать? Может вспомнишь хоть свою фамилию-то?

— Не...не помню, Акулина Валерьяновна, но буду не против, если запишете меня под фамилией Конов. На бирке куртки написано, наверное, моя фамилия-то.

— Хорошо, так и поступим. Запишу по бумагам Коновым. Еще. Сережа, ты верно голоден?!

Я снова кивнул головой, соглашаясь с ее словами.

— Ступай! Иди в дортуар с Аркашей! Потом поговорим! Сходи на обед, поешь, я же сейчас распоряжусь.

Идем с бородатым помощником Акулины Валериановны, оказавшимся моим сегодняшним экскурсантом, по жизни оказавшимся местным сторожем. Четырехэтажный дом, в котором протекала жизнь всех воспитанников императорского приюта был довольно просторным. На нижнем этаже помещалась парадная зала с прихожей, служившая для детских игр и прогулок, а иногда и для занятий, учительская с канцелярией, библиотечная, раковина, гладильня, банно-прачечная, отхожие места и большая столовая. Второй этаж был отдан под учебу, полностью состоя из классов и залов. Верхний этаж был нарезан на дортуары, большие спальные комнаты для воспитанников и раздевалки. Цокольный же этаж занимали кухня с кладовой, сторожкой и угольный склад. Пока шли по длинным гулким коридорам с высокими потолками и белеными стенами по интересной плитке с греческими мотивами, Аркаша мимоходом успел показать мне расположение некоторых, несомненно важных для, впервые поступившего новичка, мест. Флигель, где жили мальчишки и юноши, и флигель для девочек и девушек, расположение учебных классов и мастерских, фельдшерскую комнату, музыкальную и похожий на танцевальный, гимнастический зал. Отдельно он провел меня по пристроенным к приюту помещениям мастерских. Было видно, что Аркаша проделывал такую экскурсию для новичков не в первый раз. И заодно успел рассказать мне нехитрые правила внутреннего распорядка в приюте.

— Серега... ты вроде малый уж большой, объясняю на раз. К барышням приставать ни-ни. Озоровать не смей. И курить, и пить, и драться тут ни-ни. Распорядок наш приютский соблюдай с почтеньем. У нас тут приют особый — Аркаша поднял вверх палец: — Императорский! Здесь и спрос такой. Не дай боги, забалуешь! Попадешьси в первый раз — будет тебе предупреждение. Второй раз — строгое предупреждение. В третий — у нас переводят в другой приют на окраине, похужей нашего. Есть тут такой. А если заворуешь у кого и пымають — пощады аль помощи не жди. Акулина Валерьянна этого дела страсть как не любит! Больно тебе аль тяжело — зубы стисни, но терпи! Ежели что нужно — для тебя главный есть староста, классный наставник, мастер и надзиратели. Иль мене поспрошай, может подскажу чего.

Открыв дверь в дортуар, где двумя длинными рядами стояли несколько одинаковых столов, стульев и заправленных кроватей, на которых валялись трое ребят, немедленно вскочивших при появлении Аркаши, он гаркнул:

— Петька, Илья, Олежка! Значится так...к вам я новенького подселю! Знакомьтесь сами, кличут Сергеем. И не забижать, а то знаю я вас! Староста, тебе задание. Обсказать ему про наши порядки, показать тут все, расположить, сходить к Анисиму за бельишком и сводить на обед! Последнее — первым. И в раковину сразу зайдите. Акулина Валериановна уже распорядилась. И не забудь, Петька, седня вечер у нас банно-прачечный. Ну, ребята...я пошел, а ты, давай-давай, обживайся тут.

И закрыл за мной дверь.

— Ты — Сергей? — вскинул руку паренек, названный Аркашей старостой. А меня Маркиным Петром кличут!

— Здоров! Будем знакомы.

— В нашем классе я тут главный, старостой выбрали. А это Федькин Илья и Радугин Олег. А по фамилии как тебя?

— Конов. Сергей Конов. Больше ничего не помню.

— Ба! Не помнишь? Как это тебя угораздило?

— Ну-у. Гулял по улице и под паровик какого-то начальника попал. Дорожное происшествие. Доктор сказал, мозги отшибло.

— Ба! И что дальше?

— А что дальше. Ищет полиция, ищут родители...как-то так.

— Жаль, что ты совсем ничего не помнишь? А что это у тебя одежда с ботинками такая странная? И буквы английские. Заграничное, верно?!

— А, иностранная.

— Только тут у нас ее носить нельзя. Только можно форменную. Ну пойдем, а то обед, наверное, в столовой там уже холодный.

И впрямь, выданный мне обед был едва теплый. В столовой молодая повариха налила мне остатки жижки с кислых щей, оставшихся с обеда, дала парочку яиц вареных и ломоть хлеба.

— Больше, увы, нет! Не ждали тебя, юноша — сказала она.

Ну и ладно. Нет так нет.

После обеда пошли к кладовщику в подвальный этаж. Петр вел меня по этажам, как Аркаша, снова комментируя все вокруг. Добравшись до искомой кладовой, навстречу нам вышел худой человечек высокого роста в кожаном фартуке и суконных наладонниках.

— Дядька Анисим, здрав будя! — Петр поздоровался первым.

— И тебе здравствовать! Чего пришел?

— Да вот, новенький у нас. Одежда нужна.

Кладовщик, профессионально оценив рост и комплекцию парня, пригласил ребят в кладовую:

— Ну заходите-заходите, ребятки. Сейчас рост померяем и соберу.

Сборы прошли быстро. Староста ушел раньше, сказавшись делами. Тем временем кладовщик лихо лазил по стеллажам и антресолям, споро находя и скидывая с верхних полок нужного размера одежду. Я, стоя под деревянной лестницей, руками ловил все скидываемое кладовщиком. Нательное белье, гимнастическое трико, уличные ботинки и прюнелевые туфли с козловыми сапогами, носки и портянки, две пары форменной гимназической одежды для ежедневного ношения, форменная фуражка с кокардой из трех перекрещенных букв И, О, П, а также зимнее пальто с двумя вертикальными рядами блестящих пуговиц. Ф-фух, накидали мне шмотья. Расписавшись за все выданное в большой амбарной книге, Анисим вдобавок вытащил из ящика кожаный форменный ремень с пряжкой, которым я перевязал получившийся куль одежды. И вдыхая прелый запах долго лежавшей на складе одежды, вернулся в комнату. К запаху одежды примешался кислый запах комнаты. Фу-у, вонища. Как они тут живут, хоть бы комнату проветрили. Найденная позже причина оказалась проста, “явно не розами пахнущие” носки и обувь. Как они тут живут? Сложно проветрить? Не понимаю.

Развесив и разложив полученную одежду на спинку своего стула, лег на свободную кровать. Через несколько минут сытость желудка сказала моему носу и организму “фе” и напряжение последних часов отпустило. Заснул я в момент. И засыпая, уже не видел, как в дортуар гурьбой ввалились другие ребята.

— Илья, новенького нам подселили что-ль?

Уже вечером меня разбудил староста. Олег со словами:

— Пошли в баню, Серега. Все уже строимся!

Как не хотелось еще поспать, но увы...пришлось вставать. Не дома.

— Идите сами в баню! Мне и под душем неплохо мылось.

Посещение воспитанниками приюта городской бани было событием. Стройной колонной воспитуемые обоего полу со сменной одеждой в руках шли пешком к расположенной в трех кварталах казенной общественной мыльне, имевшей мужское и женское отделение. Там, под присмотром взрослых надзирателей, уже стояла жидкая очередь наших ребят из младших дортуаров, которая разом вошла вовнутрь, не успела наша колонна подойти ко входу.

Процедура мытья из-за большого числа моющихся длилась недолго. Вдобавок, надзиратели вместе с сотрудниками мыльни торопили, подгоняя моющихся или уже одевающихся ребят. Те, кто уже помылся и оделся, внутри мыльни стоять не дозволялось. Сторожу было приказано выгонять помывшихся, пышущих паром, на улицу, где все собравшись, с сопровождающим шли обратно в приют.

— Что-то стало х-хо-ло-дать!

Когда от долгого ожидания мои пальцы на ногах и руках стали неприятно покалывать, словно говоря мне, как я был неправ, переодевшись в навязанную мне форменную одежду и шинель, случилось чудо. Сторож бани, стоящий на дверях, запустил очередную партию страждущих до мытья, где наши разделились, войдя в женское или мужское отделение. Раздевшись в гардеробе и получив от банного старосты свой номерок от ящика с вещами вместе с металлической шайкой, кусочком щелока и жиденьким пучком березовых веток, мы гурьбой пошли в мыльную.

Раздевание вышло еще то. Выданные мне кладовщиком казенные исподние серые портки мне сразу решительно не понравились. Променять новые удобные и любимые боксеры с майкой-борцовкой на ЭТО с завязочками? Да ни в жисть. А поскольку за внешним видом воспитанников тщательно следили надзиратели, поступил очень просто. Не смущаясь ошарашенных новым элементом одежды ребят, просто натянул казенные портки поверх боксеров. Не знаю, есть ли у них тут такие же ткани, когда будут деньги, закажу пошив чего-то похожего. А пока надо бы побереечь. И самому все стирать. Вот и сейчас, раздеваясь, чувствовал уколы в спину от удивленных взглядов ребят. Спрашивать в этот момент новичка, когда нас всех в мыльную подгонял работник бани, никто из наших не решился. Уф, кажется, проскочило.

Пройдя по длинному коридору в дальнюю мыльную, голые ребята с шайками, простыней и вениками наперевес ввалились в нее. Ф-фу-у, темнотень! В мыльне было ужасно тоскливо. Я привык к цивилизации, ванне и душу и видеть потемневшие дощатые полы и заскорузлые от времени деревянные скамьи в бане третьего класса, было просто тяжело. Мне казалось, что микробы и плесень подстерегает меня в каждом квадратном сантиметре. Во влажном помещении мыльни от едва тусклого света царил полумрак, а за большой деревянной

перегородкой слышались женские голоса. Душа тут не было, его заменяли стоящие в углах большие емкости с теплой и холодной водой. Ребята, облив себя полностью водой и налив ее себе в чайки, принялись мыться, а я только злился.

Ч-черт. Что с этим щелоком-то делать? Как мыться-то? Ни мыла, ни шампуня. Кинув, похожий на мыло, кусочек в полную чайку воды и, глядя за действиями ребят, принялся повторять их действия. Блин, что за фигня. Не мылится совсем. Все уже в мыльной пене, я у меня только мутный едва мыльный раствор получился. А-а, ч-черт! Прокляв все на свете, принялся мыться и тереть себя получившимся водным раствором.

Подошел Олег:

— Сереж, а чегой-то ты водой-то моешься. Щелок не дали?

— Дали. Кинул его, а не пенится.

— Эй! Зачем столько воды туда налил? А ну выливай половину. Ты в первый раз что ли моешься?

— В первый, похоже.

— Станный ты весь какой-то. Одежда непонятная, говоришь, словно по писаному, теперь вот как мыться не знаешь. Откуда же ты, Сергей, свалился?!

— А я помню! Говорил же, всю память отшибло.

— Ну и ну. Ладно, сейчас наведу. Смотри! Дальше уж сам.

И кинув в чайку свой оставшийся в запасе кусочек, тот быстро навел мне пену в кадке. Так просто?! Дальше мыться было легче.

Помывшись и окатив себя водой, все шли в парильную. В ней все просто. Посидев на жару и обмахав себя быстренько тощими и жиденькими на листья березовыми прутиками, выскочил из парилки обратно. Сосед помог, окатив меня холодной водой. А я его. После чего мы, скользя по дощатому мокрому полу, побежали обратно в мыльню. Растираться. Переходя из парильной в мыльню, вижу очередную картину, как парни с нашего дортуара, отковырнув неприметную пробочку в деревянной перегородке, приткнувшись глазом, принялись рассматривать все происходящее в женском отделении. Первым принялся рассматривать высокий статный крендель, кажется, Игнатом его звать. Вторым сменился тощий и худой Александр. Третьим полез староста, Петька. Остальные же ребята стояли рядом и, определяя очередность подхода, в разговоре шептались друг с другом. Вдруг в мыльной раздался истошный крик:

— Ай! Мой глаз!

Стоящие рядом парни громко заржали, резво разбегаются по сторонам. Петька зажал своей ладонью больной правый глаз и под радостный смех остальных тоже слинял. А из-за перегородки раздалось возмущенное, с оттенками радости в голосе, девичьи возгласы, обещавшие апосля бани кары тому наглецу, попавшемуся под девичий палец. Ушел Петька среди первых и до завтрашнего вечера из дортуара не показывался, сказавшись больным.

Уже выходя из нашей мыльни в коридор, широко открылась дверь в мыльню отделения второго класса. Оттуда вышел помытым очередной страждущий. Удивило другое. В более чистом, светлом и куда цивилизованном помещении, в отражении зеркал, помимо голых намыленных мужиков, виднелись, висающие над ними, черные нашлапки на трубках. Ду-уш! Тут есть душ! А-а-а! Будут бабки, буду ходить только во второе!

Выходя в фойе, снова пожалел, что с собой нет никаких денег. Ибо продававшийся там квас и лимонад вместе духом кислых моченых яблок так и манили их купить. Обратно в приют по морозцу мы дошли куда быстрее, где, сдав в прачечную вещи в стирку, шли в свои

дортюары. Мне же сдавать ничего не пришлось.

Разбирая на кровати полученную мною в кладовой форменную одежду и обувь, тихо про себя чертыхался на отсутствие возможности носить тут более свободную одежду и обувь. Ну и ладно, пускай бы я выделялся белой вороной среди остальных. Зато удобно. Выданная мне казенная одежда не нравилась решительно всем. Грубые простые ткани без особой отделки, если не считать таковой блестящую пряжку и пуговицы, сильно пахнущие кожей ботинки. Казенщина! Одно было хорошо. Никакой химии. Все натуральное. Моей маме бы точно понравилось.

Утро нового дня началось с побудки и организованного посещения уже знакомой раковины и отхожего места, после чего, в пол восьмого утра, построенный парами отряд мальчишек двинулся в приютскую столовую. В процессе движения чувствовались шепотки и заинтересованные взгляды некоторых, пока не знакомых мне, юношей и девушек.

Приютская столовая. Какой ужас. Большая, хоть и светлая, белая комната, с тремя рядами столов, лавками и шкафами для утвари. Один ряд был отдан мальчикам и юношам, рассаженым по лавкам согласно по своим группам. За вторым чинно сидели девочки и девушки в одинаковых серых платьицах и белых накрахмаленных фартучках. Усмехнулся про себя, как все это мне сразу напомнило пионеррию. Блин, а сам-то лучше?!

На столах, накрытых посконными скатертями, расставлена простая фаянсовая посуда. В углу у входа третий ряд занимали сами работники и преподаватели приюта вместе с сидящей в центре стола заведующей Акулиной Валериановной. У них, в отличие от всех остальных, было заметно цивильней — персональные удобные стулья вместо общих лавок, на вязаной скатерти красивая с росписью фарфоровая посуда, кувшины и другие приборы. Не говоря уже об ассортименте блюд — учителей кормили куда как разнообразней. В помощь поварихам на раздаче блюд работали дежурные девушки из старших групп. Изредка мальчишки баловались друг с другом и кривлялись, за что достаивались шлепков по головам от заметившего их безобразия взрослого дежурного надзирателя по столовой.

— Помолясь, откушаем, чем бог послал!

После недолгой молитвы за столом все принялись за трапезу. Тем временем я пытался привыкнуть к новой для меня ситуации.

Мои родители не сказать, чтобы атеисты. Крещены, церковные ритуалы по традиции — на пасху куличи с яйцами святили, за святой водой перед Крещением ходили, однако молитвы перед завтраком в семье как-то не прижились. Мы ж не мормоны какие, у нас, как у всех, наутро быстрый перекус и вперед по делам да в школу.

В этот и в последующие дни наш однообразный утренний завтрак в приюте обычно состоял из стоявшей на столе тарелки гречневой каши, кружки еще теплого молока, каждый день привозимого из монастыря неподалеку, и свежего серого хлеба за три копейки, спеченного из муки грубого помола. По выходным к этому сиротскому меню добавлялось вареное яйцо с небольшим кусочком масла, а на сладкое — мед и булочки с разными начинками, что пекли нам накануне дежурные девушки из старшей группы. В обед к каше обычно добавлялись щи с супами, с маленькими порциями мяса. Негусто. С голоду не помрешь, но и не досыта.

После трапезы староста снова строил нашу группу и организованно вел к обратно в комнату за школьными вещами и портфелями. Классные уроки начинались в приюте в девять утра и за недолгий перерыв с завтрака до начала уроков многие успевали повторить, пройденный накануне, материал. Перед началом урока также организованно мы шли в

классы. До двенадцати часов у нас шли сплошные уроки, которые прерывались на пятнадцатиминутный чай. С двенадцати и до пол первого дня класс мог гулять по приюту или играть в игры на улице. Самые “зубрилы” сидели с домашним заданием в классе. После уличной прогулки все шли на практическую в свои мастерские, заканчивавшуюся перерывом на обед в половине пятого. После двадцатиминутного обеда все были предоставлены сами себе — хочешь уроки учи, хочешь работай или в увольнительную дуй до наступления комендантского часа. После отбоя свет выключался и все ложились спать, за чем наблюдал, лично обходящий каждый дортуар, надзиратель.

Вчера вечером после бани староста мне рассказал, с какими предметами я столкнусь. Боже мой. Аглицкий, алгебраическая математика, литература, физика, история Гранд-Тартарии, география, рисование и чистописание, пение, музыка, гимнастика, она же физкультура, трудовые практические занятия в мастерских и еще Урок Божий. За аглицкий с физкультурой, алгеброй и физикой по понятным причинам можно было особо не волноваться. Живопись с чистописанием и близко моим коньком не были. Нарисовать там ручкой или фломастером еще куда ни шло, моих умений еще хватает. А маслом на холсте?! Какие еще мольберты? Это явно не про меня! В этот момент я пожалел, что попал в приют. Ужас! А местная история, литература и Урок Божий, и все остальное. У-у-у, все, полный попадос.

Решил, что прорвусь. Как-нибудь. Буду косить...под беспамятного. И с книжками придется посидеть, м-да. Если что, освоюсь, пойму, что тут да как...и если никак, то позже сбегу.

Первым был урок географии.

Когда наша группа вошла, в классе географии за партами уже расселись девушки, пришедшие в класс чуть раньше. Их флигель был ближе нашего. Вместе с нами вошел в класс невысокий и худощавый мужчина с сеточкой для волос на голове. Окинув новое помещение глазами, я двинул в самый конец класса на свободное место, ловя на себе заинтересованные взгляды девушек. Подойдя к свободному месту на галерке, рядом со стройной худой девушкой, чем-то издадека напосмнившюю мне мою Варьку, спросил будущюю соседку:

— Ф-фух! Привет! Я Сергей! Сережа Конов! Давай сидеть вместе!?

Девушка подняла глаза, улыбунулась и ответила:

— Привет! Давай! А я, Анфиса.

В этот момент раздался голос географа:

— Та-а-а-кс...ребята! У нас в классе сегодня новенький!

Найдя глазами, он поманил меня к себе. Пришлось идти. Подойдя к учительской трибуне, он развернул меня и представил классу:

— Знакомьтесь, ребята! Наш новый ученик, Конов Сергей! Прошу любить и жаловать!

Затем, поковавшись в шкафу и выдав мне не первой свежести учебник с атласом и писчей бумагой, Аполлон Аполлинарьевич, а именно так звали нашего географа, вернул меня обратно за парту.

Сев обратно, сразу беру в руки атлас и, не обращая внимание на бубнеж географа и изумленную Анфису, с интересом раскрываю карты. Так-так-так. Очертания вроде похожие. Ну и как ж меня сюда занесло? Ага, Гранд-Тартария... столица Новый Петербург. Вот он Старый Петербург. Москвы не видать. Соседи. О, знакомые все лица — мериканы, африканцы, шведы, германцы, австро-венгры, поляки, корейцы, ливонцы, персы и тюрки.

Ха-ха, японцы — нихонцы. Вместо Китая — Катайская империя, Индии — Индийская Тартария, вместо Австралии — Новая Голландия. В общем не так все сильно и отличается. Интересное тут кино!

Вскоре пришлось отвлечься от рассмотрения атласа. Ибо учитель, просвещая нас новостями, стал рассказывать классу весьма интересные вещи. Речь зашла о последних новостях государства Гранд-Тартария, географическом и политико-военно-экономическом окружении страны, в которую я попал.

Оказывается, в момент моего появления настоящее страны было отнюдь не безоблачным, а в воздухе витало ощущение возможного скорого начала войны. Император готовился к войне с катаяцами. Империя катаев постоянно вооружалась, славилась своим сильным воздухоплавательным флотом и большой наземной армией. В последние годы она весьма агрессивно вела себя со всеми ее окружающими соседями. Висящий на стене парострел когда-нибудь выстрелит. Так и оказалось. Катаяцы, вначале подмяв под себя ханьцев, корейцев, кумоси, сибо, ширви и уйгуров, под общим предводительством императора катаев Ши Цзинта решились на дальнейшую экспансию по захвату земель. Молниеносно подмяли под себя Могольскую империю, низложив тамошнего императора. Не став останавливаться на достигнутом, вскоре захватили соседние страны — свободные провинции Турчестан, Даурия и Мугалия Флава Магна, залив территорию кровью несогласных с этим. Тех, кто перешел под оружие и флаг катаев, объявили вассалами. На местах были посажены наместники, назначенные катаяским императором, которые силой оружия и строгими законами насаждали среди людей в захваченных провинциях новые порядки. Лишь ближайшие соседи катаев — нихонцы еще пока от них отбивались, раз за разом придумывая себе новые техномагические решения, выравнивая в свою пользу баланс в военном противостоянии. Всем умным людям в Гран-Тартарии было понятно, что война на границах Тартарии — это всего лишь вопрос времени, а большая катаяская армия, усиленная новыми вассальными войсками из захваченных провинций, будет и дальше идти на захват новых территорий.

Видимо такое понимание присутствовало и среди первых лиц империи, чем объяснялось частое присутствие на улицах военных в форме. Хотя еще ничего не было, но для учащихся и детей был недавно введен комендантский час. На улицах то тут, то там висели плакаты патриотического содержания. Одни рекомендовали всем гражданам Империи потратиться — сходить купить себе сертификатов и марок военно-императорских займов разных серий, с разной доходностью и целевого назначения. Другие предупреждали о местах укрытий на случай нападения или настаивали иметь при себе и дома лекарские наборы первой необходимости. Третьи приглашали всех желающих записаться в имперскую армию, воздухоплавательный и морской флот. Четвертые звали в различные общества помощи армии и флоту — общество медицинских сестер, добровольное пожарное общество, городское общество помощи полиции, общество развития различных практик, именно так назывался поиск одаренных и развитие в них магии. Также государству требовались медсестры, водители паромобилей, водители-партористы, юнги и воздухоплаватели на дирижаблях и бипланах, для чего были развешены плакаты о прохождении курсов начальной подготовки по этим специальностям.

Вот и наш географ призвал ребят в классе стать достойными гражданами страны и задуматься, каким образом каждый лично сможет помочь своей стране и Императору. М-да. Хороший вопрос.

В перерыве на чай между уроками Анфиса принялась рассказывать своему новому соседу то, что она посчитала новичку знать крайне необходимым. Тараторила она бойко, иногда даже слишком, но юноша практически не останавливал ее монолог, внимательно ее слушая. Говорила она интересные вещи о нашем классе. О надзирателях и об учителях, дюже строгих и требовательных. Равно как и о таких, что спят на уроках, чем все и пользуются. Об уроках и практических, куда они ходят каждый день. О том, как девушки в мастерской строгой мадам Ламановой зарабатывают своим трудом себе дополнительную прибавку к приютской стипендии, обшивая именитых городских модниц. О том, что Верка Чипиляева, Анфиса тут мстительно глядит куда-то назад, эта кошка драная, хвостом перед парнями крутит, а потом хвастается. Ось дождется бесстыдница, что платье то ей на голове повяжут и отсель тряпками погонят. И что у Аксиньи Воропаевой внезапно нашлись родные. А Данилов перед прошлым уроком аглицкого изнутри привязал ремнем дверь и долгое время не пускал никого в класс. О своих вылазках в город, о погоде, о кондитерской буквально неподалеку, где пекут сладкие финлантские бисквиты с вкусным кремом за пять копеек шгучка. В общем, всякую дребедень. Интересовалась и жизнью парня до попадания в приют и его родителях, исподволь пытаюсь вызнать в неспешном разговоре социальный статус нового знакомого. Узнав, что у нового соседа обнаружена ретроградная амнезия, что бишь не помнит ничего из своей прошлой жизни, Анфиса, за бесполезностью сего, вопрошать парня перестала.

И вот этой палочкой с пером надо писать?!

Чистописание. Первый предмет, который я реально возненавидел. И не поверите, как был бы рад обыкновенной ручке! Да-да, нашей обыкновенной шариковой ручке. А все почему?

Да потому! Всякий раз, опуская перо в чернильницу, я сажал чернильную кляксу в свою тетрадь. И к концу уже первого урока моя тетрадь по чистописанию была в многочисленных кляксах. Они сидели на титульном листе, на страницах и на строчках. А учитель чистописания, частенько поглядывая в мою сторону, неодобрительно качал своей головой, когда я пытался очередное темное пятно в тетради оттереть промокашкой. Даже пальцы мои к концу урока были так измазаны чернилами, будто сам специально их в чернильницу засовывал.

А скорость написания текста. Пока уже привычные ко всему ребята писали под диктовку учителя десятое слово, я еще выводил шестое. И весь урок доводил учителя чистописания просьбами повторить еще раз. К концу первого урока он не выдержал и ругнулся:

— Конов! Если вы, молодой человек, на следующем уроке снова также попортите тетрадь, то останетесь после уроков. Будете писать пером снова и снова до тех пор, пока ваше письмо не станет чистым. И чему вас только учили?

Вот евпатий коловратий!

На большой перемене подошел староста и вместо уличной прогулки вместе с классом, пришлось переться на первый этаж в учительскую.

— Конов Сергей. Меня вызывали?!

— Да-да, проходите, молодой человек, вызывали.

Приютский секретарь в присутствии Акулины Валерьяновны выдала готовый

ученический билет с моим ФИО, названием приюта и класса и сообщила об условиях моего нахождения в приюте.

— В общем, от полиции пока никаких вестей не поступало, значит пока ищут. А раз такое дело, по представлению полиции зачисляем тебя к нам на довольствие. Твоим временным опекуном помимо Акулины Валерьяновны, как представителя приюта, назначен коллежский асессор Бардин Петр Алексеевич. И значит...

В общем, пока ищут моих родных (ну-ну...ищите-ищите), я живу, столуюсь и одеваюсь в приюте на государственный счет, а именно деньги его Императорского высочества. Который является главным учредителем и попечителем нашего заведения. Ежемесячно мне положены деньжата — приютская стипендия в размере...аж двух рублей. М-да, что-то совсем негусто. Хотя я тутошних цен еще толком не знаю, но чуйкой чую — мизер. Толком не разгуляешься. За особые заслуги администрация может добавить деньжат, присвоив именную стипендию. Паши, короче, паши себе...и все у тебя будет. Да ладно...на досуге подумаю, как тут можно заработать. Хотя жить пока есть где! Опять и снова...пришлось выслушать правила пребывания. Помимо тех, о чем мне уже твердили Аркаша со старостой, в приюте действовали и иные правила, кои мне выдали еще и на печатном листочке:

1. Учащийся Императорского Ольгинского детского приюта трудолюбия, находясь вне стен своего заведения, обязан постоянно иметь при себе личный ученический билет.
2. Прогулки в момент учебного и трудового времени, равно как и пропуск занятий без уважительной причины учащимся запрещаются. Учащийся обязан уведомить и получить согласие старосты своей группы, надзирателя по этажу, преподавателя или администрации.
3. Выход за территорию вне учебного и трудового времени разрешается после получения увольнительного билета. Учащийся обязан уведомить и получить согласие от надзирателя по этажу, преподавателя или администрации.
4. При выходе за территорию приюта в увольнительную прогулку учащихся по городским улицам, площадям, бульварам и садам разрешается в осенне-зимнее время — до 20–00, в летнее — до 22–00. При прогулке вне территории приюта учащийся обязан следовать правилам этикета и законам Гран-Тартарии и своими словами и делами не позорить наше заведение, которому покровительствует сам Император! Всегда помни об этом!
5. Учащийся должен вернуться в приют до окончания времени увольнительной. Возвращение после времени отбоя без применения дисциплинарного наказания к учащемуся допускается только по уважительным причинам.
6. Форменная одежда принятого образца обязательна для ношения всеми учащимися. Ношение смешанной формы допускается в уважительных случаях. Ношение личной одежды учащегося допускается на время увольнительных при выходе за территорию.
7. За допускаемые учащимся нарушения в приюте установлены следующие наказания:
 - выговор или запись в кондуитный журнал
 - удаление из класса
 - стояние в классе вместо сидения
 - оставление после уроков
 - хозяйственные работы
 - запрет на прогулки
 - лишение права на увольнительные в город
 - карцер

— перевод в другое учебное заведение

В общем, прочувствовать, ценить, беречь и защищать. С придурковатым видом 'Я все понял. Не дурак.' выслушал оные наставления, за что получил новое направление в фельдшерскую комнату- фу-у, боже-е, опять к врачу...приютскому. Ну надо, так надо. Пойдем.

Приютский врач Сергей Павлович, уже немолодой толстый мужчина лет пятидесяти, давно ждал меня. Сказав, что он уж просмотрел мое дело, переданное в приют полицией и вынужден провести повторный осмотр, отправил меня за ширму раздеваться. Опросив меня по новой и выслушав все мои жалобы на здоровье, он провел полный осмотр. Подтвердив диагноз легкого сотрясения, данный ранее полицейским фельдшером, он разрешил продолжить занятия, дав мне вдобавок освобождение от практических и физических занятий аж на две недели, сообщив мне, что доведет эту новость в учительскую сам.

— В каком ты дортуаре, Сережа, в четырнадцатом? Опосля я зайду к тебе вечером, занесу глицину. И после занятий запрещаю бегать, только лежать-лежать-лежать!

Лежу на кровати после уроков. Чего-то не хватает. Знаю. Смартфона мне не хватает. Полазить в френд-ленте в контакте, посмотреть почту, глянуть новости в интернете. Один, всего один день без смартфона, и я чувствую себя, как без рук. Вчерашний вечер после бани показал, насколько прочно там я привык к этому девайсу. Тут их нет и судя по окружению их тут еще долго не будет. Хотя проку мне от него полный ноль, только помешать может. Пойду-ка я в библиотеку, просвещаться буду. Надо же когда-то начинать.

Упросив старосту объяснить мне ее расположение, иду туда. На лестничной площадке встречаю соседку Анфису.

— Сережа, а ты куда?

— Вот, ищу нашу библиотеку.

— Так и мне туда. Пойдем, я покажу.

В библиотеке глаза мои задумчиво оглядели большие стеллажи с книгами. Анфиса ушла вглубь и уже была в поисках нужной ей книги. Я же бессистемно смотрел на корешки книг. Может с новостей начать?

— Что вам нужно, юноша?

— Не вижу газет у вас.

— Прямо и направо. Там у нас газетная периодика, Салун Петербурга и Имперский вестник. Только юноша, аккуратнее. Выносить и портить ее воспрещается. Газеты у нас приносят для наставников.

Беру в руки "Имперский вестник". Что тут у нас?

"...Именной высочайший Указь данный Государственному Совету Гран-Тартарии. Нашему генерал-адъютанту, морскому министру, адмиралу Сежавину высочайше повелеваем быть членом Государственного совета с оставлением в занимаемой им должности и в звании генерал-адъютанта"

Так. Это мне не интересно. Что тут еще?

"...Высочайший приказь. Назначаються: по пехоте..." Не интересно.

"Хроника. Бюро печати сообщает, что аглицкое и мериканское правительства пришли к соглашению относительно необходимости для каждого из них к охране общих интересов, предусмотренных агло-мериканским союзом. Особенное внимание имеет быть обращено на пункт соглашения, открывающий кредитные линии на военные поставки с целью обеспечения независимости Империи Катая"

Н-да. Это явно не для меня, а для каких-то дипломатов. Ну или военных.

“Морской обзорь. 06 Бейлеть. Аглицкий военный дирижабль решил предпринять такой же набег в наши пределы, какой предприняли подобные ему суда 02 Бейлеть. На этот раз агличане избрали объектом своего визита район Пустозерья в провинции Самоедия, появившись со стороны Мурманского моря.

Но благодаря тому, что они появились над этим городом днем, эта попытка для них закончилась неудачно. Наши моряки и воздухофлотцы оказались на чеку, вовремя заметив и сумев заставить его покинуть наши границы. Что именно интересуется аглицких военных в столь пустынных и далеких от цивилизации местах и почему иноземцы решились столь нагло нарушить наши пределы, осталось неизвестным. Аглицкому послу в Новом Петерборге по новому факту нарушения границ заявлен очередной протест.”

Более интересно, чего им там надо. Но тоже, фигня какая-то. В ихней политике я ни черта не понимаю.

“Агентство Вулфа сообщает, что в прошлую осьмицу австро-венгерский правительственный дирижабль “Gwendolin” над озером Анисса захватил германский пассажирский дирижабль “Wissmann”. Разрушив машины, они взяли в плен капитана, инженера и команду. По некоторым данным, ставшим известным агентству, их целью были пассажиры на борту дирижабля, входившие в состав экспедиции, организованной немецким магическим обществом “Копье Лонгина” и орденом магов “Зеленый дракон”. Что случилось с пассажирами дирижабля, не сообщается.”

Опять маги. И их еще и захватывают.

“Разборь недавних событий в Могольской империи. В последнее время не раз появлялись сведения о занятии катаяскими войсками различных пунктов Могольской империи. Эта область является малонаселенной, но богатой земле территорией, где проживает в среднем до 6 человек на квадратную версту. Не раз империя Катаев пыталась завладеть, если не всей Могольской империей, то хотя бы наиболее богатой ее восточной частью, по правую сторону от рек Кандрис и Гангес. И недавно с приходом, объединившего народы и армии, нового императора катаев Ши Цзинта им удалось это сделать...”

Чтение имперского вестника оставило у меня тягостное впечатление. Что за злодейка-судьба меня сюда забросила? Как? Зачем? Почему?

Боже, как же мне надоел этот запах. Фу-у! Бесит с первого дня пребывания. Запах “душистой” обуви и носков, валяющихся под кроватями. Обычно сам проветриваю всю комнату, чтобы освежить воздух и чувствовать себя лучше. Делаю это тогда, когда в ней никого нет. Сегодня все в сборе, но я больше так не могу. Придется опять идти открывать окно. У окна стоит кровать, на которой, балуясь своими личными часами на цепочке, лежит здоровый бугай Иван Скоробогатов, по прозвищу Скоробогат. Известный проваленной в прошлом году учебой, и невесть каким образом оставленный в приюте на второй год. Матерщинник и главный скандалист нашего класса, любимой забавой которого является игра на ругань. Правила игры просты. Кто кого больше переругает. Нужно награждать оппонента ругательными эпитетами, и чем сочнее, тем лучше, а потом окружающие сравнивают и сообщают, чьи же ругательства были сочнее. И соответственно, кто выиграл. Правда часто такие игры от обиды оппонентов превращались в драки, но это уже совсем другая история.

— Эй, шкет, не надо открывать окно.

— Извини, Иван, надо проветрить, дышать нечем.

— Свежачок, ты не понял, не надо открывать окно.

— Почему не понял? Понял, но надо комнату проветрить. Это недолго. Сам же и закрою. Свежего воздуха в комнате очень не хватает.

— А я не хочу! Мне и так хорошо.

— А надо! Ты же тут не один живешь.

— Шкет, а в глаз!

— А попробуй, штаны порвешь!

И резко крутанул ручку окна, открывая приток свежего зимнего воздуха в комнату.

Назревал конфликт. Все в комнате быстро пришли в движение. Кто-то из ребят быстро дернулся к двери и стал на стреме, выглядывая там дежурного надзирателя. Другие начали убирать с проходов выставленные там стулья. Петька с Олегом подбежали к нам, первыми стремясь загасить конфликт. Шавка Скоробогата и провокатор, щуплый долговязый паренек Игнат с прозвищем Сопля, глядя на “шефа”, быстро затараторил:

— Ну ужо получишь! Небось ты у нас получишь в рыло!

— Ба! Скоробогат! Может не надо?

Обращаясь ко мне:

— Сергей! Ты тут у нас человек новый, порядков наших не знаешь.

И к нему:

— Скоробогат, он же первые дни тут. Аркаша присматривает, Акулина Валерьяновна знает, и доктор наш. Надзиратель ходит. Не скроешь, Вань, не надо этого.

“Медведь” в лице Скоробогата медленно встал с кровати, потягиваясь и разгибаясь, и также нарочито медленно, с видом “ну я тебе сейчас так врежу” плавно подошел ко мне, словно любой противник для него, это так, мелкая сошка.

— Что, шкет, чуешь чем пахнет? — выставил перед носом свой здоровый кулачище — За мной, шкет, не заржавеет!

— Скоробогат, ну не надо.

В это момент Сопля дергает Скоробогата за руку, провоцируя конфликт дальше:

— Да врежь ему! Врежь!

Рука Ивана дернулась и почти коснулась моего носа.

Быстрый перехват руки, болевой захват, приём с учётом массы тела моего противника и на потеху удивленным зрителям Скоробогатов с тяжёлым глухим “шмяк” падает оземь.

— Ша, ребята! Надзиратель идёт! Ша!

— Что тут у нас происходит! А ну прекратить!

— Ничего не происходит, господин надзиратель. Просто Иван... неудачно поскользнулся и упал.

— Так уж, взял и упал!

— Так и было. Правда, ребята!

Все вокруг неуверенно закачали головами.

— Иван, Игнат, все так и было?

Сопля открыл рот и получил больной тычок в спину:

— Да...а-ай!

— Иван?!

— Да, надзиратель. Я просто упал.

— Господи и Владыко живота моего...

Урок Божий. Вот этого предмета я в упор не понимал. Приходивший к нам из соседней церкви, бородатый попик Евлампий, всякий раз рассказывал нам, как мы должны любить друзей. И особенно, врагов. Вел урок он несколько странно. Рассказывает нам о любви, а сам ухватится за бороду, смотрит куда-то вдаль вверх наших голов и смешно причмокивает, параллельно думая о чем-то своем. Еще нравилась ему лампа на столе, непонятным образом туда попавшая. Абажур которой он постоянно касался своим толстым пальцем. Слушать этот бред, особенно в моем случае — нет никакого желания. А ведь еще это зубрить надо и по ним экзамены сдавать. Просто какой-то ужас.

В голове засела детская шутка. Попик попик бородатый, гребет денежку лопатой. Внутренне смеюсь своей шутке и на лицо лезет улыбка. Ну смешно же. Поп заметил:

— Новенький! Конов! А не поделитесь всему классу причиной своей беспричинной радости?

Встаю из-за парты. Под тихое шу-шу-шу всего класса.

— Так что же стало причиной вашего смеха, молодой человек!

Отвечаю:

— Батюшка, простите! Смешно! Говорите, врагу нужно подставлять щеку. Обе?

— Истинно так, юноша. Господь наш терпел и нам велел!

— Даже если он церковную кассу сопрет? Вашу бороду обрежет! Супружницу... — далее я многозначительно промолчал.

Евлампий моментально потемнел лицом, взъярился и нервно дергая волоски со своей бороды, каким-то злым голосом заговорил:

— Конов! Ах, ты, стервец! Завтра отпросишься с урока и придешь ко мне в церкву! Будешь у меня с час шестопсалмие читать.

И подходя к столу, сильно стукнул по столешнице. Класс моментально притих, внимая. Поп, дождавшись тишины, обратился ко всем:

— Я сделаю из вас благочестивых людей, угодных господу, императору и всея Тартарии!

И начал гладить абажур. Как ни в чем не бывало.

Я бы этой лампой да по роже Евлампия. Ну что ж за невезуха. Пришлось назавтра идти.

— Даруй ми зрети моя прегрешения... очисти мя грешнаго... очисти мя грешнаго...

Фу-у! Неужели все закончилось! — выхожу из двери. Набожная бабулька-одуванчик с укором смотрит вслед.

— Отстоял?! — с таким вопросом у выхода церкви встретила наша честная компания, сбежавшая с перемены. После недавней стычки со Скоробогатом я стал относиться к ним, как к своим друзьям. И они, похоже, тоже приняли меня в свой круг.

— Отстоял.

— Да ты не тушуйся. Евлампий наших частенько за провинности в церкву отправляет. Подумаешь, ну почитаешь тут немного, примешь благочестие, да и отпустит он тебя.

— Но так нельзя! А если он не прав? Как вы можете принимать все на веру?

— Мы ко всему привычные. Испокон века бабка моя попу верила, мать верила, и мы верно будем верить. А у тебя разве было не так?

И вот что им на это ответить?

— Да что ж мне так везет-то. Первые дни тут и уже проверочная. Контрольная у нас,

короче. По арифметике.

Списал условия с доски.

*Вексель в 3763 целковых 50 копеек куплен с уступкой 842 целковых. За сколько времени до срока куплен этот вексель, если учет сделан по 7,2 %.

*Купец занял у своего знакомого деньги, по 5 % и через десять лет возвратил 20000 целковых. Как велик был занятый капитал?

*По сколько процентов нужно отдать капитал 8000 целковых, чтобы в 4 года получить 1600 рублей процентов денег.

*Из двух сортов чаю, по 3,4 целковых за фунт и по 2,75 целковых, составили без прибыли и убытка 7,8 фунтов смеси, по 3 целковых за фунт. Сколько взяли чаю того и другого сорта.

Смотрю в книгу — вижу фигу. Как решать, что на что перемножать — не понимаю. Анфиса рядом уже чего-то строчит, вычисляет. А я, сижу и туплю. И время идет. Точно завалю.

Тихо толкаюсь и шепчу соседке:

— Анфи-и-са-а, дай списать!

— Вот еще! — шепчет — Сам решай! Матвей Петрович дюже строгий!

— Ну будь другом!

— Как можно? Мою думку повторять! Не дам! — и закрыла лист от моего взгляда своей ладошкой.

Вот зар-раза!

Преподаватель, молодой усатый дядька, ходит по рядам, высматривает, кто среди нас списывает. Жаль, телефонов тут нет. Хорошо бы в инет выйти и в решебнике ответ скачать! Жаль вот, нет тут интернета. Зато шпоры есть. Кто ж знал, что контрольная будет. Ладно, пусть ставят пару в дневник, еще исправлю, наверстаю. В следующий раз себе шпор наделаю, опыт имеется.

Надеюсь, тут препод не такой, как наш, ТАМ. Как сейчас помню, наш математик во время контрольной тоже вот так ходил. Все искал, кто среди нас списывает. И вдруг, как заорет на весь класс, о кей, гугл! А потом, включить музыку! Ну у многих на включенных телефонах музыка-то и запиликала. Гениальный у нас преподаватель был, что и говорить.

Вспоминаю об одной маленькой шгуке:

— О, мой калькулятор! Дроби ж с процентами он ведь считает!

Достаю. Пока учитель не видит, начинаю вычислять. Вижу, как Анфиса краем глаза удивленно косится на меня. А вот фиг тебе, не покажу. Закрываю калькулятор ладонью. Вскоре в голову приходит последовательность действий. Решаю на черновике. Вроде так. Проставляю полученные решения в тетрадь и сдаю в конце урока. Ф-фух! Надеюсь, прокатит.

На следующий день.

— Конов! Соблаговолите ответить всему классу, молодой человек, как вам удалось найти ответы на задачи без записи их решения?

Бодро отвечаю:

— В уме, Матвей Петрович!

Ребята в классе засмеялись:

— В уме?! Ось молодец, Конов! Садись обратно, пишу в тетрадь двойку!

Ну почему?

Отвод по болезни закончен. И сразу гимнастический зал. Физра, как много в этом звуке, для сердца нашего слилось.

Напялив гимнастические трико, вся группа стоит в гимнастическом зале. Под высоким потолком подвешены канаты и кольца. В центре зала стоят деревянные стойки с гимнастическими брусками и стойки для прыжков, с лежащими под ними матами. На стенах упоры с турниками для подтягивания и столбы со ступеньками, имитирующими лестницы. Вдоль зала разложена серая тканая тряпичная дорожка.

О, и тут оно, наше все, любимое приспособление для прыжков с трамплином — козел. Девчачья группа в коричневых платьях с черными фартуками уже занимается гимнастикой в конце зала, у зеркальных стен с балетными станками.

Физрук, Евграф Матвейч, судя по выправке, отставной военный, окинув всех нас взглядом и погладив свою бороду, произнес:

— Ать-два. Мальцы, в шеренгу стройсь.

Окинув взглядом построившихся по росту пацанов, выцепил в строю новенького.

— Ага! Новенький?! Имя, фамилья!

— Да. Сергей. Сергей Конов.

— Смотрю, крепок, как парочка имперских вагонов. — пошутил он: — Мышца есть. Из каковских будешь? Занимался?

— Не знаю. Ничего не помню.

— Как так, не помню? Больной что-ль?

— Евграф Матвейч, болезный он, всю память напрочь отшибло. Дохтур наш так сказал. Пока полиция родных ищет, он тут у нас — со смехом протянул конопатый паренек слева.

— Зараза треплистая...ну погоди, прибью попозже — про себя думал я.

— Даже так! Нехорошо смеяться. А ну ка, ты, киселяй, гирьку взял, вон ту...да-да, ее, родимую...и давай-ка, с пяток подъемов вверх.

(паренек возмущенно) — Ну, Евграф Матвейч! Почему так сразу я!

— Давай-давай! Чтоб не закладывал, покуда не спрашивают!

Конопатый с усилием поднял гирьку два раза и третий раз...не смог.

— Теперь ты! Давай-ка, Сергей!

Подошел к гире. Двадцати четырехкилограммовая. Та самая, “золотая”, что Шура пилил.

С легкостью поднял десять раз и бросил ее на мат.

— Силен, малый! Явно занимался. — И обращаясь к моему обидчику: — Смотри, как надо! А ты, ежели делом не займешься, завсегда будешь у меня колоброд и киселяй! Всё, давай, вертайся взад!

Оглядев строй, физрук снова пробасил:

— А теперь канаты! Разбиться по пятеро! Арш!

Разделившись, юноши побежали к канатам. Первая пятерка, вторая. Евграф Матвеевич смотрел на свои часы на цепочке в руках.

— Медленно...совсем медленно...чего там зависли, чай не беременные! Так и до обеда в зале висеть будем!

Третья пятерка. Моя.

— Арш!

Подъем дался легко. Тренированные руки ухватились за канат, зацепился ногами. Перехват-вверх-перехват-вверх-перехват-вверх и уже потолок. Осматриваюсь. Мои

конкуренты еще внизу. Ф-фух! Первый. Спускаюсь.

— Однако! — слышу голос Евграфа Матвеевича: — Это где ж ты так натренировался?! Скажешь?!

— Не помню, уважаемый Евграф Матвеевич! — и лыблюсь: — Наверное, где-то, тренировался!

Прокол. Не иначе. Но правда сказать, этот косяк был на физкультуре не последним. Во время прыжков я забылся и сделал в полете большой прыжок с переворотом, после чего приземлился на мат. Мое “сальто-мортале” через козла вызвало слаженный вздох, похоже, всей девичьей части группы, наблюдавшей за прыжками парней, и одобрителный ор с улюлюканьем парней. Евграф Матвеевич только головой покачал. Пронесло. Хотя нет. Потом до самого вечера вся группа подозрительно косилась и шепталась. Прокол?! Ну да!

— Притворитесь, что вы музыканты, а не просто м-и с железками!

— Я скажу вам сейчас, какие тут ноты — вы очень удивитесь.

(шутка)

— Судари и сударыни! Пишем себе немедля в писчую тетрадь! Простое повторение двутакта при цифровании метрики, обозначается не как четверотакт, а как дважды двутакт. Согласно с этим мы называем подобное повторение удвоенным двутактом или удвоенной фразой. Все записали?

Брожение в классе учитель воспринимает как согласие.

— И сразу пишем себе задание. Прочесть тему А” Главы основных музыкальных форм”, первый параграф и составить к следующему занятию несколько двутактов всех трех родов. Записали?!

— Давайте начнем занятие. Начнем-с, барышни, пожалуй, с вас! Наиграйте-ка мне прелюдию “Партиты” Джузеппе Антонио Бресчанелло. Вы должны ранее были проходить эту тему с вашим прежним учителем.

Брожение в классе.

— Выходим, барышни, в центр. Не стесняемся, поближе к пианино.

Снова брожение в классе. Девушки разбирают музыкальный инструмент и садятся за стулья у пианино.

Наш, как оказалось, новый учитель музыки тоже сел на свой стул, залихватски закинул ногу на ногу, наиграл правой рукой музыкальное введение на пианино и произнес:

— Ну что-с! Начнем!

Девушки начали играть. Как-то неуверенно, вразнобой, без огонька, путаясь в струнах и нотах.

— Нет! Нет! Нет! Так не пойдет! Сударыни! Сначала!

Девушки начинают снова. Опять неуверенно, путаясь.

— Нет! Нет! Нет! Фальшивите, барышни! Сначала!

Девушки начинают сначала. Также, как и раньше.

— Нет! И нет! Барышни, вы не умеете играть! Совершенно! А вы, юноши? Неужели и вас тоже никто не умеет, молодые люди?! Не умеют? Умеют?! И кто же?!

Лес рук одноклассников указывают на меня.

Резко просыпаюсь и вскакиваю. Раннее утро. Ребята еще спят на своих кроватях. Ложусь обратно на подушку. Ф-фух! Б-р-р-р! Вот это бред приснился. И что бы это значило?!

Днем, на уроке пения.

— Ай, донцы-молодцы, ай, да, донцы-молодцы. Припев поём. И-и-и, Петр, начали!

— А-а-а-а-а-айда — пропел Петька басом.

Класс захохотал.

— Ба! Маркин, что это было? Я ж тебя спрашиваю? Маркин!

— Федора Ильинишна, я это... я не могу, мне ведмедь по ухам треснул!

— Садись, Маркин!

— Так, Радулов, твой выход! И-и-и-и!

(другой, более писклявый голос) — А-а-а-а-а-ай!

Снова громкий смех в классе.

— Замолчи, аж слушать противно! Радулов! А что с тобой!?

— Федора Ильинишна, у меня...ну это...голос сел! Болею вот! Второй день! Мамкин молоко с медом не помогает! С шарфом хожу!

— Врешь ты, Радулов! Какая мамка, ты где находишься, забыл?! Сядь!

— Дык повариха наша, Миколавна! Она ж меня часто подкармливает, а я ее за это мамкой называю!

Опять смех в классе. Радулов, со смущением на лице, садится на лавку.

— Та-ак, кто пойдёт следующим?! Может девушки у нас запоют?

Желающих нет. Взгляд учительницы пения останавливается на новичке.

— А может нам споет Конов? Да, Серёжа!?

Сергею пришлось встать.

— Федора Ильинична, я совершенно не помню этой песни, которую нужно спеть.

~~Ах да, бедняжка, у тебя ж амнезия, помню! Но хоть какую то ты песню помнишь?!~~

— Помню, и могу спеть, но для этого понадобится гитара.

Учительница заинтересованно даже подалась вперед, повернулась к Петьке и:

— Так, Маркин! Одна нога здесь, другая там! Марш в музыкальную, неси гитару другу! Друг же? Там скажешь, что Ильинична просит. Да поживей там!

Через пять минут Петька прибежал с гитарой-шестистрункой и лично вручил ее мне, пробасив:

— Самая хорошая. Все струны натянуты, не бойся, самолично проверял.

Перебрал струны пальцами, перепроверяя его слова. Вроде годится. И песня есть подходящая. Решил спеть всему классу дедову любимую, про крейсер Варяг. Помню вот, помоложе был. Дед как друзей-товарищей вспомнит, хряпнет по стакану. Чуток пройдет и слышу, запеваает.

Снова держу пальцы крестиком, чтобы не было. Вспоминаю оригинальный фильм и текст.

Ч-черт, надеюсь, в классе не поймут, что я тут им душу раскрываю. Всего несколько дней как прошло, а на душе уже становится тоскливо. Так даже на соревнованиях не было, когда на несколько дней с командой уезжали из дома в другой город.

Учительница, решив, что начало несколько затягивается, произносит:

— Конов, давай уже. Начинай! И-и-и-и!

— Федора Ильинична, не надо и-и-и-и!

Класс грохнул, закатываясь смехом. А Сергей, ни на кого не обращая внимания, ударил по струнам гитары и запел:

— Наверх вы, товарищи! Все по местам

— Последний парад наступает

— Врагу не сдастся наш гордый Варяг

— Пощады никто не желает!

Завершив песню, в последний раз ударил по струнам. Вижу, как Федора Ильинична, отвернувшись от класса, украдкой платочком протирает уголки глаз. Не сразу, через несколько, показавшимися очень долгими, секунд, она изменившимся голосом спросила:

— Конов, а что это за песня? И что за Варяг?

Как чуял. Явно сон не к добру!

— Ну как, были у тебя сложности с твоим аглицким?

— У меня нет, у агличан были!

(шутка)

На уроке аглицкого чопорная мисс Морсистер, наша англичанка в приюте, по словам Анфисы, давно обрусевшая, степенно ходила с указкой между рядами сидящих за столами ребят. Одного она попросила назвать английские временные предлоги, другого — предлоги места и направления, третью наскоро прочесть отрывок из учебника, а ее соседку — перевести прочтенный абзац. За неверный перевод или неправильно сказанное, она сильно была указкой по столешнице парты, пугая ребят неожиданным хлопком. Знали встававшие аглицкий плохо. А уж произношение ни к черту. В комнате было открыто окно, класс проветривался зимним морозным воздухом. ‘Англичанка’ остановилась перед моей соседкой и сказала ей:

— Анфиса, клоуз зе виндоу, ду ит.

Соседка встала:

— Дует? А мне совсем не дует, мисс Морсистер.

Бац! Хлобысь! Никто даже не понял, почему на этот раз англичанка треснула указкой по столу. Зар-раза! Аж в ушах до сих пор звенит! Ну неужели по-другому нельзя вести урок?

Училка стоит без движения, недобрый взглядом посматривая на Анфису. Она, не понимая, стоит ни жива-ни мертва. Если ей не помочь, сейчас что-то плохое будет. Шепчу соседке, мол Анфиса, сказано было тебе, закрывай окно. Та, услышав, что от нее требуется, быстро дернулась выполнять просьбу. Лицо мисс Морсистер смягчается. Она переносит свой взор с девушки на меня и произносит на английском.

— Мистер Конов! Соблаговолите прочесть третий абзац новой темы и перевести его.

— Хорошо, мисс Морсистер!

Быстро и бойко читаю и перевожу относительно несложный текст из нескольких предложений, про какого-то мистера Паркса, который сидел в парке на лавочке, ожидая жену, читал статью в газете и комментировал погоду своему соседу. Когда я закончил, смотрю на англичанку. У нее глаза стали блюдцами, словно увидела во мне что-то ужасное. Не понимаю. Вроде ошибок не было, текст ведь тут простой. Мотаю головой, осматриваю рядом сидящих соседей. Такие же удивленные лица ребят. Киваю головой соседу. Что, что мол такое? Что вы все так на меня смотрите?

Мисс Морсистер отмирает первой:

— Мистер Конов, у вас хорошо поставлено произношение. Bravo! Вы занимались с наставником? Или были за границей?

Бурчу что-то невнятное, мол не помню, не знаю и вообще. Сам удивлен, так получилось. Не верят.

И тут спалился.

Терпенье и труд всех перетрут!

В нашем приюте куча мастерских. По-моему, чересчур. У девушек — мастерская изящных работ, кройки и шитья. Поделки и результаты своих работ девушки постоянно выставляли на публичной выставке предметов мод и прочих изделий, сделанных руками воспитанниц приюта. Или же сдавали в городской модный магазин, где, говорят, их ручная работа разлеталась среди городских модниц со свистом. Потому что наши девочки под руководством мадам Ламановой шьют шикарно и недорого. То и дело среди девушек на переменах раздавался хвастливый треп:

— Агафьюшка, слыхала... моя летняя шляпка, оказывается, ушла к графине Н. Мне тогда за нее на чай дали — целых пять целковых.

— Это что... а вот мой детский расшитый костюмчик, что я, помнишь, шила ажно два месяца, по слухам, забрали в дом князя А.

Для парней — уроки труда велись в нескольких мастерских. По расписанию ежедневно мы посещали на выбор или механическую, объединенную с кузнечной, мастерскую, или столярную мастерскую, или сапожно-портняжную с каретной мастерской. Столярная и сапожно-портняжная мастерские находились прямо в приюте, в отдельных пристроенных помещениях. Каретная и механическая мастерские прижилась в соседнем с приютом здании мастерской 'Ремонт паровых омнибусов и телег Арбузова'.

Нет, я не против, раз уж я сюда попал, кто ж знает, что тут в жизни пригодится. Правильно, что государство в лице государя Императора пытается социализировать вчерашних асоциальных оборванцев и детей, оставшихся без родителей. В приюте много таких ребят. Широким выбором профессий им пытались привить навык к работе, чтобы к сроку выпуска воспитанников приюта и получению аттестата зрелости они легко смогли начать работать, влившись в общество.

А там наш школьный трудовик тоже жизни учил. На том, что было. Так что не пугаюсь. Опыт у меня есть. Стальную стружку уже смахивал с древних советских токарных по металлу, стальные заготовки резцами стачивал. Заготовки из стального листа приходилось раскатывать, превращая их в крышки и конусы. Подозреваю, что тут наш трудовик имел свой маленький гешефт — в обмен на наши хорошие оценки. Но, как говорится, не пойман. А на токарных станках по дереву точил ручки для напильников.

Строем идем в мастерскую Арбузова, ту самую, которую заметил еще в первый день моего попадания. Цеховой мастер, наш учитель, встречает у входа:

— А-а-а-а... помощнички наши пришли! Заходите-заходите!

Мастерская явно представляла собой небольшой заводик. Внутри большого цеха то тут, то там на ремонте стояли виденные мной на улицах города паровые омнибусы, сверкающие желтыми полосками на фоне зеленой окраски. Как потом мне сказали ребята, эта мастерская выполняла обслуживание и ремонт всех без исключения пассажирских омнибусов, выходявших на ежедневные городские и междугородные линии компании "Новый Петербург Роуд Омнибас". А в секретном зале, что ни для кого из местных не было секретом, ремонтировались паровые машины, обслуживавшие семью его Величества и охранную службу. Посторонние туда не допускались.

По пути в раздевалку медленно прохожу мимо очередного стоящего на ремонте туши зеленого городского омнибуса. Нравятся они мне чем-то. Горящим взором осматриваю и мягко прикасаюсь к корпусу и ко всем выступающим частям этого большого парового агрегата, попавшим в зону моей руки. Рука испачкалась грязью. Ну и ладно, потом отмою.

От созерцания красоты металла отвлек чей-то настойчивый взгляд.

— Чую, нравится тебе наши паровики, парниша?! Новенький здесь, с приюта?!

— Да! В первый раз здесь!

И смутившись, сунув руку в карман, я прошел дальше.

Облачаюсь в раздевалке в рабочую робу и сапоги. Рядом тоже самое делает Петька. Попутно прислушиваюсь — находящиеся там мужики рабочих профессий беседуют да травят анекдоты:

— А во, Николаич, слухай! Стоит вона у пирса эскадра наша. Монитор “Рюрик” и пароход “Ижора”. Муж с супружницей-агличанкой гуляют по пирсу. Народу вокруг...у-у-у-у. Барыня, иностранка значит, читает названья, ну... на своем. на аглицком. Смотрит по первости на монитор и грит. “Пюпик!” Супруг ейный, как услышал, поморщился и быстро ей в ответ, милая, плиз, не читай громко следующее названье!

— Кха-ха-кха-ха! Ижопа! Саньч, уморил! Ха-кха!

— Давай еще!

— А вот вам! Значит, учитель спрашает гимназиста, мол какие расходы называются текущими?

— Те, которые текут...

— Например?

— Водка, пиво...

— Ха-ха-ха! Пиво...ха-ха!

— Жена грит, вчерась, мол, проснулась, а тебя нет! Где ж ты был, дорогой?

— А муженек ей грит, а ты где, мол, проснулась, дорогая?

— Ха-ха-ха!

— А во, Вань...еще! Слухай!

— Офицер отправляет своо денщика в город, дает оному рупь. Сходи, грит, в город, найди себе бабу, ток глянь, шоб здорова была. Возвращается денщик наутро. Ну офицер-то егой и спрашает, мол, ну как, здоровая баба была?! А он значит ему грит, мол, так точно, вашбродие! Здоровая! От такая! Еле-еле рупь отнял!

— Ха-ха-ха! Ха-ха!

Ну ничего в мире не меняется. Ржем в сторонке вдвоем втихаря. Петька от смеха хватается за свой бок. Параллельно заканчиваю переодеваться и собираюсь идти к своим.

— Эй, чего там ржете? Подслушиваем, значит...школяры-практиканты?! Идите-идите отсель, неча тут уши греть! Андреич ждате не любит!

— Да ладно...Не больно то и хотелось. Сами можем кому хочешь рассказать.

— А ну стой...подь-ка сюды! Молодой усач, что застал меня у омнибуса, поманил нас пальцем. — Да, ты и ты!

Мы подошли к столу, за которым сидела бригада, кажется, рабочих.

— Ну, как на духу, пострелята, анекдоты знаете?!

— Ну знаем!

— А ну рассказывай давай.

— Зачем вам, Андреич ждате не любит!

— Да ладно вам, расскажете нам, какой не знаем, так и быть, замолвим за вас словечко.

А я многие знаю. Ну!

— Ну не знаю...Стоит ли?

— Давай, паря, не менжуйся, гри, не бойсь. Заступимся. Андреич наш мастер и новые

анекдоты ох как любит.

— Ну ладно. Могу про Вовочку, или про поручика Ржевского.

Не знаю, есть ли у них тут эти персонажи, но держу пальцы крестиком. Чтоб не было. Вспоминаю самые нейтральные.

— О, ну-ка ну-ка... оные не слыхивал... валяй давай!

Ушли мы только через пятнадцать минут, едва не опоздав на занятие. Зато подняли мужикам настроение. Бурный мужской гогот был слышен куда дальше раздевалки. Петька смотрел на меня круглыми глазами. Тот усач, что меня подзывал, буквально через несколько анекдотов, вытирая в углах глаз проступившие слезы, бурчал:

— От, чертяка, бисова душа! Уважил нас! Ты смотри, ну и смена растет! Ребят, вы к нам почаще заходите, не обидим. Ха... мужики, похож туточки у нас новый шут завелся, будет нам анекдоты баить.

Встрял я, короче. Мастерской, похоже, не отделаюсь.

Так и вышло. Пока ходил в рукомойню стирать свои грязные вещи, в которых я появился в этом мире, Петька тем временем разболтал услышанные в раздевалке мастерской анекдоты парням. Когда вернулся в комнату, парни враз обступили меня и начали упрашивать рассказать им хоть что-нибудь еще. Не хотелось, но пришлось. Уступил. И до самого отбоя смешил ребят нашими анекдотами, пока пришедший дежурный надзиратель не разогнал нас по своим кроватям.

— А ну всем спать! Ишь расшумелись! Отбой!

На следующий день все повторилось, но я стал умнее. Рассказав новую парочку, осадил всех желающих продолжения банкета. А как иначе? Так они скоро закончатся и рассказывать будет нечего.

Мои анекдоты Олежек принялся записывать в записную книжку. На мой вопрос, зачем это ему, он честно признался, что мечтает вскоре стать газетчиком или работать в журнале. А для этого редактору при приеме на работу нужно показывать примеры написанных им сочинений, статей или книг.

В шутку я ему предложил взять заодно и меня в соавторы, попутно собрав с меня имеющийся материал. Заодно пройтись по всем желтым книгоиздателям и редакторам, предложив купить готовый сборник анекдотов. А если никому не пригодится, то поискать газетчиков, готовых взять его вести ежедневную колонку юмора. Поржав на эту тему с ним, я и забыл обо всем этом.

Солнечный зимний день. Большая перемена. Наш класс, одевшись по зимней погоде, высыпал на большой двор позади приюта. На утопанной заснеженной площадке две команды “младшекласников” играли в лапту, увлеченно гоня мяч по воздуху. Наши девушки одной большой кучкой продефилировали к большому дубу за площадкой, что-то обсуждая друг с другом. Корзина с набором городков была свободна.

— Айда, ребят, в городки играть! Чур только бьемся за классы.

Расставив на снегу фигуры и разметив прямо по снегу ботинками линии, парни быстро разделились на две команды. Шестой против пятого. В нашей команде оказалась неразлучная тройца Федькин, Радулов и Маркин.

Правил игры я не знал. И теперь, держа в руке биты, всматривался в игру напарников по команде и конкурентов из пятого. Смотря за ними, отличал сходство игры в городки с нашей дворовой игрой в банки. Обычно по теплу ребята выходили во двор со сломанными

черенками клюшек и палками от лыж. В близлежащих помойках находились жестяные банки, одна из которых ставилась в центр самого дальнего уровня. Отмечали мелом еще несколько уровней и начинали играть. Нужно было размахнуться и метко закинуть палку точно по центру, сбив установленную в зоне банку. Сбил ее-перешел на следующий уровень. Не сбил — остаешься на прежнем уровне. Сбил ещё-двигаешься дальше. Игрок, первый добравшийся до банки, становился победителем. Баталии нашего ТОГО двора были такими, что время мы попросту не замечали. Лишь приходя домой, узнавали, что за время нашей игры прошло уже несколько часов. А мятые в хлам жестяные банки, валявшиеся на дороге, сиротливо напоминали прохожим о прошедших баталиях.

Ну тут вроде понятно. Моя очередь. Выставлены фигуры. Вспоминая подзабытые временем приемы, размахиваюсь и в первый раз нечетко бросаю. Упс, мимо. Дожидаюсь следующей очереди. Чувствую, сейчас скорее всего попаду точно. Та-ак! Главное, нацелить палку на фигуру, мысленно сообщая ей свои ожидания, наметить высоту броска и силу раскрутки пропеллера в полете.

Бросок. Ур-ра! Мышечная память в действии! Мастерство не пропьешь. Недовольные лица соседней команды явно рассчитывали на мимозу-новичка. А вот хренушки вам. Очередной рассчитанный бросок сбивает очередную фигуру. Ф-фух! Попа-а-а-л! Кидаю снова. Е-е-есть!

— Мухле-е-еж! Обма-а-ан! Гля-я, новичок, братцы, мухлюет!

Кричит малый из команды младшекласников. Кажется, Петька его Васьком звал.

— Конов...ч-чего? Мухлюет? — Я на это заявленье даже, сказать что, не сразу нашёлся.

— Васька, да ты с ума сошел нешто? — это Петька: — А в морду не хочешь?!

— Мухлюет! Как есть, новенький мухлюет! Ей, палка самолично повертает! И к колодцу, и к звезде! Ему даж целиться не нать! Я же грю, Сам видел!

— Васька, а ну замолчь!

— Не-е, с магическими не играем! Дак нечестно! Я так не играю!

— Какая магия? Ты чего? Белены объелся? — говорю, отойдя от первого шока.

— Ни-ни-ни, с одаренными чай не играем! Жулик! Братцы, правда, как есть, не играем?!

Завелся. Сжал кулак. Хотел дать Ваське в морду. Тот увидел, отпрыгнул и заорал:

— Братцы, магические бьют!

Петька тоже заметил кулак, удержал руку.

— Погодь, Серега, не ершись.

— Мальчики, мы с Ольгой все видели.

На голос мы с Петькой обернулись. В пылу ссоры не заметили, как к нам подошла Анфиса с подругой, девочкой из нашего класса.

— Мы все видели. Не было никакой магии. Просто ловкость рук. Оль, скажи, правда?!

Неожиданные защитницы Сергея переломили ход неожиданной ссоры. Ваське заткнули рот и после увели в сторону его напарники по команде. Но настроение игры было безнадежно испорчено. Играть никому более не хотелось, и ребята стали расходиться. Площадка для игры в городки быстро опустела, оставив Сергея и Анфису с Ольгой наедине.

— Анфиса, прошу, познакомь меня с своей подругой.

Та кивнула головой:

— Ольга, это, знаешь, МОЙ сосед по парте, Конов Сергей.

Та недовольно морщит носик.

— Сергей, моя подруга, Ольга Зацветаева. Мы с ней и другими девочками нашего класса, знаешь, на практической вместе в белошвейной мастерской мадам Ламановой работаем. Кружева там дамские плетем, белье да модные платья. И ремонты своим делаем. Ты, если что нать, заходи к нам, не стесняйся.

Иду с Анфисой и Ольгой по двору обратно в классы. Анфиса держится за мою руку.

— Месим-месим тесто, идут жаних с невестой, — а-а-а-а! — кричит и разбегается малышня. Это Ольга, смеясь, решив защитить подругу, игриво побежала ловить малышню. Улучив момент, спрашиваю Анфису:

— А почему ты решила меня поддержать?

Ее ответ поразил меня до глубины души:

— Ты что-ж, думаешь, я не видела в твоей игре магию? Видела! Но по твоему лицу было заметно, что о ней ты не знаешь. Или хорошо прячешь ее. Конов, кто ты?

Че? Чего я прячу?

В один из обычных зимних дней во время урока в наш класс зашла Акулина Валерьяновна и сделала объявление о проведении литературно-музыкального вечера с песнями и плясками для девушек и юношей из старших дортуаров. И предложила каждой группе подготовить в свободное время репертуар для праздника. А-ля наши школьные капустники в актовом зале. Пообещала на вечер самых настоящих музыкантов, помимо нашего аккомпаниатора с уроков пения.

Наша компания сидела в комнате и предлагала свои варианты. Активничал Илья:

— А давай спою манерное, девушки такое любят....

— Любила я, страдала я

— А он, подлец, сгубил меня...

Ребята стали останавливать его:

— Нет-нет-нет! Илья, у нас вечер романтики, а не вечер трагедии!

— Ну тогда давай спою ось это:

— Он, конечно, был мужчина

— А жена, наоборот...

Снова недовольные крики ребят

— Фу-у, Илья! Вульгарно! Не пойдет!

— Зато весело!

Устав спорить, обратили внимание на тихо потешающегося над ними в стороне Сергея:

— Сергей, что скажешь?

— Да скука с вами! Вечер же с девушками, с плясками. Такая возможность с ними потанцевать, девчат потискать. А с тем, что, парни, предлагаете, мы так и будем просто так по углам стоять. Нам нужна заводная веселая песня. Чтоб мы всех порвали, да так! Чтоб все, ах! И в пляс пошли и подпевали. Ну, например, такая — и юноша нараспев пропел строки.

— Конфетки-бараночки, словно лебеди саночки,

— Эй, вы, кони залетные, слышен крик с облучка.

— Гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные

— Грациозно сбивают рыхлый снег с каблучка.

— Во! Да-да-да! Сереж, именно это, что нужно — неожиданно сразу согласился Илья.

— Точно, ноги сами в пляс идут — восторженно сказал Олег.

— Ба! А это и я спою! — пробасил Петька.

— Ты-ы-ы! Пе-еть будешь?! Так тебе ж ведьмедь по ушам оттоптался! Сам же говорил. Скажи лучше, на кралю свою черноглазую, верно, впечатление произвести хочешь!

— А то! Чем я хуже?

Все рассмеялись.

Ребятам так понравилась услышанная песня, что они единогласно приняли ее, немедленно принявшись ее разучивать. Накануне вечера они встретились с приглашенными на вечер музыкантами, работавшими в ресторане неподалеку. Мужчины расставляли в парадной зале, принесенные с собой, музыкальные инструменты. Сергей, дождавшись, когда они будут готовы, пропел им текст подготовленной к вечеру песни. Еще ждал, пока музыканты подберут для нее подходящий мотив и настроятся на нее.

Старший из музыкантов удивленно спросил:

— Хороша вещь. Откуда она?

— Из далека. Да и какая вам разница? Ну как, сможете мотивчик на нее наиграть?

— А текст мне потом не писнешь?

— Утром деньги, вечером стулья. Вначале мотив, потом стихи. После вечера.

— Наглыш какой, ты посмотри. А по виду твоему прям и не скажешь.

Литературно-музыкальный вечер начался стандартно и скучно, как я и предполагал. Девушки в школьных платьях, все как одни с накрахмаленными и отутюженными белыми фартучками, шепчась друг с другом, стояли по углам парадной залы приюта. Парни, в не менее чистой форме, белых перчатках и щедро натертых ваксой ботинках, кучковались у стен, заинтересованно поглядывая на наряженных девушек. В стороне на принесенных и расставленных заранее стульях сидел весь преподавательский состав с приглашенными ими гостями. По слухам, в гостях был какой-то проверяющий инспектор, из самой канцелярии Императора. Особенно заинтересованной из всех них была Федора Ильинична, иногда пассами своих рук пытавшаяся вмешиваться в процесс исполнения девушками и юношами песен.

По регламенту вечера на импровизированную сцену вначале выходили девушки, которые выступали, иногда с инструментом, взятым ими на уроках музыки. После чего их сменяли юноши. Из всего того, что они пели, ничего не запомнилось, ибо слушать песни тех лет для меня скука смертная. У некоторых еще и петь выходило плохо. Иногда мне так и хотелось нажать кнопку 'стоп' и перемотать запись концерта вперед. Вечер совершенно не клеился. И если еще и танцы такие будут, то у-у-у, фигушки Анфиску лично мне потискать удастся.

Наш выход. Выстраиваемся на сцене. Радостные Петька с Олегом и Ильей перед началом исполнения хвастливо выглядывают стоящих в зале своих красавиц. Какие мы. Киваю музыкантам, мол готовы. Старшой, мотивированный новой песней, подмигивает, мол у нас все в ажуре. Федора Ильинична поглядывает на Петьку с Олегом со удивленно-скептическим лицом. Типа, а вы куда, ребята, на сцену, у вас же ни голоса, ни слуха. В общем, ничего хорошего сейчас не выйдет.

Музыка, туш!

Дальше звучит песня 'Конфетки-бараночки' ('Москва Златоглавая')

Музыканты не подкачали. Заводная музыка и не менее заводная песня 'завела' всех. На бис ребята выходили аж несколько раз подряд. Благодарные зрители начали с подпевания припева, после чего занялись не менее жаркими танцами. Танцевали даже строго державшиеся перед нами преподаватели, оказавшиеся реально по жизни веселыми людьми.

Когда от 'Конфеток' зрители подустали, музыканты сумели поддержать настрой вечера, продолжив исполнять другие, свои и не менее заводные мелодии. В танце со мной Анфиса смеялась и делала хвастливый вид перед подругами. Мол смотри, какой у меня. Рядом кружилась со своими девушками наша компания. И только на лицо сильно потрясенной музычки, Федоры Ильиничны, надо было смотреть.

Чую, получит теперь вся наша гоп-компания на уроках пения по самые помидоры.

В первое в своей приютской жизни увольнение меня отпустили только с сопровождающим. Договорившись с Олежкой, и получив отпускной билет в город, мы вдвоем после уроков отправились гулять по городу. Особого маршрута не было, мы просто слонялись по городским улицам, разглядывая чопорных девушек, витрины и прилавки в магазинах. Я же, втайне от Олега, для себя искал возможность хоть как-то заработать. Денег у меня не было, но мой "контролер" обещал поделиться копеечкой. Прошлявшись вдоволь, мы остановились у одного большого дома. Купив у стоявшей на улице бабки-коробейницы мне и себе по маковой булке со сбитнем и наскоро перекусив, Олежка обратил внимание на висящую рядом с дверью вывеску. На ней было написано "Добровольное общество помощи армии, воздухоплавательному и морскому флоту". Такие общества периодически на уроках нас просил посетить наш географ.

— О, Серег, а давай сюда зайдем?! — предложил мне Олежка, хватаясь за латунную фурнитуру большой двустворчатой массивной двери. От нечего делать мы зашли.

В большом зале были развешены плакаты патриотического содержания, приглашавшие соискателей поступить в армию, морской или воздушный флот. А яркие картины, весьма похожие на комиксы, зазывали молодых ребят и девушек становиться медсестрами, воздухоплателями и водителями паровиков. Особняком стояли магические курсы. Администратор, стоявший за конторкой в большом зале, увидев двух вошедших ребят, поманил к себе, приглашая:

— А что вы хотели молодые люди? Вас что-то интересует? Паромобили, армия, а может быть, бипланы?

— Дирижабли! — выпалили мы одновременно с Олегом и тут же рассмеялись, довольные случившимся эффектом.

Администратор общества, видя наши довольные лица, рассмеялся тоже и успокоившись, попросил наши документы:

— У вас есть с собой какой-то документ? Паспортная книжка, справка, билет.

Мы полезли за пазуху, в свои карманы и вытащили свои ученические билеты, выданные приютом. Тот прочел содержащиеся в них записи и нахмурился.

— К сожалению, молодые люди, на дирижабли нынче набираются флайт-юнгы, но вы точно нам не подойдете. Обучение практике ведется на дирижабле с проживанием, а тот постоянно в полете. Вам сложно будет совместить проживание с учебой в приюте и полеты на дирижабле. Сожалею. Не положено.

Олег приуныл. Администратор, видя наше изменившееся настроение, продолжал:

— Могу предложить, молодые люди, приобрести нынче популярную профессию парториста. — Попросту говоря, водителя парового трактора: — А там и до паромобили недалеко. Это отсюда недалеко, в Семеновской пуще. Обучение по выходным, за счет общества. Ну что, я пишу вас ребята, согласны?

К сожалению, предложенный администратором иной вариант нам не понравился и

теперь мы уж сами от него отказались. В откате, помотав головой и с тяжелым сердцем, забрав свои ученические билеты, мы с Олегом вышли из дверей добровольного общества. На выходе Олег только горько вздохнул:

— Батька у меня на пароходе плавает. Снится мне ночами, как я к нему на дирижабле... Эх ма!

— Ну, с чего начнём-с, молодые люди!

С этих дежурных слов начинался новый урок тартарской литературы. Григорий Петрович, сухонький, немного подслеповатый, но всегда добродушный и не помнящий обид, старичок медленно прохаживался в проходах мимо парт. Сообщив нам название новой темы и с десятков страниц с учебника, которые мы должны были непременно прочесть и заучить к следующему уроку, он садился за стол и принимался сидя разъяснять нам новую тему. Медленнее, медленнее, еще медленнее, почти останавливаясь.

И засыпал. Прямо на уроке. Иногда всхрапывая. Правда сказать, иногда он все же просыпался и сходу начинал рассказывать дальше. Прямо с момента, как заснул. Как у него это получалось? Не знаю. Прямо загадка. Ну а мы что? Не будучи дураками, шторы на окнах сразу закрывали и сидели себе в классе. Бурчим себе тихо, не отвечивая, занимаясь своими делами и разговорами. И также тихо, пытаюсь нашего литератора не разбудить, выходили из класса по звонку, оставляя того в тишине. Когда позже наш учитель просыпался один в темной комнате, он, как ни в чем не бывало, выходил из класса, смешно щурясь сонными глазами.

Иногда были приколы. Любили парни в классе над Григорием Петровичем подшутить. Измазанные сзади мелом штаны, считай, просто классика. А то Петька разок рожки из бумаги сделал и пока наш преподаватель дрых на стуле, положил их на его голову. Его смешной вид вызвал сдавленный смех всего класса. Не всегда шутки ребят оканчивались хорошо. В другой раз учитель налил себе стакан воды, отпил немного и оставил стакан на столе. Ну и заснул как обычно. Венька Малеев, шутки ради, из тонкой серой нитки накиннул лассо на стакан. И хитрой системой перевязал стул и ногу преподавателя. Правда до звонка мы из класса слинять не успели. Наш старичок проснулся уж сильно раньше и не менее резко встал. Привязанный к его ноге стакан упал на пол и разбился. В содеянном естественно никто не признался, поэтому пришлось недовольному сим фактом учителю назначить виновника. Заставив того заниматься уборкой, вытирая пролившуюся на пол воду. А после всему классу отвечать на задаваемые по прошлой теме вопросы. Двоек и колов в тот день было поставлено много. И Веньке заодно от нас досталось... после отбоя.

— Конов, скорей беги в парадную, там тебя какой-то важный гость дожидается?

Крикнув мне, староста убежал дальше.

— Бардин, что ли, пришел? — первой была эта мысль.

И вправду, в парадной меня ожидал коллежский асессор. При виде меня он поднялся с красивого стула, большой комплект которых стоял в парадной для ожидания важных гостей.

— Ну, здравствуй, Серёжа! Как ты тут? Освоился?

— Да ничего, господин Бардин, спасибо. Все нормально.

— Мне было бы приятней, ежели ты звал бы меня Петром Алексеевичем.

— Все нормально, Пётр Алексеевич.

— Вот так-то лучше. Сергей, ты ничего не вспомнил о своих? Нет? Жаль, полиция пс

твоему описанию пока не нашла твоих родных. Но ничего, ищут пока, не переживай... найдутся.

Разговор не складывался. У нас обоих не было общих тем для поддержания разговора, поэтому Бардин, быстренько выяснив все интересовавшие его вопросы, начал потихоньку собираться.

— Сергей, я не смогу вскоре чаще приходить к тебе...в ближайшее время его превосходительство направляет меня в разные места, поэтому сам понимаешь...Если тебе что-нибудь когда-нибудь понадобится, по этому адресу сможешь застать меня или помощь окажут — с этими словами Пётр Алексеевич передал мне свою визитку.

— И вот, держи, это тебе на всякие расходы — и вручил мне небольшую стопочку денег новенькими сине-розовыми ассигнациями, перевязанные желтоватой бумажной ленточкой. Пятьдесят целковых рублевыми купюрами с большой надписью на каждой “Государственный кредитный билет Гран-Тартарии. Кредитный билет разменивается на золотую монету без ограничения суммы.”

— Зачем это?

— Держи, держи, не отказывайся от них, вдруг пригодятся...на лечение там или еще куда!

Естественно, отказываться от денег я не стал, и вскоре Бардин ушёл, оставив меня наедине с еще одной проблемой. Куда спрятать полученные от него деньги. Первые мои деньги в новом мире.

Стипендию я еще не получал, до неё еще оставалась какая-то пара недель, поэтому проблема хранения наличных денег в приюте встала в полный рост. Как там наши ребята решают эту проблему? В свой шкаф с одеждой их не спрячешь, замков и сейфа там нет. Сторожа тоже. Бумажника нет. Хранить под подушкой? В матрасе? Так убирают у нас. Носить постоянно с собой — не вариант. Спрятать в носках? Защить в пальто? И как это сделать незаметно? На виду у всех? Нее, не вариант совершенно. А может, в банк положить? О, а это идея. Только придется на завтра увольнительную оформлять.

Получив разрешение классного надзирателя на увольнение и отпускной билет в город после занятий на несколько часов, я спрятал полученные от ассессора деньги на дно своих сапог. Ф-фух! Вроде не заметно! И таким вот образом ходил до самого увольнения.

— Милай, так тебе банк нужен?! Идёшь прямо с три квартала, затем на улицу налево и прямо еще квартал. Там поспрашаешь кого али сам увидишь.

Уточнив у проходящей мимо женщины, где находится ближайший банк, двинулся в показанном направлении.

Увидев дом с вывеской “Гран-Тартарский торговой промышленный коммерческий банк в Н.П.Б.”, решительно зашагал к его входу. Стоявший на входе угрюмый швейцар смерил меня придирчивым взглядом и спросил:

— Приютский, а ты куды? Не видишь?! Здеся банк, для важных господ. С деньгами.

— Так мне, собственно, банк и нужен.

— Паря, кхм...тебе сколько лет? Откуда у тебя могут быть деньги? Брысь отсель, неча тут шастать.

— Пусти!

— Не пуцу!

На нашу громкую перебранку выскочил помощник управляющего.

— Что тут происходит?!

~~Да вот, хочу счёт в вашем банке открыть, а этот...~~ смерив его взглядом: — Не пускает. Маловат, говорит. Вы же так всех клиентов распугаете.

— Так! — быстро оценив ситуацию, помощник впустил меня внутрь банка, одарив стоявшего на улице швейцара убийственным взглядом.

— Пройдемте-ка в зал.

Встав самолично за конторскую стойку, помощник спросил:

— Примите извинения за действия нашего сотрудника. Так что вы хотели?

— Я хотел бы открыть счёт в вашем банке на свое имя и положить деньги.

— Хорошо. Только у нас счета открываются при наличии документов или в присутствии родственников, опекуна или поручителя из клиентов нашего банка.

— У меня при себе ученический билет. Подойдет?!

— Покажите.

Помощник прочитал врученный ему билет и ушёл за дверь, посоветоваться с начальником. Через несколько минут он вернулся.

— А какую сумму вы хотите положить на счет?

— Сорок восемь рублей!

Пару рублей я все же решил оставить при себе. На всякие мелкие расходы.

— Один момент. Сейчас все сделаем.

Через полчаса я вышел из банка, лишившись имевшихся наличных денег и став обладателем депозитного счета на свое имя, с возможностью его закрытия в любой момент. За их использование от банка на счет должен капать небольшой процент. Еще дали ключик с символикой банка и номерком. Как клиенту. Лиха беда начало. Швейцар молча смотрел на меня исподлобья, опустив голову. Да и хрен с тобой, золотая рыбка, обойдусь без твоих извинений. И принялся гулять по городу дальше, благо до конца увольнительной еще несколько часов. Была у меня еще одна причина для прогулки, кроме более тесного знакомства с городом.

Осознав, что найти способ вернуться обратно в обозримое время, ничего не зная, вряд ли получится, я подумал, о том, как хорошо бы конвертировать имеющиеся знания о моем мире в звонкую монету здесь. Очередная прогулка по городу была одним из способов разведки идей, которые можно было бы воплотить в этом мире.

Первой вывеской из многих, попавшихся мне на глаза, была вывеска “Магические услуги для дам и сударей”, хорошо врезавшаяся мне в память в ходе незапланированного визита в полицию. Захожу. Ничего такого необычного, похоже на какую-то контору. Никакого необычного антуража.

— Что вам угодно, сударь?

— Добрый день. А вы маг?

— Ну раз вы вошли в мою контору, то да, следовательно, вы видите перед собой мага. Что вам угодно?

— Видите ли, господин...э-э-э

— Рамсфогель...господин Рамсфогель.

— Видите ли, господин Рамсфогель, мне сказали, что у меня есть магические способности. И в полиции рекомендовали вас. Я же...

— Хотел проверить их наличие и научиться пользоваться. Верно, молодой человек?!

— Именно так.

— Ну что же, постоит смирно. Мне надо взглянуть на вас.

Старичок снял пенсне, как-то прищурился, смерил меня взглядом и следом надел пенсне обратно.

— Ну что же. Вас не обманули, способности к магии у вас действительно есть, возможно сильные и пока не никак разбужены, но...

— Что, но?

— Я не могу взять вас в работу до тех пор, пока вы не представите бумагу, подтверждающую вашу принадлежность к дворянскому сословию или родовые привилегии. Или письменное дозволение военного министерства. Ну и хотелось бы услышать звон денег.

— И много денег надо?

— Пятьсот целковых. И ни грошем больше. Незаконными делишками старик Рамсфогель не занимается.

Я аж присвистнул. Такой суммы у меня не было.

— Я правильно понимаю, что ничего из этого у вас нет?

— Да, вы правы! Я не рассчитывал на такую сумму. Мне кажется, вы определили это сразу, едва только я вошел к вам. Удивлен, что вы меня сразу не отравили посвояси.

— Кхе-кхе-кхе, завидная пронциательность, молодой человек. И фу-у-у...Ничего. Вы молоды. Будь вы в иной одежде, обмануть бы вам меня все равно не удалось, равно как меня не обманет ваша гимназическая форма. А так. Все у вас впереди. И я верю, рано или поздно все это у вас будет. И тогда магическая контора Рамсфогеля — к вашим услугам.

— Господин Рамсфогель! — решил я спросить его снова.

— Да-да, молодой человек.

— А вы не можете примерно сказать, к какой именно области магии у меня предрасположенность?

— Отчего ж не сказать? Скажу. У вас способности к магической левитации. Но на этом все. Меня ждут иные дела. До свидания, молодой человек.

— Доброго вам здоровья, господин Рамсфогель и спасибо за консультацию.

— Кхм! Какая нынче молодежь пошла.

Вышел я оттуда совершенно ошарашенным. И как мне в себе эти способности будить? Я ж не дворянин. Привилегий нет и в ближайшее время не предвидится. Денег пока таких нет, но похоже это самое легкое, заработаю когда-нибудь. В армию идти? На потенциальную войну? Ф-фу, что-то нет у меня желания. И надо ли будить лихо? И хочется мне, и боязно. Вдруг еще в какого-то монстра превращусь.

Второй вывеской, заинтересовавшей меня, стала вывеска 'Лавки фабрики мельхиоровых на серебристо-белом металле изделий "Юсифь Фругте". Филиаль в С.П.б. За стеклом светились прилавки и шкафы, полные столовых приборов и посуды. Вазы, бронзовые статуэтки и явно подарочные вещи, стоявшие в зале в многочисленных стеклянных шкафах, завершали ассортимент дорогого магазина. Засунув руку в карман, проверил в нем наличие батиного подарка, складного многофункционального ножика, купленного им по случаю в дьюти-фри в аэропорту Женевы. Продавать за так не хотелось. Теперь в деньгах я уже так сильно не нуждался. Просто хотелось пристроить его с пользой для себя, на условиях, ну как с Емельян Емельянычем. Тут вроде специалисты сидят, должны вещь оценить. Подбросил ножик в воздух и поймал. Была-не была. Не попробуешь-не узнаешь. И решившись, открыл дверь магазина.

В магазине было обманчиво тихо. По крайней мере, покрутив головой, ни за прилавком и за шкафами, как мне показалось, никого не было.

— Милостыню не подаем и ничего не купляем — от неожиданности и этого противного голоса я даже вздрогнул. Покрутив головой активнее, нашелся его источник — вышедший в зал из смежной комнаты высокий и худой человек в черной льняной косоворотке, отделанной декоративными коричневыми оборками и такого же цвета пояском.

Я подошел к прилавку и все же достал ножик. Раскрыв его лезвия и встроенные инструменты, положил его в таком виде на торговый прилавок.

— Сказано ж, молодой человек, не купляем!

— Сударь, вы посмотрите, может все-же вас это заинтересует?

Он недовольно смерил посетителя взглядом, надел монокль и наклонился. Внимательно посмотрел на нож, после чего недоверчиво потрогал раскрытое лезвие своим пальцем. И выпрямившись, удивленно бросил:

— Надо же. Интересует! А ну-ка, молодой человек, идите за мной.

Забрав с прилавка нож, пошел на нем следом в темень узкого коридора. Дойдя до небольшой комнатки, явно служившей конторской магазина, мужчина пропустил гостя вовнутрь и зашел следом. Послышался звук поворачиваемого ключа. Я напрягся.

— Чтобы нас никто не беспокоил — сказал мужчина и сунув ключ в карман, подошел к конторскому столу, на котором стояла табличка с надписью Йозеф Любомирский, управляющий. И сел за стол.

— Покажите!

Снова пришлось достать ножик. Положил его на стол. Йозеф, думаю, что это был он, взял его в руки.

— Надо ж, какой он? Откуда это? Твой?

— Кто он?

— Нож. Отколь он у тебя?

— Это мой нож. Откуда — не скажу. Сделано одним мастером по моему заказу. Хочу продать. Как идею. Мне показалось это хорошей идеей. По крайней мере таких ножей у вас нет. Нравится?

— Нравится! Но ты все же мне скажешь, откуда взялся этот нож. По-хорошему. — пряча мой нож в своем кармане

Я напрягся, одновременно обдумывая, стоит ли теперь об этом говорить. Управляющий истолковал молчание парня как отказ и произнес:

— Жаль!

И мужчина схватился за ручку верхнего выдвижного ящичка, став вытаскивать предмет, весьма похожий на дуствольный пистолет, оружие. Вытащив его, он положил его на стол.

— А теперь я хочу послушать, как у тебя оказался нож из брарлевской стали.

— Какой? Какой стали?

— Говори! — взревел мужчина, — Откуда у тебя взялся нож из новейшей стали? Чье клеймо стоит на металле? Говори давай!

— Верните нож, я не буду ничего продавать!

— Щенок! Говори немедленно! А то вызову полицию! Обвиню тебя в краже! наших секретов.

— Верните мне нож!

В ответ на это мужчина потянулся к оружию. В этот момент Сергей решил действовать. Перемахнув через стол, ногой ударил по руке, уже схватившей за рукоять оружие. Йозеф охнул, бросая его. Завершающим ударом по шее ладонью ребром, юноша вырубил

противника.

— Сука! Сволочь! Мразь! Вот встрял! Ножик мне продать захотелось!

Подобрав брошенное управляющим оружие с пола, сунул руку в карман управляющего. Пошарив рукой, нашел там ключ от двери и свой нож. Следом открыл дверь. Послушал коридор. Вроде никого. Тихонько прикрыв дверь, вышел из коридора в торговый зал. В зале за прилавком смеялись две смазливые девицы, которых лапал какой-то рябой крепкий мужик в форме. Наверное, охранник.

— Господин Любомирский у себя! Очень просил не беспокоить.

И вышел за дверь. Сделав несколько шагов спокойным шагом и дождавшись, пока он исчезнет из зоны видимости продавщиц, я побежал в сторону приюта. Дворами, меняя улицы и направления. Забежав за угол очередного дома, выходящего в тупик, пришлось остановиться. Ф-фух, ушел вроде. Что ж мне так везет-то, как утопленнику!

Достал из-за пазухи оружие Йозефа — нечто, похожее на двуствольный пистолет. На казенной части ствола виднелась мелкая гравированная надпись “Парострел Кудинова М/О-1. Каз. зав.?1”.

— Ч-черт, такое в приют не потащишь. Надо где-то прятать.

Засунув парострел в нишу между смежными домами, я прикрыл его плоскими камнями, которые удалось отбить сапогом от едва промерзшей земли и двинулся прочь. Завтра надо бы сюда вернуться, перепрятать получше.

Отряхнувшись от снега и грязи, заодно поправив себя, я выдохнул и спокойным шагом пошел в приют. Но спокойно дойти мне не удалось.

В проулке послышались крики, шум борьбы и звонкое девчоночье по- японски — “Тасукэтэ! Дамэ! Маттэ! На помощь! Помогите! Постойте! Не делайте этого!”

Меня пронзила оторопь, едва услышав знакомые японские слова.

— Будешь знать, как нас не уважать! Че на своем лопочешь! Приехала, а языка не знаешь! Теперь нашенский учить будешь! Аааа, все-таки знаешь!

— Давай уж, лови эту задаваку. Слон, заходи справа. Шкантик, а ты давай слева. Щас мы тебе ужо глаза косые выпрямим! Пуль, держи сзади!

— Слон, хватай за волосья! Всыплем ей горячих!

— И-и-и-я-ях!!

— А-а-а-а-а! Она мне нос разбила!

— И-я-я-х!

— Мои новые штаны!!! Только неделю назад купили-ии! Батя за них меня убьет!

— Ах ты драться! Пацаны, всё, налетай! Бей малявку! Так! Бей ее!

— Ии-я-ях! И-я-ях!

— Она больно бьется, Шкантик!

— Не бойсь, бей! Походу Слон девку испугался! Снежком ей в глаза пуляй! Давай в свалку!

Решив больше не медлить, с криком: — “Абунай! Берегись!” с ходу влетел в эту драку, начав раскидывать разошедшихся местных пареньков по сторонам. Руки чесались еще с Йозефа. Часть их тут же переключилась на меня:

— А ты кто такой? Защитник что-ли ейный!

— И тебе всыпем!

— Вали отсюда, пока цел!

Вышло не так. Заломав до стона и извалтузив в снегу и мерзлой земле парочку

противников, остальные с опаской начали удаляться от места драки:

— Вот уж в следующий раз победа за нами будет!

— Да мы тя...только подойди к нам!

— Скажи, где тя искать, еще раз подеремся!

— Да он приютский! Их форма, смотри...

— Ф-фух! Вали-вали отсюда...приходи к нам в приют...и там по шее получишь!

Закончив с драчунами, я посмотрел на девушку. Самая натуральная японка, невысокого росточка с двумя небольшими косичками волос, украшенными яркими ленточками, после драки сделавшиеся похожими на ушки небольшого котенка. Откуда она тут? И что тут делает? Порванные ярко красные женские штаны-хакама, темно-серое плюшевое полупальто с вышивкой и налипшим снегом в убойном сочетании с приятным миловидным лицом. Красавица-красавица, а она мне нравится!

— Эй, нэко-тян! Пошли! Я провожу тебя до дома! Твои обидчики уже убежали.

— Спасибо! Оо...ты знаешь нихон? Ивасаки Аюми — она наклонилась в легком поклоне одзиги.

— Сергей Конов — наклоняясь в ответ: — Аюми-чан, приятно с тобой познакомится!

— Можно с тобой на ты? — И получив согласие собеседницы легким кивком, продолжил разговор:

— Молодец, хорошо держалась! Не испугалась их? Чего они к тебе пристали? И Аюми-чан, позволь тебе помочь, я почищу пальто от снега!

— Да так! Они мне никогда не нравились. Невоспитанные и приставучие какие-то. Не первый раз с ними сталкиваюсь. Чтобы с ними не разговаривать, я обычно говорила по-японски, что не понимаю, чтобы они отстали. Но сегодня...

— Не получилось отвязаться...я понял. Давай — и в очередной раз стряхивая с ее пальто грязь: — я провожу тебя, далеко живешь?

— Да нет, тут рядом. Сергей-сан, а ты и вправду приютский? Как ты тут оказался?

— Не совсем, но да... просто сегодня до вечера отпросился в город погулять и случайно услышал твой крик о помощи.

— Спасибо, что помог. Они от меня так быстро не отстали бы. Я бы конечно отбилась, но одежда на мне была бы...

— Да ладно, просто забудь. А ты хорошо говоришь по-нашему. Учишься?

Так за дружеским разговором мы дошли до небольшого аккуратного домика из двух этажей с небольшим палисадником, вокруг которого были постриженные в традиционном японском стиле кусты, едва укрытые снегом. Перед домом девушка попросила меня зайти в дом.

— Я хочу познакомить тебя с дедом!

Аюми открыла ключом входную дверь и крикнула в длинный коридор:

— Деда, а я уже пришла! И у нас сегодня дома интересный гость! Я тебя сегодня обрадую, деда, он тоже говорит на нихон!

Аюми

День у нее сегодня явно не задался. Вначале в Оболенской женской гимназии, где временно училась Аюми, ей сделали запись в кондуитном журнале, объявив выговор за плохое знание истории Гранд-Тартарии и закона божия. Как же она будет хорошо знать историю, если она тут только второй год живет, а строгая Вера Васильевна, ее преподаватель истории, никаких скидок в ее классе никогда и никому не предоставляла. А

закон божий...так вообще. Зачем ей, верящей в богиню Солнца, Амагэрасу Омиками, этот закон? Все ее попытки убедить батюшку отпустить ее с уроков, сообщив о другой вере, натыкались на слова батюшки, что бог один и правая вера одна. После гимназии она гуляла по городу, с мороза забежала в кондитерскую за вкусными тарталетками и теперь возвращалась домой. Решив побыстрее дойти до своего дома, срезав путь дворами, но и тут Аюми снова не повезло. Эти гадские ребята с окрестных дворов! Пока меня не видят, быстрс от них бегу! О-нет, заметили!

Увидев ее, эти парнишки быстро приняли решение и тоже рванули за ней. Они куда лучше знали эти дворы, лазы и дыры и уже через пару домов преследователи преградили ей путь. Дорогу назад преградили другие.

Ёсь! Решив снова попробовать старую тактику борьбы “моя твоя не понимай” с опять приставшими к ней подростками и также не сильно на нее надеясь, Аюми аккуратно положила гимназическую сумку и встала к ней спиной. Она незаметно поставила ногу в боевую стойку, готовясь применить имеющиеся у нее знания искусства самообороны, которым всегда обучал ее отец и дед. Не то чтобы она боялась этих подростков, в своих силах Аюми была уверена. Нет, ее стесняла одетая на ней новая одежда и грызло сожаление, что после этой драки пошитую и привезенную недавно дедом из Нихон красивую одежду придется точно выбросить. А потом еще вдобавок и от деда получит! Нет бы пойти в другом! Так похвастаться хотела. Ну что за невезение!

И правда, на первые фразы Аюми на нихон: — “Тасукэтэ! Дамэ! Маттэ!” агрессивно настроенные подростки не повелись, после чего она перешла к новой тактике. Призывая кого-нибудь к себе на помощь, она хотела сбить ребят с толку и, анализируя противника, готовилась к обороне. В голову пришла запоздалая мысль, что помощь она звала на нихон и надо бы сделать это по тартарски.

— На помощь! Помогите! Пойдите! Не делайте этого!

А после того, как толстяк по кличке Слон резко схватил ее за руку, она сделала защитный блок и ответный удар. После этого драка сразу вышла на новый уровень, а количество обидчиков резко возросло.

За этот короткий промежуток времени, именуемый в народе дракой, Аюми порвали штаны-хакама, заляпали грязным снегом полупальто. Парочка приставучих кавалеров стонала на земле. Остальные только плотнее смыкали круг, готовясь к ближнему бою без правил — к свалке. К такому бою ее дед еще не готовил. И она уже не ждала ни от кого помощи, как в драку с криком “Абунай!” влетел новый персонаж.

— Нихонец! Слава Амагэрасу! — не видя лица, была первой ее мысль.

Паренек в форме, отбросив из круга парочку драчунов, выключил из боя еще пару самых активных подростков, быстро вlepив им по болевым точкам. Драка тут же подошла к концу. Самые горластые еще храбрились, грозясь его побить в следующий раз, а самые трусливые уже делали ноги.

Он еще стоял спиной, когда один из обидчиков крикнул:

— Да он приютский! Их форма, смотри...

У Аюми быстро мелькнула мысль: — Как приютский!? Нихонец же — и увидев его лицо, сразу отбросила ее.

Он повернулся к ней и со словами: — Эй, нэко-тян! Пошли! Я провожу тебя до дома! Твои обидчики уже убежали. — подошел он к ней.

Не нихонец. Но сравнение с котенком ей сразу понравилось.

— Спасибо! Оо...ты знаешь нихон? Ивасаки Аюми — девушка наклонилась в легком поклоне.

— Сергей Конов — ей поклонились в ответ: — Приятно познакомится! Давай на ты?

Тартарец. Ничего так. Рослый, крепкий. Нихон откуда-то знает, драться умеет, явно учился искусству самообороны, но продемонстрированных ей в драке приемов Аюми не знала. Не богат, живет, учится и работает там же, в приюте, родителей нет. Вернее, не помнит их из-за амнезии, потерял прошлую память, попав под паровик. Ей стало жаль Сергея и захотелось как-то помочь.

— Дзидзи (прим. дедушка), а я уже пришла! И у нас сегодня дома интересный гость! Я тебя сегодня обрадую, дзидзи, он тоже говорит на нихон!

— Хацумаго! (прим. старшая внучка) Аюми, ты сегодня задержалась более, чем обычно. Что-то случилось?! Опять эти соседские мальчишки приставали? — строго сказал вошедший в коридор, суховатый старичок восточного вида. Первым делом он оглядел пришедшую в дом внучку, после чего его внимательный и цепкий взгляд перенесся на гостя, отчего брови деда поднялись в удивлении.

— О-о, это тройне интересно. Маго, где ты нашла этого икокудзина (прим. человек из другой страны), знающего в этих краях нихон.

— Дзидзи, ты прав. Сегодня ко мне опять пристали эти уличные гурентай-фуре (подростки-хулиганы). И, дзидзи, Сергей помог мне отбиться от них, после чего любезно проводил меня до дома.

— Маго, кхм, познакомь меня со своим гостем. Как невежливо разговаривать, не зная друг друга. Учеба в тартарской гимназии очень плохо влияет на тебя, Аюми. Ты совсем забываешь наши правила.

— Ох, дзидзи-и, прости! Этого молодого человека зовут Сергей Конов. И он из приюта.

— Кхм, Аюми! Это было...

— Ой, дзидзи-и, опять забыла. Еще раз, простите меня. — и Аюми пару раз церемонно склонилась нам в поклоне, смотря на меня озорными глазами: — Моего дзидзи зовут Кандзи-софу.

— Да ладно вам, Кандзи-о дзии сан и Аюми-тян! — вступаю я в разговор: — Чего мне этого стесняться. Я действительно сейчас живу в приюте, совсем неподалеку от вас. И мне совсем не сложно было помочь Аюми.

Дед Аюми кивнул головой и указал куда-то вдаль коридора.

— Не откажите нам в любезности, Сергей, прошу выпить с нами по чашечке чая за ваши дзинреку (старания). И мне было бы интересно узнать о госте Аюми больше.

Сажу на циновках за столиком и пью чай, запивая сладкий карамельный десерт вагаси, любезно переданный пришедшими восточными служанками мне на маленькой красивой тарелочке. Испорченные тарталетки из кондитерской пришлось выкинуть еще там, после драки. Не помню только, как правильно, на тарелке лежит кинкато или амэ? Уже забыл. Но спрашивать не буду, не дам повода этому дедуле пристать ко мне еще раз. Вот же старый пень! Прямо как тот полицейский в околоте. Водит-водит разговор вокруг да около, пытаюсь поймать меня на каких-то несостыковках. Вроде бы разговор ни о чем, но в каждом его вопросе сквозит двойной смысл. Подозревает меня в чем, что ли?

Сам не заметил, как рассказал ему все свои события с момента прибытия сюда, едва не выболтав про свое попаданство. Силен дед Аюми спрашивать, в этом ему не откажешь. Особенно, исподволь, пытал меня про знание нихон. Где жил, где был, кто учил. А что я ему

скажу? Только про то, что память отбило, родителей ищут, хоть и безрезультатно, но помню язык вот, как-то.

А сами при себя мало что сказали. Единственное, мне сказали, что дед — какая-то не очень важная шишка при нихонском посольстве. Тут влезла Аюми, не подумав брякнула, что они тут живут ровно столько, пока в канцелярии Императора не решится их судьба, собственно посольства пока еще нет, одна видимость, только представительство. И посла, как такового, тоже нет, и что за что получила злой цык и зыркающий взгляд Кандзи-о дзии сана, недовольного тем, как хацумаго Аюми выдала едва знакомому икокудзину положение дел.

Дед-простой чиновник, ага. Бумажки он там перекладывает, ага. И служанок дома держит, ага. И где родители Аюми? Ну не хотят говорить- и не надо. Подумаешь, надо мне это! Захотят, сами скажут. Напрашиваться не буду.

Допив чай, отставляю чашку и извиняясь, прощаюсь. Ф-фух! Пора и честь знать. В коридоре, Аюми шепчет:

— Сергей, не злись на дзидзи. Прошу, заходи к нам на чай. В это время я обычно дома.

Чуть раньше в лавке:

— Где он? Федор, где этот щенок? — медленно, кряхтя и постанывая, в торговый зал вошел управляющий с царапиной на щеке, потирая больную шею.

К нему подбежал рябой охранник из зала. На голос вышел второй из смежной комнаты. Он, жуя пирожок, сглотнул и подавился.

— Кто? Кто вас, Йозеф Юлианыч?!

— Да кто ж вас так, Йозеф Юлианыч! Ох! — увидев состояние начальника, заохали продавщицы.

— Он! Парниша, который вышел отсюда, из этого коридора? Ты выпустил его?!

— Дык он сказал, что...

Управляющий повернул голову, будто осматривая зал на предмет изменений, и резко нанес удар по лицу охранника, вкладывая последние силы:

— Отпустили-и-и! Раззяв-вы-ы!! Kretyni! Ślepy!

Спустив пар на охраннике, Йозеф Юлианыч вздохнул:

— Ох, за что ж я вам столько денег плачу! Охраннички! Запорю! Выгоню к чертям собачьим!

— Йозеф Юлианыч...барин... я... да мы...

— Давно ушел?

— Дык с полчаса как.

— Kanalia! Ч-ч-черти его б драли! Как выглядит, Федор, помнишь?

— Дык как обычный школяр какой-то. Ужель не с гимназии?

Снова удар по лицу охранника:

— За что, Йозеф Юлианович! — потирая скулу, обиженно произносит он.

— За то! Начальника тута убивают, а они только пироги жрать и с бабами тискаться могут! Хозяин мой бы уж так отходил, так отходил! Где искать его будем! Ур-роды-ы-ы! Пшел вон! И ты тож! Все пшли!

Охранники, видя гнев управляющего, уходят.

— Нет! Федька, стой!

Рябой повернулся.

— Зайдешь попозже. Письмо передам. Снесешь мне по адресу.

Договорились на уроке с Анфисой, что я подойду. Нужно заштопать куртку и прожженные углем мои джинсовые штаны. Решил погладить, называется. Это все угольный утюг — будь он неладен. За что его любить-то? Тяжеленный, да и сам процесс не фонтан — горячего уголька с печи щипцами внутрь накидай, раздуй, поразмахивай им при глажке и вдобавок присматривай за ним. Вон дырку в штанах искрами проделал, балда.

А все Анфиска виновата. Пока гладил в уютской прачечной у окна штаны, увидел на улице свою соседку. Та шла, похоже, о чем-то мечтая. Смотрю на ее счастливое лицо, в мыслях хочется все бросить и свалить к ней. И забылся, что размахиваю утюгом. Для вентиляции и розжига углей. Ну-у, угольки-то и выпали. На штаны. Пока глазами на Анфису глядел — хватя, а на штанах дырка радостно чернеет. Еппонский городской! И ничего не поделаешь, тефаля тут не предусмотрено. Вот несу теперь. Может девочки зашьют? Жаль выкидывать.

Женский флигель. Иду к девочкам со свернутой курткой и штанами. Тетка-надзирательница на входе недовольно смотрит в глаза. Как наседка в курятнике над любимыми птенчиками супротив злого лиса. Узнав, что я в мастерскую мадам Ламановой к Анфисе и причину визита, отгаивает и улыбается. Чувствую, что щеки краснеют.

— Ч-черт! Ффух, стыдоба! Надо срочно купить себе иголку и нитки. Или попросить у кого-то. Еще раз так позориться не хочу. Уж лучше самому. Пусть криво и косо, но сам! Хорошо, маманя не видит моего позора, а то опять бы высказала. Как тогда.

— Сережа, сынок, приберись у себя.

— Ща, мам!

— Я уже который раз от тебя слышу.

— Ну ща.

— И носок свой заодно заштопай! Как ты с дыркой ходишь? Не стыдно?

— Стыдно, когда видно, мам! — смеюсь в ответ.

— Значит будешь штопать!

— Я-а-а? Мам, я не умею!

— Ничего, это просто, сынок, я тебя научу. Каждый мужчина должен уметь штопать свои вещи.

И пришлось учиться. Под маминым чутким взором. А тот дырявый носок просто выкинул потом в ведро. Не люблю, когда вещь напоминает о твоём косяке. Из швейных куда приятней смотреть мамины журналы. Бурду моден. Девушки там красивые, ага.

Тетка тормозит проходящую мимо девчонку и назначает ее моим сопровождающим. Та оценивает меня пронзительным взглядом и, наконец, от чего-то фыркнув, сказала:

— Пойдем, что ли!

Вот что со мной не так? Блин, похоже будет теперь разговоров по мою душу.

Проходя по этажу, отметил, что у них тут в женском флигеле уютно. Не то, что у нас. Стоявшие то тут, то там кадки с живыми цветами и даже пальмами, а также паласы на полах придавали уютским помещениям почти домашний вид.

Провожатая привела меня к швейной мастерской. За открытыми дверями было видно, как в просторной комнате трудились девушки. В углу комнаты за подушками-валиками на подставках сидело несколько девушек-кружевниц с ниточными деревянными коклюшками на руках, по нарисованной сколке плетущие кружева. Вау. Красиво у них получается. Это ж сколько времени надо возиться. Теперь мне стало понятно, почему так влет уходят ручные

изделия из мастерской мадам Ламановой. В помещении громко гудели, крутимые руками и ногами мастериц, швейные машинки системы Гольдмана и слышны резкие хлопки портновских ножниц.

Остановив гостя перед входом и достаточно громко постучав в открытую дверь, девушка дождалась кивка наставницы.

— Надежда Яковлевна, к Анфисе гость. Мадам надзирательница попустила и назначила меня провожатой.

— Мерси, Софочка. Иди, ты свободна.

И обращаясь куда-то в комнату:

— Анфиса, *ma fille* (девочка моя)! К тебе пришли.

Девушка повернула голову к двери. Увидев Сергея, девушка встала, сделала книксен и быстро подбежала к нему. Схватив его за руку, она быстро потащила парня в какой-то закуток рядом с мастерской. Анфиса усадила гостя за стоявший там старый столик:

— У меня немножко времени, Сережа, шибко нужно закончить работу. Надежда Яковлевна наша дюже строгая. А потом и с твоим начну. Шмутки покажь, с чем пришел?

Разложил перед ней на столе свою куртку и джинсы. Показал порванные места и прожоги. Анфиса, от объема работ покачав головой, сгребла их в охапку и попрощавшись, быстро вышла. Я ушел за ней следом. Ф-фух, валим быстро отсюда.

Девушка начала щупать пальцами материал одежды, разложенной на столике швейной машинки и не заметила, как к ней подошла наставница.

— Оу, Анфиса, какая интересная *la matière!* (материя) Оу?! А каков фасон! А это что? Застежка? А *la perfection!* (отлично) Оу, брюки?! М-м-м, плотный матерьял. А что тут за пуговицы? Анфиса, *ma fille!* (девочка моя) Скажи, отколь у тебя эти странные вещи!

Девушка, услышав обращенный к ней вопрос мадам Ламановой, вскочила из-за швейной машинки.

— Надежда Яковлевна, это шмутки моего соседа. Он принес их мне для починки. Я хотела закончить основную работу и после попросить вашего совета.

— Какой интересный у тебя сосед. Как закончишь, *ma fille*, найди его. Познакомишь меня с ним, ладно? У меня к нему есть разговор.

Ребята обсуждали девушек нашего класса, когда комнату вбежала запыхавшаяся девушка.

— А нравится мне одна. Глазки у ней черные, щечки розовые. Просто милашечка, бонбончик и...

— Сережа, откуда эти шмутки?! Колиси давай!

Петька с Олегом с удивлением посмотрели на эту редкую картину.

— Анфиса, ты как здесь оказалась?! Что-то случилось?

— Случилось! Тебя госпожа Ламанова к себе зовет! Из-за шмуток! Давай признавайся Откелева они у тебя? Ты их украл?

Ну вот. Приплыли. Надо было об этом раньше подумать.

— Ф-фух! Анфиска! Напугала! А я-то черт-те что подумал. Мои это вещи. Мои! Как ты могла так обо мне подумать! Ну пойдём к твоей. А по дороге поговорим.

Снова эта швейная мастерская. Девушка вошла в нее первой, быстро сделала книксен и представила своего спутника наставнице.

— Надежда Яковлевна, вот тот молодой человек, которого вы хотели видеть.

— Мерси, Анфиса! Не представишь меня?!

После представления, мадам Ламанова сразу перешла к делу:

— Я так понимаю, le jeune homme (молодой человек), что вы у нас тут недавно. Ведь ранее я вас здесь не встречала. Верно?

Сергей кивнул головой.

— Прекрасно! Тем интересней второй мой вопрос. Отколь у вас эти вещи?

— Эти? Это мои личные вещи! С ними какая-то проблема?

— Охотно верю, что ваши. Удовлетворите же мой интерес! Меня интересует все! Решительно все! Матерьял, застежки и кто тот модист, что вам делал фасон?

Решаюсь и заявляю:

— Один заграничный портной. Хороший. Весьма далеко отсюда. Все сделано по моему рисунку. Мой эскиз — их работа.

— Вы, le jeune homme, сейчас меня разыгрываете? Не люблю!

— Надежда Яковлевна, тут нет никакого розыгрыша. Но давайте сейчас оставим этот разговор. Просто мне нужно идти, в мастерскую Арбузова, на практическую, не хочу опаздывать. А на днях через Анфису просто передам вам свои эскизы по одежде. На вольную тему. Свои фантазии. И вы просто убедитесь в этом сами. А теперь, за сим разрешите откланяться? Спешу, знаете ли. Очень!

— О, Сереж, сызнава рисуешь? — с этими словами на соседнюю кровать запрыгнул и после вольготно разлегся Петька.

— Ну да! Госпоже Ламановой, наставнице Анфисы. Исполняю данное ей обещание.

— Покажь! Фуу, дак это-ж бабское шмутье, Сереж. Как можно?

— Ну да. Рисую. А что тут такого, Петь?

— Как что?! Не должно так! Каждый должен своей надобностью заниматься. Мужуку — мужиково, а бабе...

— Ну не знаю. Я ничего такого тут не вижу. Нравятся вот мне красивые девушки. Рисую, как их вижу, по просьбе Надежды Яковлевны. Разве можно ей в этом отказать?

— Да-а, тут ты прав, оную девушки боятся, бо страшна она в своем гневе.

Следующим днем перед практической отдал Анфисе листки с почеркушками. Рисовал схематично, как в маминых журналах. Девушки в пальто и брюках, платьях, кофтах, блузах, в обуви. Получилось похоже. Хотя, наверняка есть отличия. Только вот столкнулся с непонятной мне Анфисиной реакцией. Она отреагировала на них как-то странно. Взяла листки, посмотрела их, вскинула глаза, сильно покраснела, потом снова уткнулась в листки, потом подняла голову и со злостью, чуть не плача, сказала:

— Дурак ты, Сережа, петый! Идиот! Как я это Надежде Яковлевне покажу, а?

Размахнулась, ударила по плечу маленьким кожаным портфелем, развернулась и с моими листками убежала.

Стою в ступоре. И чего она? Неужели из-за девушки на берегу? Ну в купальнике она. Ну да. Бюстгальтер и трусы на ней. Чего такого? Ну пошутил я! Что она, шутки юмора не понимает? А в чем тогда летом девушки к заливу плавать ходят? А действительно, в чем они ходят?! Ах, ты ж бли-и-н, да они ж наверняка там в панталонах!

Мастерская мадам Ламановой.

— Надежда Яковлевна — в мастерскую быстро вошла покрасневшая Анфиса, от расправшей ее злости даже забыв сделать книксен наставнице — Вот! Вот! Только посмотрите на это!

— Анфиса, ma fille, на тебе лица нет. Успокойся! Вот, выпей воды! Что случилось!

— Мне вручили ось ЭТО!

— Андреич, да не знаю я, что там можно. Ну ткните меня носом, я все сделаю! — рядом с нашим мастером сокрушался мой знакомый любитель анекдотов, оказавшийся первым инженером мастерской Геннадием Николаевичем: — И даже в голову ничего путного не приходит.

— Да ты че, Геннадий, окстись! Через месяц у нас императорская приемка намечается, сам знаешь. А у нас не еще готово. Головы полетят, знаешь же! Не взыщи! Емельяныч наш уж дергается. Тут не думать, делать надо! В общем так, Геннадий, еще день сроку тебе и ждем твоего решения!

В очередной раз выходя из раздевалки, я случайно стал свидетелем этого разговора. Уши греть не стал, уйдя в цех на практику. По ее завершении я снова встретил Геннадия Николаевича, по лицу которого было видно, что он о чем-то крепко задумался.

— Геннадий Николаевич, вам чем-то помочь?

— А-а-а-а, Сережа...нее...вряд ли ты сможешь мне помочь. И не знаю, кто бы смог.

И что-то решив для себя, добавил:

— Хотя...а ладно, была не была. Давай попытаюсь. Сережа...говорят, устами младенца глаголет истина...пойдем со мной...Мне нужно твое мнение со стороны. Язык ты за зубами, надеюсь, держать приучен?!

Я кивнул, характерным движением показав закрытый рот на замок, мол буду нем, как рыба.

Инженер, махнув охране у входа, состоявшей из двух крепких молодцеватых мужиков с выпирающим, похожим на пистолеты, оружием на боках, мол, он со мной, провел меня в святая-святых. Тот самый, “секретный зал” мастерской, где в углу не менее большого помещения на стенде стоял остов будущего паровика небольших размеров.

— Вот гляди, Сереж. То, чем я и наша мастерская сейчас занимается. Подарок это для...тс-с-с...княжны, ее высочества...больше не жди...не скажу. Ну так вот. Задача тебе. Представь. Вот ежели бы ты был на моем месте и делал паровик для молодой красивой девушки, которая будет им самолично управлять, какой ты видишь эту конструкцию.

— Ну-у-у...я задумался... во-первых, сразу поменял бы рычаги управления...уж больно неудобные они у вас. Девушке в платье явно будет неудобно. Вот эти рычаги — левого поворота и правого — заменил бы вот в этом месте на один руль в форме небольшого колеса.

— Колесо? Сюда stuurwiel с корабля аль дирижабля?!

— Да не-е! Там большое колесо, а тут маленькое надо. Я нарисую.

— Ну-ка ну-ка...интересно, как ты видишь...продолжай!

— Заменил бы вот эти большие резинометаллические колеса на колеса поменьше с резиновыми шинами с надувными покрышками внутри! Для более мягкого и комфортного движения в дороге.

— Сделал бы крышу, убирающуюся в яркий солнечный день и опускающуюся в холодный или дождливый день. Или сделал бы съёмную крышу...

— А как ты себе мыслишь...ан нет... продолжай!

— А тут...

Разговор длился еще с полчаса, благо практика уже закончилась. Накидав ему пицци для

размышления, я стал разговор потихоньку сворачивать, к вящему неудовольствию Геннадия Николаевича. Нужно было бежать в приют, пока мое отсутствие не заметили. Взяв с меня слово, что к завтрашнему дню я нарисую ему наглядные эскизы своих идей, инженер отпустил меня.

— Вот стервец! Вот фантазер! А ведь умен, мыслей толковых эвон сколько мне накидал! Это ж надо так додуматься! Но есть в них что-то. Есть над чем задуматься! Эх, кабы встретить его пораньше, но кто ж знал! Если к завтраму он что толковое нарисует, может Андреича попрошу парня к нашему делу подключить? Тянется малый к технике, ох тянется!

Лавка “Юсифъ Фругте”. Торговый зал.

— Здра-а-авствуйте! Кого я вижу! Ипполит Матве-е-евич! — вкрадчивым голосом управляющий приветствует вошедшего полноватого мужчину в унтер-офицерской полицейской форме.

— Йозеф, зачем звал!

— Что так грубо! Может свидеться хотел со старым товарищем!

— Катайский волк тебе товарищ!

— Ну полноте! Дело есть.

— Изволь!

— Розыск нужон. Гимназистик один тут меня обидел. Мою вещь украл. Надобно бы вернуть.

Вкладывает в руку гостя тоненькую пачку новеньких ассигнаций.

— Видел кто? Приметы особые? Одаренный?

— Мои люди. Гимназист. Просто школьник.

— Гимназист?!

— Ага!

— И розыск?!

— А как же!

— Мало!

— Ох, Ипполит Матвеевич! Старый рієнієк становлюсь. Запомятовал!

В руки гостя вкладывается еще одна пачечка ассигнаций.

— И маленькая просьба у меня. Чтоб тихо и никто!

— Обижаешь, Йозеф. Когда ж я тебя подводил!

Лежу на кровати. Терзают сомнения. Не зря ли я Геннадию Николаевичу помогаю. Очень уж я его заинтересовал, да мягкое место у него, похоже, из-за сроков горит. Идейки там в мастерской подкинул ему из своего мира- для этих мест нетривиальные. По тому, что я уже видел, ничего из озвученного ему мною, здесь в этом мире не применяется, не дошёл еще прогресс. Вдруг лишнего выболтал? Вдруг еще допытываться начнут, откуда чего да как? И не только в мастерской, а и бери куда выше. Да запросто. Машина же на самый верх пойдёт, пусть ей и девушка управлять будет. Обязательно заинтересуются. И что я им отвечу? Ну да, попаданец я, мужики. А если не будут, с чего у меня такая к ним доброта. Я тут ещё никто и звать меня никак. Приютский, без копейки денег, без связей, безродный. И тут чудо- делюсь от всей широты души всем самым интересным, вон инженер как вцепился в мои предложения. А дальше что? Возьмут с меня самое ценное и скажут, все, давай-давай, парень, до свидания. Не-е, тут надо по хитрому. Кажется, у нас изобретатели оформляли свидетельства и патенты на изобретения. А тут? А у меня что? Какие, блин, изобретения.

Только идеи. Может продавать идеи? Объяснить знающим людям схему, а они пусть там дорабатывают. И воплощают как смогут. Главное, я ж знаю, что идеи рабочие. Не вру, хотя бы перед собой. Поверят, получится, дальше будет легче. Главное — начать!

Ладно, рисуем Геннадия Николаевичу то, что обещал. Вроде он нормальный мужик. Поверим. Ну надо же кому-то тут верить. А там посмотрим. Авось из этого всего путное что-то будет. А нет, так от меня не убудет. Не понравится — потом всегда отказать можно. Беру карандаш с бумагой и принимаюсь рисовать. Мое занятие без внимания не остается.

— Сереж, чегой-то такое интересное рисуешь? Покажь? — напротив меня на кровать садится Петька. Разворачиваю листки для просмотра. Петька смотрит.

— Это чегой? Ба-а!...ужель паровики? Какие-то они необычные у тебя. Интересере-е-сно! Сам придумал аль подсказал кто?

— Ага! Фантазии! Мое видение паровиков будущего!

— А-а. А зачем?

Молчу.

— Ну скажи...Зачем, Сереж!

Решаюсь ответить:

— Петь, ну ты помнишь, сегодня на практической в мастерской ко мне Геннадий Николаевич допытывался? — Петь кивнул головой: — Ну вот, для него и рисую. Сказал, что ему интересно, чем мыслит современная молодежь. Нарисую, завтра и отдам. Глядишь, польза мне от этого какая-то в будущем будет.

— Ба! Да ладно. В будущем? От рисунков-то? Не, я так не загадываю. По мне лучше после приюта там рабочим в мастерской устроиться. Несколько лет там в учениках побатрачить и вот ты всеми уважаемый рабочий- Петька многозначительно поднял палец: — мастерской Арбузова. И зарплата хороша — аж полтинник целковых. А там уж и дом снять, и погулять. А денег скоплю, и барышню поискать. А потом жениться можно, и детишек. Все ж не всю жистю одному жить.

Проговорив все это, Петька горестно вздохнул.

Назавтра придя на практическую в механический цех арбузовской мастерской, Геннадий Николаевич, весь в нетерпении, уже ждал меня. Свой вчерашний вечер до отбоя я убил на зарисовку грифелем всех озвученных ему идей. Илья с Олегом тоже заценили мои почеркушки, подтвердив, что с фантазией у меня все в порядке. Хе-хе.

— Ну как, сделал?

Кивнув, протягиваю ему листки. Рядом стоит удивленный мастер. Андреич. Инженер окинул взглядом листки, мотнул головой и спросил:

— Андреич, прошу, отпусти со мной парня. Ненадолго. Очень надо. По главному делу.

Тот ничего не спросил, только махнул мне рукой и сказал: — Геннадий Николаевич, позже жду рассказа, чего ты там удумал!

Зашли в чертежную. Комната представляла собой тесное и захлавленное бумагами помещение примерно 6 x 3 метра, в котором стояла парочка металлических кульманов и несколько столов со шкафами и стеллажами. Всюду были развешены чертежи каких-то непонятных мне машин, паровиков, их узлов и деталей. На подиуме были расставлены изготовленные в металле узлы. В углах комнаты высились высокие стопки папок на веревочках, рулонов чертежей и синек.

— Заходи-заходи, здесь я и прожектирую. Ты тут не обращай внимания, здесь весьма

грязно. Некогда мне убираться, всегда работы много.

Сев за стол, он начал внимательно просматривать мои листки. Изредка он постукивал грифельным карандашом по столу или покусывал его краешек. Вдруг открылась дверь и в кабинет без стука вошел какой-то худощавый мужчина в модном двубортном костюме и бело-черных штиблетах вместе с нашим мастером. Геннадий Николаевич вскочил:

— Доброго здоровья, Емельян Емельяныч!

— Геннадий, опять! Давай без чинов! Что у тебя? Малец, а ты шуруй пока отсель.

Геннадий Николаевич показал мне извиняющимся взглядом, мол, начальство пришло, иди пока. Пришлось выйти.

— Геннадий Николаевич, я тогда на практическую побежал!

Инженер только махнул мне рукой, отпуская.

— Ну как, идеи есть?

— Есть, Емельян Емельяныч, взгляните!

Спускаясь по заводской лестнице вниз, через стеклянное окно мне было видно, как директор мастерской, а это был он, вместе с Андреичем подошли к столу и начали что-то рассматривать.

— М-даа... что это... этого не может быть! Занимательно! Весьма занимательно! Ежели все это воплотить, это будет революция в паротехнике! Геннадий, откуда это? Я ничего подобного ранее на выставках и журналах не встречал!

— Дык, Емельян Емельяныч, тот самый 'малец', коего вы выпроводили отсюда. Его ж идеи. Наш малый, приютский. Ходит к нам на практическую. Я ж только попытался перенести некоторые его задумки в чертежи. А вот это он сам рисовал. Сегодня принес. Андреич видел.

— А может ему кто подсказал, м? Кто он?

— Не знаю, Емельян Емельяныч, но просто беседуя с ним, он сходу выдал мне новые идеи. Вполне технически пригодные. Звать парня Сергеем. Сергей Конов. Емельян Емельяныч, я бы, пользуясь случаем, хотел бы просить вас подумать взять его к нам в штат. В мой отдел, под мою ответственность. Нам он не помешает. Мне он нужен, умный малый, с фантазией. Неординарные идеи, явно техническая мысль и стойкое ощущение, что он знает куда больше, чем говорит.

Директор задумался над словами инженера.

— Если все это мы воплотим... Геннадий с жаром схватился за лежащие листки: — Да за это нас на руках носить будут! Все призы наши!

— Нет!

— Как нет? Почто, Емельян Емельяныч?

— Геннадий, да ты знаешь, что вот это такое? Ну то, что ты держишь в руках!

— Что? Эскизы?!

— Не-ет, Геннадий Николаевич! Это технический прогресс, за которым стоят большие деньги! Очень большие деньги! И за вот эти вот листки тебя и убить могут. Не пожалеют. И не только наши. Осторожней тут надо действовать, а не сразу шапками кидать. Так что крепче держи свой язык за замком. Ты меня понял?!

Геннадий нехотя кивнул, все же признавая его правоту, а директор тем временем продолжил:

— Так! Давай лучше к делу. Ты сможешь перенести эти идеи на паровик княжны?

— Да, Емельян Емельяныч, я вчера уже начал. Кое-что сделано. Завтра, край

послезавтра, представлю вам на рассмотрение эскизный проект с новыми изменениями.

— Давай-давай, ты смотри, не подведи мне. А с этим парнем я самолично поговорю!

После была практическая работа в механичке, где мне, за неимением опыта, пришлось быть на побегушках, помогая опытному токарю, стоявшим за большим паровым токарным станком, по необходимости подносить черновые заготовки. Но в общем, на практической делать было просто нечего. Уж на что в школе пришлось юзать токарник УТ-16 ПМ марки 'школьник' и более взрослый "ижик" ИЖ 1И611, но здесь...был токарник. Нет, не так. Это был ТОКАРНИЩЕ.

Занимавший площадь с хорошую комнату. Немолодой токарь с говорящей фамилией Борода, к которому временно прикрепили практиканта, особо к работе на станке меня не подпускал, справедливо считая меня обузой и нахлебником на его шее. Другие токаря с механического участка тоже не испытывали особого желания учить приставленного к ним парня, больше заботясь о своей выработке. В глаза говоря удивленному парню, мол, если начальство прикажут, ось тогда, а так...

Так что помогать токарю таскать заготовки пришлось немного. И чтобы совсем уж не сидеть без дела, ради интереса то и дело пытал неожиданный наставника. Борода на мои словесные интервенции без конца злился:

— Дядь, а дядь! А это пиноль?

— Какая пиноль, оболтус, это задняя бабка!

— А-аа! Дядь, а это резец?

— Да!

— Дядь, а это лянет?

— Люнет!

— А-ааа! Дядь, а тут какой привод? Ножной?

— Да замолчь ты наконец? Сиди тут, и не мешай мне работать! И кто вот тебе мне подсунул! Паровой тут привод, ременно-па-ро-вой!

Когда с вызовом в механичку за мной пришел мастер Андреич, Борода только, как мне показалось, даже радостно вздохнул.

— Сергей, а ну дуй быстро в директорскую! К Емельян Емельяновичу зовут!

Кабинет директора по сравнению со всеми виденными мной остальными помещениями был куда богаче. Все, даже, казалось бы, практичные вещи дышали показной роскошью. Зачем так нужно, парень спрашивать не стал, оставив все на совести хозяина. Из увиденного там Сергея порадовали небольшие масштабные копии паровиков на подставочках, в большом числе стоявшие в кабинете повсюду. Хозяин кабинета, при госте достав красивую трубку и кисет, набил ее табаком и раскурив, задымил в кабинете, пуская в воздух кольца.

— Ну здравствуй, молодой человек. Как звать-то!?

— Доброго дня, господин директор! Сергей! Сергей Конов!

— Добро! А меня Емельян Емельянычем тут кличут. Вот по какому поводу я тебя вызвал. Это вот твое?

Он кивнул на мои листки.

— Да, мое! Мои зарисовки, делал для Геннадия Николаевича.

— Хорошо! Помогал кто?

— Нет! Все сам, самостоятельно. Геннадию Николаевичу вроде понравилось.

— Во-во, то-то он сразу оценил твои идеи! И все мы тут заодно. Весьма! Ново! Свежо! И

есть предложение зачислить тебя в мастерскую нештатным художником паровых конструкций в инженерный отдел. Как смотришь на это? Пойдешь к нам работать?

— Ну-у...это как-то...честно, не ожидал. А разве так можно? А как же моя учеба? А где жить буду?

— Да нет, за это не волнуйся! Будешь у нас на заштатной должности. Припишем тебя в отдел под начальство известного тебе Геннадия Николаевича. Каждый день как обычно согласно расписания будешь жить, столоваться и учиться в приюте, а на практической... фактически будешь тут у нас работать. Практическую для приюта тебе наш мастер Андреич хоть сегодня подпишет. Фантазия у тебя есть, убедились. Идеи твои хоть куда, не хуже заморских. Будешь у нас думать на перспективу. За это платить будем. И с заведующей вашей Акулиной Валериановной поговорим. Ну как? Согласен на мои условия?

— А какова будет оплата за мои фантазии?

— Ну-с...положим тебе 10 целковых в месяц. Пойдет?!

— Не пойдет!

— Чт...что? Как не пойдет? Почему?

— Не пойдет! Как почему? Исходя из вашей заинтересованности, а вы же в этом заинтересованы?

Директор кивнул.

— Во-от! Ну так...я понимаю, что у вас сейчас кризис идей вкупе с кризисом на производстве. Аврал у вас, короче! Раз уж идеи мои вы приняли, то значит, что-то из них вы считаете возможным для воплощения. И думаю, проблему вы сейчас решите. Только вот я решил помочь по-дружески Геннадию Николаевичу. А дальше вы будете извлекать из этого солидную прибыль, предлагая эти новые решения, впервые воплощенные на машине ее высочества княжны по мотивам моих фантазий, как новинку уже другим заказчикам. И стоить это будет не десять рублей, а куда больше. Я прав?

— Положим так.

— Во-от! Так зачем же мне делиться с вами идеями за скромные десять целковых, если мне проще обратиться в такие же другие мастерские. Неужто не найдется такая, согласная более лояльно оплачивать мои фантазии. А у меня их много! Паромобиль-вездеход, бронемобиль на паровом ходу и тому подобное... Верите?

Чего-то подумав, Емельян Емельяныч пыхнул трубкой:

— Так! Хорошо! И сколько же ты хочешь?

Решившись слегка раскрыться, сообщаю:

— Я делюсь с вами своими идеями, их желаемым техническим, художественным и эскизным описанием. Вы сами решаете их пригодность и что именно сможете воплотить в условиях своей мастерской. Я участвую в процессе доводки всех пилотных образцов как консультант. За это — один процент от стоимости каждой проданной единицы товара плюс патентование моих изобретений в соавторстве с мастерской. А также ежемесячная зарплата в размере двухсот рублей.

— Кхм, у ученичков...губа не дура! Сергей! Соглашусь при условии испытательного срока в два месяца! Ну ладно, меньше, до самой императорской приемки. На этот срок зарплата десять целковых. Заодно там на нас посмотрят! А может и Великий князь в шею погнать изволят! Вдруг не стоят твои идеи денег?! И кстати, зазря думаешь, что деньга польется рекой. Ты знаешь, сколько времени может пройти от твоей идеи и нарисованных эскизов до практического воплощения? Месяцы, а то и годы!

— Согласен! По рукам?!

— Хех! По рукам!

В арбузовской мастерской жуткий напряг. Все крутятся вокруг аки пчелки. Рабочих из цеха по ремонту омнибусов перекинули на другие участки. Помогать остальным занятым в том самом 'секретном' цехе. До императорской приемки осталось каких-то полторы недели.

После сидения на уроках в классе каждый день как домой бегаю в арбузовскую мастерскую. Впрочем, какую мастерскую, это все по привычке так говорят. А так тут завод целый с кучей работников. Интересно мне там. Была бы возможность на уроки не ходить, все сразу бы бросил. Только туда бы и ходил. Емельян Емельянович не обманул, все вопросы с Акулиной Валериановной были решены в мою пользу. Никаких вопросов наш надзиратель и сторож Аркаша даже не задавали. И ребята в классе, завидев мои отлучки и задержки, как мне кажется, стали относиться ко мне куда с большим уважением.

Первую неделю работы у Арбузова, нештатным художником, меня подробно терзал его инженер, ставший моим первым начальником, подробно уточняя все непонятки. Для чего, как чуял, пришлось подробней разрисовывать на эскизах технические детали, подробно разжевывая предлагаемые улучшения. После чего, не откладывая, на свежую память Геннадий Николаевич принимался чертить на кульмане, по завершении чего каждый раз он приглашал меня проверить соответствие задуманного его чертежу. Чертил он быстро и споро, я б так не смог. Обычно все принималось на ура. Ну за мелким исключением. Дальше готовые чертежи передавались модельщикам, которые из дерева, глины и гипса лепили модель будущей детали и в нашем присутствии ее правили. Доведя новую модель до нужных кондиций, визуальный образец с чертежами отправлялся в литейно-кузнечный цех и опытный участок для дальнейшей работы с ними. Им нужно было делать какую-то оснастку, приспособы и кондукторы, что делалось при помощи какой-то матери. Вдобавок постоянно поминая при этом некоторых умников, у которых еще молоко на губах не обсохло, снова придумавших, по их мнению, очередную...блажь. Ругались они в основном с Геннадием, явно не принимая меня в расчет. Когда в прожектной становилось жарковато, я замолкал. А мне это зачем, спорить еще с ними? Я лучше посижу в сторонке. Пусть само начальство с этим разбирается. Мое дело — идеи.

Заводские мастера упирались как могли. При этом спорили, требовали упростить, улучшить, облегчить, сэкономить, пытались всем и друг другу в частности доказать, что раз никто так раньше не делал, значит это ну просто невозможно. Еще и кивали на мой нежный возраст, мол куда, ученик, поперед нас лезешь. Если не получалось, мастера сильно обижались и пытались качать права, апеллируя к вышестоящей инстанции.

— Миколаич! Да что ж это такое деется, а! Хтож это придумал-то?! Как это-ж нам делать-то? Не можем так изогнуть! Не-е, Миколаич, так не пойдет. Давай я тебе вот тут сделаю попроще, из двух половинок...

— Нет, надо так! Без упрощений!

— Миколаич, побойся Бога! Обскажи, как тут делать-то? А ежели не дашь согласия, я ж к Андреичу пойду! И до Емельяныча дойду! Он мене завсегда поддержит-то!

— Иди, Петро, не мешай, давай жалуйся Андреичу! Можешь сразу и к Емельянычу! Не деталь на послезавтра ты сделать мне должен!

Рутина вот такая каждодневная, в общем. По готовности первых деталей мастера несли их на показ. Как чайнику в производстве, многое было мне непонятно. И самим рабочим, между прочим, тоже, из-за их сложности и новизны, да еще вызвавшим такой резонанс в

коллективе. И все же, благодаря инженеру и поддержке Емельяна Емельяныча, наша работа сдвинулась с места. Если поначалу опытные мастера и рабочие с подозрением и в штыки относились к новому протезу из прожектной мастерской, по факту ученика близлежащего приюта, чуть не доведя все дело до бойкота, то после появления первых практических результатов отношение к новичку-художнику стало меняться на более благожелательное. Хотя бы не мешают, подлянок не делают и ладно.

А работы было много. Уж не знаю, как они согласились, но мне удалось уговорить внести изменения в дизайн будущего паровика, превратив его из простой коляски с мотором, как говорил наш незабвенный Остап Бендер, пускай и паровым, и традиционного ландо в легкое подобие гондолы маленького самолетика. Весьма похожую на виденную там мной в музее Toyota City Испано-Сюиза Н6С, только с паровой трубой сзади.

А с чего все началось? Геннадий Николаевич внес правки в старый эскиз и понес утверждать. Директор наш правки забрал и потребовал у него альтернативу... для наглядного принятия решения. А то, говорит, глаз у кого-то замылился. Инженер бегом ко мне. Раз, говорит, на работу к нам принят — рисуй давай скорей. Сроки?! Надо — вчера!

Набросал по памяти несколько карандашных эскизов. Точности и реального соответствия настоящим моделям, уверен, и близко не было, но форму кузова модели передавали. После показа моих почеркушек прежний проект был немедленно отвергнут Емельяном Емельяновичем как требующий доработки и недостойный подарка княгине. Геннадий Николаевич на эту подлянку не только не обиделся, но как энтузиаст и любитель всего нового, поначалу ахнув, проникся и сходу ринулся проектировать новые изгибы. Едва только успели застыть чернила на стенограмме беседы. Отринув личную жизнь и фактически живя на работе, теперь наш инженер чертил днями и ночами напролет, периодически ходя по цехам мастерской с черными кругами под глазами от хронического недосыпа и усталости. От внезапно свалившихся объемов новых незапланированных работ запищали все — и столяры-краснодеревщики, коих заставили выполнять, по их словам, безумно сложную внутреннюю отделку интерьера гондолы, и обивщики карет, каретной стяжкой обивавшие багажное отделение, сиденья и двери. Модельщики работали похоже и ночами, пытаясь сделать формы для будущих отливок. Прессовщики возились с объемным штампом, который непонятно почему разрывал будущую деталь.

Кузовщики-жестянщики, пока не получалось у прессовщиков, на колесе-британке по обходной технологии пытались чеканить каплевидные формы кузова, что было ну очень долго. Маляры, носившиеся к нам на показ дощечек и листов металла с покрашенным колером. И даже мотористы, вынужденные переделывать уже сделанную конструкцию, подгоняя со слесарями остов готового шасси с паровым мотором под новую начальственную идею.

Обычно не проходило и пятнадцати минут, как в прожектную, ставшей неформальным штабом нашего строительства, не вбегал очередной ходок с очередной проблемой. Иногда это решалось прямо в штабе, но чаще всего для этого приходилось бежать в нужный цех для оценки ситуации на месте. Не сразу получалось везде. За те полдня моего пребывания на работе на черных, как смоль, ступенях чугунной заводской лестницы весьма четко читались следы подошв от моей обуви, пока наутро их не вытирала цеховая полкомойка. Охрана секретного участка прекратила спрашивать мое разрешение уж на третий день моей работы, очевидно вконец сочтя меня своим, достойным, и без слов махая рукой в разрешении войти.

В один из авральных дней в мастерской появилась пара неприметных лиц в штатском,

вокруг которых, как уж, крутился наш Емельян Емельяныч. Он поводил неслучайных гостей по всем нашим цехам, всем своим видом показывая, что никаких проблем вовсе нет и все только и заняты их заказом. В общем, внаглую пускал им пыль в глаза.

Разговор с ними шел на полуповышенных тонах, ведь штатские не повелись на лубочную заводскую картинку, не видя самого изделия. И требовали ускорить все проводимые работы, грозя нашему директору карами земными и хлябями небесными. Господин Арбузов, пыхтя трубкой, как мог, пытался успокоить гостей, доверительно им сообщая, что наши работы идут в целом по согласованному графику, ну немного запаздывая. Зато конечный результат обязательно должен понравиться высоким гостям, за что он, не будь он Арбузов, ручается головой. И что к сроку дня рожденья молодой княгини они непременно успеют.

— Емельян Емельянович, ну не мне вам предупреждать, что будет, если к сроку мобиль не будет готов. Его сиятельство не спрашивает сколько стоит, но ждет и верит, что вы не подведете и его подарок дочери будет готов. Иначе готовьтесь...заказы имперские уж точно потеряете!

Директор на это протяжно вздыхал:

— Господа, я же вам в очередной раз сообщаю, работа кипит, пройдемте-ка еще раз, посмотрите сами...не волнуйтесь, у нас все под контролем. Я верю в своих мастеров!

После ухода штатских к нашему директору подошел мастер Андреич с небольшим потным графином и налитой до краев стопкой на серебряном подносе. Арбузов со словами, черт, как же с ними тяжело, взял стаканчик и крякнув, разом выдул налитое. Затем посмотрев на нас, буркнул, мол собираться не будем, незачем время терять, работаем дальше. И пошел к себе. Добирать, наверное.

В последние дни перед сдачей, кроме собственно аврала, пикантности добавляла носившаяся в воздухе цехов непередаваемая консистенция запахов смазки, влаги, угля, дыма и прочих продуктов сгорания в сочетании с запахами благородного дерева, кожи, красок, столярных масел и лака. К вечеру мой нос настолько привыкал к дыханию этим амбре, что, выходя на улицу из мастерской после работы, от запаха чистейшего зимнего воздуха, пьянея, начинала кружиться голова, а мой организм требовал продолжения банкета. Запахи и метки мастерской сидели и на одежде. Чтобы избавиться от них, каждый день после вечернего ужина пришлось застирывать одежду самому в уютской прачечной, урывая для этого немного времени от отдыха и сна. Просто для того, чтобы уж следующим днем идти на работу уже в чистой, успевшей высохнуть, одежде. Освобождение от забот наступало лишь поздно вечером, за несколько минут до отбоя. Обычно, рассказав ребятам ставший дежурным очередной смешной анекдот, я извинялся, плюхался в кровать и, наверное, под осуждающие взгляды ребят тут же засыпал. Ни о чем другом думать не хотелось.

Накануне дня приемки, к вечеру паромобиль княжны был готов. Нет, конечно там хватало нюансов и недочетов, неизбежных при столь авральной работе. Опытный взгляд мастера обычно всегда видит их, но не взгляд хронически уставшего мастера после нескольких недель штурмовщины. Вот и сейчас над случайно найденными косяками бились дежурные мастера. Но в целом машина была готова. Красивый низко-стелющийся к земле агрегат с невысокой задней паровой трубой, покрашенный в ярко рыжий цвет, рассчитанный на двух пассажиров, с открытым верхом и снимаемой жесткой крышей, плавных, похожих на каплю, обтекаемых линий смотрелся на фоне других, виденных мною на улицах, паровиков весьма футуристично. Новой и весьма удачной идеей все участники работ признавали

круглый руль управления паровиком вместо традиционных рычагов, ножные тормозные педали вместо тормозных кранов, мягкий ход на колесах и множество иных, зачастую удобных мелочей, ранее не встречавшихся на паровиках конкурентов.

Машину нарекли женским именем Александрой. Подозреваю, что по имени неизвестной мне княжны, которой и предназначался подарок. Последнюю заводскую приемку этот новенький, сверкающий блестящим яхтным лаком, ярко-рыжий каплевидный паровик прошел, просто покатавшись по территории мимо всех собравшихся по такому случаю мастеров и рабочих, одобрительно кричавших и хлопавших руками получившемуся в итоге результату. За рулем был сам Геннадий Николаевич с заводским водителем, придирчиво и совместно проверяя работу бортовых приборов. Под смутно знакомые возгласы, раздающиеся из толпы, нечто вроде “от молодец, бисова душа! А ты не верил!” недолго дали прокатиться с водителем и мне, после чего заглушенный агрегат откатали в совсем уж теперь не ‘секретный’ цех. Там паромобиль в очередной раз протерли от пыли и накинули на него белую парусиновую ткань.

После Емельян Емельянович своей волей отправил всех ведущих участников по домам.

— Мужики! Завтра у нас еще приемка, так что проставляться рано. Всем по домам. Кому отдохнуть, а кому и собираться.

Назавтра должны грузить подарок в принадлежащий мастерской грузовой паровик с закрытым прицепом, и под охраной везти в императорскую резиденцию под Новым Петербургом.

Мне тоже велено собираться. Пытаюсь отказаться. Посмотреть на грудь в крестах или голову в кустах? Завуалированный отказ не понимают. Что мол такое? В нашем деле участвовал?! Участвовал! Вот и поедешь, заодно и город посмотришь, и резиденцию. Заслужил. И поедешь с нами, не как рабочий мастерской, а как воспитанник Императорского приюта трудолюбия, о чем директор пренебреженно обещал сегодня уведомить Акулину Валериановну. Что впоследствии и сделал, результатом чего стал прибежавший в комнату надзиратель, сообщивший, что по решению Акулины Валерьяновны на завтра меня освобождают от всех занятий. И отправивший меня дальше к кладовщику — за парадной ученической формой. После кладовой уж пришлось лететь в прачечную. Готовиться. Натирать до блеска пряжки и пуговицы. И гладить свои вещи ненавистным мне угольным утюгом.

На следующий день после утреннего завтрака и дружеского напутствия от друзей в гордом одиночестве пошел в мастерскую. Было непривычно. В новенькой парадной шинели с блестящими от лучей зимнего солнышка пуговицами и щедро намазанных ваксой ботинках я чувствовал себя неловко. Ну как-то не мое.

Тем временем в мастерской погрузка и крепление груза были почти завершены. Наша колонна из трех легковых и одного грузового паровика с прицепом уже стояла под парами. Рядом с машинами стояло несколько неизвестных мне лиц в штатском; приодевшиеся как на праздник, важный господин Арбузов в котелке, новеньком пальто и неизменной трубкой в зубах, Геннадий с мастером Андреичем и несколько человек из числа заводских водителей, по совместительству в мастерской и дороге выполнявших роль слесарей-мотористов и грузчиков.

— Он едет с нами, господин офицер — когда штатский кивнул в мою сторону головой, подтвердил наш директор. Поздоровавшись, Геннадий Николаевич, от греха подальше, пустил Сергея в салон заводского паромобиля. Последний перед выездом контроль

креплений и наша колонна, дав на прощанье предупредительный сигнальный гудок, заодно окатив шипящим паром сторожа, слишком близко стоявшего к воротам, выехала со двора.

Пару часов трясемся по укатанной щебеночной дороге. Зеваю. Скукота. Смотреть не на что. Один голый лес и подсохшая после схода снега, теперь уже пыльная щебеночная дорога с полосатыми столбами по краям. Наш водитель обзывает ее большаком. Как по мне, привыкшему к гладкому асфальту автострад, это на дорогу никак не тянет. Если это у них тракт, то понимаю, почему тут дирижаблей столько. Скорость колонны маленькая, по ощущениям, не больше тридцати-сорока километров в час. Быстрее наши водители не гнали, боялись, что прицеп отцепится или груз оторвется. Да и дорога не позволяла сделать это из-за ям и выбоин. Да и в колонне главный тот, кто медленнее всех едет. А учитывая перевозимый груз, тише едешь — спокойней будет. Навстречу в основном попадались конные экипажи, изредка разбавленные одиночными паровиками. Еще пару раз на маршруте попадались знакомые зеленые вагоны — междугородние омнибусы “Новый Петербург Роуд Омнибас”. Небоскребы новой столицы были все ближе и ближе. Наконец, колонна добралась до окраинных улиц столицы, где на перекрестке свернула на боковую дорогу, ведущую к зимней императорской резиденции.

Стою на стоянке позади резиденции. Один. Пригревает мартовское солнышко. Везде чистенько. Снег только недавно сошел, обнажив голую землю. Прошлогодня павшая листва была давно убрана, давая место новым росткам. Повсюду позеленевшие бронзовые статуи. Много статуй. Античные герои, военачальники и благородные животные. Львы, лошади, собаки. Красиво тут. Скоростные пароциклы охраны имперской резиденции, сопроводившие нас до места стоянки, исчезли с наших глаз также внезапно, как и появились. Охрана в штатском на легковых паромобилях, сопровождавшая нас от самого Старого Петербурга, осталась ждать на въезде в зимнюю резиденцию Великого князя. Прикатив на место, разгуливать по территории не стали, сразу принявшись выгружать привезенный с собою груз. После снятия креплений мужчины быстро и аккуратно спустили с прицепа подарочный паровик “Александра” на выложенную в интересный дизайн восьмигранной плиткой дорогу, для чего нам так удачно пригодились взятые с собой лаги.

— Ослони лаги на борта! Давай тяни-тяги помалу! Держим! Ноги-руки береги! Ноги!

Взглянув и просканировав каким-то перстнем выгруженный подарок, подошедший офицер охраны потребовал в целях обеспечения безопасности присутствующих на стоянке отогнать весь наш наличный транспорт на дальнюю стоянку. Кроме самого подарка, разумеется. И после завершения чего, что-то сделал на стоянке, после чего весь наш стоящий транспорт вдруг накрылся полупрозрачным золотистым куполом, что лично у меня вызвало отпад челюсти. А офицер, как ни в чем не бывало, повел всех присутствующих за собой. Для проверки документов и прочих, по его мнению, необходимых действий. Как по мне — излишне. Хотя кто их знает, недавно вон меня ж вообще за бомбиста принимали. А учитывая их внешнеполитическую обстановку, вот и бдят. Господин Арбузов, наш директор, не остался в долгу и потребовал поставить охрану привезенному паровику. Офицер скептически взглянул на него и разрешил оставить одного. Меня. Предварительно забрав мой ученический билет. Ну и наказав никуда дальше охраняемой машины не лезть. И к стоянке не лезть под страхом смерти.

— Полезешь, убьет! А то, молодым страсть интересно, знаю я вас!

Стою. Делать было нечего. Греюсь на солнышке. Прошло десять минут. Тишина.

Птички поют. Пятнадцать и тридцать минут — тоже самое. Хожу, нарезаю круги вокруг новенького паромобиля, наслаждаясь при этом результатом причастности своих рук и рук всех рабочих нашей мастерской. Подергал зеркала, нежно погладил пальцами рук свеженькое лаковое покрытие кузова, поправил неровно стоявшую, отливающую свежеполированной бронзой, фигурку летящей леди с раскрытыми в стороны крыльями. С нашего роллс-ройса идею сюда притаранил. Как вспомню, литейщик от эскиза по первости вопил, бо де сложно. И сделал же! Чего спорил? Залез зачем-то в багажное отделение. М-мм, какой запах выделанной кожи! Впрочем, багажник оказался пустой. И чего я ждал? Новье ж.

Рядом, едва слышно пыхтя, на площадку с крестом в центре садился маленький, аккуратно сделанный, дирижабль, похожий на почтовый. Курьерский, наверное. Эх, прокатиться бы! От нечего делать стукнул ногой по крышке подарка, проверяя таким образом давление в колесе. Потом открыл капот. Наклонился. Посмотрел и потрогал паровой котел, подергал трубки. Лепота. И тут запах. М-м-м! Новая вещь. Хочется сесть за руль. Но нельзя...не мое. От созерцания отвлек звонкий голос:

— Ах! Какая рыжая крошка!

Я резко вскочил и обернулся. Голос оказался красивой девушкой в летних очках, шлемофоне и черной кожаной летной куртке с петлицами, кажется прапорщика имперского воздушного флота.

Атласный белый платочек вокруг шеи добавлял ее лицу шарма и нежного очарования. Тонкие кожаные брюки без складок плотно облегли фигуру девушки, позволяя взглянуть на не менее аппетитные округлости. Что было весьма странно, учитывая те видимые мной фасоны женской одежды, носимые на улицах Старого- и Нового-Петерсборга. Куртку, отлично подогнанную по фигуре девушки, дополнял новенький ремень с золотой имперской пряжкой. За курткой на ремешках висел небольшой ранец. Парашют, наверное. Общую картину образа девушки дополняли два уже знакомых мне парострела Кудинова, вложенных в изящные кобуры по бокам.

Не давая мне сказать мне ни слова, девушка затараторила, проявляя к машине недюжинный интерес:

— Ах! Спорю на десять целковых, этот паромобиль явно работы Панара-Левассора! Или нет...они же на больших. Изотта?! Не-е... Нобли?! Не может быть! Ну где-то тут должна же быть чертова эмблема!

Придирчиво осмотрев со всех сторон паровик, девушка увидела богиню с крыльями. Я молчу, осматривая явно прибывшую только что на дирижабле девушку. Лет восемнадцать-двадцать я бы ей дал.

— Странно! А это у нас кто-ж? Навроде все известны!

Ничуть не стесняясь, девушка с головой залезла под капот.

— Посмотрим. Ага. Тут у нас радиатор, котел, маховичок... А-аа...Переделка двигателя Редда-Стирлинга... Пфу-у — девушка разочарованно произнесла, небрежно опустив крышку капота: — Омнибусный двигатель...маленький. Арбузовские мастерские. Но они же только неповоротливые омнибусы...И скорость тут поди, верно, такая...омнибусная?! И навряд ли можно уехать далече.

Тут я стерпеть больше не мог и с жаром встал на защиту нашего паромобиля:

— Сударыня, вы ошибаетесь! Наш заводской механик клятвенно уверял, что эта крошка весьма резвая и хорошо управляется. Она выдаст в разгоне 100 верст в час. А эти плавные

кузовные обводы должны добавить мобиллю еще. Что же до расстояния, то, теоретически, при полной заправке пятидесяти литров воды в котел, полном прогреве и максимальной скорости можно покрыть до двухсот пятидесяти километров пути. Мобиль этот почти что гоночный.

А девушка не останавливалась и критиковала дальше:

— Ах! Не верю вам! А какой болван заменил тут рулежные рычаги этим дурацким штурвалом. Дирижаблей что-ль нагяделся! И зеркальца тут тоже дурацкие. Что только в них только можно увидеть? А колеса?! Пфу-у! Почему такие маленькие колеса?! И кто это придумал? Для каких дорог! Остолоп! На них только вокруг дворца петлять можно.

Я начал злиться и краснеть от полученных эпитетов, а эта наглая девица словно не замечая, не останавливаясь, все продолжала охаивать нашу работу:

— И только по хорошей дороге.

— Нет, ход у нее мягкий. Новая рессорная подвеска — парировал Сергей.

— Пфу-у! Ненавижу крутить тормозные краны! — пыхтела заведшаяся девушка.

— Да не крутите! Их тут, кстати, и нет! Заменены ножным тормозом. Это в дороге куда удобнее.

— А где крыша? Как ездить в дождик! С зонтиком?! Пф!

— Сударыня, это красивый мобиль для неспешных прогулок в хорошую погоду. А иногда при желании можно побаловать себя скоростной ездой. Для плохой погоды, да, нужно заранее ставить крышу.

— Каких прогулок? Места тут сколько?! Да в моем дирижабле и то больше! Как сюда девушке в платье-то влезть? Пф! А со шляпкой?! Не скрою, вещица красивая, ах жуть какая неудобная и неподходящая! Дирижабль лучше! Я почти уверена, что этот мобиль делал осел-мужчина. Ох уж, эти мужчины! Вечно все делают не так.

И продолжала осматривать наш агрегат по кругу, словно не замечая, что для этого мне пришлось отодвинуться. Иначе, не глядя, она бы просто столкнулась со мной. Потом девушка прямо в сапожках запрыгнула в новенький и чистый роскошный салон паровика и вольготно уселась. От такой беспардонной бесцеремонности я даже опешил:

— Ф-фух! Ну знаете ли, сударыня. Вообще-то, вы сели в чужой подарок!

— Ах да?! Правда?! Жалко, что ли! Пф! И кому? Я, между прочим, всех тут знаю!

— Не могу вам сказать! Правда-правда! Не имею права! Секрет!

— Пф! Да ладно тебе, молодой человек, колись. Я, честно-честно, ни-ко-му. И по секрету тебе скажу, тайны я хранить умею.

— Сударыня, да вы смеетесь, я вас даже не знаю! И в первый раз вижу. А вы тут заявились и сразу уселись в мобиль, что меня охранять поставили.

— Ах так! Ну охраняйте! Не мешаю! — недовольно фыркнув, ответила девушка: — Ось только не догадываюсь, кто же ты такой? — всмотрелась в форму и продолжила: — И чего ж ось тут призреваемые делают?! Да еще из Старого Петербурга. Какое отношение имеете к мобиллю? И где охрана?

— Да стою я тут, охраняю. Бросили наши начальники меня, а сами невесть где шляют. Вот сторожу свою Александру.

— Не поняла? Какую еще Александру?

— Как какую? Вот эту! — показываю на паровик.

— Ах, вот как! Значит Александра. Название выяснили, продолжаем дальше. А почему свою?

Нет, вот вредная какая. И кто ее за язык тянет. За что мне это наказание. Ф-фу-у! Вздыхаю и, краснея, сообщаю:

— Потому что дурак, остолоп и осел, что придумал сделать вот этот неудобный и неподходящий для девушек мобиль, этот штурвал (показываю), все эти колеса и зеркальца — перед вами.

Девушка даже открыла рот в удивлении и опомнившись, хихикнула и сразу прикрыла рот ладошкой в крагах.

— Ну, а арбузовские мастерские это все воплотили. По эскизам.

— Это как?! В приюте воспитанников теперь учат инженерным наукам? Шутите?

— Ваше величество, прибыли люди с арбузовских мастерских. Привезли заказанный вами долгожданный подарок. На заднем дворе разгружен и только вас дожидается. Вещь, я вам так скажу, изумительная. Изящная женская штучка! Весьма!

— Даже так?! Занятно! Вы уже пробудили мой интерес. Дела имперские так скучны. Арбузов там один? Что-то еще?

— Нет, ваше величество! Господин Арбузов прибыли с молодым художником, задумавшим сей подарок, инженером и, на всякий случай, заводской технической командой.

— Кхм...княжна еще не прибыла?

— Нет еще, но ее дирижабль должен быть уже на подлете.

— Давай-ка поспешим, я хочу взглянуть на свой подарок раньше нее.

Император не успел, на заднем дворе его дочь увлеченно спорила с каким-то юношей, почему-то одетым в гимназическую форму. Это художник? Какая странность.

~~Не хочу прерывать ваш увлеченный спор, молодые люди~~ тут в наш разговор вступило новое действующее лицо-но смею заметить, что тут вы не правы. Мобиль получился весьма прелестный и красивый.

Крепкий мужчина с небольшой ухоженной бородой невысокого роста в серой, похожей на военную, одежде смотрел на нас.

— А, рапан! Я только что...

Тут мой взгляд отвлекся в сторону. И смотря на говорившего, за его спиной невдалеке стояла вся наша честная компания. Яростно жестикулируя и увлеченно размахивающая, одновременно тыкающая своими руками в мою сторону. Они что-то беззвучно кричали, что я честно пытался разобрать по их губам. Из всего, что они пытались мне сказать, удалось разобрать слово САМ.

Чего САМ? Чего они машут? Машут и машут! Нет бы подошли и прямо сказали, по нормальному. Нет, не понимаю вас. Я... не...понимаю!

Девушка недовольно скривилась.

— И пользуясь случаем, заодно хочу спросить, ваше высочество герцогиня Шлезвиг-Голстинская. Вам нравится подарок?

Во как. Надо же. Воздухолетчик и герцогиня в одном лице. Хотя, видно же, по характеру пацанка. А мужчина-собеседник явно не из простых.

— Ах, рапан! Пойдет! Но рапан... только по двору кататься. Просто один молодой человек, не будем показывать пальцами, немножко не подумал, каково на нем девушке будет кататься.

— Пустяки. Нужно будет, построим дороги.

— Простите, что перебиваю — от этих слов туплю и влезаю в разговор — ...но этот паровик...ведь предназначался в подарок ее высочеству. княжне Александре. Мы же

поэтому его так назвали.

Собеседники рассмеялись.

— Даже так?! Подходяще! Мне нравится. Господину Арбузову определенно точно стоит заняться персональными паровиками. И не давать прозябать опыту, занимаясь только ремонтом омнибусов. Такие у него таланты пропадают. И ведь что за прелесть! Александра, девочка моя, разве ты еще не поняла, что ось этот, рядом стоящий с тобой молодой человек, воспитанник из одного моего учреждения, за этим разговором не узнал ни тебя, ни своего Императора? Хороша шутка, будет что за обедом сегодня рассказать тамап.

Они снова согласно засмеялись.

Че? Сам? Император?! Да ладно?! Правда-правда?! Не врете?! Нет?! Скажите, а куда (мне провалиться с этого места?

Нет, лучше бы я куда-то провалился. Сразу. Ну или вообще никуда не ездил. Сидел бы дома. Потому что его величество взял слово с Емельян Емельяныча, нашего директора, что одного “перспективного молодого человека, не будем показывать на него пальцами, обязательно заставят выучить фотографические карточки всех членов Императорской семьи. Дабы знал их в лицо. С обязательством принять у одного экзамен. И с обязательным отправлением полученного результата прямо в канцелярию Императора. На его имя.

Дорога обратно прошла с подколками и подначками в мою сторону. Шутка ли, самого Императора не признал. Откуда ж мне знать, я ж не видел его никогда. Да и одежда у него... никакая. Неужели в таком императоры ходят? Если б не видел сам, никогда б не поверил. Анекдот я ходячий, короче. Будут теперь пикантные разговоры с моей персоной.

Особенно ржал Геннадий Николаевич, доверительно, с трагедией в голосе мне сообщая, что с такой безалаберностью слава бы меня обязательно нашла. Еще и целковый с профилем его величества вручил. С возвратом. Чтоб смотрел и запоминал в пути-дороге. Выполняю, грит, указ Самого! Императора! Вот дураки набитые. Дулся на них всю дорогу.

А в приюте еще и добавили. Тотчас же по приезду этот пикантно-постыдный факт о воспитаннике приюта быстро дошел до ушей Акулины Валерьяновны и не менее быстро разлетелся по всему приюту. Теперь каждый встреченный считал своим долгом ну если не подколоть меня, то просклонять этот случай на все лады. А если учесть, что всей правды многие не знали, то слухи раздулись совсем уж до размеров слона. Версии различались от вполне безобидного непочтения до совсем уж фантастического оскорбления, нанесенного в пьяном виде, после чего дворцовая стража отправила этого молодого наглеца прямо в кутузку, откуда отпущен был оный только под честное слово Емельяна Емельяновича. И если поначалу к этим фантазиям я относился подчеркнуто индифферентно, уже привыкнув к подобным подколкам за время дороги назад, то к концу недели моих нервных клеток уже явно не хватало. Заводился сходу. Хотелось сразу всех побить и навалить. Хорошо Маркин с Радуловым, отлично поняв мое кровожадное состояние, в целях защиты окружающих приняли неофициальное шефство. В компании они просто отгоняли возможных шутников, требуя фильтровать базар. Кстати, мое словечко. Прижилось тут-таки.

Была от поездки и практическая польза. Как сказал Емельян Емельянович, от государя, во время нашего присутствия на встрече перед малым обедом, получен карт-бланш на дальнейшие эксперименты. Наказал не зарывать такой опыт в землю, а предложить Тартарии угля, то бишь паровиков новой модели. Заодно взял на заметку одного парня, предложив оному в будущем поучиться в Имперской академии. Подав заявку в Канцелярию на именную стипендию. И присмотреться к оному, вдруг предложит что-то еще.

— Мои агенты сообщали мне о ходе деланной работы, как и о том, кто предлагал внедрить новинки в оборот.

Ее высочество княжна Александра тоже пообещала оказией прибыть в наш приют с инспекцией да пользуясь случаем, заскочить в одну, рядом расположенную, мастерскую. Привезти свой любимый паровик. Пусть, мол, посмотрят. Подделают может там, а то старенький стал. Ломается. Ага, это значит ее тачку на прокачку. Понятное дело!

Анфиса еще дулась на меня, но пикантный слух дошел и до нее. На что моя соседка по парте перед очередным уроком недовольно сообщила, что в таком обо мне никогда и не сомневалась. Особенно после рисунков. Зараза. И эта подмахнула.

Единственное, за что я был спокоен, так это за мастерскую. Если в первый день после возвращения еще были подначки в мою сторону в цехах, даже знаю того юмориста, с которого все началось. То на следующий день эти разговоры практически исчезли. Была в день прибытия и большая пьянка в мастерской. В честь столь удачной приемки великим князем наш директор мастерской не поскупился и проставился перед всеми участвовавшим в ‘прожекте’ рабочими, мастерами и прочими начальниками. Мне же пить как-то не хотелось, запоев деда раз в год хватало.

В приюте ребята иногда бахвалились друг перед другом о том, как пили водку и пиво. Хотя правилами это запрещалось, смельчаки такие все же были. В основном, умудрялись пробовать ‘горячительное’ в мастерских после практической, после чего сматывались на обед. Не попался дежурному надзирателю или сторожу, молодец. Попал — дуй в приютский карцер. Как я понял, строгость в этом вопросе поддерживали лишь сами учебные заведения, когда как среди местных ребят на улицах распитие горячительных напитков было весьма распространено.

Чуть позже состоялся разговор с директором. Арбузов, несмотря на то, что принял он на грудь явно не одну стопку, держался бодрячком:

— У меня с его величеством состоялся весьма сокровенный разговор. Наш император, посмотрев на результат сделанной работы и доносы соглядатаев из тайной службы, дал свое согласие на дальнейшие эксперименты. Особливо упирал на прочитанные в донесении твои слова ‘паромобиль-вездеход, бронемобиль на паровом ходу и тому подобное’

Ч-черт, напрягся Сергей, как же я мог забыть про доносчиков. И у стен тоже есть уши. Вот и дождался, что тобой заинтересовались.

— Стоит ли говорить, что с этого моменту ты, Сергей, теперь переведен в штат нашей мастерской с окладом в двести рублей. Патентование в соавторстве с мастерской и процент — все, как ты и хотел.

Ну спасибо. Деньги — это хорошо. Вот только под колпаком мне быть никак не хотелось. Вот только позже все повернулось по-другому.

Началось все с того, что через несколько дней в ворота арбузовской мастерской без всякого предупреждения заехал грузовой крытый паровик, на кузове которого оказался паромобиль герцогини.

Тот самый, любимый, который она хотела пригнать с оказией. Ее паровик, на удивление всех собравшихся, оказался гоночным, с давно нанесенным бортовым номером 09. Рабочие и водители мастерской, дружно выкатив из прибывшего транспорта паровик ее высочества, с ахами и вздохами принялись обсуждать привезенный паровик.

— Мать честная! Что я вижу! Неужто “Ноль девятую Молнию” к нам в мастерскую привезли. Не иначе как княжна наша снова на “Стрелке” главный приз взять решила.

Транспорт явно знавал лучшие времена. Крылья паровика были погнуты в нескольких местах. Жестяной кузов, окрашенный серой краской, сзади изобиловал хорошими вмятинами, которые вероятно появились в ходе какой-то гонки. Сам кузов снаружи и внутри был покрыт довольно толстым слоем пыли, на котором то тут, то там виднелись отпечатки чьих-то пальцев. Словно паровик стоял не имперском гараже, а в каком-то сарае, забытый на пару лет.

Емельян Емельянович, тихо подошедший ко всем столпившимся вокруг гоночного паромобиля сотрудникам, объявил всем собравшимся, что с недавних пор ему стало известно об участии княжны в столичной гонке “Стрелка”. Гонка должна состояться через месяц. А также, в рекламных целях, нашей мастерской по его решению тоже надлежит готовиться к этой гонке. Для чего он поручает коллективу готовить годный, из всех имеющихся в мастерской, транспорт для участия в гонке. Участником гонки он назначил заводского водителя, бывшего гонщика, Степана Николаевича. Тот обрадован этому факту не был, но отказываться не стал. Ну и заодно, чтобы увлечь народ общим делом, там же устроил опрос на лучшее название мобиля мастерской. Сход мужиков постановил сразу. Наша машина должна быть на должном уровне. Ну и название должно быть соответствующее.

Черт меня дернул ее назвать ‘Пулей’. Название, слетевшее с моего языка, всем как-то разом понравилось и его все собравшиеся утвердили. Была бы возможность, я бы поменял, но... Ведь ‘Роллс-Ройс’ звучит? Звучит. Или там ‘Олдсмобиль’ какой-нибудь, а?! То-то же. А то ‘Пуля’. Ну и ладно. Назвали и назвали. Раз понравилось, пусть будет ‘Пулей’. Как говорится, как тачку обзовешь, так она и полетит. Вот и проверим. На практике, так сказать.

Для проверки и оценки состояния мобиля княжны был срочно собран большой консилиум из уважаемых специалистов мастерской. Мужчины, дефектуя неисправности, простучали и облазили весь паровик. Вердикт их положителен. Машину можно починить, кузовные детали заменить или изменить их форму, а вот для оценки ее ходовых качеств, исправности и необходимости доработок надобен выезд за город на пустой тракт для гоночного заезда. Там-то и состоялся этот разговор:

— Сергей, а ты де научиться ездить случаем хотел? — с некой ехидцей в голосе предложил мне сесть за рули второй паровой машины мастерской, на всякий случай страхующей первую в ходе заезда, наш Степан Николаевич. С этим, уже немолодым заводским водителем, мне приходилось работать еще в деле с “Александрой”.

— А то! Кто ж не хочет-то. Конечно хочу.

— А садись давай. Тракт нынче пустой.

Учить меня долго ему не пришлось. Принципы работы рычагов и рулей мне знать доводилось, еще работая в мастерской. Не раз я катался на практической вместе с водителями по двору мастерской. Вначале просто как пассажир, а иногда и пробуя “на зуб” большие паровые омнибусы. Это правилами мастерской не разрешалось, но цеховой мастер, при согласии на то водителя-наставника разрешал под его ответственность, закрывая глаза на нового “любимчика” директора. Так было и на тракте. Имея двухлетний опыт езды на карте во дворце пионеров и катаниям с Мишкой на “симке” по дворам, уже через пятнадцать минут приноровился к управлению паромобилем, вспомнил навыки и гнал вполне сносно по прямой загородной дороге, весьма удивив старого водителя.

Следивший за ездой парня, Степан Николаевич вытащил из нагрудного кармана часики на цепочке и засек время. Когда они проехали очередной верстовой столб, водитель посмотрел на циферблат. Время получилось вполне приличное. Старый шофер, удивленно

смерив его взглядом, схватился за его руку:

— А ведь ездил ведь раньше, стервец! Иной бы забоялся.

— Никак нет, Степан Николаевич!

— Врешь ведь! Ладно, Серега, хватай пятерню! Для первого раза вполне. Надо бы тебя еще погонять, авось толк какой и выйдет.

Тогда я не понял, про какой он толк имел ввиду. На следующий день он снова заставлял меня гонять на тракте. Еще и еще. Не знал я, что прежде между ним и Арбузовым в директорской был любопытный разговор:

— Емельян Емельяныч, разреши смену готовить. Староват я для гонок, боюсь, на сей раз не выдержу.

— А кого я посажу? Думал, кого взамен себя пристроить хочешь?!

— Думал!

— И кого же?

— Дык Сергея вашего. Конова.

— С ума выжил, старый! Из художника нашего гонщика решил сделать? Дык мал еще. Что я Акулине Валерьяновне про него говорить буду?

— Не скажи, Емельян Емельяныч. Намедни я с ним на нашей заводской таратайке ездил. В первый раз со мной сел. И паромобиль враз почувствовал. Словно де всегда на ней ездил. И ездит как дышит. Иного еще учить и учить, а этот. И наши тож, талант де, ей богу, Емельян Емельяныч. Ежели его поднатаскать, позже можно и на гоночную посадить. Ну на ту, что мы готовим. — тут водитель замолчал и продолжил:

— А заведующей дело и иначе представить можно, что Сергей де будет представлять возглавляемое ею заведение на нашей машине. Думаю, и сам великий князь де был бы не против.

— А это идея. И с точки зрения политики хороша. Но...неужто он сможет? К “Стреле” успеете разве парня подготовить?! — со скепсисом на лице взглянул директор.

— Разрешите мне попробовать. Думаю, вполне на “Стрелу” успеть можно. Времени на подготовку к ней правда немного, но все же думаю, что успею. В крайнем случае, сяду сам.

— Николаич, как думаешь, потянет парень гонку-то?! Может все же самому?

— Ежели сумею подготовить, первое место Конов навряд ли возьмёт, но в двадцатку, при должном старании вполне можно. Я де старый, меня молодые скакуны тама обойдут. Но смену де себе могу потянуть. Так сказать, старый конь не только борозду...В общем, разрешите, Емельяныч, мальчика попробовать.

Директор, послушав этот спич своего старого и уважаемого им гонщика, не раз приносившим призы мастерской, только махнул рукой:

— Ладно, иди уже, Николаевич. Добро. И не захвали мне парня. Мне он еще после гонок художником надобен. Готовь борозду, старый конь. Хе-хе.

Дело было вечером, делать было нечего. Лежу в раздумьях о причинах неожиданной проявления внимания и активности старого водителя, каждый раз загонявшего меня в последние дни на загородный тракт. Неужели на гонку готовит? За месяц! Нет. Такого просто не может быть.

— Скука смертная! — лежа на кровати, произнес Петька.

— И не говори...еще какая! — подтвердил Илья.

— Может к девушкам слазим по карнизу... на спор? — предложил Олежка.

— Дык на той неделе лазили ж, карцер поди позабыл?! Короткая у тебя память, Олег!

— А может анекдот? А, Сереж?! — вопросительно тянет с дальней койки Игнат. Этого парня я на дух не переваривал, даже этому сам удивился, но виду не показывал. Похоже он почувствовал мое отношение и сразу же притих.

— А давайте на печатки сыграем! — от нечего делать и раздумий переключаюсь на другое и предлагаю первый попавшийся в голову вариант.

— Печатки? Не слыхал! Что за игра?

Коротко объясняю. Прошу собрать любые значки и пряжки с рисунком, найти гуашь, ножницы и чистые листки. Кто-то побежал за водой. Через десять минут все было в комплекте. Можно было приниматься за работу. Макнув значки в смоченную водой гуашь, наштамповал ими, как печатью, несколько тетрадных листов. Затем быстро разрезал листы с напечатанными рисунками на прямоугольники и квадраты. Через каких-то двадцать минут все было готово для игры.

Объясняю всем правила. Камень, ножницы, бумага. Кистью показываю эти фигуры заинтересованным ребятам. Объясняю, кто в каком случае выигрывает или проигрывает, очередность ходов. Показываю, как нужно бить печатки, чтобы они перевернулись. Сколько перевернулось — столько и выиграли. Вроде ребята поняли.

— Это просто. Камень тупит ножницы. А бумага оборачивает камень. Ножницы же режут бумагу, поэтому в этом случае выигрывают. Понятно?

Весело потренировавшись друг с другом несколько раз на щелбаны по лбу, ребята заинтересованно втянулись. Когда решил, что участвующие с правилами освоились достаточно, тогда раздаю равное количество печаток. Вскоре то тут, то там послышалось увлеченное “камень-ножницы-бумага” с последующими хлопками по полу. Некоторые ребята ринулись делать и вырезать новые печатки, штампуя их по моему примеру.

Еще через час вошедший надзиратель дал отбой и выключил свет. Ребята легли спать. Но в темноте некоторые перекидывались мнениями об игре и о том, что вот завтра они себе наделают еще фигур и обязательно продолжат.

А уже через неделю эта нехитрая игра заразила многих приютских мальчишек, от мала до велика. А девушкам она пришлась не по нутру совсем. С баталиями совершенствовалась как техника битья, так и стратегия поведения в игре. Азартные ребята играли в нее везде — на деревянном полу, под кроватями, на подоконниках, в рукомойной, в закутках под лестницами и подвале, в раздевалках на практической, как угодно скрываясь от вездесущего ока надзирателей и учителей. Ибо почти сразу, заметив “крамолу”, они тотчас принялись ее запрещать и отнимать у ребят “средства для игры”.

— Ну что за мода у нас завелась, Аркаша? — размахнувшись веером печаток, резко швырнула их на стол раздраженная Акулина Валерьяновна. Печатки разлетелись по всему столу, а часть их, как пушинки, попадали на пол.

— Отколь это взялось? Не было печали и на тебе. Азартная игра появилась. И где? У нас. В имперском приюте! И ведь только у нас, я ж специально выясняла. В соседских гимназиях ведь этого нет. И ведь вроде ж безобидна, а так увлекает ребят. Как можно позволять?! Никак нельзя!

Аркаша согласно кивал, внемля своей начальнице:

— Начнут с нее, дальше перекинутся на картишки, а потом и на денежку. Я не могу дать такого позволения. Не имею такого педагогического права. Ты выяснил, Аркаш, отколь она пошла?

— Акулина Валерьяновна, по некоторым косым, неподтвержденным фактами,

предположениям зачинщиками новой игры стали воспитанники из...четырнадцатого дортуара.

— Хм. Четырнадцатый?! Это не там ли, где у нас новенький, с ретроградной амнезией. Как его там звали?

— Конов, Акулина Валерьяновна!

— Точно! Такой милый мальчик казался. Смутьян и возмутитель спокойствия! Как можно, великого князя не узнать. Мне так стыдно! И коллеги с гимназий до сих пор потешаются. Хотя вот...Емельян Емельяныч за него заступается. Тоже вот. Какой шкандаль будет, не представляю. Имперский приют и гонки. Надежды на парня возлагает. И Надежда Яковлевна просит к ней перевести...

Заведующая задумалась, ненадолго замолчала и продолжила:

— Аркаша! По поводу Конова. Вещует мое сердце, что с него то все и началось. Ты проведаль бы их там, поговорил. Предупредил бы по-свойски. Но осторожненько. Нам тут бузы среди ребят не надо.

— Сделаю-с, Акулина Валерьяновна! В лучшем виде!

На лестничном пролете я, догнав быстро спускающуюся вниз свою бывшую соседку по парте, остановил ее, слегка ухватив на плечо. Увидев меня, девушка даже несколько увеличила скорость спуска по приютским ступеням, видимо совсем не желая общаться. В последнее время после той серии рисунков для ее наставницы отношения были прохладными.

И что в них такого, подумаешь, девушку в открытом купальнике нарисовал. Не ее же. И все же, я попытался наладить с ней отношения.

— Анфис, ну постой. Ну пожалуйста. Ну не беги же ты от меня! Можно ведь тебя на один вопросик?

Девушка, остановившись на ступенях лестницы и надувшись, всем своим неприступным видом выражала свое отношение ко мне.

— Что вам сударь надобно?

— Анфиса, ну хватит дуться! Ну что я тебе такого сделал?

— Сережа, ты в самом деле не понимаешь, что сделал?

— Ну подумаешь, картинки нарисовал. Не тебя же. Это просто были мои фантазии.

— Да ты... да ты — вспыхнувшая вновь девушка не находила слов.

— Ну же...что...скажи, дай мне понять, чем тебя тогда обидел.

— Те рисунки. Они были откровенно бесстыжи и неприличны. Мне было невыносимо стыдно показывать твои весьма фривольные картинки своей наставнице.

— И это всё? И из-за этой ерунды ты меня избегаешь? А высказать раньше не могла.

— Не понимаешь, нешто, ты же меня перед Натальей Яковлевной ославил.

— Анфиса-а, к тебе-то какие претензии? Меня попросили нарисовать, а я через тебя передал. Ты тут совсем ни при чем! Надо будет, я Наталье Яковлевне еще нарисую. Это же только меня касается.

Девушка, размахнувшись своим портфелем, ударила им по руке:

— Охламон ты и бесстыдник! Все равно не поймешь! Не подходи ко мне больше.

И побежала дальше по лестнице.

Ф-фух, смотри какая! Похоже, я перестал понимать девушек. Вообще.

— Сергей! Садись. У нас с тобой будет серьезный разговор.

Я присел на подножки, тихо пыхтящей паром, заводской машины, стоявшей на обочине тракта. Только что вместе с Степаном Николаевичем целый час я гонял на всех парах. Руки от вибрации и жесткого хода подвески предательски тряслись мелкой дрожью.

— Думаю, Сергей, ты де догадываешься о причинах разговора. Но все же скажу. Мне был дан карт-бланш на твою подготовку к гонкам, в которых участвует наша мастерская. И сегодня я вконец убедился, что ты сможешь справиться и участвовать в них.

— А как же вы? Емельян Емельянович же...

— За это не волнуйся. Все оговорено с директором. Будешь там у нас запасным участником. Но готовить тебя должен. Как себя. Может де статья, подстрахуешь меня. Староват я уже для гонок, понимаешь? А участники там серьезные...

— Ну ладно. если вы так считаете...

— Считаю, но! Не думай...на этом твоя подготовка к гонке только-только начинается. Буду готовить серьезно.

— Ну Степан Николаевич, разве я...

— Не ной! Будешь принимать и изучать со всеми наш новый гоночный паровик, искать в нем недостатки. Понадобятся и твои замечания, улучшения. Прямо как тогда, когда паровик в подарок княжне готовили. Не думай де, что легко будет. Придется и поездить немало еще. Нужно приноровиться к нему, а также...

На следующий день Олежка рассказал, что в дортуар заходил Аркаша. И что, исподволь, хитря, пытался найти виновного в распространении вредной и теперь уже запрещенной в приюте игры. Не услышав, по его мнению, правдивых ответов, весь такой недовольный, ушел. И искоса, хитренько так, спросил:

— Серег, а правду рабочие на практической бают, будто ты на “Стрелке” участвуешь. И наш приют и мастерскую представляешь? Верно ли?!

— Да-да, скажи нам! — с этим каверзным вопросом пристали другие ребята нашего дортуара, гурьбой вставшие у моей кровати.

Все. Пипец моей тайне. Так хотелось сохранить ее подольше. Чтоб не приставали.

Видя серьезный настрой у собравшихся, пришлось отвечать.

— Правда, а что?

— Как что? И ты молчал! Да мы все за тебя болеть будем. Да что там. Весь приют будет. А ты молчишь.

Ага, на практической им сказали. Ну-ну. Клятвенно пообещав возмущенным таким положением ребятам в будущем исправиться, но все же просил особо об этом не распространяться. Ребята заверили, что будут молчать.

Но слухи о том, что воспитанник их приюта, будет участвовать в столичной гонке на машине их мастерской, все равно быстро разнеслись по всему учреждению. И теперь каждый норовил познакомиться, похлопать по плечу или хотя бы коснуться меня. Оригиналы просили автографы с комментарием. Будто я какая-то звезда первой величины. На перспективу. Девушки мне строили глазки, пытаясь завлечь “будущую” знаменитость в свои сети и заодно вконец увести от Анфисы. Она на меня еще дулась, а я отвечал ей взаимностью. Ее, кстати, вся эта ситуация приводила в весьма неоднозначное состояние. Она вдруг, то смеялась от неуклюжих попыток девушек флиртовать со мной, как она считала, своим парнем, на переменах, то срывала свою злость на окружающих ее подруг и знакомых, если увиденный ею прогиб она считала успешным.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— В честь смотра морской и воздухоплавательной императорской эскадры адмирала Сежавина его высочество своим указом объявил завтрашний день большим праздником и выходным днем. Соответственно, все воспитанники нашего приюта, как верные сыны и дочери нашего Императора, примут участие в проводимом празднике. Форма одежды парадная. Ребята, выходим к набережной организованно, завтра после завтрака. Спасибо, все свободны. Можете начинать готовиться. Сделав сообщение, Акулина Валерьяновна, отпустила всех наших с уроков. Ура!

Ну вот. Опять и снова. Весь вечер нужно чистить ботинки, натирать пуговицы, гладить одежду и себя марафетить. Хотя, лучше уж такой почин, чем завтра весь день на уроках сидеть.

Наутро, оставив малышей из младших дортуаров в приюте, сверкая на весеннем солнце начищенными пуговицами, большой организованной колонной все нарядно одетые воспитанники и воспитанницы нашего приюта в сопровождении учителей и наставников двинули к одетой в камень, красивой набережной Старого Петербурга, где на фоне прибой и морской синевы, больших старинных морских пушек, пыхтящих паром и дымом кораблей и клетотавших о чем-то чаек, любили совершать променады его жители. Где-то вдалеке в небе и воде в сторону набережной плыли, пыхтя дымом и паром, явно огромные корабли.

На набережной в ожидании скорого парада уже столпился народ. Было шумно. Какой-то военный оркестр играл духовую музыку. Куча школьников и гимназистов с других учебных заведений, пришедшие раньше нас, толпились у каменного бортика набережной. Чопорно разодетые по случаю праздника дамы в весенних пальто с белыми зонтиками в руках и важными господами под руку неспешно слонялись вдоль набережной. Зевак и попрошайки из бедноты неспешно сгоняли городовые. Впервые за столько времени моего нахождения здесь я на улице увидел столько нищих. До этого мне казалось, что их просто тут нет. Нет, они попадались мне во время прогулок, но это было так редко, что я совершенно уверился в их отсутствии. Вдалеке виднелись колонны построенных в линию каких-то военных. Рабочий люд стоял в сторонке, позади променадной дорожки.

Народ среди своих тихо шептался, мол недавно был один парад, теперь проводят другой. Поднимают верно военными парадами и патриотизмом национальный дух среди простых людей и молодежи. Не иначе император со своими адмиралами к войне готовятся.

Погрев немного в разговорах уши, я переключился на другое. Зачем об этом думать?! Тут, блин, такое зрелище! А посмотреть было на что. Большие, сверкающие белым с черным, бортами корабли и серые летающие туши приближались.

В-ва-ау! Вот это супер! Мощ-ща! Разок прокатиться бы мне на таком! И хоть бы порулить чуток. Ловлю себя на мысли, что потихоньку перенимаю здешние слова и выражения. Эх! Какие тут красавцы!

Рядом с похожими криками и стонами одобрения выражали свои эмоции мои товарищи. Девушки относились к пролетающим дирижаблям и плывущим кораблям подчеркнуто спокойно, словно не понимая, что же в них такого. Женщины, что с них взять! Наши наставники подробнее рассматривали проплывавшие в небе и воде суда через похожие на театральные, бинокли и монокли. Физрук, периодически вздыхая, рассматривал проходившие мимо корабли через свою подзорную трубу.

И хотя по ударной мощи, как мне показалось, вся эта техника сильно отставала от ТЕХ наших современных крейсеров и авианосцев, выглядела она не менее грозно. Что в море, что в воздухе.

Диктор на набережной проникновенно комментировал все происходящее зевакам и гостям через свою усилительную трубу:

— Дамы и господа! Сейчас мимо вас проплывает броненосный монитор “Северск”. А за ним эскадренный паровой фрегат “Победа”. Апосля него плывет эскадренный броненосец “Громобой”. В небе же летит новая звезда нашей военно-инженерной и магической мысли — большой ударный дирижабль воздухоплавательного флота его величества “Цесаревич”.

Затем были другие летающие и плавающие корабли. Сложно было упомянуть все названия. Пересвет-Князь Рюрик- Священный-Циклоп-Ураган-Диана-Слава-Император Александр-Светлана-Евстафий и еще более 50 кораблей и дирижаблей различных размеров, форм и мощи в небе и море. Парад закончился, оставив в моей душе чувство легкого разочарования, как показалось, столь быстрым окончанием. Хотя по часам, установленным на набережной, времени с момента начала прошло, наверное, не менее трех часов. Путь обратно в приют прошел в возбужденных обсуждениях всеми ребятами увиденного действия. Споров среди юношей и девушек хватало. Мальчики обсуждали пушки и прочие технические характеристики знакомых им судов. Девушки же, в основном, обсуждали преимущества военных и прочих людей в форме. По приходу выяснилось, что по случаю парада всех воспитанников ожидает праздничный обед. От неожиданной приятной новости буквально все парни радостно заорали, смущая своей выходкой наших девушек.

После праздничного обеда, которого вполне можно было назвать ужином, обсуждение парада продолжилось в комнатах воспитанников. В нашем дортуаре разговоры прекратились только после отбоя. Особенно упорствовал в этом Олег, честно заверяя всех ребят в комнате, что его отец, когда вернется за ним, возьмет его с собой на свой красивый белый пароход. Разубеждать его не хотелось.

Эх, хороший сегодня был день.

Директорская:

— Да вы что, с ума сошли? Что это вы тут мне принесли?

— Это прожект нового кузова для нашего гоночного мобиля.

— Вы с ума сошли? Я ж вас спрашиваю, Геннадий Николаевич?! Вы же опытный человек. Первый инженер мастерской. И вдруг такое, — это директор, в свойственной ему манере, гневно распекал подчиненного.

— Емельян Емельянович, скажите что нужно, я поправлю..

— Нет-нет-нет! Вы не понимаете! Ваш проект... не подходит. Совсем не подходит. Никак. Мало того, вам не кажется, что вы малость припоздали, Геннадий Николаич? Так долго. Сколько у нас осталось времени?! Чуть больше двух с половиной недель. Позже не могли прийти!?! Это же надо! Поймите, мой дорогой, с этим прожектом мы к гонке паровик не подготовим, на него еще минимум месяц нужен.

— Я же занимался транспортом княжны Александры.

— Я знаю, но вины с вас не снимаю. Идите и думайте! На проект “Пули” даю еще два дня. Не больше. Конова там привлечите, он же все еще ваш подчиненный. Из вас в прошлый раз получился прекрасный тандем. Все, Геннадий Николаевич, идите.

И замолчал, всем своим взглядом показывая, что разговор окончен.

Подавленный услышанной несправедливой и резкой отповедью, инженер вышел из кабинета директора и пошел к себе. Молоденькая секретарша, слышавшая раздававшиеся из директорской комнаты, гневные крики начальника, сочувственно проводила его взглядом.

— Сергей, опять нужны твои идеи. Мой проект кузова “Пули” Емельяныч зарубил. Отправил думать. На все про все дал два дня. Давай помогай советом.

— Геннадий Николаевич, я же в гонке участвую. Когда мне? Степан Николаевич с меня за городом три шкуры каждый день спускает. Еще и класс, и домашние задания.

— Да знаю я, знаю. Но и ты пойми. Тебе же на ней ездить скорее всего придется. Неужели тебе все равно? Вряд ли, ты же первый интересант. И времени нет. К тому же, ты же вроде бы за это у нас деньги получаешь. Вот и отрабатывай.

Это он точно сказал, отрабатывай. Раз назвался груздем. А времени нет совсем. Ни у кого. А раз так, надо быть проще. Совсем проще. И люди к нам тогда потянутся.

Вечером пришлось потрудиться. Ребята, в очередной раз, словно по традиции, поинтересовавшись моим замыслом, отстали. Порисовав немного, так и заснул, с рисунком и карандашом в обнимку. На следующий день продолжил портить бумагу. Рисовал наброски на всех перерывах, но к практической идея была готова.

Такая.

— Серега. Гениально! — первые слова, сорвавшиеся из уст инженера, в очередной раз смутили меня.

Рисовать вещи просто — это очень сложная задача. Не знали? А вы попробуйте как-нибудь на досуге. Сложно придумать. Трудно рисовать вещь красивую в своей простоте, избавляясь от любых лишних деталей и элементов в дизайне. А если рисуем что-то для производства, нужно в голове держать и процесс изготовления вещи. Да-да, как именно совершенно конкретный кузовщик Петров и клепальщик Сидоров будет выполнять это изделие. До того, как получится что-то стоящее и удобоваримое, можно перебрать множество вариантов. Проще задумывать в голове. Но зато, когда образ более-менее складывается, карандашом работать легче всего. Простые линии ‘Пули’ на моих эскизах понравились решительно всем. Мне, наверное, показалось, я точно не знаю, что в этот момент наши производственники даже спокойно...выдохнули.

Обрадовал, значит.

— Здесь нужно ставить конденсатор! И от него уже вести...

— Нет, Силантий Евстигнеевич! Сюда отлично встанет радиатор.

— А можно как-то их совместить? И конденсатор, и радиатор?! Зачем тогда нам нужен будет лишний бак с водой? Это же целых 15 галлонов. Вдруг получится, уменьшим вес паромобиля.

— А в этом что-то есть, Сережа.

— Нужна другая схема запуска паровика. Десять минут на прогрев котла, ну куда это годится. Остановят гонку вдруг или в дороге сломаемся. Пока починим, пока будем запускать, за это время наши конкуренты оставят нас далеко с носом. Придумайте другое устройство запаливания парового двигателя.

— Предлагаю, пока есть время, доработать нашу заводскую машину, поставив иной парогенератор. Гонка долгая, мало ли что.

— Нет времени, а ежели ставить, тогда и на “Ноль девятую” надо ставить! Княжна еще обидится, что все лучшее не ей.

— Шасси мы подвешиваем на осях? Аль кладем на оси?

— Оси тут надоть усиленные вместе с усиленными пальцами, кулаками и рулевыми тягами.

— А может назад поставим оси заморские от Salisbury?

— Отделку всю долой. Только комфортное сидение оставляем. Контролеру тоже. Чай за день не переломится.

Подножки и крылья со всех колес долой! Все на снижение веса.

— Ну как же. К вечеру вы от грязи на чертей будете похожи.

— Долой! Все долой!

— Давайте рессоры поставим. Передние и задние полиэллиптические.

— Нет-нет-нет! Давайте ставить сюда эластичные рессоры, а-ля “кантилевер” от Ланчестера. Дороги на тракте худые.

— Всю арматуру и медные детали обязательно никелируем.

— Тормоза барабанные везде или только сзади, а поперед ставим по паре сжимающих и паре разжимающих?

— А может счётчик скорости Стюарта поставим.

— Контрольную доску с бортовыми приборами куда? В центр или влево?

— Какое лево. В центр ставь!

— И обязательно четыре газовых фонаря спереди и пару сзади. Как можно вечером в по темноте гнать.

— Бутыль с газом не забудьте в комплект.

— Шины на ободах. Как на “Александре”. И пару запасок на всякий крепления нужны.

— А чьи шины ставим? Гудьирь али фабрики Морган энд Райт.

— Обязательно паровой свисток-ревун, домкрат, насос, инструмент для починки

Вот так, из таких вот рабочих обсуждений с командой, по машинам мастерской и нашей княгини складывался почти каждый мой практический день в мастерской Арбузова. За исключением тех дней, когда наш заводской водитель, а по совместительству гонщик команды, принимался натаскивать меня на нюансы гонки. После классных занятий пулей я летел в мастерскую, где под восхищенные взгляды наших ребят вливался в обсуждение рабочих моментов. Каждый день были дебаты с механиками-двигателями, Геннадием Николаевичем, кузовными и прочими производственниками.

Видя, что и Петька с Олегом тоже тянутся участвовать, уговорил-таки цехового мастера Андреича привлечь моих друзей к работе над проектом подсобниками.

И вскоре наша команда в полном составе так или иначе участвовала в процессе работ. К вечеру ребята, усталые, но гордые от чувства сопричастности к большому делу, гордо вышагивали в сторону приюта, делясь друг с другом интересными моментами дня.

— А что это вы тут делаете, le jeune homme (молодой человек)?! — внезапно раздался за моим ухом строгий женский голос. От неожиданности я даже вздрогнул. Обернувшись, я увидел стоящую вместе со мной Анфисину наставницу, Надежду Яковлевну. Она стояла в закрытом темно-синем платье с черной ленточкой, отчего ее вид становился весьма чопорным.

— Ну и что же вы тут делаете, в гладильной. Сегодня ведь очередь девушек гладить. Не ваша. Напомните, кажется, вас Сергеем зовут?!

Я кивнул ей утвердительным кивком.

— Ну так что?

Я замаялся, одновременно стараясь убрать с зоны видимости свои боксеры и борцовку. Стыдно же, нижнее белье перед чужими светить. И так их стираю и глажу тут в одиночку, чтобы вообще никто ничего не видел. Но мои потуги не остались незамеченными. И

Надежда Яковлевна протянула руки к моим глаженным тряпкам. Да и как их не заметить. Яркие цвета, прикольные принты из комиксов фиг не заметишь.

— Это что такое?

— Нижнее белье, Наталья Яковлевна. Исподнее.

— Оу! Исподнее?! Правда?!

— Правда-правда.

— Оу. Вы вновь меня удивляете, молодой человек. Какой оригинальный фасон для мужчин. Никогда такой не видела. Опять ваша задумка?!

— Ну да, — горестно киваю и краснею: — Моя!

Дама постояла с минуту, со всех сторон рассматривая мои поглаженные вещи. Она, совершенно не смущаясь и вообще словно никого не замечая, уверенными профессиональными движениями их растягивала, сжимала, смотрела на просвет и щупала ткань в рубчик, прострочку нитей и напечатанные на тканях прикольные рисунки, о чем-то одновременно задумчиво размышляя. Взглянула на меня по-новому, даже как-то оценивающе, отчего вогнала в краску еще сильнее:

— Да не тушуйтесь вы так! Вы и краснеете. Полно! Знаете, что я хочу вам сказать, молодой человек. Вам обязательно нужно перейти ко мне в мастерскую. Просто настаиваю на этом. Я оценила ваши идеи и вижу в них большое будущее. Пусть они нынче скандальны, но я не буду мадам Ламановой, если не скажу, что они новы и весьма практичны. Без этого в нашем деле — никуда. Так что бросайте свои мобили.

Ну-ну. Разбежалась мадам. Пришла тут и сразу все бросайте. Будущее она мое видит. Сам не вижу, а она видит. Как же. Ф-фух, вот пристала.

Как ни были заманчивы ее слова, но согласия я мадам Ламановой не дал. И направил ее по нужному адресу. Сослался на то, что я уже работаю у Емельяна Емельяновича в мастерской. С кого мол теперь и весь спрос. Согласится он отпустить, тогда и поговорим. А директор, знаю, мужик ушлый. Рисковый, но своего не упустит.

— Емельян Емельяныч, к вам гостя.

— Кто-ж? Я никого не жду.

— Она представилась мадам Ламановой.

— А-а-а-а, наша эмансипе. Царица ножниц и иголок! Пуцай!

В кабинет вошла ухоженная дама в стильном платье.

— Хо-о-о, кого я вижу! Сама госпожа Ламанова в моем царстве стали и пара! Какими судьбами вас сюда занесло?

— Емельян Емельяныч, с годами вы не меняетесь. Все такой же le bonimenteur. Грубиян. Фи!

— Уж извините, какие есть.

— Дела, Емельян Емельянович. Дела.

— А все же? Я вас слушаю.

— К вам на практическую ходит один интересный le jeune homme (молодой человек). Он мне нужен. Я хотела бы забрать его к себе.

— М-да? И как его зовут?

— Конов. Сергей Конов. Он будет работать у меня художником по костюмам. Модистом.

— М-да?! По костюмам? Модистом? Надо же, наш пострел везде поспел. Видите ли, дорогая Надежда Яковлевна, вы малость припоздали. Энтот молодой человек уже работает

на меня. Художником по паромобилям. А теперь на него у меня и другие надежды. Так что не видать вам парня, как когда-то моего кольца. Понятно! Не отдам!

— Николаич, как продвигается подготовка Конова к гонке,

— Хорошо, продвигается, Емельян Емельянович. Сергей пока не подвел мои ожидания.

Считайте, что практически готов. А гонка покажет. Вот только...

— Что с тобой, Степан Николаевич?! Вам плохо?

— Сердце де барах...

Старый гонщик схватился за сердце, одновременно качаясь. К нему подбежал директор, перехватывая того и усаживая в ближайшее кресло. Расстегнув воротник, он крикнул своей молоденькой секретарше:

— Юленька, вызывай фельдшера скорей! И носи сюда каплеь сердечных с водой!

Николаичу плохо.

— Успел-таки, Емельяныч, смену де сготовить. Как чуйствовал.

— Молчи-молчи, старый, все будет хорошо...

Придя на практическую, Сергей был сражен новостью дня. Гонщика Николаича на мобиле мастерской отвезли в больницу. Правда, через три дня его выписали. Но факт остался фактом. В тот же день Сергея вызвал к себе директор:

— Сергей, думаю ты знаешь, что Степан Николаевич на ‘Стрелку’ не выйдет. Не зря он готовил тебя сменным водителем. Других вариантов нет. Так что готовься. Надеюсь, что ты не подведешь.

— Я постараюсь, Емельян Емельянович.

— Иди лучше, готовься.

Когда дверь за парнем закрылась, директор налил стопку водки:

— Ты уж постарайся. Столько денег в эту затею вложено. Не хотелось бы на ветер...

И разом выпил стопку до дна.

За день до пробега технической командой нашей мастерской были проведены последние сборы и, погрузив подготовленный гоночный паровик на тот же самый грузовой паровик, на котором мы везли “Александрю”, двинулись в путь. Наша колонна, как и в прошлую поездку в столицу, состояла из нескольких паромобилей. Помимо, бессменного Емельян Емельяныча, инженера мастерской и нескольких слесарей-механиков и вашего слуги, к колонне примкнул зеленый омнибус с командой, так сказать поддержки. Из числа отличившихся, освобожденных по такому случаю, ребят и девушек нашего класса вместе с ответственными сопровождающими, физруком Евграфом Матвеевичем и с помощником классного наставника. Чему все наши были несказанно рады. Ну как же. Далекая поездка в другой город, в столицу, на омнибусе, на три дня. Такая возможность сменить, доставший всех до чертиков, приют на четыре дня в столице. С проживанием в доходном доме, питанием и культурной программой по столице. Я догадываюсь, для руководства это было одним из способов воспитательной работы, тем более на начале пробега обещался присутствовать его Величество с семьей. Степан Николаевич в связи со лечением обещался прибыть попозже, к началу пробега.

— Новая драка лучшее средство от одиночества...

Сегодня день гонки. Представьте себе большое поле, частично огороженное. За временной оградой внутри небольшого участка поля все заставлено паровиками разных

систем, марок, форм и конструкций. С самого утра на этой площадке, отведенной для технических служб и подготовки паромобилей к гонке, ажиотаж. Теснота, все вокруг куда-то с серьезными лицами носятся. Зеваки и представители команд-конкурентов ходят среди транспортных средств. Иногда проходят наблюдатели от Комитета пробега, организаторов гонок, с каким-то камнем в руке. Как сказал, Степан Николаевич, запрещенку в машинах ищут, в смысле магические устройства.

— Ну народ! И чего они все такие, нервные-то? Ну гонка, ну много участников. И что такого? Даже посмотреть нельзя.

Удивляться было чему. Ибо здешняя публика совершенно не принимала во внимание любопытство к стоящей на площадке гоночной паровой технике одного начинающего гонщика. И вообще ничье любопытство. Видя в любых проходящих мимо людях, представителей какой-то одной из конкурирующей с ними команд, способных перед гонкой сделать любую пакость, пилоты заранее начинали хамить и гнать такого ходуна подальше от себя.

Вот и я также попал. Некоторые гнали цивилично, почти на грани неприличия, типа посторонним посмотри воспрещен, а то ходят тут всякие. Другие — несколько высокомерно, сквозь губу, цедили, мол, когда подрастешь, тогда вот и приходи. Нет, ну какие ко... А некоторые явно нарывались. Вот один мужик мне так, с угрозой в голосе понес матом, сразу оскорбив:

— Остолпень, а ну шустро дуй отсель, пока из тебя божедурью глазопялку не сделал. Будешь еще тут фуфлыжничать.

— Дедуль, на себя посмотри. Басалай и белебенья брыдлый.

За это недолгое время пришлось освоиться и с местным матом, попутно обогатив наших ребят своим. Меняться так меняться. Еще бы не выучить, когда под боком такой учитель. Кто? Да Иван Скоробогат с Игнатом-Соплей. Вот еще те матерщинники. Иногда, выражались, прямо как сапожники, вгоняя в краску ребят. Неволей сам выучишь.

— Ах ты баба бессоромна!

— Сам ты тартыга скапыжная, пустобрех пустошный, мордофиля насупоненная. Костеря из тебя знатный...

Мужик, не ожидавший от высокого подростка, такого обширного перечня эпитетов в свой адрес, аж язык свой проглотил. Только несколько раз открыл свой рот, плотая воздух. Наконец-то, к нему вернулся голос:

— Ах ты, страмецъ! Зашибу-у!

И побежал на меня. К нему тут же рванули остальные члены его команды, пытаюсь перехватить и удержать того от необдуманных действий. Но не успели. Ибо мужик, подбежав с явным намерением врезать строптивца по морде, поскользнулся, едва ступив в единственную на всю округу грязь от высыхающей лужи. Жахнул громкий хохот. Упав и вовсю измазавшись, он сделался для всех окружающих объектом язвительных и обидных насмешек:

— У-у-у, неповоротень сиволапый.

— Экий ты, мужик, михрютка! Так изгваздаться уметь надо. На всем поле свою грязь нашел. Как есть михрютка.

— Развисляй ерохвостый, ха-ха. И чего к парню пристал? На тракте бейтесь, а тут — не надо.

У мужика после падения враз все желание ссориться отбило. Кряхтя и сплевывая,

медленно и с трудом в грязи вставая, с ненавистью в глазах, мужик все же как-то поднялся и пошел к своим, по дороге пытаюсь себя отчистить. Военственный задор его угас также быстро, как и вспыхнул. Ну а я, отсмеявшись вместе со всеми, только пошел дальше:

— На тракте встретимся, дядя.

Посмотреть на Гран-При, в просторечии народом названное ‘Стрелкой’, поутру собралось немало народу. А смотреть было на что. Мероприятие состояло из культурной части перед самым стартом, напутственных слов, представления участников пробега и собственно самого пробега, в финале заканчивавшимся награждением. Почти перед самым началом Гран-При на поле сел огромный дирижабль, по рампе которого съехало несколько представительных черных паровиков трипль-фаэтон марки “Делоннэ-Бельвиль”, на которых прибыли их Величества Император с супругой, семьей и многочисленными родственниками. По прибытию главных гостей повели в недавно отстроенный павильон, где под его крышей были представлены многочисленные новинки паромобильных компаний.

Как участнику гонки мне было дозволено пройти туда, среди прочих важных VIP-гостей. Пошел туда вместе нашим директором, господином Арбузовым. Вдоль павильона в две шеренги стояли сверкающие лаком, никелем и латунию, вкусно пахнущие, паровики, которые тут же заставили меня вспомнить таковую “Александру”. Едва зайдя вовнутрь, меня поразили, висящие под крышей в интересных взгляду положениях, несколько новеньких паровиков.

Как они там оказались? Ума не приложу. Наверное, опять магия, про которую часто говорят, но до сих пор не видел. Позади его величества было много, нарядно и празднично одетых, важных гостей, гонщики, газетчики, организаторы гонки. И, конечно же, охрана в большом количестве. Его величество, увидав меня, краем рта улыбнулся и озорно мигнул глазом, после чего наклонив голову ее величеству, что-то зашептал рядом стоящей супруге.

Что-то явно про меня. Наверное, рассказывает, как кое-кто кое кого не признал. Анекдот бродячий. И вправду, ее Величество Императрица с интересом выглянула из-за спины мужа, тоже улыбнулась и пошла дальше. За ними шла ее высочество княжна Александра в неизменной летной кожаной куртке в окружении нескольких нарядных девочек и девушек, видимо своих сестер. Увидев меня, она тоже улыбнулась, приложила пальчик к губам и шепнула “Позже!”.

Позже, так позже. После недолгого осмотра паровиков все повалили на улицу, где Императора с семьей повели в императорскую ложу. Ну а я побежал к своим, по пути приветственно помахав рукой нашему классу. Наша вся честная компания дружно заорала, одновременно растягивая плакат с надписью “Старо-Петерсбургский Имперский приют трудолюбия. Серега, порви их всех!” Ха-а, мое словечко. Когда только нарисовать успели?

Члены команды были там же, юрко снуя между паровиком, в последний раз осматривая и проверяя его перед гонкой.

— Серега, тут тебе попугайчика де подсаживают. — шепчет мне старшой, который все же вышел к нам участником технической команды:

— Контролера. Над душой де твоей будет — тут Степан Николаевич тихонько выругался — Ты уж там поаккуратнее, в пути-дороге-то. Гони, но не лихачь. Думай головой, живая душа, с тобой-то, не дрова везешь.

Согласно киваю.

— Знакомьтесь. А вот и наш гонщик. Сергей Конов.

— Здравствуйте! Олег Бойко. Инспектор, назначенный вам от организатора Гран-при.

Буду с вами до конца пути. Моя задача-записывать в блокнот гонки все поломки, время прибытия и все события, произошедшие в течение гонки. Помощь участнику в ходе гонки в мои обязанности не входит и прямо запрещено правилами гонки, но при необходимости, могу участвовать. Правда на многое не рассчитывайте. Авось, будем надеяться, в пути все же моя помощь вам не понадобится. По совместительству являюсь постоянным репортером газет “Имперский паромотор” и ‘Салонь’.

— Здрасьте, бум знакомы. — здороваюсь я.

— Вы уж меня не убейте там. В дороге-то. Мне еще матерьял в редакцию завтра сдавать. Договорились?! А то знаю я вас, гонщиков. Наобещают с три короба, а сами...

Здрасьте приехали. Мало того, что мужика незнакомого мне в мобиль посадили, так ещё и он репортером вдобавок оказался. Ну и что правила. Будет мне всю дорогу мозг выносить своими расспросами. Известности мне еще не хватало. Про мое прошлое, как пить дать, ковырять будет. Что да как. Да еще гнать, но не лихачить. Это как?! Хоть бы сказал, как, Степан Николаевич. Как по мне, боишься — сиди дома!

Стою в каком-то отуплении, смотрю в одну точку:

— Чегось смотришь-то? Мешаюсь нешто? — брякнул здоровяк, стоявший очень близко к нашей ‘Пуле’, гонщик одной вуатюретки.

— Есть немного, не переставите?! — лишь бы отстал, хотя тут и вправду тесновато.

— Погодь, малец, сейчас все устроим.

И этот здоровяк, легко поднял и переставил свою тачку, напомнив мне собой и этим действием памятную сценку “ну где этот чертов инвалид”. Прыснул от смеха в кулак. Мужик тот правда моего смеха не понял. Точно не понял. Так, быстро цепляем серьезную маску на лицо и усиленно занимаемся своим делом.

В последние свободные до начала приветственного слова и наставлений минуты решил подойти к ее высочеству Александре, благо она уже была в числе участников. В окружении нескольких гонщиков ее команды и некоторых механиков, виденных мною на приемке паровика после ремонта и “прокачки” в арбузовской мастерской. Неподалеку в разных сторонах поодаль стояло несколько мрачных крепких типов, под полами плащей которых угадывались очертания парострелов. Один из них, увидев, что направляюсь прямо к объекту охраны, быстро пошел мне наперерез, пытаясь преградить мне путь.

— К кому?

— К ее высочеству.

— Нельзя, не положено.

— Позовите, она меня узнает.

— Не имею распоряжений на ваш счёт, — больно хватаясь за мою руку и тут же охнул сам, хватаясь уже за свою защемленную руку: — Да ты...

Но княжна уже заметила меня раньше, в приветственно замахав рукой:

— Мальчики, пустите его. Это ко мне!

Один из “мальчиков”, видимо главный, кивнул остальным и охрана, как ни в чем не бывало, вернулась на прежние места. “Обиженный” не отходил от меня до тех пор, пока княжна не отправила его к остальным.

— Мое почтение, ваше высочество. Рад видеть вас среди участников гонки.

— Приютский! Вернула она мне мою подколку и оглядев с ног до головы: — Сергей, а что ты тут делаешь, да еще... только не говори мне, что ты тоже участвуешь.

— Да, вот участвую. Участник гонки от мастерской Арбузова.

Она представила меня своим напарникам по команде:

— Это тот самый, что батюшку моего его величество не признал. — тут все засмеялись:

— И мою любимую “Александрю” делал. Ты уж прости, что я тебе тогда гадостей наговорила. Позже я оценила ваши старания.

Смех спутников тут же сменился удивленными возгласами. Киваю на ее “Молнию “:

— Как вам паромобиль?

— Ах! Превосходно — и прищурившись: — Неужто и к ней ты руки приложил?

— А как же?

— И к своей приложил?! Во-от та, серебристая? Ваша?

— Приложил. Наша. — согласился я.

— Когда ж ты все делать успеваешь? — это был риторический вопрос.

— Ну. Стараюсь.

— Но, надеюсь, моя лучше?

— А как же. Лучше прочих, но надеюсь с вами на своей потягаться.

— Ах вот как. Мог бы и потрафить девушке, сказав неправду. Эх, воспитывать тебя и воспитывать. А хотя нет, лизоблюдов и подхалимов в моем кругу хватает. Нет, лучше оставайся таким. А то неинтересно будет. А мне и моим спутникам на тракте конкуренция явно не помешает. Только воюем, Сергей, по правилам, без подлостей, хорошо?! Договорились?!

— Договорились, ваше высочество. Подлостей от меня не ждите.

— Тогда встретимся на тракте. И не дерись боле с моими. Не всегда же я буду рядом.

Они же люди подневольные, у них приказ.

Расставшись с ней и ее спутниками, пошел к своим. Степан Николаевич встретил ворчанием, произнеся слова, явно намекавшие на свой опыт:

— Зачем туда ходил, Сережа? Попомни мои слова, дружба де со знатными до добра не доводит.

Как предчувствовал.

Объявили минуточку внимания. На площади перед, собравшимся поглядеть на старт гонки, зрителями и участниками гонки, стоявшими возле своих паромобилей, проникновенно и задорно начал вещать приглашенный организаторами ведущий гонки:

— Дамы и господа. Рад приветствовать вас на самой престижной гонке этого сезона Гран-при Императорского Тартарского Паромобильного Общества “Пробег на кубок Императора”. Именно здесь, под Новым Петербургом на Волховском тракте испытают свои силы участники команд, собравшихся здесь. Маршрут нашего пробега длиной в 400 верст разбит организаторами гонки на шесть этапов. К вечеру все участники должны финишировать здесь, в конечной точке нашего пробега.

— Сей час на стартовой линии стоят паромобили, прибывшие к нам из Англии, Австро-Венгрии, Франции, Мерикинии, Нихон. Вот там стоят мобили дойчей и сенов. И конечно же, самое большое количество участников — представляют паромобильные общества и частные заводские команды Гран-Тартарии.

— К старту допускаются любые паромобили с любыми характеристиками, за исключением грузовых мобилей, омнибусов, феномобилей и пароциклов. Основное требование к участникам — пройти всю дистанцию, не превышая скорость более 100 верст в час, без штрафных очков, которые начисляются как превышения скорости, за поломки, ремонт и регулировку мобилей в пути, так и за опоздания в прохождении этапа и

несвоевременную подачу на стартовую линию. А еще — полный запрет на применение в гонке и в конструкции мобилей магических и техномагических приспособлений. Только паровые движители. Голая тяга и механика. Для чего после технического осмотра в каждый мобиль будет посажен независимый контролер, строго и беспристрастно следящий за всеми действиями гонщика в пути.

— А теперь представляем вашему вниманию всех участников гонки — известную команду De Dion-Bouton со своим новым паровиком в кузове “торпедо” “La Marquise type 10”. Аглицкая команда Alldays@Onions, прибывшая к нам со своим открытым мобилем Roadster 40/45. Завод ‘Воксхол’ из Англии представил на гонку свой одноименный стильный гоночный ‘торпедо’. Две восточные команды из далекого Нихон — представляют необычного вида гоночный паровик в кузове “токио” под названием “Yamaba” с его создателем Торао Ямаба за рулем и оригинальной конструкции паровой ландолет “Takuri” команды Tokyo Jidosha Seisakusho. Команда с капитаном Маркусом во главе, прилетевшая к нам из Австро-Венгерской империи со своим гоночным, переделанный из дорожного, паровиком Graf @ Stift. Четыре команды, прибывшие к нам из далекой заокеанской Мерикиани. Среди которых, команда известного всему миру гонщика Фреда Марриотта со своим гоночным мериканского типа “Stanley Super Rocket”. Команда братьев Дублей со своим фаэтоном Double-Detroit Model S. Команда братьев Лео и Анри Гарднеров-Серполл со своим новым, подготовленным специально для нашей гонки, паровым дубль-фаэтоном “Easter Egg 05”. И гонщик Уайт с сыном на своем личном деми-спортивном торпедо Packard Bell.

— Особняком стоят гоночные машины, выставленные на гонку Императорским гаражом Великого князя во главе с капитаном команды и участником гонки ее Императорским высочеством княжной Александрой. Самой бесспорно красивой и смелой девушке и капитану команды на спортивной гоночной ‘Ноль девятой Молнии’ наше трехкратное гип-гип-ура! Гип-гип-ура! Гип-гип-ура!

— Мобиль-фургонь “Скорокат” изобретателя из Варшавы Вольдемара Янкевича. Команда князя Вересаева с Вересаевым-младшим за рычагами мобиля Лаурин-Клемент в кузове а-ля “токио”. Бесшумные паровые машины в кузове ‘шарабан’ представлены заводской командой ‘Дуксь’. Заводская команда с фабрики кароссери ‘Тартарь-Балт’ со своей новинкой — паровым дорожным фаэтоном, подготовленным к жестким тартарским дорогам. Тартарский завод паромобилей И.П. Пузырева с гоночным ландо необычной конструкции. Экипажно-паромобильная фабрика Ильина с туристической моделью ‘Люк’. Экипажная фабрика Крюммель@ Готчкисс со своим дорожным мобилем Grand Luxe. Вуатюретки Бебе от общества любителей паровых вуатюреток Пежо....

— И наконец, заявленный в самый последний момент, участник нашей гонки, гоночный паромобиль “Пуля”, подготовленный командой из мастерской паромобилей Арбузова. Весьма пикантный момент, за рулем заявлен начинающий гонщик, некий воспитанник Старо-Петерсбургского имперского приюта трудолюбия, пятнадцати лет от роду.

— Кто же этот бесстрашный малый, не убоившийся сразиться с самыми именитыми и маститыми гонщиками? Пожелаем же ему удачи в предстоящей гонке. После этого вступления гонщики отправляются в последний раз готовиться и проверять свои паровики, а мы с вами, уважаемые дамы и господа....

— Все мною сделано, как вы просили, господин. Вы будете довольны. Все в условленном месте, как договорились. Где мои деньги?!

— Прекрасно. Я знаю, ты никогда меня не подводил. Капитан, ты хорошо потрудился, но знаешь, ты выбрал не ту компанию. Где деньги?! Сейчас получишь! Цин?!

— Вы о чем, господин?!... Ха-ак... За... что?

— Все очень просто, капитан. Ты послужишь нашему делу. Как говорят эти тартарцы, концы в воду. Фаньцзы!

В последние перед стартом гонки минуты от нервных переживаний Сергею понадобилось отойти в уборную. Степан Николаевич, скрепя сердце и ворча, все же разрешил отойти.

— Нашел, Сергей, время! Раньше не мог?

Отхожее место для гонщиков было организовано неподалеку, в уборной, принадлежащей одному из приличных городских трактиров. И уже сделав свои дела и выходя со двора на улицу, из-за угла ему повстречался, вышедший из-за угла, скрючившийся, весь в крови, зажимающий свой бок, раненый мужчина восточно-тартарской наружности. Увидев парня, он устало прислонился к стене, медленно сползая на землю.

— Эй, мужик, кто же тебя так?

Мужчина тихо зашептал:

— Что? Что вы говорите? — я затих и не дыша, вслушивался в его слова:

— ...преди. Герцогиню. На пятом этапе. 25 номер. Убью...

Голова раненого бессильно откинулась вперед. Раненый мужчина умер.

Поднявшись с земли, я вначале немного постоял в задумчивости, решая, что же мне делать в сложившейся ситуации, а потом отмер и быстро рванул к своему паровику, одновременно, на бегу, напряженно обдумывая свои дальнейшие действия. Речь явно велась об Александре, потому что в составе участников гонки других женщин-герцогинь не было.

Взглянул на часы, показывающие отсчет до начала гонки. Надо бы сильно поспешить. До начала оставалось какие-то пять минут. Времени предупредить ее высочество, транспорт которой стоял почти в самом начале у клетчатых флагов на второй линии пелетона, у меня уже не было. Или я участвую в гонке и как-то там успеваю ее предупредить, или не успеваю предупредить вообще и не участвую в гонке. Припустил к машине со всех сил. Когда добежал до своего паровика, времени осталось совсем чуть-чуть. Ф-фух! Успел! Все гонщики уже давно сидели в своих паровиках, окутывая соседей паром от прогреваемых котлов. Николаич, дождавшись парня и помогая ему усесться в кокпит паровика, цветастро ругался. Рядом сидел контролер, укутанный в серый плащ, платок и в больших очках.

— Да где ж тебя, зараза, носит? С горшка пораньше слезть не мог? Без тебя же все уедут. Меня бы подвел перед Емельян Емельянычем. Старт через минуту.

Напряженно дыша после бега, принявшись одевать гоночный шлем, Сергей одновременно начал рассказывать старому гонщику о том, что случилось с ним в туалете:

— Николаевич, понимаешь, на Александру, княжну, в гонке на пятом этапе планируется нападение. Возле уборной одного мужика зарезали. Он и сообщил перед смертью. Надо...

— О чем ты гришь, какое еще нападение? На кого? Кого зарезали?

— Найди княжеских людей! Скажи им! Просто скажи!

— Что им сказать?

В воздухе слышен громкий хлопок выстрела паропушки. Все заволочло клубами пара. Старт.

— А-а-а-а! Просто скажи им!

— Да кому сказать-то?

Вздыхая клубы пара, все гоночные мобили сдвинулись, с места набирая скорость, с ходу начав маневрировать, пытаясь в процессе разгона обойти и оставить за собой как можно больше конкурентов, застолбив в гонке место получше.

Над гонкой парило несколько малых дирижаблей, нанятых организаторами гонки. В каждом из них, помимо стюардов, в правилах которых был надзор за ходом гонки, поведением спортсменов на всем протяжении пути и соблюдением иных требований, сидел и комментатор. Он, в реальном режиме следящий за гонкой, отправлял актуальные сообщения и свои комментарии телеграфной связью прямо в штаб. Где распечатанные ленты сообщений немедленно передавались ведущему диктору, который сообщал приглашенным и гуляющим в зале именитым гостям актуальные новости и произошедшие события. Они тут же разлетались с пометкой “молния” во все печатные издания и новостные агентства. На огромной разграфленной таблице с номерами помощники выставляли актуальное положение машин на каждом этапе и под-этапе гонки. В режиме он-лайн посредством большого конвексного зеркала комментатор иногда демонстрировал штабу и фланирующим по его залу гостям мчащиеся по дорогам гоночные паромобили. Передача изображения на большое расстояние и большое зеркало требовала больших затрат магической энергии, поэтому зеркало включалась его оператором на подъезде гонщиков к действительно интересным участкам гонки.

— Ну давай-давай-давай, родная. Пулечка, ну давай, милая, поднажми. Да что ж так ты раскочегариваешься долго?! А-а-а-а!

Смешно бибикая маленьким клаксоном и пофукивая паром, словно в насмешку, наш медленно едущий паромобиль объехали две маленькие, словно игрушечные, вуатюретки Пежо. Этот дикий ужас и стыд с нами случился из-за того, что мне приспичило в уборную. Пускай я там и узнал о покушении, но. Было потеряно драгоценное время и теперь, разогревая котел до нужного давления в движении, мы, на старте пропустив вперед практически всех участников, на слабой тяге под звуки ‘вчих-вчих’ и цокот цепей, посредством которых передавалось движение на задние колеса, плелись в самом хвосте гонки. Контролер, напарник по гонке, сидящий рядом, запускать мой мобиль не имел права, равно как и наша техническая команда не могла — нарушение правил с дисквалификацией. Самому все надо. Ручками. Говорил же, надо заменить систему запаливания с радиатором, но нет же. Времени нет-времени нет. Поставили промежуточный вариант с водяным охлаждением и вентилятором в багажном и движительном отделении. И так там все плотненько-плотненько упаковано. Резервуары для воды и сжатого воздуха, емкость для пластов странной смолы, служащей горючим топливом для первичного запаливания котла, горелка с запальником, линии переплетенных труб и трубочек, несколько манометров и колба уровня воды, регуляторы и вентиля, четырехпоршневый мотор с бойлером-парогенератором, насос. Даже глушитель там имеется. И рули управления воткнуть нормальные вместо рычагов удалось. А все остальное нет. Мол, и так сойдет. Вот блин. Сошло.

Инспектор спокойно сидел рядом. Молча, но его состояние выдавал только нервный перестук пальцев по борту нашей “Пули”. Верно думал, что уж на такой машине я прямо сразу пульну в первые ряды. Ну ничего. Все у нас впереди. Главное только, добраться до княжны.

— Шеф-шеф, я иду под двести, а они убрали колеса и пошли на взлет

— Уважаемые дамы и господа. Как сообщают нам комментаторы с дирижаблей, все участники разделились на пять групп. Первую группу составляют все болиды из Имперского гаража, едущие в плотном потоке с ‘Ракетой’ Фреда Марриотта и Гарднерами-Серполле с их дубль-фаэтоном “Easter Egg” под номером 05. Их догоняет аглицкий мобиль ‘Воксхолл’ под номером 12. Во главу гонки уверенно вышла наша красавица, ее высочество, на ‘Молнии 09’

— Места во второй группе делят между собой гонщики нихонских и австро-венгерской команд, в конкуренции с паровиками свенов и дойчей. В третьей группе за места борются многочисленные усиленные дорожные и доработанные туристические машины большинства отечественных команд. В лидерах третьей группы нынче князь, молодой Вересаев-младший, едущий на подготовленной Лаурин-Клемент. В затылок ему дышит пузыревское гоночное ландо весьма странной конструкции, которое пока не дало команде выбиться в лидеры гонки. Посмотрим-посмотрим позже.

— В четвертой спокойно, без конкуренции, едут многочисленные паровые вуатюретки Пежо общества с одноименным названием. Похоже конкурировать друг с другом они не собираются и их цель — просто прокатиться, ха-ха-ха, в приятной компании.

— Ну и наконец, крайним, замыкающим, едет наш аутсайдер гонки — паровик с очень звонким названием “Пуля”. Но...Как вы понимаете, одного названия явно недостаточно, чтобы побеждать в наших гонках. И, наверное, теперь я убежден в этом, гимназистам, пожалуй, не место среди серьезных гонщиков и заводских команд. Пусть тренируются в своей песочнице...ха-ха-ха, я хотел сказать, дамы и господа, в гонках для молодых людей их возраста. А Гран-При оставят серьезным дядькам. Ну и красивым девушкам заодно, ха-ха-ха.

— Ну а мы наблюдаем первые позиционные бои между участниками за право объехать своего конкурента на тракте...

— Как сообщают наши наблюдатели, наши гонщики постепенно освоились со своими паровиками и дорогой. И набирая скорость, начинают проверять своих соседей-конкурентов на прочность, пробуя на них разные стратегии атаки.

— Позиции гонщиков из имперского гаража пытаются пробить аглицкие гонщики, но им противопоставляют контрманевровую командную тактику, по науке которой согласованными движениями преследователям не дают пробиться вперед лидера. Сам Марриотт вместе с братьями Гарднерами, столкнувшись с подобной методой, не только не сдаются, но и усиливают свой натиск, пытаясь найти лазейку в обороне лидеров.

В очередной раз в зале включается экран конвексного зеркала.

— Дамы и господа, секундочку внимания. Мы видим как лидеры гонки приближаются к очередному левому повороту в пригороде Нового Петербурга и вот “Супер Ракета” Фреда Марриотта...обратите внимание, дамы и господа...агличанин начинает атаку... быстрый разгон, торможение, маневр...

— И-и-и-и...а-а-а, какое разочарование...Фреду не удалось. Но ничего. Этот поворот в гонке не первый на этом этапе и попробовать воспользоваться возможностями своего гоночного паровика, думаю, ему удастся не раз.

В эффектном заносе на грунтово-каменистой дороге машины проходят этот уличный поворот, окатывая стоящих там зевак длинными клубами сухой пыли и пара.

— Во второй группе гонщиков на первом этапе тоже наметились позиционные схватки. Торао, создатель паромобиля “Ямаба”, словно заранее сговорившись, держат совместную оборону вместе с “Такури” гонщика Сато, не пуская вперед себя и сдерживая натиск австро-венгерского Graf под управлением капитана Маркуса. За ними ведут свой позиционный бой

на Double-Detroit Model S братья Дубли против Уайта на личном Паккарде, едущим впереди них. Их позиции пытаются подточить три знаменитых Хорьха Model 10, принадлежащих германцам. В свою очередь германцы четко и организованно не дают единственному паровику свенов Scania-Vabis 5S позади пробиться сквозь их строй. Кстати о Хорьхах. Эти паровики известны тем, что получили переходящий Бокал Императорского Германского парового общества за лучшую германскую машину. Выиграли два приза Королевского Свенского Парового Клуба, призы фирмы 'Continental' и 'Goodyear'. Но...у нас тут что-то с машинами с самого начала не задалось. Дамы и господа, мы будем наблюдать за интригой дальше. А сейчас смотрим за... третьей группой.

— В ней развернулась борьба за позиционные места между Лаурин Клемент князя Вересаева, которого в одном из поворотов лихо и нагло обошло гоночное ландо Пузырева. В затылок ему дышит дорожный фаэтон "Тартарь-Балт", постепенно набирающий силу в этом противостоянии. За ними на некотором удалении движутся паровые шарабаны фирмы 'Дуксь', не пускающие далее себя мобили Готчкисса-Крюммеля и 'Люк' фабрики Ильина.

— А в четвертой группе наметились первые потери. Легкая вуатюретка наскочила на камень на дороге и сошла с тракта и возможно с гонки с поломкой правого переднего колеса. Гонщик второй вуатюретки не справился с управлением и она, пробив деревенский забор, въехала, ха-ха-ха... в курятник, знатно перепугав гулявших и не ожидавших такого подвоха птиц. Ха-ха! Занятно до коллик!

Приглашенные гости, отсмеявшись интересной шутке, принялись слушать ведущего дальше:

— А что же наш аутсайдер?! А... он уже совсем не отстающий. Набрав нужное давление, этот паровик, весьма оригинальной конструкции, наконец то поехал, обходя малосильные, но верткие вуатюретки Пежо. Но почував в нем грозного конкурента, Общество любителей вуатюреток Пежо, словно стадные животные, все как один принялись тормозить догоняющую их Пулю на каждом моменте гонки.

Да итить их, эти паровые коляски с типа мотором. Уперлись мне мешать проехать. Нет бы, дали пройти. И разошлись бы все как в море корабли. Так нет же. Как сговорились. Не дают мне проехать и все. Каждый драндулет мнит себя большим паромобилем и счел за долг не пускать мою нормальную машину. Явно из зависти, не иначе. Я ж маленький, мне все можно. Теперь понимаю, почему наш опытный гонщик Степан Николаевич говорил мне сразу постараться вырваться вперед. Олух! Для этого. Чтобы меньше времени тратить на такую мелочь и заниматься только самым важным. Эх, блин, отмерить бы время назад. И по новой начать. Но не судьба. Как дурак тут с каждой драндулеткой воюю. Но делать нечего. Только вперед.

— А-а-а-а! Зар-раза! Ты меня достала!

Снова включается экран конвексного зеркала.

— Дамы и господа! Гонки это не только красивые и мощные мобили. Это риск, принимаемый на себя гонщиком ради славы и внимания публики. Нам сообщают, что на третьей контрольной точке первого этапа мобиль Де Лорелей, под управлением...э-э-э гонщика Фокина, участника гонки от старо-Петерсбургского парового общества, столкнулся паровиком Рено частного гонщика Сидякина. Наехав на колесо, транспорт Фокина взлетел в воздух, а сам гонщик и его пассажир в воздухе выпали из кокпита и упав на дорогу, разбились.

Вы видите сами, этот момент без сомнения ужасен. О состоянии пилота Фокина и его

пассажира нам сообщит наземная команда обеспечения гонки и фельдшеры. Прискорбно, весьма прискорбно. Будем верить, что боле таких опасных для жизни моментов не повторится. Ну а мы, раз комиссары сочли правильным продолжить гонку, будем следить за поступающими из телеграфа и зеркала сообщениями.

Как говорится, шоу должно продолжаться.

Когда мой паровик набрал нужное давление в котле, динамика “Пули” резко улучшилась. Я уже мог весьма динамично разогнаться и тормозить. С картом конечно не сравнить, но. Лучше всего мой паровик показывал себя на длинных прямых и весьма туго набирал скорость после торможения и прохождения очередного поворота, где нужно было стравливать пар. В пиковые моменты бортовой манометр показывал до 60 атмосфер, позволявших разогнать, облегченный специально для гонки, паровик до хороших для этого мира скоростей.

Вдруг молчавший доселе инспектор подал голос:

— Сергей, хочу спросить. Давай перейдем на ты!

— Да в чем проблема, давай!

Игра в молчанку мне за недолгое время гонки и самому надоела. До века магнитол тут совсем нескоро, поэтому начавшему разговор инспектору я был очень рад.

— Что ты имел ввиду, говоря, что герцогиню планируют убить? Ты что-то знаешь об этом?

Вот тормоз. Едем по тракту уже с полчаса, а он только спросил. Неужели тут все репортеры такие? Хотя на старте этот разговор мне только помешал бы. Да и сейчас собственно не лучше.

Принялся, не спеша, рассказывать случившуюся со мной историю в уборной, параллельно пытаюсь справиться с очередной вихляющей на моем курсе вуатюреткой.

Господи! Да сколько их еще? Достали вконец своей упертостью. Ну как какой-нибудь дэу матиз, дующий в левом скоростном ряду со скоростью 30 верст в час. Ч-черт, да уйди ты вправо! Покатушки, блин, тут устроили. Тоже спортсмены нашлись!

Рассказываю, как возле уборной повстречался, раненый ножом, мужик и что он сообщил мне. Сказал, что не получилось сразу предупредить Александру. Иначе мне пришлось бы вообще забыть о гонке. Что имею намерение в ходе гонки все же догнать ее и, добравшись до герцогини, предупредить ее. Может быть удастся сообщить ей на очередном пит-стопе, во время замены шин, который будет по завершению каждого этапа.

Тот, с весьма удивленным и серьезным видом, периодически строчил что-то в своем блокноте на ходу. Записав, он принимался задавать мне новые уточняющие вопросы. И снова строчил в блокноте. Было видно, что вся эта ситуация его весьма заинтересовала и он хотел бы принять в расследовании самое непосредственное участие.

— Что планируешь дальше?!

— Что-что! Надо хотя бы догнать Александру. А там посмотрим.

— Ты так говоришь, небось знаком с ней.

— Ну так и есть, в общем-то. Мобиль ей недавно в подарок представлял — похвастался я этим репортеру-инспектору.

— Надо же, какой, оказывается, ты интересный малый.

Отож. Помолчали друг с другом. Репортер, что-то для себя решив, снова принялся говорить:

— Как контролер, я не имею права тебе помогать. Запрещено правилами. Но никто не

обязывает меня сообщать об этом комиссару-наблюдателю гонки. Я понимаю, что тебя уже интересует не столько сама гонка, небось сколько необходимость предупредить ее высочество о нападении. Как гражданин Тартарии, я хотел бы этого тоже. И хотя мне не нравится наша императорская семья, при всех их недостатках, небось это не мешает мне уважать их! — как-то очень пафосно вдруг высказался мне Бойко.

— Поэтому я принимаю твою сторону и хотел бы всячески помочь тебе, закрыв глаза на нарушения. Ну и моя газета заинтересована в жареных репортажах и горячих расследованиях. Ежели что пойдет не так, небось смогу уговорить редактора поддержать и помочь после гонки, чем сможем. По рукам?

А что еще остается делать.

— По рукам!

— А теперь давай немного побеседуем. Расскажи мне немного о себе и своей жизни.

— А что тут рассказывать, Олег. Потерялся я. Фельдшером диагностирована ретроградная амнезия. — а вот на-ка, выкуси, глядя на его удивленное лицо:

— Помню себя ровно с того момента, как попал под паровик обер-полицмейстера в Старом Петербурге. С него и пошла моя история.

— ?!

— Вашбродие! А вашбродие! Человечек тут один к нам подошел. Начальства срочно требует.

К становому приставу, отвечающему за порядок на территории во время проведения гонки, подошел урядник.

— Прямо-таки срочно. А ну веди к нему.

Через некоторое время встреча состоялась:

— Кто таков? И что у вас к нам за дело?

— Запасный участник гоночной команды Арбузова Степан Николаевич. Сообщаю, что за минуту до старта от основного гонщика команды мне стало известно о готовящемся покушении на ее высочество княжну.

— Та-ак! Ну начинается! Еще один “добровольный” осведомитель. Не ваших ли рук дело подброшенные в околотки анонимки?

Степана Николаевича немедля пробил холодный пот, после чего мужчина нервно вытер проступившую испарину со лба.

— Каких еще анонимок? И ничего я не рассылал. Я в первый раз от вас об этом слышу.

— Как не рассылал. Мы уж тут с ног сбились. Которую ночь не спамши, с проверками-то.

— Это же не я! Я же только узнал и сразу к вам.

— Вот все вы так говорите. Посидите пока за решеткой, подумаете...авось и еще чего вспомните.

— Проверьте мои слова, господин урядник, я не вру вам. Там еще возле уборной зарезанный мужик лежит.

— Даже так. Проверим. Обяз-зательно проверим. А ну! Р-руки! Р-руки вверх!

Задолбали драндулетки. Маломощные, но верткие. И много их, не желающих уступать и пропускать.

Но я нашёл способ с ними тягаться. Разгоняясь, показываю, что хочу воткнуться и обойти, допустим, слева. Гонщики вуатюреток обычно, видя такие поползновения, сразу же закрывали мне проезд слева своим паровиком, едва не сталкиваясь со мной. Тут мне очень

пригодилась школа картинга в дворце пионеров. Габариты я чувствую хорошо, к реакциям и откликам своего паровика я приловчился. И как только мне вуатюретка закрывала проезд, я тут же резко, изо всех сил (усилителя руля тут пока не придумали) перебрасывал руль направо и давя до упора ботинком педаль тяги, быстро втискиваясь, пока конкурент не просек, проскакивал справа. С некоторыми эта стратегия срабатывала с первого раза, с иными — со второго или даже с третьего-четвертого раза. Лишь двое меня весьма помучили. Одного я все же обошел, воспользовавшись промашкой в его обороне, а второй в итоге нашего противостояния, слегка внезапно притормозив, ударился о выступающие впереди моего паровика рессоры. Точнее, получается, это я его “поцеловал”. Честно! Я этого не хотел! Он сам!

От неосторожного столкновения ту вуатюретку слегка потрянуло и подбросило, а потерявшие сцепление с дорогой, почти велосипедные колеса мобиля повело. И в следующий момент незадачливого гонщика развернуло посреди дороги. Я проехал мимо, а мне вслед понесся отборный мат. Мы с Олегом заржали:

— Оревуар! Шкандыбай дальше!

Когда вдалеке появились флаги гонки, я наконец возрадовался:

— Ну неужели конец первого этапа! Надеюсь, Александра еще там.

Влетев на главную улицу какой-то деревушки и пересек символическую линию финиша этапа, торможу свой паровик с громким шипением выпускаемого пара и поднятым в воздух клубом сухой пыли, от которой даже закашлялся. Ибо поднявшаяся пыль противно забила мне нос, рот и глаза. Прочихавшись и протерев глаза, вижу бегущего к нам молодого парня с папкой. Наверное, писарь местный.

Бойко, махнув мне рукой прямо, кричит, наставляя:

— Беги туда, ищи там главного-то, я пока со своими управлюсь. У него кулон для связи с организаторами гонки небось должен быть. Сообщи ему все. Спешить некуда. Все равно гонку небось прекратят.

Согласно кивнув ему, быстро побежал к показанному мне приметному навесу на удалении, с вывеской ” Администратор” над ним. Подбегаю к навесу, за которым виднелись низкорослые кустарники и какой-то сельский домишко, огороженный красивым деревянным забором. Ффух, наконец-то! Внутри навеса за стойкой стоят несколько столов и стульев с бумагами. И никого. Пусто. Не понял. Кручу в удивлении головой. Где же все?

— Эй, — ору: — Народ, вы где?

Молчание было мне ответом. Не дождавшись ответа, выбегаю из-под навеса. Вижу неподалеку суховатого дедка, сидящего на деревянной лавке, сбитой из чурбаков и распиленного по стволу дерева.

— Дедуль, а где тут главный? Где все то? Где начальство?

— Главный, сынок?! А нетути главного-то. Усвистали оне.

Чего? К-куда? У меня даже челюсть отвалилась, от такого заявления.

— Куда... усвистали?

— Куда-куда. Человече на тракте разбился. Ажно двое вроде как. Из ваших. Спешите все, спешите. Сурьезное это дело. Вот усе начальство туды и собралось. Нешто не видел, они же навстречу?

Буркнул дедку спасибо и поплелся к паровику. Видел. Видел я их. Видимо тот грузовой паровик с двумя “легковыми” паровиками, что принимались к обочине, когда мы повстречались, и были они. Видел я и аварию, где возле перевернувшегося мобиля уж

толпились местные. Остановившись, нам сообщили, что поперед нас уж несколько паровиков останавливалось и обещали фершалу сообщить.

Что же делать? Гнать обратно? Так туда ехать с час будем. Они наверняка уж там. Пока доеду, они скорее всего уедут. И поедут в сторону города. Лечить тут явно негде.

Не обращая внимание на проводящих регламентные работы и готовящихся стартовать конкурентов, подхожу к своему транспорту, возле которой собралась стайка местных ребят вместе с механиком и Бойко. Паренек с папкой бегал между другими паровиками, только собирающимися стартовать.

— Олег, представь, нет тут главного. Вообще никого из начальства.

— Да, Серёж, я уж в курсе. Разминулись мы с ними. Надо небось ехать обратно, за ними.

Внезапно меня посещает мысль:

— А кто-нибудь скажет, мобиль с ее высочеством за номером “ноль девять” когда отсюда ушел.

— Да с осьмнадцать минут назад и ушел. Фьють! Только пыль столбом. — отвечает мне механик.

— Восемнадцать минут?! Нифигасе нас драндулетки притормозили.

— Ну что небось, обратно?!

— Нет, Олег, мы Александру догоним. И не смотри на меня так! Догоним! Должны догнать.

И обращаюсь к механику:

— Воды мне залили?! Колеса заменены?! Проверку провели?! Капот опломбирован?

Тот в ужасе взглянул на Бойко, словно ища у него защиты:

— Так он же сказал, что все, приехали. Хучь стой, хучь пляши.

— Ну и чего стоим? Кого ждём? А ну ноги в руки и вперед! Если я ноль девятую не догоню, плясать все будем. Не здесь. Вопрос жизни и смерти!

Заброшенные работы нам механики сделали быстро. Очень быстро, насколько это возможно здесь. Восприняв угрозу серьезно, по зову механика набежало несколько его собратьев по ремеслу, которые словно в тысячный раз, заученными движениями, выполнили положенные мне работы и пожелав удачи, отправили дальше.

Стартанули мы так, что пыль столбом. А мне начинает нравиться. Если удастся вернуться домой, куплю себе хорошую тачку!

Новый этап гонки продыху мне не дал. Во-первых, с каждой пройденной верстой грунтовка начала потихоньку сменяться мешаниной из сухой земли и бульжника, которым то ли когда-то мостили дорогу, то ли так и было на дороге всегда. В любом случае, смотреть за дорогой нужно было вдвойне, дабы не налететь на предательски выступающий камень и не потерять колесо. Запасные колеса у нас с собой были в запасе, даже два, но время, которое могло быть потрачено на его замену, смело бы отправило нас в самый конец гонки. И это при условии, что колесо было просто пробито, а не вырвано с корнем. Во-вторых, отсутствие вуатюреток не сказалось на облегчении моего пути. Вуатюретки сменились почти серийными паровиками.

Пусть вас не обманывает тот факт, что мои противники, едущие пусть и на, специальным образом, доведенных дорожных стали такой же лёгкой добычей.

Нет. Пусть и тактика ведения борьбы с ними остался прежней, но обгонять их стало несколько сложнее, за счёт их большей мощности и скорости. Лишь управляемость

паровиков была хуже, за счет большего веса мобильных. И я пользовался их этой слабостью в своих целях.

Когда мы проскочили первый подэтап второго этапа, на котором сидели очередные дежурные, Бойко предложил интересную вещь. Начал он с бурчания:

— Нет, так нам её высочество не догнать. Не догоним.

— Эй, Олег, ты чего там бурчишь? Скажи громче.

— Сереж, послушай, я что хочу предложить. Только сразу небось не отмахивайся.

— Я весь внимание.

— Вот мы энто первый подэтап проехали. Так?!

— Ну так!

— Дирижабля вокруг нет? Так?!

— Ну так!

— Так вот. Сейчас через пяток верст будет один неприметный поворот. Я его знаю. Если туда свернем и по ней проедем, то дорога выведет нас как раз перед постом второго подэтапа. Дорога там небось поуже и похуже, правда, но ехать можно. Деревенские же по ней ездят. Этим мы свой путь заодно срежем и по времени небось отыграемся.

— Откуда ты знаешь, что там дорога? И куда она ведет. Заманиваешь? — смеюсь.

— Да господь с тобой, Сергей, нешто мне надо небось, тебя заманивать? Мы с тобой в одной корзине. Карту эту я перед гонкой смотрел, вот и запомнил. А так там сродственница у меня живет, вот я энту дорогу наизусть и знаю. Пожалуйста, давай заскочим в деревню. Я привет сродственнице передам и дальше помчимся. Лады?!

— Ну если ты так говоришь. Веди, Сусанин.

— Мудрено-непонятно, как-то гутаришь.

— Ну смотри! Я ж ни тракта, ни твоей дороги не знаю. Тут, по тракту, хоть просто. Едешь себе вперед и едешь. Если вдруг не успеем догнать...

— Да ладно тебе. Проведу. Вот те крест, как есть, срежем дорогу. И часть конкурентов позади обставим. И ничем не рискуем... Ну разве самую малость.

— Ну если так, смотри, я тебе поверил.

— Не надоть так, я взаправду говорю.

Наконец то свернули в нужный поворот, перед тем хорошо так разогнавшись, чтобы оставить вдалеке за собой паровик-конкурент, на бортах которого помимо номера виднелся незатейливый рекламный слоган “ЛЮК-Вашь личный извозчик”.

Ну а что? Рекламируются тут ребята, как могут. Стараются. На некоторые, если взглянуть, вообще тоска. А может мне еще в местные рекламщики податься?! Я ж столько ТАМ фраз заучил. Наша назойливая реклама по тележку так хорошо в память въедается. Черт, откуда тут камень взялся. Так, хорош, не отвлекаться. Рулим и смотрим на дорогу. А то будет тебе и реклама, будет и поко... Так, тьфу на тебя!

Выехав на горку, нашим с Олегом глазам представились поля озимых и вдалеке множество точек работающих на поле людей, почти у самой деревни. Мы гнали к деревне, периодически тормозя и объезжая большие выступающие валуны, оставляя за собой длинные клубы пыли.

У деревни на дороге нас уже ждали взрослые зеваки, жаждущие не пропустить едущую по дороге диковину, а малолетние ребята стайками припустили за нами в деревню.

В деревне Бойко был недолго. Какие-то три минуты. Забежав в один из домов, я даже оглянуться вокруг толком не успел, как он прибежал обратно, и мы вновь почихали дальше.

Обернувшись через пару секунд, я увидел, как Бойко машет рукой какой-то женщине среднего возраста, уже стоящей там же, где несколько мгновений назад стоял наш паровик. Инспектор не соврал. Еще через десяток верст мы вновь выехали на тракт. Как раз перед вторым постом второго этапа. Ф-фух! Как удачно мы выехали.

Не успев влететь на финиш второго этапа в очередной деревне и остановить паровик, замечаю, что ее высочества там уже нет. Стояло лишь несколько мобилей разной степени готовности к старту, вокруг которых возились механики и писарь. Опять не успели. Ладно, сообщу куда надо, а там разберутся. Летим с Бойко к очередному навесу с администратором за стойкой, пока механики, немедля, занялись мобилем.

— Вы главный администратор?

— Ну я главный!

— У нас срочное сообщение для охраны ее высочества Александры. Нужно им передать сообщение, что на нее в гонке планируется нападение. На пятом этапе. Надо сообщить куда следует. Вы понимаете меня?

Ошалевший от поступившей новости администратор, встав из-за стула и подойдя к конторской стойке молвил:

— Я вас прекрасно понимаю. Сам поступил бы также, но я ничем, решительно ничем не могу вам помочь. Камня связи у меня попросту нет. Увы. Но он точно есть у администратора на следующем этапе. Или же можно съехать с пути в полицейский околоток городка Восгора. У пристава точно должна быть связь с столицей.

— А-а-а-а! — сильно кулаком бью по столешнице: — Когда ушла ‘Ноль девятая’ ее Высочества?

— Та-ак. Шесть. Нет, с осемь минут назад.

— Сереж, ты что-то решил?

— Да! Мы едем дальше!

— Думаешь догоним?

— Догоним! Время еще есть! Обязательно догоним!

— Уважаемые дамы и господа. Согласно сообщений, получаемых наблюдателями с дирижаблей в небе, диспозиция гонщиков к концу второго этапа выглядит следующим образом.

— Состав лидеров гонки никоим образом не изменился. В лидерах по-прежнему, бессменная тройка на подготовленных мобилях “Лозиэр” и “Берлиэ” собственного Его величества гаража с ее высочеством княжной Александрой во главе гонки. Ее высочества паровик, названный “Молнией 09” постепенно уходит в отрыв от остальных. Их позиции безуспешно раз за разом пытается пробить аглицкий “Воксхолл”, не столь давно удачно обошедший ””Ракету” Марриотта в одном из поворотов. Дубль-фаэтон братьев Гарднеров-Серполле пытается их догнать, но безуспешно.

Во второй группе идут яростные сражения. Нихонские “Такури” и “Ямаба” продолжают держать оборону от нападающих на них “Хорьхов” дойчей. Скания-Вабис свенской команды из-за досадной неожиданной поломки на тракте из второй группы переместился аж в самый конец третьей группы. Их водитель с поломкой мобиля самолично справился, но...теперь ему предстоит не менее сложная задача. Вернуть утраченные позиции. В чем мы совершенно не сомневаемся, глядя на...новую сенсацию в третьей группе.

— Гонщик, представляющий мастерскую омнибусов Арбузова и, как мне говорят, Старо-Петерсборгский имперский приют трудолюбия, в долгой и упорной борьбе уверенно

переместился с последней позиции на весьма приличное для участвующего в гонке в первый раз место. Двадцатое.

— А-а-а-а-а-а! Наш и-и-и-и впере-е-ед еду-у-у-т! Сер-ре-га-а! Обходи-и-и там всех! На-ши! На-ши! На-ши!

В этот момент, услышав такую новость, весь класс запрыгал и заорал. Юноши, совершенно по-детски, совсем никого не смущаясь прыгали от радости, воздев руки к небу, обнимались друг с другом или пытались ловко запрыгнуть на соседа. Девушки, хоть воспитание и нормы которых не позволяли демонстрировать радость таким активным образом, тоже от нахлынувших чувств радостно принялись поздравлять друг дружку. Физрук, ошалело смотря на единовременное проявление радости всего вверенного ему класса, добродушно посмеивался. Их активность не осталась незамеченной и в императорской ложе:

— А кто-нибудь скажет, кому только что досталось столько громких оваций.

— Ваше величество, мне подсказывают, что это молодые юноши и девицы из одного приюта, основанного вашим величеством. Приветствуют одного гонщика из их класса.

— Да-а?! Кажется, я даже знаю, кого!

— Так вот он тут какой, ямочный ремонт

— По кочкам, по кочкам, по маленьким пенечкам, в ямку бух (шутка)

Начало третьего этапа вскоре превратилось в гонку шин и колес. Земство, через которое проходил тракт, готовясь к гонке, не слишком старательно засыпало и укатало дорожные ямы щебенкой, словно рассчитывая на то, что сами гонщики на своих паровиках лично укатают их до нужной кондиции. Вдобавок рассыпанный на дороге щебень был весьма остер, из-за чего многие при наезде резали или прокалывали свои колеса. И теперь, каждый ездок должен был бороться не столько с конкурентом, пытаясь объехать его, но еще и с дорогой, стараясь не лишиться мобилы ценных запчастей. К слову сказать, постфактум, на этом этапе гонщики их оставили немало.

— Да е-мое! Да кто ж так дороги строит? — в сердцах кричу я, в очередной раз резко и по дуге объезжая очередную выбоину с заплаткой на тракте.

Еще бы не объезжать. Если ездить и не обращать на эти выбоины внимание — до финиша не доедешь, скорее без колес останешься.

Обогнали на скорости очередной паровик, подловив его на ошибке:

— Он?

— Не-е! Не он! — разочарованно отвечал мне Бойко. Матерюсь:

— Да где же этот чертов ‘двадцать пятый’ мобиль? Ну не помню я такой на стартовой линии. Хоть убей, не помню. Скольких уже обогнали, а все никак не догоним гада.

Новый мобиль, который предстояло обойти, уже издали показался мне знакомым. Поравнявшись поближе, я только чертыхнулся. Ф-фух, как же я хотел бы, чтобы этого момента не было. Но он настал.

Тот мужик, что обещался меня зашибить перед гонкой, гнал на своем “Дуксе” прямо передо мной. Повернув голову для того, чтобы увидеть своего преследователя, он тотчас же принялся стягивать с лица материю, обмотанную вокруг рта и носа. И взревел, пытаясь перекрыть шум шин и чих паровых моторов:

— Страмец! Вот ты где мне попался. Таперича уж никто не помешает нам.

И принялся подтормаживать и разгоняться, интенсивно руля и виляя на тракте

корпусом паровика. Вероятно, дабы я сделал ошибку, избегая возможного с ним столкновения. Транспорт его двигался по дороге непонятной криволинейной, рваной, похожей на зигзаг и волны, траекторией. Когда я попытался обойти его через появившееся “окно”, он тут же резко закрывал его внезапными новыми маневрами, вдобавок намереваясь меня ударить. Его пассажир принялся что-то ему объяснять и спорить, яростно жестикулируя. Но гонщик в слепой ярости не слушал контролера, продолжая вести свою тактику. — Бух! Бам-м! — его стремление во что бы то ни стало достать меня привело к первым столкновениям. Моя гордость и стильная находка, а именно красивое стремительное крыло нашего паровика, интегрированное в подножку, смялось от удара и вскоре, по клепкам, частично оторвалось. Болтаясь и касаясь каменистой дороги, этот элемент паромобиля вскоре, согнувшись в дугу, принялся скрежетать и сверкать выбиваемыми от трения искрами. Картина была фантазмагоричной. Едут два паровика и бьют друг друга. Мужик с Дукса орал на меня. Я — на него. Его пассажир-контролер попытался возвать к совести гонщика, грозя ему отстранением и карами на финише. Бойко же орал контролеру, сидящему на Дуксе, прося приструнить и повлиять на своего водителя.

— Получил, гаденыш?

— Да пошел ты!

— Да что же ты, как истукан, сидишь-то? Это ж небось дело твое.

— Иш-шо хочешь?! А вот тебе. Получай!

Бух! Бамс! Бабах! Бумс. Бамс! Это новые удары по боковине нашей Пули наконец-то достигли цели. Часть крыла оторвалась окончательно, открыв мне вид на переднее колесо. Отлетающие от колеса камушки принялись барабанить по остаткам крыла. Этого уж я стерпеть не мог и пошел в атаку. Немного сдав назад, пропуская дурня на чертовом двенадцатом Дуксе вперед, увеличиваю подачу пара в цилиндры. Газ, то есть. И вновь нагнав паровик, принимаюсь выступающей мощной кованой балкой, поставленной в мастерской именно на такой случай, небольшими, но чувствительными ударами подталкивать этот “шарабан” мериканского типа. От ударов в заднюю часть “Дукс” завилал. Почти сразу оттуда послышался отборный мат и проклятия в мою сторону, а контролер усилил препирательства с ним. Мужику пришлось вести бой на два фронта — как со своим контролером, так и со мной, одновременно пытаюсь удержать свой паромобиль на тракте:

— Королобий выпоротокъ! Фетюкъ! Шинора хабальная! Доберемся до финиша, погодь ужо мне фулюганить!

— А-а-а! Вот как запел! Как мобиль мой бить, так сразу первый. А как в ответку получать, так сразу я шинора и фетюк! Каз-зёл бородатый!

Отомстив за себя, сделав еще с пяток ударов в заднюю часть Дукса, чуйкой ловлю момент. Резко вильнул в сторону, пытаюсь в этот момент обойти этот злосчастный, весьма доставший нас, паровик. И вовремя. Раздался слышимый удар. И в этот момент транспорт на полном ходу левым колесом словил камень, отчего оно покатилося в сторону. А сам паровик, сильно накренившись, рессорой взрезал дорожное покрытие грунтовки и вскоре остановился.

Влетаем на финишную прямую третьего этапа, поднимая клубы пыли. Машины ее высочества нет, но ‘Берлиэ 03’ из Имперского гаража стартовала при мне. Ч-черт, опять чуть-чуть не успел.

Не успев остановиться, к нам летят какие-то незнакомые женщины, сразу, поцелуями и цветами, взявшие в свой оборот моего контролера. Бойко от столь неожиданного внимания

стольких поклонниц, враз млеет. Вместе с подошедшими к нашему мобилу дежурными механиками этого этапа, мы ржем от этой пикантной картины. И через мгновение, опомнившись, бегу к знакомой табличке над навесом, оставив своего пассажира разбираться с женщинами самому.

— Вы главный администратор?

— На этом участке гонки да, я, молодой человек. Чем могу? Говорите, у меня немного времени.

— У-уф! Как хорошо, что я вас застал! Только что, отсюда стартовала ее высочество на Молнии 09. У меня важное сообщение для нее или лиц, ее охраняющих. Я знаю, что для таких случаев у вас есть камень связи.

— Положим есть. И что же я должен передать?

— На пятом этапе гонки на ее высочество будет совершено нападение!

— ?!

— Нынешний этап прямо-таки изобилует курьезами, сыпавшимися как из рога изобилия. Гонщику команды свенов Фредрикссону на ‘Скания-Вабис’ на нашем испытании явно не везет. Он вынужден был сойти с дистанции по причине того, что брошенный на третьем этапе какой-то экспрессивной дамой букет попал ему прямо в глаз. До финиша 3 этапа мобиль вел контролер.

— Весьма отличились гонщики команды “Дуксь”. Гонщика Ермолаева наблюдателям пришлось дисквалифицировать только за то, что тот, будучи недоволен своим контролером, поливал его разными непотребными словами и пытался выкинуть одного на полном ходу, бросив того на произвол судьбы. К слову сказать, паровик по началу получил штрафные очки за поломку и ремонт в ходе гонки, но вскоре был дисквалифицирован совсем, по иным, весьма недостойным, основаниям, вскрывшимся в ходе начавшегося разбирательства. У другого паромобиля системы Дуксь гонщик Флегонтов втайне от контролера пытался подлить в систему воды, вскрыв пломбу на капоте. Надеюсь в следующую гонку команда заявит более опытных гонщиков.

— В копилку курьезов третьего этапа несомненно вошел случай с транспортом экипажно-паромобильной фабрики Ильина. Гонщик команды, некто Валеев, за пятьсот метров до финиша самолично сумел дотолкать свой ‘ЛЮК’ до финишной прямой, после того, как в котлах паровика закончилась вода. Не обошлось без штрафных очков, но проведя ревизию на пит-стопе, паровик команды вновь принял участие в гонке. Виват!

— А паровик фабрики кароссери “Тартарь-балт” встретился с лосем, который тотчас устроил с ними игру в догонялки. Лесной великан вышел из лесу аккуратно, когда паровик почти поравнялся с ним. Приняв паровик, вероятно за сородича или врага, животное принялось догонять транспорт команды. За сим действием следили гонщики конкурирующей команды, которые и рассказали наблюдателям эту, без сомнения, смешную историю. А вот гонщик на “Минерве” из одноименной команды на полной скорости сбил пробегающую через тракт лису, из-за чего не справился с управлением и прямиком вылетел в кювет. Все пассажиры обошлись испугом, но паромобиль потребовал ремонта в условиях мастерской, а посему гонщик принял решение выйти из гонки.

— Фу-у! Сообщил! Словно гора с плеч!

Сообщив неизвестному мне офицеру через камень связи все, что стало мне известным, в том числе и причины, побудившие сообщить информацию так поздно, я довольно выдохнул. Тем временем паровик был готов к продолжению гонки. До старта оставалось недолго.

Решив не терять время и продолжить участие в гонке, кричу Бойко:

— Поехали?!

— Ну как? Сообщил небось?

— Сообщил!

— И как?

— Вроде все норм! Сказали, примут меры.

— Тогда небось поехали!?

— Поехали!

Конвексное зеркало, перед которым стоит глава службы охраны с помощником. На тракте стоит паровик Александры:

— Нет-нет-нет! Мне все равно, я еду дальше. Всего последние два этапа осталось. И все Я что, зря столько мучилась? К тому же, пф, я и сейчас нахожусь под вашей защитой.

— Ваше высочество, Александра, вы поступаете весьма неразумно. Вы едете только с одним защитником, второй же несколько отстал от вас на другом паровике. Мы не сможем полностью гарантировать вашу безопасность на тракте. И мы настаиваем на вашем сходе с гонки. Транспорт придется оставить. Только так мы можем...

— Ах, ну нет! На сей раз я у вас на поводу не пойду. Хватит с меня нескольких испорченных вами вечеров. Я еду дальше. И так, из-за вас, просто беседуя с вами, я потеряла несколько драгоценных минут гонки. Кстати, источник слухов проверили?

— Нет, но...

— Пф! Вот проверьте, а потом вызывайте!

— А если мы вас силой? Вы же понимаете, на нас возложена ваша защита.

— Ах! Да вы что? Решитесь поднять руку на члена императорской семьи. Да вас, пф, в острог навечно!

— Ва-а-аше высочество. А какая нам разница? Да его величество тоже с нас голову снимет и на дыбе колесует. И между прочим, тоже будет в своем праве.

— Пф! Ничего не знаю! Вы моя защита?! Вот и думайте, как меня защищать. А я участвую в гонке. И точка!

— Ваше высочество... Но мы не можем...

— Я еду дальше...это моё последнее слово.

~~Ваше высочество...~~ раздосадованная княжна выключила камень связи.

— Пф! Уйди с глаз моих долой!

Четвёртый этап гонки был напряженной третьего. Впереди меня шла троица немецких Хорьхов и несколько аглицких паромобилей, принадлежащих нескольким командам. Весьма серьезные соперники, известные гонщики, не менее мощные паровики, в отличие от дорожных подготовленные специально для гонок. И пусть наша “Пуля” тоже не лыком шита, их я немного побаивался. Одно успокаивало. Хоть я княжну-герцогиню Александру может и не догоню, но охрану и нужные службы я успел предупредить. А уж у них все возможности есть для прикрытия ее высочества. От войск до дирижаблей в небе.

Гонку не остановили. Бойко заявлять о нарушениях, допущенных мною в ходе гонки, естественно, не стал. Ложь, так сказать, во благо, потому что, подозреваю, рыльце в пушку, то есть, нарушений хватало и с его стороны. Наблюдатели, если они что и заметили, тоже. Если меня все же отстранят, а результаты отменят, будет мучительно стыдно разговаривать с нашим директором Емельян Емельянычем и Степаном Николаевичем. И смотреть ребятам в глаза. Надо будет объяснять им свою позицию. Да, не честно, но. Не для себя ведь

“химичил”, а ради спасения ее высочества. Если правильно всем все объяснить, думаю поймут. Мужик на ” Дуксе”, что устроил мне таран, пока мы готовились к старту, так и не прибыл. Наверное, еще колесо меняет. Козел. Прибывшие за мной гонщики претензий не заявляли, но не факт, что этого не будет потом. На финише. В общем, действуем по ситуации.

А сейчас. Гонщик Конов на мобиле “Пуля” — на старт! Внимание! Три! Два! Один! Пошел! Выстрел парострела вместе с клетчатыми флажками, размахиваемыми помощниками и наш мобиле вновь рванул со стартовой линии навстречу судьбе, натужно пыхтя и поднимая за собой клубы дорожной пыли.

Догоняю на тракте пылящую впереди тройцу дойчей. Увидев наш паровик, гонщики Хорьхов, словно сговорившись, принялись перестраиваться, реализуя свою командную тактику. Перестроившись, теперь эта тройца четко и стройно двигалась вперед по схеме клин или голова кабана, полностью закрыв мне путь объезда. Что же делать?

Перебираю по памяти статьи из Авторевю про тактику гонщиков Формулы-1 и ралли-рейдов. Нет. Не подходит. И это тоже не подходит. Нет, только не эта тактика. Что же мне делать? Как же обойти этих дойчей-тевтонцев?

Ладно бы только они ограничились клином. Когда тракт несколько расширился и появилась возможность их обойти, ушлые немцы поменяли тактику на новую, в которую я чуть не попался. Они приняли тактику движения зигзагообразной волной. Разница Хорьхов в сравнении с вуатюретками была в конкуренции на высокой скорости движения. Если вуатюретки в силу маломощности парового мотора и, видимо, понимания их гонщиков о бессмысленности надеяться на первые места, принимались тормозить, сдерживая меня и заодно увеличивая мое отставание от лидеров гонки. То Хорьхи позволить себе тормозить, сдерживая меня, а значит отстать от машин Имперского гаража и аглицких команд просто не могли. А навязывание дойчами тактики высокой скорости всех паромобилей в сочетании с активным маневрированием на тракте не давали всем нам права на ошибку. Ибо ошибка грозила сходом с тракта или поломкой в лучшем случае. Как же дойчей обойти?! Я не находил решения.

Проехав в таком режиме не менее пятнадцати верст и устав от бессмысленного плетения за этими дойчами в клубах летящей, застилающей наши с Олегом глаза, пыли, решил все же пробивать их защиту. Увеличиваю давление в котлах. Агрессивный подкат и я втискиваюсь в свободный просвет немецкой волны справа. Дойч делает тройное фа-фа и их тактика волны сменяется плотной коробочкой, для чего лидер, слегка притормозив, заблокировал движение вперед. А следующий за ним Хорьх слева от меня блокирует возможность вырваться в сторону. А тот, в чьи позиции я въехал, пока отвлекся на первых, сумел встать за мной. Коробочка. Попался. И так быстро и уверенно. Явно не в первый раз так делают. И не только я, похоже, был жертвой такой тактики. Сейчас начнут давить. И вправду. Только успел подумать, как дойч слева от меня принялся плавно приближаться ко мне, тесня и давя к обочине.

Слышу со всех сторон их гогот. Бойко кричит наблюдателям, мол это нарушение, куда смотрите. Однако наблюдатели не повелись на его провокацию, сидят, молча взирая на демонстрируемую немцами командную тактику. А что? Увы, пока это правилами не запрещено, значит использовать можно.

— Га-га-га! Es wird Klasse genannt, du Tölpel (прим. Это называется высокий класс деревенщина). Га-га! Wir werden uns einen leckeren, saftigen Dorfbewohner holen (прим.

Закусим сочным сельчанином) Was glotzt du so? (прим. Чего уставился?) Га-га-га!

Что говорят эти дойчи, ни черта не понимаю, но чуйкой чую, что-то обидное. К-козлы! В душе от нахлынувшей обиды поднимается злость. Рядом сидит Бойко. Тоже только не пыхтит, как паровоз. Вон как надулся. Тем временем тевтонец слева, гаденько улыбаясь, помахал мне рукой в кожаной перчатке, словно прощаясь, и принялся выталкивать с тракта, плавно касаясь моего паровика своим бортом.

— Auf wiedersehen (прим. До свидания!)

— Серега, чавось с ним вошкаешься. Башкой тебя в треисподнюю! Думай уж скорей. Ужель с тракта сойти захотел?

Паровик мой правыми колёсами уже ехал по обочине, потихоньку сдвигаясь к откосу тракта. В сторону откоса двигаться нельзя, съеду вниз и завалюсь набок. Надо было спасти положение. Внезапно и резко торможу, сбрасывая пар. Хорьх позади меня не успевает среагировать и втыкается в меня, толкая наш паровик вперед. Те, что справа и спереди, вырвались вперед, добавив мне на кузове свежих вмятин. Снова разгоняюсь, с целью атаковать среднего, не забывая о том, что сзади. Повернув голову, мельком гляжу назад. Дойч поотстал. Нашлась все-таки у Хорьхов слабинка, после внезапного торможения, оказывается, они более долго разгоняются. Толкаю среднего в корму. Еще раз и еще. Мобиль завиял, сразу выехав на обочину, а гонщик принялся выпрямлять рычагами управления свое положение. Слышу, как тевтонец орет. Явно матерится.

— Verdammter Bastard! (прим. Чертов ублюдок) Was für ein Mist?! (прим. Что за дерьмо?)

Ору ему:

— Вот ты меткий — в рот конфеткой! Получил от меня, орясина тевтонская?

Обойдя слева среднего и поравнявшись с ним, резко перекидываю руль управления, жестко касаясь бортом немецкого Хорьха. Гонщик среагировал поздно. Получив удар в борт кузова, паровик испуганно вильнул вправо с тем, чтобы в следующий момент уйти под откос. А через пару мгновений боком лечь в канаву. Все. Этот приехал.

— Бойко, взгляни там?! Живые они?!

— Живые-живые! Кулаками тебе машут! И задний догоняет!

— Погоди, сейчас и ему добавим!

И принимаюсь за зигзагообразную тактику, стараясь не давать конкуренту сзади обойти себя и постоянно его тормозить.

Таким образом и приехали на первый промежуточный пост. Пока дежурный наблюдатель на посту записывал наши номера, немец спереди беспрерывно ругался и угрожающе махал рукой. Немец сзади вел себя более прилично, хотя чего-то тоже мне выговаривал.

— Sauger! (прим. сосунок) Verdammter Welpе! (прим. чертов щенок)

— Поговори-поговори еще! Эй, дойч! Куда лапти первым намаслил, а, окаянный?! Нам ещё тут разобраться надо!

Под мелькнувший флажок о старте наша тройка поочередно стартовала, продолжив пробивать позиции друг друга. Немец впереди держал оборону, пытаясь не пропустить вперед настырную ” Пулю”. Я вилял по тракту из края в край, пытаясь пройти защиту первого и не дать себя обойти заднему. Бойко сидел рядом, держась за ручку, изо всех сил пытаясь удержаться. Его мотало туда-сюда, от чего, видно с непривычки, ему поплохело. Но он держался. В тот момент гонки ощущения резко обострились. У меня словно глаза на затылке выросли. Настолько ощущались и предугадывались чужие действия.

— Капитан Симанов, а вы, как я понимаю, наблюдатели!?! — с камня связи был видел мужчина, представившийся полковником Коровиным.

— По приказу его высокопревосходительства с этого моменту охрану и сопровождение ее высочества и одновременно лидера гонки возлагаем на себя. Вам, равно как и другим, запрещается приближаться к паровику ее высочества ближе чем на пятнадцать верст и рекомендуется ограничиться наблюдением за прочими участниками гонки. Приближаться к имперскому дирижаблю до получения разрешения воспрещается.

— А как же новости и сообщения о местонахождении? Нам же нужно об этом в Комитет гонки сообщать?

— Не волнуйтесь. Это мы берем на себя. Все что вам обычно нужно, нами будет сообщено.

— А как же состязательность? Правила гонки наконец?

— Похоже вы не поняли. Для непонятливых повторяю. Мы берем контроль за ее высочеством на себя. А правила?...Засуньте свои правила...ну вы поняли. Безопасность первых лиц Империи прежде всего.

— Ах ты паразита кусок!

Получив несильный ‘поцелуй’ в корму от Хорьха, едущего сзади, со злости чертыхаюсь. Обойти Хорьх спереди никак не удавалось. Гонщик, что вел его, был явно мужик тертый и опытный, не раз участвовавший в подобных гонках.

Вот и сейчас, оставшись вдвоем, они принялись зажимать и теснить спереди и сзади нашу Пулю, превращая связку паровиков в подобие паровозика с тремя вагонами. Со стороны это смотрелось, наверное, смешно, но нам было не очень. В очередной раз расцепившись и получив тычок сзади жду действий переднего. Вот. Ф-фух! Резко вправо. И дойч что есть силы затормозил, пытаюсь ударить меня своей кормой. Но сильно ошибся, немедленно втыкаясь в не успевшего среагировать своего напарника.

— А-а-а-а! Обошли тевтонцев! Порвали-и! У-у-у-у! Мы обошли их! — взхлеб от радости победы орем мы с Бойко.

Следующие гонщики, повстречавшиеся нам, были нихонские гонщики на Такури и Ямаба, наседавшие на явно аглицкие мобили впереди них. Удивительно, но разные по названию команды, держались вместе единым фронтом, словно всегда практиковали командную тактику. После победами над тевтонскими Хорьхами, распознать применяемые тактики нихонцев мне было куда легче. Увлечшись борьбой с аглицкими паромобилями, они не заметили, как наша ‘Пуля’ подкралась к ним. А вскоре нам повезло еще раз. И еще как. Внезапно вышедшие на тракт и идущие пастись на лужок, деревенские коровы заставили едущих впереди гонщиков резко затормозить, вынуждая себя и следующих за ними гонщиков полностью остановиться. В этот момент мы, на удачу рискнув, съехали с тракта на обочину и по широкой дуге объехали всех остановившихся в получившейся свалке гонщиков. Вслед нам понеслись проклятия и ругательства на аглицком и нихонском, многие из которых я разобрал. Насмеявшись вдоволь над неудачливыми гонщиками и такого шикарного везения, мы с Бойко вскоре мчались дальше. Финиш четвертого этапа встретил нас стартующим Берлиэ из команды имперского гаража. На пятом ее высочество уж точно догоним. Главное, чтобы не было нападения.

— Уважаемые дамы и господа! Финиш четвертого этапа показал многочисленные изменения положения среди участников гонки. В лидерах несомненная тройца Имперского гаража, с самого начала гонки, задающая темп всем остальным. Четвертым на финиш

прибыл...да-да...прибыл паровик 'Пуля' под управлением гонщика арбузовской мастерской...э-э-э Сержа Конова — запутался диктор

— Не Сержа, а Сергея! — тут же заорал Петька. И тут его голос потонул в радостном улюлюкающем оре наших ребят.

Следующими, соответственно пятыми, шестыми и седьмыми на финиш прибыли паровики команды 'Воксхолл' номер 12, 'Стэнли Супер Ракета' Фреда Марриотта и фаэтон "Easter Egg" братьев Анри и Лео Гарднеров-Серполле номер 05. Следующими на финиш четвертого этапа прибыли 'Ямаба' и 'Такури' нихонских команд. Вслед них финишировал паровик команды Дублей на фаэтоне Double-Detroit Model S. И апосля гонщик Уайт с сыном на торпедо Packard Bell. Сошли с тракта все Хорьхи дойчей. Нам сообщают, что причиной столь внезапных изменений среди участников стали многочисленные поломки и столкновения, апофеозом которых стали вышедшее на тракт стадо коров. Дамы и господа, теперь вы понимаете, что придает пикантность и зрелищность нашим гонкам. Гонки — это игра для настоящих мужчин. Ну и для настоящих женщин, разумеется. — закончил свою речь диктор.

В самом начале пятого этапа мы, практически сразу, обошли и один из паровиков ее высочества. Тот самый, что мы застали финишируя. Он сошел с гонки по причине какой-то поломки. Гонщик Берлиэ, шедшего третьим номером, в бессилии со всей дури бил по кузову и колесам своего мобиля. Второй, наблюдатель и, по совместительству, один из охранников ее высочества, сидел на подножках, смотря куда-то вдаль.

Путь перед нами был открыт. Мы в лидерах гонки! А-а-а-а! Мы — в лидерах!

— Э-эй! Эй! М-мать! Вы чего?! Что это за хрень?! А-а-а-а! Эй! Сто-о-о-о-й! В-вашу.. м? — шурясь от пыли и грязи, орем вместе с Бойко благим матом и одновременно нервно, от испуга, перекладывая руль туда-сюда, объезжая внезапно появившиеся передо мной ямы и глубокие рытвины, от только что произошедших разрывов непонятного оружия. — Ф-фух! Б...Что тут происходит?!

Некоторое время назад.

На мостике эскадренного дирижабля его Величества "Слонобой", парящему в воздухе над трактом недалеко от ее высочества, к стоящему там полковнику охраны обращается дежурный офицер, наблюдавший за ходом гонки:

— Господин полковник, мобиль ее высочества с исключительно быстрой скоростью догоняет один паромобиль. В лидерах он ранее был не замечен.

— Он из участников?

— Сложно сказать, нам сверху не видно его нумера. Мобиль вообще плохо различим, так как полностью заляпан пылью и грязью. В салоне видно двое седоков. Могу предположить, что он из участников, равно и как, что он влился в гонку со стороны Вышеславля. Ту дорогу мы не контролируем.

— А где второй защитник на 'Берлиэ'?03?

— Он отстал по причине поломки. Паромобиль подвел.

— А спуститься на тракт?

— Взгляните вниз. Спуск на тракт в лесном массиве для нас смерти подобен. Я не думаю, что вы, полковник, так торопитесь на тот свет.

— Да, вы правы, капитан. Так что же вы думаете? Они или не они?

— Чтобы убедиться в том окончательно, надо остановить сей мобиль.

— Наши действия, полковник? — к нему обратился капитан.

— Дайте предупредительный выстрел. Испугаются, остановят мобиль, значит из гонщиков.

— Если это гонщики, нас жалобами закидают с обвинениями в угрозе жизни и здоровью участников гонки.

— Так! Обвинения не ваша забота. Главное — жизнь и безопасность ее высочества. Для спасения в случае нештатных и угрожающих ее жизни ситуациях мне дозволено использовать любые средства. Подчеркиваю! Любые. А теперь. Исполнять!

‘Пуля’ быстро мчалась по тракту в окружении длинных высоких деревьев, постепенно нагоняя паровик ее высочества.

Раздался выстрел, который для гонщиков послышался негромким хлопком,

— Сергей, ты слышал?

— Слышал, хлопок какой-то?! Наверное, от резины. В ямку какую попали.

— Полковник, на предупредительный объект не остановился. Наши действия?

— Дайте им по паре залпов справа и слева от тракта. Авось не видят. На сей раз точно увидеть должны.

Капитан вновь отдает приказ канонирам и те делают залп из нескольких орудий. Но вместо попадания на обочины, несколько разрывов выстрелов внезапно накрывают тракт, взрывая и пропахивая укатанную щебнем грунтовку, одновременно раскидывая в стороны клубы пыли и земли. Как раз перед паровиком Сергея.

— Э-эй! Эй! М-мать! Вы чего?! Что это за хрень?! Эй! В-вашу...м? Ф-фух! Б...Что ту происходит?!

— А-а-а-а-а! Сто-о-о-о-й! Нас убью-у-т! Гони-и-и-и-и! Давай гони-и-и-и!

— Бойко, глянь назад! Что видишь? Что это было?!

~~А я знаю!?~~ ~~Господи, зачем же я только согласился на эту чертову гонку!~~ ~~Сидел бы дома, нанимал бы квасок с медовухой!~~ ~~Господи, спаси нас!~~ орет и истово крестится Бойко и увидев новый разрыв: — Нет же! Гони-и-и-и! — и наш мобиль, объехав очередную появившуюся воронку на дороге, прибавил в скорости.

— Бойко, не ори! Не убили еще! Сзади посмотри, кого ты там видишь?

— Никого в лесу не вижу!

— Не тупи! По верхам глянь!

— И там никого. Никого не вижу. Нас небось убью-ут! — заорал Бойко.

— Не убьют. И не ори, Бойко, мои уши от твоего ора уже оглохли.

— Остановись!

— Ку-ку?! Нас тут, как мух, и прихлопнут.

— Нет! Я простой газетчик, а помирать сюда не нанимался! Остановись немедленно!

— Бойко, ты вообще с ума сошел? Хочешь, чтобы нас точно здесь прибили?!

— Я сойду. Помирай тут сам! Всё. Баста. Пока! — решившись, Бойко, на полном ходу, полез вылезать из паровика. Вылез немного из кокпита, пока его за ремень не перехватил Сергей. Втянув газетчика обратно. Сергей показал ему кулак и брякнул:

— Я те сойду! А ну сидеть! Сядь тут и сиди.

— Ну небось все. Амба. — и репортер самым натуральным образом запел: — Иже еси на небеси...Да святится имя Твое...

— Бойко! А ну заткнись там, и сиди спокойно.

— Да будет воля Твоя...

— Бойко, кому говорю. Заткнись. А то не посмотрю, что ты контролер. И врежу. Просто врежу! Без тебя тошно. Не хочешь мне помогать, молчи в тряпочку.

Олег нервно сглотнул.

— Я домой хочу.

— Бойко! Блин! Ты просил перед гонкой довести до финиша целым?! Просил?! Так вот! Я...тебя...до-ве-зу! А теперь, сделай милость, просто и совсем...затк-нись! Мне сейчас Александра важней. Дай головой подумать. Понял!?

Инспектор-газетчик согласно закивал своей головой как катайский болванчик.

— Господин полковник, транспорт не только не остановился, но и прибавил в скорости.

— Они точно нас видят?

— Должны. Мы же их видим.

— Ну теперь моя совесть чиста. Это и есть нападение. Слушай мой приказ. Порази противника. Палите! Не дайте им догнать ее высочество!

И вскоре новые разрывы выстрелов вспарывали перед нами и за нами тракт с шумом, пылью и комьями земли, разлетающимися по сторонам, ломая и портя и без того совсем не идеальное дорожное покрытие:

— А-а-а-а! Серега-а! Топи! Давай топи! Гони! Пару еще давай!

— Да топлю я, топлю-у!

— Давай небось бросим мобиль, а? И в лесу спрячемся, а?! Авось не убьют ни за что!?

Бойко всем телом вжался в кокпит нашего паровика, словно пытаюсь в нем спрятаться, одновременно крутя головой по сторонам, словно пытаюсь найти очередной выстрел.

— А вот и хренушки. Бойко, догнать надо ее высочество, понимаешь? Нападение уже началось или вот-вот начнется. Ты точно никого там не видишь?! Смотри внимательнее! Неужели ты не понял?! Ну ты и...Газетчик называется! Какая-то с... сверху по нам палит!

— Долго возитесь с этим паромобилем! На внеочередные учения отправлю!

— Капитан! По правому борту к нам приближается небольшой дирижабль.

— Странно, а это еще кто? Ужель не всех предупредили?!

— Капитан, да нет, всех оповестили. Только что дирижабль не наблюдателей и никак не участник гонки. По форме энто курьерский какой-то.

— Вымпелы на нем чьи?!

— Сей час, капитан...никак не разберу, капитан...далеко.

— Вахтенный, скажете после. Поднять флаги. Отправить сообщение. “Я старший. Зона закрытая для полётов. Предписываю сменить курс.”

Через некоторое время вахтенный сообщает:

— Капитан, с того дирижабля нам ответили.

— Ну и, вахтенный, не томи! Чего там? Матрос ответил: — Оттель сообщили: “Нужен лоцман. Нужен буксир. Держитесь в стороне от меня. Управляюсь с трудом.”

— Вот, значит, как? А ну посигналь им. “Немедленно остановитесь для досмотра.” И предупредительным сигнальным садани. Авось задумаются.” И чей это за дирижабль, черт его раздери!

— Капитан, они дали ” Отрицательный ответ. Держитесь в стороне. Управляюсь с трудом.” Знаете, капитан, это точь иноземец, капитан. Обводы на нем явно мериканские.

— Да что он там. Неужто в самом деле неисправный? Придется сажать, иначе мешать будет. Название видно?

— Да вот, он к нам повертается. Сей час, капитан...Я же говорил, курьерский

почтовый. Дирижабль Мугалия Пост...К-капитан, вы только посмотрите на это!

— Что там, вахтенный? — капитан поднял свою подзорную трубу.

— Нумер...видите номер на хвосте?! И гляньте еще на их мостик, там народ выскочил, руками машет. А что это у них за блестящие палки такие?

— Вахтенный, какие палки?

— Да в руках оне держат.

Капитан наконец-то увидел то, о чем говорил вахтенный. И тут же помчался к рупору.

— А-а-а! Б-бисово отродье! Т-тревога-а! Плутонги правыя! По иноземному дирижаблю немедля бронебойным пли-и!

Поднятая по тревоге канонирная команда успела дать лишь пару залпов по этому дирижаблю, когда его с мостика в сторону ‘Слонобая’ потянулось несколько тонких голубых линий. Вначале ничего не было, а потом, словно ниоткуда появившееся, слегка трескающее разрядами, голубое свечение легко пробежалось по всему дирижаблю. Потом снова и снова, снова и снова. Этот веселый бег был началом огненной волны, полностью поглотившей дирижабль, намеренно носивший название эскадренного его Величества “Слонобой”.

Когда дорога пошла в горку и подъем на вершину закончился поворотом, Бойко толкнул меня, показывая куда-то в бок:

— Серег, глянь-ка туда! Вона кто по нам палил!

Над лесом вдалеке виднелись два дирижабля, большой и малый. Большой, явно имперский военный, выглядевший большим летающим хищником и малый, непонятно чей, раза в три меньше, похожий на тонкую сигару. Услышали звуки нескольких раздавшихся выстрелов орудий. И следом заметили яркую вспышку, легко поглотившую большой военный красавец-дирижабль.

— Ур-ра-а-а-а!

— Бойко, ты что, дурак?! С ума сошел?

— Дык он же по нам небось палил!

— Так нашего же и сбили. А палил он в нас поначалу, думаю, нас за тех врагов и принял. Дружественный огонь.

— К-какой ог-гонь? — не понял сразу Олег.

— Какой-какой?! Такой! Дружественный! До ее высочества значит совсем близко.

— А ведь и вправду дурак. Как же я сразу не сообразил-то?! — начал сокрушаться репортер.

— Александра-а! Саша-а! Ваше высочество-о-о! Это мы-ы! — как одурелые орали мы, пытаясь докричаться до едущей впереди нас княжны. Ибо в дорожных войнах с Дуксами, а затем и с Хорьхами приказал долго жить гудок. Ее второй сокомандник, сидевший в паровике на пару с охранником, следовавший за ней, не пропускал нас, увеличивая дистанцию между нами и ней.

Когда тракт вдруг раздвоился, я обрадовался. Так как оба паровика имперского гаража ушли в левую часть дороги, а мы свернули в правую. И у нас появилась возможность их догнать. Чем мы и воспользовались. Разогнавшись, мы обошли второй паровик и снова выскочили на тракт, почти поравнявшись с ‘Молнией’ княжны:

— Александра-а! Саша-а! Ваше высочество-о-о! Это мы-ы! Остановитесь!

Княжна, заметив знакомое лицо, махнула рукой, потом недоуменно нахмурилась, но все же остановилась. Мы тоже. За нами встал второй паровик, из которого выскочил наблюдатель, оказавшийся еще одним охранником. В руке он держал только что

вытащенный из-за обшлага кожаной куртки небольшой парострел. Ее высочество недовольно зашипела:

— Ах ты! Каков нахал! Пф! Сергей, забылся?! Меня так никто не называет. Только дома семье позволено. Белены что-ль объелся! И если ты думаешь, что...

— Ваше высочество, Александра, но простите, давайте без политесов. Вам сейчас грозит серьёзная опасность. Покушение. И это не шутки.

— Пф! Я это слышала, мне не раз сообщали.

— Ваше высочество, отнеситесь к нашим словам серьезно. Мы за вами с первого этапа гонимся, пытаюсь догнать. Только что военный дирижабль над лесом уничтожили. Видели?

— Какой еще д-дирижабль? Слонобой?! Это вон тот маленький с ним справился? Пф!

— Не знаю названия, но да-да. Давайте не терять ни минуты. Предлагаю вам и вашему охраннику поменяться с нами машинами. И нужно переодеться. Вы одеваете наше, а мы ваше. Должно подойти.

— Да как вы смеете!...Ах вы!... -пунцовевшая, как алый мак, девушка аж не нашлась, что на это и сказать: — Вы понимаете, что предлагаете?!

— Ваше высочество! Все потом. Некогда! Враги скоро уже тут будут, а нам отвести их от вас еще нужно. Саша, немедленно снимайте свою куртку, если вам жизнь дорога.

— Ах Сергей, если вы мне соврамши...ну если я только узнаю...если ты кому-нибудь даже заикнешься...если

— Ваше высочество, как можно?! — испуганно проговорил Бойко, ни разу не сталкивавшийся с негодованием столь высоких персон.

— Пф! Я даже не знаю, что с вами обоими сделаю! — грозно завершила свой спич ее высочество, начиная, одновременно с охранником, снимать свою верхнюю одежду: — Надеюсь, вы знаете, что делаете?!

Обменявшись верхней одеждой, я принялся лезть в “Молнию” Александры. Бойко в нерешительности стоял рядом, не предпринимая никаких действий.

— А это то зачем?

— А как же! Чтобы сбить с толку наших преследователей. Они ж еще не знают, что мы переоделись.

— Твоя правда!

— Саша, ваше высочество, не бойся, знаю я, как твоей конфеткой управлять. Как-никак сам доводил. Не теряйте времени, Саша, лезьте в “Пулю”. Там все для тебя знакомо.

— Пф! Нахал! Ни капли вежливости! Вот уж все закончится, я тебя проучу!

— Все потом, ваше высочество. Бойко, а тебе особое приглашение нужно?! Лезь давай!

— А может я все ж сойду?

— Олег, не дури, в последний раз говорю, лезь в паровик!

Невольный напарник словно нехотя начал залезать в паровик ее высочества. Вдруг разрешат остаться. Ее высочество кивнула головой гонщику второго паромобиля, подтверждая свое согласие на сопровождение ее, теперь уже бывшей, Молнии.

— Сергей, ты вернешь мне мою Лозьер “Молнию” в целостности и сохранности. Понял?! Знаешь, сколько мы с ней уже? И попробуй мне только первое место занять! Пф! Самолично, прилюдно придушу! Знай! Я своих слов на ветер не бросаю!

— Обязательно, ваше высочество! Буду рад помереть от ваших распрекрасных рук! — смешно улыбаясь, ответил я ей, одновременно резко стартуя с места. За нами рванул второй гоночный Берлиэ под номером 02, оставляя ее высочество вместе охранником вдвоем.

— Ах же шут гороховый! Надеюсь, он знает, что делает-прошептала Александра. Этот молодой человек ей начинал нравиться своей бесшабашностью и непонятным упорством, помноженным на отсутствие авторитетов.

— И попробуй мне, Сережа, только пропасть или погибнуть! Я тебя с того света достану.

И посмотрев в небо, где над деревьями виднелись приближающиеся очертания небольшого дирижабля, кивнула своему охраннику:

— Едем же! Быстрее!

— Ополоуметь можно! Я еду в ” Молнии” ее высочества! — орал Бойко.

Я же только промолчал на это заявление инспектора.

В этом паровике я уже в мастерской сидел. И не раз, споря и доказывая свою правоту инженеру и всем ответственным за улучшения специалистам мастерской Арбузова. Держа одной рукой руль, пальцами второй я касался кожи воротника, накинутой на меня куртки. Она еще хранила тепло тела, только что расставшейся с ней, девушки. Конечно, куртка была мне немного маловата, для чего пришлось расстегнуть несколько пуговиц на ней. Но самое главное, за что можно простить все доставленные неудобства, она приятно пахла. Пахла приятными, наверное, очень дорогими, цветочными духами, к чему примешивался едва уловимый запах кожи куртки. И самой девушки.

— Сергей! Вот мы в паровике ее высочества, а дальше-то что делать будем? Ты уже, надеюсь, знаешь?

— Нет. Рассчитываю дальше действовать по обстановке. А что?

— Вот как? А зачем я тогда к тебе в транспорт залез? Лучше бы я в лесу небось остался!

— Бойко, ты уже достал! Который раз уже. Я слезу-слезу, слезу-слезу. Раз так хочется-слезай! — и кривлюсь, перевирая любимое бойковское небось: — Небось без тебя управлюсь!

— И уйду! Небось живой буду!

— Ну и вали!

— И уйду! Останови, я сойду!

— Крыса трюмная!

— Я тебе публичный некролог в нашей газете напишу. В рамочке с виньеткой. Хороший!

Я резко затормозил. За мной, совершенно не понимая причин, затормозил второй паровик с “моей” охраной:

— Да иди ты к черту, писатель.

— Вы чего, отношения выяснять тут удумали? Смотрите, нас дирижабль нагоняет! Это точно не наши,

— Иди! Вали в свой лес. Прячься.

Бойко не стал отвечать на этот выпад и сразу ринулся, не разбирая дороги, в густые заросли окружающего леса. А “Молния” немедленно рванула с места, пытаюсь уйти с места остановки подальше. Держу пальцы крестиком, чтобы тот момент догоняющие нас на дирижабле не заметили.

Лечу по тракту с другим паровиком. Тот дирижабль нагнал нас. Кажется, что они летят параллельно с нами. Краем глаза вижу номер на хвосте. Он... Двадцать пятый. Тот, что мы безуспешно искали среди гонщиков на тракте, оказался в небе. Щурясь от солнца, различаю маленькие фигурки людей, стоящих на мостике. Я был рад, что моя затея с переодеванием

удалась. Они не задержались на моей “Пуле”, а сразу же летели к нам. Наш маленький обман сработал. У ее высочества уже есть шанс спастись.

Охранник на втором Берлиэ, достав свой парострел и действуя рукой, как подставкой, принимается палить в их сторону. На мостике дирижабля вскоре забегали. Попал он, значит.

— Господина, это те, кого мы ищем. Их охланника начала стлелять по нама. Цина цюцють зацепило, но елунда. Вана после пелевяжет лану.

— Кончай их обоих, Цин. И девку ту и ее охрану. И быстренько уходим в Варшаву, пока тут не очухались. Там разгружаемся и вы оба оттуда дуете в Старый Петербург. Заляжете там до особого указания. Подчиняться будете кому укажу. И затихнете там как мышки, никуда носу не показывая. С вашей рожей заметут на допрос в охранку враз. Чую, ежели не смотаемся, тут войск вскоре будет, как собак не резаных. И запомните, нас тут не было. Лучше уж на таможне я гутарить буду. А вы мне помалкивайте.

— Цина поняла, господина. Цина стлелять. Цина и Вана потом молчать. Хозяина новый плинять.

— Уходи-и! — орет мне охранник на втором паровике. — Меньше шансов, что обоих зацепят!

— Удачи-и! — и добавив давления в котлы, начинаю прибавлять в скорости, уходя от сопровождения. Отъехав от него метров пятьдесят, оборачиваюсь от внезапного взрыва. На меня летела огненная волна с голубыми сполохами, в сочетании с согнанными с места воздушными волнами. Пыль с голубым огнем.

— М-м-ма-ать! Это что за хрень!

Окатив пылью, немного не добравшаяся до меня, волна быстро рассеялась, оставляя за собой большой выжженный опаленный круг. Куска старого леса, попавшего в зону действия этого круга и второго паровика больше не было, словно их корова языком слизала. Дирижабль не отставал. Транспорт быстро приближался к небольшому паромобильному мосту из дерева и металла, перекинутому через края обрыва, в низине которого протекала неширокая, но бурная в центре река. Конструкция моста была интересной, но рассматривать их мне было некогда. Люди на мостике дирижабля что-то там прилаживали, направляя это что-то в мою сторону. Сейчас точно вдарят. Проскочить мост или?

— Уй-е-е-е! Вот встрял! М-м-ма-ать, куда же мне уйти с тракта-то?

Или не проскочу?! Успею! ельнну хлэнож Н-нет! Будь, что будет. Ф-фух! В воду! А-а-а-а!

На полной скорости разогнавшийся пыхтящий паровик с парнем за рулем минул кромку обрыва, словно пытаясь перелететь на другой край реки. После чего по широкой дуге принялся падать в бурлящие речные воды. Из кузова падающего паровика вылетел юноша в кожаной куртке, нырком вошедший в воду одновременно с ‘Молнией’. Паровик, гулко хлопнувшийся о воду, перевернувшийся верх колесами и наполовину погрузившийся в реку, принялся тонуть. А нагнавшая паровик огненная голубая волна довершила свое темное дело, слизав подчистую все, что плавало на водной поверхности. Покрутившись еще немного вокруг места падения и убедившись, что дело сделано, мугалийский почтовый паровик, сменив курс, полетел дальше.

Бульк...бульк...бульк...Сижу под водой, возле зарослей камыша и тростника у берега, одновременно стараясь задержать свое дыхание. Давно сбросил тяжёлые, стесняющие движения в воде, ботинки. Куртка в воде словно кирпичами набита. Как же долго длится время. Первый раз всплыл среди зарослей травы, примеченной в момент падения. Чтобы не заметили. Небольшой дирижабль низко висел надо мной в небе, позволяя прочесть надпись

на борту 'Мугалия Пост', а команда, бегая по палубе, всматривалась в речные воды, выискивая в воде ее высочество. Отдышавшись, пришлось уйти снова под воду. Еще...еще пять секунд...еще...еще...вот теперь, наверное, все. Потихоньку выдыхаю и медленно всплываю под прикрытием речных растений из-под воды. Отдышавшись, оглядываюсь. Ф-фух! Никого нет, моста нет, кручи на берегу опалены черным. Хлопнул по волнам рукой:

— Ха-ха-ха-ха-а-а-а-а!!! А-а-а-а!!! Я их обману-у-ул! Обману-у-ул!

Из последних сил доплыв до берега, медленно выползаю на мокрый, с речными травами и галькой, песок. И совершенно без сил, от усталости и пережитого засыпаю день, засыпаю.

Просыпаюсь вечером от криков. Тело все болит и ломит. Неприятно в мокрой одежде лежать. Верх высох, а низ от набегающих волн намокает. Замерз я что-то. Надо вылезти совсем из воды, а то заболеть не хватало. Сил нет. Хотя о чем я, рад, что, фу-у, живой остался!

— Наше-е-л! Вон он, на песке лежит, вашвысочество.

— Где-е?

— На внизу, вон там, на бережку.

— Что с ним?! Живой?!

— Целехонек навроде. С верхов не видать боле. Вниз спускаться надобно. Ваше высочество. Момент. Сей час только канат вниз спустим.

Первый подскочивший ко мне военный перевернул меня и увидев мои первые телодвижения, заорал куда-то вверх:

— Живо-ой он! Как есть живой! Ни царапинки! Лежит себе и в ус не дует. Ей-ей-ей, вашвысоч...вы куды ж...не надо...мне ж ротмистр мой голову оторвет... за энти ваши пируэты.

И вскоре этот приятный запах рядом со мной и капли падающих слез:

— Сережка...ты живой! Живой! Уж все кончилось. Свои!

Спустившиеся военные в ярко-синих куртках с красными штанами с нашитыми красными галунами помогли мне подняться. И один из них, залихватски перевязав себя, а затем и её высочество княжну, с помощью медленно взлетевшего дирижабля, поднял на борт вначале ее. После чего, тем же способом меня и остальных. Вскоре, дирижабль, вздрогнув своими паровыми движителями, почихал дальше.

Что было дальше, я не помню. Просто, когда все участники поисков скрылись в недрах дирижабля, на борту мною занялся военный маг-фельдшер. Ее высочество он попросил удалиться. Сразу дав под язык какую-то черную пилюлю и начав вести пассы над головой, отчего я вскоре заснул. А очнулся я уже в столице, когда наш дирижабль приземлился.

— Уважаемые дамы и господа! В связи с особой ситуацией, не терпящей отлагательств, Комитет гонки принял согласованное всеми членами решение отменить полностью пятый этап гонки. А также не признавать уже достигнутые результаты некоторых гонщиков, достигнутые ими на пятом этапе. Также среди участников гонки произошли многочисленные изменения и сходы. По состоянию на данный момент, с тракта сошли гонщики, ставшие лидерами пятого этапа:

— Паровики имперского гаража, в полном составе, по причине поломок на тракте.

— Паромобиль 'Пуля' заводской команды Арбузова, по причине схода с тракта в результате поломок.

В связи с оными фактами комитет гонки постановляет:

— Первое призовое место и победителем гонки признается аглицкая команда

‘Воксхолл’ на одноименном паровике. Второе призовое место занимает Фред Марриотт на своей ‘Супер — Ракете’. Третьим победителем гонки и соответственно, третье призовое место занимает команда братьев Гарднеров-Серполле на своем дубль-фаэтоне.

По решению главного акционера, его величества Императора, главный приз, кубок Гран-при Императорского Тартарского Паромобильного Общества “Пробег на кубок Императора” вручаться не будет, ограничившись положенными для призовых мест наградами.

Услышав эти новости, толпа недовольно загудела, принявшись немедленно обсуждать только что услышанное друг с другом.

Матрос помог мне спуститься по ступенькам на землю. Передо мной спустилась ее высочество Александра. Солнце уже почти зашло, уступая место ночи. Я, накрытый чьим-то одеялом и каким-то непонятным образом насухо от воды высушенный, стоял посреди поля. На этом поле, рядом с приземлившимся нашим дирижаблем, сверкая дежурными огнями, поодаль стоял дирижабль его Императорского величества, на котором он прибыл до начала гонки. В воздухе висело несколько военных дирижаблей, также сверкавшие огнями. Кажется, я заметил на бортах торчащие пушки. И, по-моему, некоторые обводы мне показались знакомыми. Приземлившийся дирижабль встречала небольшая группа военных, среди которых я узнал его величество. Он, крепко обняв свою непутевую дочь, погладив ту по голове, вскоре отстранился от нее и подошел ко мне.

— У вас талант, молодой человек. Столько качеств и знаний — прямо удивительно. А еще оказываться каждый раз в нужное время и в нужном месте. Отеческое спасибо за спасение моей дочери — и Император, в этот момент показавшийся мне, в первую очередь, не самым первым лицом страны, а просто простым, усталым от всего, человеком, подал мне руку.

После крепкого взаимного рукопожатия он сказал:

— Надеюсь все же вскоре увидеть вас не только воспитанником приюта, но и студентом Имперской Академии. Стипендия для вас мною подписана собственноручно. По достижению шестнадцати лет имеете полное право ей воспользоваться, поступив в Имперскую Академию или любое военное училище по вашему выбору.

Взяв меня слово ничего не сообщать журналистам о произошедшем и сообщить всю нужную информацию соответствующим службам, его Величество увлек за собой Александру. Как? Всё? И все на этом? Отвернулся, чтобы не смотреть на взлетающий дирижабль. Не успев разочароваться, слышу:

— Сергей!

— Да, ваше высочество, совсем забыл, ваша куртка на мне! — принимаюсь снимать ее.

— Ах, нет-нет, не надо, оставь!

Ко мне, быстро спустившись по трапу, подбежала ее высочество:

— Оставь себе на память. Это самое малое, чем я могу отблагодарить за твою помощь. Не хочу, чтобы ты считал меня...

И не договорив, обняла. Раздался гудок-ревун. Ее высочество отстранилась и позволила поцеловать свою руку, после чего, словно нехотя, принялась идти пятясь к дирижаблю, одновременно говоря:

— Мне не позволено остаться. Ах! Как я хотела бы многое узнать, но охрана сильно настаивает. Мне нужно лететь, Сережа. И я обещаю, как только будет можно, свидимся. Обязательно с тобой свидимся. И в целях моей безопасности пока молчи обо всем!

И вскоре, погрузившись в свой дирижабль, Александра с семьей взлетела, направившись явно в сторону императорского дворца.

Ну а мне предстояла беседа с офицерами, представившимися контрразведкой Империи. Долго и обстоятельно длилась этот разговор. Офицеры не угрожали, но нудно и не по одному разу задавали вопросы о предшествующих гонке событиях и о том, что происходило на самой гонке. К вечеру от этих расспросов и обстоятельного рассказа у меня разболелась голова. Ф-фух, надоело! Когда офицеры посчитали опросы достаточными, после нескольких часов разговоров, затемно, мне дали поесть. После чего под охраной доставили в гостиницу, где временно жила наша команда. Ночной стук в дверь и вскоре нас встретили ликующие объятия всех без исключения, еще сонных, участников команды. После ликования начались расспросы. Только вот радость всех присутствующих несколько поутихла после сообщения офицера, прибывшего вместе со мной. Заявив всем о том, что до особого указания мне запрещено распространяться о событиях, произошедших в финале гонки, офицер козырнул и пожелав всем спокойной ночи, удалился.

— Ну как, значит, добрался де в гонке до ее высочества?

— Добрался, Степан Николаевич. А вы сообщили то, что я вас просил на старте гонки?

Степан Николаевич только вздохнул:

— Подкузьмил ты мне, Сергей, с этим сообщением. Заарестовали меня сразу. Посадили в клетку, словно вора какого. Думал влип по-черному. А к вечеру все ж разобрались и выпустили. А уж к ночи и ты явился. Нет, не подумай, я не жалею, все-все понимаю. Только скажи, там все нормально?

— Нельзя, Степан Михайлович, запретили говорить. Контрразведка.

— Вот как?! Значит, ее высочество де жива, раз их всех и тебя с гонки сняли. Предлог де про поломки-то мобилей, верно, надуманный.

— Степан Николаевич, я вам этого не говорил. Это ваши слова.

Старый гонщик еще раз вздохнул:

— Я же говорил, от богатых и знатных де жди беды.

Что тут на это скажешь. Только, ты не прав, Михалыч.

Наутро мы уехали в Старый Петербург. ‘Пулю’ нам не вернули, ограничившись выданной господину Арбузову распиской о временной конфискации означенного предмета на период расследования, что в немалой степени изумило всех. Что там нашли в моем паровике, догадок у меня не было. Кроме одной. Пуля просто понравилась ее высочеству и она, так сказать, ее придержала у себя. Взамен Молнии. Ехали обратно молча, хотя на языке у всех так и вертелось невысказанное желание подробно расспросить меня о событиях пятого этапа.

В приюте было еще тяжелее. Поздравления сменялись сочувствиями о сходе и пожеланиями побеждать еще, заканчиваясь вопросами про то, что было на пятом этапе. Потому что слухи и новости гонки дошли и до них. Отказывать ребятам и знакомым в этом была для меня еще та пытка. Хорошо ребята из нашей компании, правильно истолковав мое состояние и невозможность рассказов, как и в тот раз, в первый визит к императору, принялись отгонять от меня наиболее назойливых интересантов. И это дало свои плоды, потому что поток интересующихся этими событиями лиц и повторяющихся вопросов вскоре начал сокращаться.

А еще через пару недель на выходе из приюта меня ждала очередная приятная новость. В этот момент наша честная компания гурьбой шла на практическую.

— Сергей?! — окликнул меня знакомый голос.

— Бойко?! Ты?! Жив, курилка! — заорал я. И подлетев к недавнему напарнику, обхватил того двумя руками и подпробовал поднять его. Разок подняв его и опустив вниз, репортер принялся отказываться от сомнительной чести быть поднятым еще раз.

— Хватит-хватит, небось зашибешь еще ненароком, хандрыга.

— Что-о?! Сам ты, костеря известный. Сбежал от меня тогда. И, кстати, правильно сделал. Как ты, долго по лесу пришлось скитаться?!

Наши ребята, переглядываясь друг с другом, стояли молча, грея уши и ловя каждое слово нашего с ним разговора.

— Ой, и не говори. Слез я с мобилы, вы уехали. Приближался дирижабль. И мне пришлось забежать в лес. Рядом с дорогой был большой валун, под которым я спрятался. Авось не заметят. Мне небось никогда еще так страшно не было, когда дирижабль пролетел надо мной. Маленький, а такой большой военный дирижабль погубил. Это знаешь ли, страх наводит. Он пролетел дальше и я, услышав, как стих шум его винтов, вылез из своего укрытия на дорогу. А когда вдалеке я увидел зарево необычного голубого огня, языки которого быстро двигались в мою сторону, у-у-у! Небось магические шгучки. Тут-то мне стало страшно второй раз.

— Да ладно, Бойко, огонь тот имел ограниченный радиус поражения.

— Вот. Не раз я ж тебе говорил, Сергей. Какими-то ты странными словечки сплошь сыплешь. Как его... Сусанин, радиус поражения. Ругаешься даже как-то не нашему.

— Ладно-ладно, Бойко, ты не увиливай. Дальше-то что было?

— Дак что. Когда огонь стих, я пошел по тракту дальше. Добрел до первого небось опаленного пятна. Постоял там немного. Страшно сказать, что супротив нас оружие применили. Подъехала ее высочество на нашей “Пуле”. Завидев меня, только и высказала мне за то, что я тебя бросил.

— Брось, Бойко, не переживай. Я ж тебя не осуждаю. И прости меня за те слова. Ты поступил тогда правильно. Сейчас я понимаю, что шансов выжить нам вдвоем в тот момент было куда меньше. Я и сам чудом жив остался. Но рассказывай дальше, не томи.

Ребята, совершенно потрясенные, едва дыша, стояли рядом, вслушиваясь в слова, произносимые моим инспектором-контролером, ставшим невольным товарищем по борьбе. Совершенно не смущаясь никого, Олег, словно вокруг для него были только я и он, принялся рассказывать дальше.

— Узнав то немногое, что было между нами, княжна уехала. Я же пошел по тракту дальше. Вскоре мимо меня пролетели аглицкие участники, мериканцы, нихонцы. Через некоторое время они вновь проехали, немало меня удивив. Представь мое потрясение! Обратно! Небось ты представляешь, они поехали обратно? Уж к ночи я набрел до реки, едва не свалившись с кручины в воду. Моста не было. Тракт был, а моста не было. Ее высочества тоже. Расположившись рядом в лесу, переночевал до утра. А утром подивился масштабу разрушений. Моста нет, в округе небось ни травиночки, мобилы же твоего тоже нет. И я подумал, что... либо ты небось... того! — Тут наш репортер слотнул: — либо небось смог выбраться. По тому, что я вижу тебя тут, значит второе. Вскоре прибыли артели плотников, наводить вместо напрочь сгинувшего моста временную переправу. Примкнул к ним подмастерьем и чернорабочим за возможность столоваться у них. А еще через несколько дней покинул их бригаду, едва появилась возможность попасть на тот берег. Добрался на перекладных до столицы. В редакции меня совершенно потеряли. Выслушав мою историю и

сообщив последние новости в столице, отправили меня с паромобилем редакции сюда, наказав мне без репортажа не возвращаться. И вот я тут.

— И это все?!

— Ну да небось! А что ты еще хотел услышать.

— Бойко, ты хочешь сказать, что к ни полиция, ни контрразведка, ни люди императора к тебе не подходили?

— Ну да. Никого не было.

— Ха-ха-ха! Бойко! Да ты счастливчик!

— Эй, ты чего. Какой же еще я счастливчик?

— Чего-чего? Можешь сам совершенно спокойно рассказать людям эту часть нашей истории. А я тебе тут ничем помочь не могу. Запрет ее высочества!

— Не, ну ладно, а как же репортаж? У меня и в остальном куча вопросов.

— В каком еще в остальном?

— Ну как ты тут объявился. Небось странности твои.

— У-у-у, Бойко, это никому неинтересно.

— Нет, это весьма всех заинтересует. У нас выйдет шик-карный репортаж! Главная новость сезона! Вот смотри...

Императорский дворец. Рабочий кабинет его величества.

— Как продвигается расследование покушения на Александру, Михаил Георгиевич?

— Ваше величество! Мы делаем все возможное!

— Оставь все экивоки за той дверью. Говори, как есть. Знаешь же, лестью меня не проймешь!

— Мой император, пока все плохо.

— М-м-м?!

— Узнав о нападении, мы незамедлительно отправили телеграфом сообщение об всеимперском розыске во все воздушные порты и города Империи. Мугалийский дирижабль, участвовавший в нападении на ее высочество, был найден в порту Варшавы. Но мы опоздали. Лишь наши люди прибыли на портовую стоянку и поднялись на борт, то застали пустой дирижабль. Охрана порта сообщила, что за час до нашего прибытия с ворот порта выехал паровик с сошедшей на землю всей командой. По сообщенным охраной приметам на улицах и в предместье Варшавы моими людьми была организована погоня. Но все безуспешно. В пригороде неподалеку от тракта был найден брошенный ими пустой паровик. Анализ всех следов показал, что по неизвестным причинам, словно разыскиваемые почуяли погоню, бомбисты пересели на другой грузовой паровик. Вместе с грузом. Опросили всех вокруг. Свидетелей сего не нашлось. Попытка проследить по следам окончилась также безуспешно. Следы затерлись на тракте.

— Бомбисты едут с грузом?! Что там может быть, Михаил Георгиевич?!

— Да, мой император, что-то везут. Предполагаю, это нечто, чем они уничтожили эскадренный дирижабль “Слонобой”, осуществлявший высотное наблюдение на пятом этапе, а еще — мост через реку Всеславку и пару гоночных мобилей — Молнию 09 Александры и Берлиэ 02 охраны ее высочества, участвовавшего вместе с ней гонке.

— Есть предположения?!

— Пока только ясность, что примененное супротив них оружие было явно магического назначения.

— Плохо.

— Мы знаем это, князь. Разрешите идти работать дальше?!

— Идите! Работайте.

— Кстати, мой князь, что нам делать с газетчиками? Они осаждают меня и вашу канцелярию вопросами о состоянии ее высочества. И они требуют ее появления. Подозревают, что с ней на гонках произошло самое плохое.

— Ах да! Газетчики. И что вы предлагаете?

— У меня нет вариантов, кроме как подождать еще.

— Значит, так и поступим. Молчим и тянем время. Если за неделю другую супостатов не найдешь, Михаил Георгиевич, придется предъявлять ее высочество народу. Живую и здоровую. И, кстати, не спешите пока рассказывать писакам о ее спасителе.

— ?!

Кабинет управляющего. Лавка “Йосифъ Фрутте”

— Барин! Почта и ваша газета.

Разворачивая “Салонъ” Йозеф первым делом просматривал колонку объявлений, в поисках одного неприметного сообщения. В очередной раз чертыхнувшись отсутствию сообщения от нужного ему человека, он, сплюнув на пол, принялся рассматривать и читать другие страницы.

Перевернув очередную страницу на раздел, где освещались спортивные новости Тартарии, управляющий остолбенел, для того чтобы в следующий момент заорать во весь голос:

— Федька! Васька-а! Канальи! Где вы там! Да за что ж я вам деньги то плачу!

Влетевший в кабинет управляющего, запыхавшийся рябой Федька, не найдя глазами причины, принялся расспрашивать:

— Барин, почто звали?

— Федька, ты грамоте учен?

— Учен.

— На, читай!

Ничего не понимающий охранник взял из рук Йозефа Юлиановича газету и погрузился в чтение. Через несколько мгновений раздается:

— Барин, дык это...это же...гимназист тот. Ну что вас...

— Сам знаю, олух!

— Но как же...

— Сей же час несешь эту газету к Ипполит Матвеевичу. Как узнаешь, что да как, ждешь его и едешь с ним! Аккуратно хватаете и сюда его! И чтоб без твоих выкрутасов!

Всю ночь кручусь в кровати, не мог уснуть. Не давая спать, тревожило неприятное чувство. Было такое ощущение, что в моей жизни в ближайшее время что-то должно произойти. Пробежала мысль о Йозефе, удачно приложив которого я сбежал. Скотина. Парострел я, кстати, в свое время перепрятал в овраге за приютом, буквально на следующий день. И вовремя. Приметивший меня бородатый дедуля-дворник ни в какую не хотел меня выпускать с тупика, угрожая и закрывая выход, ха-ха, метлой. Подумал видимо, что припрятал там что-то. Ворюга не иначе. Припрятал ворованное, ага, за пазухой. Драться с дедом совсем не хотелось. Поэтому удачно обманув его фальшивым движением, я рванул в получившийся проход и дал деру, только усмехаясь от его возмущенного крика:

— Стоять, шельма! Постой! А ну кому грю!

Овраг за приютом был глубок и давно порос деревьями и кустарниками. Периодически я ходил издалека проверять свой схрон, а недавно весной в одиночку даже практиковал в стрельбе свой захваченный трофей. Вытащив из схрона парострел, под шум ветра и ветвей деревьев смазал его прихваченным из мастерской машинным маслом. Чтоб не ржавел. Перед тем как выстрелить из оружия, внимательно его осмотрел. Странная конструкция. Сдвоенный ствол большого диаметра, вертикальный магазин с шариками-пульками, интересный спусковой механизм, пара рычажков и два резервуара с какими-то жидкостями. Один резервуар в рукояти, а второй — над рукоятью. Парострел украшал какой-то невзрачный зеленоватый камушек. Даже удивился тогда, нафига он тут. После осмотра оружия, поставив нижний рычажок в верхнее положение ‘бой’, а верхний рычаг в нижнее положение ‘уз’, я решился в первый раз опробовать его. Нацелив оружие на не до конца поваленную зимним ветром березу, нажал на курок. Пулька вылетела из парострела с хлопком в дымном облаке шипевшего пара, тотчас же развеянного ветром. Тело мое от неожиданности и сильной отдачи вздрогнуло. А в березе в месте попадания исчез кусок ствола, после чего дерево с треском надломилось и окончательно повалилось на землю. Эта штука посильнее Фауста Гете будет. Факт.

За мыслями не заметил, как уснул. А наутро все было как обычно и о проведенной бессонной ночи напоминал только противный зев. А за делами в мастерской противные мысли окончательно выветрились. О них я и думать позабыл. А зря. Потому что, выйдя вечером из арбузовской мастерской и возвращаясь обратно, из остановившейся напротив входа в приют пролетки за вылезшим из нее городовым на мостовую прыгнул он. Рябой.

— Гимназист! Гонщик! Ить вот ты где! А ну стоять!

Неразлучная тройца стояла на противоположной стороне мостовой и с удивлением смотрела на разворачивающееся на их глазах действие. Только что на их глазах из остановившейся пролетки вылез полноватый унтер-полицейский и какой-то крепкий мужик с рябым лицом. После чего события стали развиваться лавинообразно.

— Гимназист! Гонщик! Ить вот ты где! А ну стоять! — крикнул рябой.

Попытался схватить Конова. Неудачно. Их друг вывернулся из захвата и совершенно невероятным ловким приемом вывернул рябому руку, после чего сильно толкнул своего врага на полицейского. Те не удержались и оба упали на мостовую. Сергей не стал ждать и ринулся бежать. Его враги тем временем поднимались с земли.

— Ах, ты ж! Бунтовать мне вздумал! Да за сопротивление... А ну стой! Пулять буду!

Юноша бежал, не останавливаясь. Рябой, видя, что цель удирает, вскочив и крикнув, тоже побежал за парнем. Оставшийся возле пролетки унтер, из-за живота натужно поднимаясь, тем временем вытащил служебный парострел и выставил его наизготовку. Городовой поморщился. Навязанный Йозефом свидетель, по совместительству бывший его охранником, мешал ему целиться в ногу. Вот он ушел с линии огня, зато более быстрый гимназист сменил тактику, принявшись бежать по улице, петляя волной. Унтер принялся целиться через мушку парострела и настраивая увеличенный радиус поражения в связи с растущей дальностью.

— Гадство! Сбежит! Как есть сбежит! Пулять? Или не пулять?! Уйдет же! Ищи его потом. Да что же он! Да уйди ты в сторону!

Выстрел паровика. Унтер-полицейский обрадовался. Попал! Когда пары выстрела рассеялись, на тротуаре лежал только рябой, раскинувший свои руки на мостовую. Парня уже не было.

— Тьфу! Зар-раза! Связался на свою голову с этим Йозефом! Бечь надо!

Не став смотреть на лежащего рябого, он вскочил в уже собравшуюся трогать пролетку, взглянул зло на насмерть перепуганного возничего и быстро тому сказал:

— А ну трогай давай. Быстро. Плачу втройне. Пошел!

Ф-фу-у! Удачно сбежав с места событий, я гулял по городу, стараясь не отсвечивать по началу комендантского часа. Успел зайти в банк, где забрал весь свой депозит. Пустили сразу, швейцар был уже другой. А вот помощник управляющего, узнав цель визита, даже как-то посмотрел на меня с сожалением. Возвращался обратно в приют уже глубокой ночью. Труп рябого, так вовремя оказавшегося на линии огня, уже убрали. Зачем я им оказался нужен? Почему хотели убить? Вот спрашивается, и зачем я туда поперся? Приличная лавка с виду была. Неужто все из-за парострела с ножом. Или Йозеф обиделся на то, что я приложил его по шее. Обидчивый какой. Нет, что-то Йозеф там говорил о стали... брерарлевской, кажется.

У входа в приют стоял паромобиль с эмблемой полиции. Явно по мою душу. Уж не знаю, что там в полиции наплел Йозеф, но мне это явно не понравится. Нужно отсюда бежать, но хотя бы забрав свои вещи. Только вот...к кому бежать-то? Уверен, что Арбузову сомнительные дела, да еще с убийством, явно не нужны. А еще придется рассказывать о всех событиях, произошедших в связи с этим. Про спрятанное оружие. Тут все и вскроется. Император высоко и далеко. Александра еще могла бы помочь, воспользовавшись своими связями, но она же в Новом Петербурге. Куда еще добраться надо. Бардин. Мой опекун. Единственный, кто реально мог бы мне помочь и просил обращаться за помощью. Если уж и идти в полицию, то лучше вначале к нему. Только до него еще дойти надо. Кажется, он живет на Никитской, 25. Или Никольской, 25? Его визитка. Она же там, в моих вещах лежит.

Через парадный вход переться не стал, предпочтя нашу дырку в заборе со стороны оврага. Любимое место всех приютских, бегавших без увольнительного билета в город до ближайшей кондитерской за сладостями. Окно цокольного этажа, служившего приемным окном угольного склада, просто прикрывалось листом металла, не имевшим креплений. Вытащив кусок листа, через окно можно было пролезть на сам склад, а отперев защелку в помещении, выйти в коридор подвала. Этот маршрут мне один раз показал вездесущий Петька.

Сонный приют. Нужный этаж. Дежурный надзиратель спит в углу за столом у включенного ночника. Запах сторовенного масла ночника в воздухе. Тихонько, едва слышно пройдя мимо дежурного, Сергей подошел к двери и дернул ее ручку. Ффу-у! Дверь тихо скрипнула, но надзиратель так и не проснулся. Вот он идет на цыпочках в комнату к своей кровати, стараясь никого не разбудить.

— Ба! Серег, неужто ты? — слышу голос Петьки.

Зажегся ночник. Вскочили другие. Не спали.

— Живой?! Живой! — тихо сказал Олег.

— Тише! Живой, братцы, живой!

Вокруг меня в исподнем стояли ребята и тихо рассказывали новости:

— Серег! У нас тут такое было. Все на ушах стояли. Вначале полиция была, а потом и штатский приехал какой-то. Глазами так и зыркал, словно вынюхивал что. Акулина Валерьяновна с ним. Всех про тебя опрашивали. Анфису твою тож. Какх... как ее, во...К-кхарактеристику собирали.

— А городских у входа, видел? По твою душу стоят! И у Арбузова тож парочка. Внутри

сидят, самолично видел.

— Вещи твои все забрали все. Ничего не осталось. Идохлый труп того рябого забрали. Стрелявшего городского, грят, тож ищут. Может энтот и не городской вовсе был.

— Сереж, что тем двоим от тебя, нужно было? — спросил меня Илья, смешно щурясь сонным глазом.

— Да сам не знаю. Зашел в городе в одну посудную лавку свой ножик продать, а они из-за ножика оружие схватились. Пришлось главному по башке дать и сбежать от них. Думал забудут, а вон оно как вышло.

Влез Петька.

— А ты энтото рябого хорошо заломал. Любо-дорого смотреть. Раз-два и в дамки. Хороший у тебя приемчик. Научишь потом?

— Научу, Петь, ну если...сам понимаешь.

— Понимаю. Что дальше?

— Пока ухожу. Раз ищут, здесь мне быть нельзя. Наведаюсь в ту лавку, узнаю, что к чему. Буду искать помощи. Есть у меня тут знакомый человек.

— Может к ее высочеству надо. Она же точно сможет помочь. Ты же ни в чем не виноват.

— Сможет, наверное, но для этого нужно еще до нее добраться.

— Анфисе сказать, что?

— Ничего. Если все хорошо закончится, сам ей скажу.

— Горевать будет девка, но смотри сам. Она же с тобой всегда крутилась и девкам спуску не давала. Люб ты ей.

— Что-то не заметно. Всё парни. Пока. Если что, вы меня не видели.

Тихо выхожу из комнаты. Иду тем же маршрутом, каким пришел. Спящий надзиратель даже не проснулся.

Сплюнув от неожиданной потери вещей, возвращаюсь снова в подвал. Пересидев ночь в теплой угольной, под утро задниками ушел, стараясь не попасть на глаза стоящему на страже полицейскому наряду. Тем временем сами городовые бодро зевали в паромобиле, борясь с подступающим сном. Я же шел по улице. Мой путь был на Никольскую, 25. На квартиру Бардина, адрес которого в выданной мне визитке я запомнил. Жил он далеко, на другом конце города. Поймав первый утренний экипаж, называю адрес полусонному вознице. Через двадцать минут пролетка останавливается у нужного мне дома.

Звоню в дверной звонок под именной табличкой. Слышу молодой зычный голос за дверью:

— Кто там?

— День добрый! А Петр Алексеевич часом не дома?

Дверь открывается. Молодая горничная в белом переднике и черном платье. Прислуга.

— Нет, молодой человек, Петр Алексеевич давно уехать изволил! Надолго! Кто вы?! Чтс передать хозяину?

Я стоял перед служанкой, как мешком оглушенный, не зная куда деть свои руки. Бардина нет дома? И что мне теперь делать?

— Маланья, милая, кто там? — в прихожую вошла белокурая молодая девушка в бежевом платье.

— Да вот, Варвара Петровна, хозяина нашего, Петра Алексеевича спрашивает этот молодой человек — ответила горничная. Та высунула голову из-за спины посмотреть на

гостя.

— Павел?! Ты-ы?! Но как? Живой! Мы же тебя уже пох... — и Варвара закатила глаза, медленно осела по стене, хлопнувшись в обморок.

Что за! Э-э-э, похоже у девушки обознатушки. Я ж не Павел?! А в обморок зачем? Это со всеми девицами так? Под охи-вздохи горничной, помог перетащить незнакомую мне Варвару на диван в гостиной, успев коснуться ее красивых локонов, после чего ее горничная грозно показала мне пальцем на дверь.

— Ирод такой, хозяйку мою совсем напужал!

Ушел по-английски, даже не попрощавшись и не сказав цели визита.

Вторым пунктом плана зашел к Аюми. Увы. Ни ее, ни деда дома никого не оказалось. Окна были пустые, без занавесок. Свет не горел. Спросил соседку рядом, сухонькую тщедушную старушку. Та, едва взглянув на форму, как хорошо носить форму, сразу доверие вызывает, сообщила, что ее соседи недавно, внезапно и очень быстро собравшись, вроде бы уехали обратно в Нихон.

— Сгрузили паровик поклажи, ну такой, большой! И усе на фаэтоне уехали.

Грустно. Чего это они? Вроде ничего не говорила об отъезде. Еще одна знакомая ниточка оборвалась.

С расстройства зашел в трактир. Надо поесть и спокойно подумать. Заказав себе порцию гречки с хорошим таким шматком мяса, хлеба и молока за тридцать копеек, жую и думаю, как жить дальше. Все-же решил бежать дальше, в Новый Петербург, вначале навестив старого “друга” Йозефа. Просто узнать, за что у него ко мне такая ‘любовь’. А в столице, как я заметил, еще больше шансов спрятаться. Большой город, много людей, паромобилей, домов, коммуникаций. Пойди найди еще беглеца. Не то, что тут, где весь город — одна большая деревня с каналами. Работу там в столице поищу. У Бойко, если найду там, можно помощи попросить. Авось не откажет. Сытый прошел на базар. Хорошо, сегодня много народу. Затерявшись в толпе, на одного гимназиста никто не обратит внимания.

Все торговки и торговцы, зазывая, наперебой рекламировали перед потенциальным покупателем свой товар.

— Семки! Семки! Купляй семки! Гимнази-ист! Гуляешь?! Купи семки! Карман-копейка!

— Картоха! Забирай картохи пуд! Очень вкусно, без причуд!

— Пирожки! Сладкие, с грибами, с капустой пирожки! Что ни в рот, то спасибо! Сладкие пирожки!

Там, на базаре, купил в одежной лавке поношенную, но вполне исправную одежду, сдав взамен свою старую приютскую. С моей доплатой. Сменяли сразу. Расставался с приютской формой с некоторым сожалением. Как-то привык к ней уже. Там же, в той же лавке, купил за рубль просторный, но уже не новый сидор, куда закинул пару купленной в лавке сменной одежды. Купил немного продуктов на дорогу на первое время. Совсем немного. Был бы голодный, забил бы весь сидор. Ага, правильно говорят, на базар нужно идти сытым.

Сняв в доходном доме комнату на ночь, решаюсь на вечерний марш-бросок. Нужно забрать парострел из укрытия. Вдруг еще завтра пригодится. Издали оглядел наш приют. Вздохнул. Городовые. Стоят еще.

Утром, умывшись и за завтраком поев опять каши с мясом, собираюсь с духом. Нет, все же иду.

Добравшись до лавки, замечаю на боковой небольшой грузовой паровик с рекламой лавки мельхиоровых изделий на бортах. За рычагами никого. Пара грузчиков ходит туда-сюда, таская тяжелые ящики на подсобный склад. Спрятав и накрыв сидор валявшимся ящиком, с парострелом, медленно крадусь ко входу. Вот очередной ящик втаскивается вовнутрь. Дверь приоткрыта. Решаюсь. Сейчас. Вперед. Проходя мимо паровика, окидываю взглядом кузов. Грузомобиль почти пустой. Пока никого не видно, вхожу вовнутрь и сразу прячусь в узких проходах за крытыми парусиной ящиками. В темени полусвета слышно, как в глубине склада громко перестукивают молотки. Тихонько продвигаюсь еще ближе, залезаю на самый верх, на ящики. Осторожно тянусь к краю и осматриваюсь. Сверху было видно, как знакомый мне управляющий, Йозеф, будь он не ладен, стоял с папкой, что-то тщательно пересчитывая, среди уже открытых ящиков с ложементами и лежавшими в них смутно знакомыми недлинными блестящими трубками, сделанными из того же материала, что и мой нож. Вот оно что. Бреарлевская сталь. Нержавейка. На трубках в креплениях красными переливами поблескивали какие-то камешки. Пара лиц, явно восточного вида, осторожно вскрывают и закрывают крышки доставленных на склад ящиков. Несут очередной тяжелый ящик крепкие грузчики из тартарцев.

— Последний?!

— Последний, Йозеф Юлианыч.

— Хорошо! Ставьте его сюда.

Подчинившись воле хозяина, грузчики понесли тяжелый ящик в новое место, случайно задевают соседний ящик и под весом переносимого груза не удерживаются и с сильным ударом ставят его на пол.

— Kretyni! Ślepy! Не дрова несешь! Писано ж! Не ронять! Ур-р-роды тартарские! Уволью!

— А в прочем, вы ж мне больше не нужны!

Через несколько секунд вдруг раздались хлопки выстрелов двух парострелов и двое, не успевших ничего понять, грузчиков попадали на землю. В первый раз я видел столь хладнокровное убийство людей с столь близкого расстояния. Ну боевики я там смотрел. Применение магических устройств с дирижабля, тоже. Так там огнем, пусть и страшно, но без вида крови обошлось, а кино — это кино. А тут все по всамделишному.

— Бар-раны катайские! Я что, ящики сам завтра таскать буду? Я ж разве приказывал?! И так лежку мне засветили. Не могли паровик в лесу оставить?

— Плости, хозяина... Вана и Цина не понимать... плости.

— Пр-ридукки! С кем же приходится работать! Зачем же вас только хозяин ко мне сбагрил?!

— А в прочем! Придукки мне тоже не нужны! — раздалось еще два хлопка и Ван с Цином, вслед за первыми, со стоном повалились на пол склада. Йозеф подошел к стонавшему, мыском ботинка качнул его голову, проверяя реакцию. После чего, видимо убедившись в наступившей смерти, пошел от них прочь.

В этот момент Сергей, пытаясь рассмотреть произошедшее получше, слегка вылез из-за своего укрытия и Йозеф заметил его. Ничем не выдав своего удивления, он, насвистывая веселую мелодию, словно никого не видя, подошел поближе к ящикам, за которыми тот прятался, и произнес:

— Право, мой день! Хор-роший день! Гимнази-ист, раз пришел, не прячься, выходи!

И выстрелил. Выстрел разбил пару ящиков, за которыми прятался юноша. Еще пара

завалила проход, лишая Йозефа возможности пройти. Удар отбросил его на землю. Парострел выскользнул из его рук, упав в проход. Обломки ящика ударили по голове юноши, в ушах появился звон. Юноша почувствовал, что по лицу потекло что-то липкое.

— Кровь....Сук...!

— Ах, какая жалость! Не попал! Экий ты быстрый, щенок. Ты мне вот что скажи! Откуда ж взялся-то, на мою голову? А гонщиком как умудрился сделаться. Чего молчишь? Сказать нечего?! О, а вот и мой парострел нашелся. Иди-ка к папочке!

— Да иди ты!

— Э-э-э, экий ты невежа, хоть чую, славный малец! Только со мной так нельзя! И как тебе слава газетная? Как тебе ее высочество, понравилась, хороша да? Чуйка чует, не без тебя там обошлось. Гри давай, кто тебя послал?

— Дед Пыхто!

Сергей, качая головой от противного звона в ушах, принялся отползать подальше от Йозефа.

— Знаешь, что! Загадками и я могу. Только вот играть в кошки-мышки с тобой надоело, дел полно. Отвечай!

— Да пошел ты!

— Славный учнем (прим. ученик). Чую, будь с нами, таких бы дел наворотили. Словно мне небесами ниспослан. Вот зачем, право, не знаю. Но, знаешь, так даже интереснее.

Говорливый Йозеф тем временем регулировал настройку на паростреле, после чего, наметив себе новую цель, выстрелил вновь из него по нижним угловым ящикам, за которыми только что скрывался перенек. Видимо надеясь попасть по ползущему юноше или завалить его тяжелыми ящиками. Лишившийся подпорки из нескольких нижних ящиков, выбитых и поломанных очередным выстрелом, стройный штабель ящиков принялся медленно заваливаться, заставляя Сергея отползать еще быстрее в сторону другого прохода. Еще через несколько мгновений большой штабель ящиков завалился полностью, полностью накрыв то место, где только что ползал юноша.

— Гонщик! Жив еще? Иду-иду, ид-уу к тебе-е!

В глазах парня двоилось. Он отчетливо слышал гулкие шаги Йозефа, раздающиеся с другой стороны поваленной кучи ящиков. Ближе-ближе-ближе. Ну вот и все.

— Вот ты где! Больно?! Грил же сразу, скажь мне по-хорошему! Может, тогда отпустил бы! А ты сразу драться! Обидно мне! Но не бойся! Скажь, кто тебя послал? И все. Я тебя не больно. П-паф и ты в раю! Ска...

Хлопнул выстрел. Получивший выстрел в спину, Йозеф мешком свалился на землю. Из уголка рта потекла кровь. Послышался голос:

— Тебе за Цина...хозяина...

— Suko jedna! Надоть было тебя сразу шл....

Через несколько минут, Сергей, кряхтя от пронзившей боли, встал с земляного пола склада. Коснувшись ногой окровавленного Йозефа, со спины которого уже успела натечь лужица ярко-бурой крови, он убедился в его смерти. Вытащив из второй руки Йозефа так некстати выпавший из рук парня при его падении с верхотуры трофей-парострел, он, с полным безразличием на лице, выглянул из-за угла. Юноша окинул взглядом лежащих впереди бывших соратников Йозефа. Катайцы, в том числе тот самый, стрелявший в Йозефа, Ван, лежали там же. Парострел катаяца был в уже разжатой руке Вана, а голова азиата была повернута набок. Подойдя к Вану, а затем и к остальным бандитам, Сергей проверил их

состояние. Мертвы.

Сходив за сидором, юноша вначале уложил туда свой трофейный парострел. Затем подошел к ящикам. Постояв немного, он вытащил из ложементов парочку, слегка похожих на булавы, трубочек с наживленными камнями. Сунув их в сидор, вскоре перекинул его за спину. Обшаривать трупы молодой человек из брезгливости не стал. Собравшись уж выйти со склада совсем, паренек услышал голоса и стуки в дверь запертых в комнате женщин.

— Барин, откройте! Йозеф Юлианыч, ну смилуйтесь! Выпустите же нас!

Подойдя к двери, Сергей крикнул:

— Отойдите! Я сейчас выбью эту дверь и выпущу вас. Как слышите?!

Услышав положительный ответ и подождав еще немного, Сергей с нескольких ударов ногой выбил дверь в закуток, в котором сидели запертые женщины.

— А где... Йозеф Юлианович? Ты кто такой?

— Идите уже. Там ваш Йозеф! — юноша на такое заявление только поморщился и двинулся прочь, на улицу.

Что-то пискнувшие продавщицы бочком пролезли мимо сломанной двери и парня и бегом рванули на склад. Через несколько мгновений зал склада огласил заунывный вой одной из продавщиц. Вторая товарка, видимо поумнее, пыталась урезонить, успокоить и утянуть оттуда первую:

— Аглай, другого апосля найдешь, пошли. Не дай бог полиция нагрянет, у нас документов и нет. Вставай, Аглаша!

Прошло еще несколько часов. Вечер. По улице медленно брел молодой человек с исцарапанным лицом и окровавленной повязкой на голове. За плечом висел сидор с двумя торчавшими из него блестящими трубками. Прохожие испуганно косились на него и быстро, не останавливаясь, проходили мимо. Юноша встал перед входом в Имперский почтамт, постоял, о чем-то подумал, сплюнул, да и зашел вовнутрь. Там у не менее удивленной почтальонши купил конверт с листом бумаги, сел за стол и принялся медленно писать. Завершив письмо, запечатал и отдал почтальонше, слегка испачканное своей кровью, письмо. В письме на адрес асессора Бардина он описал все свои перипетии с момента последнего расставания и извинялся за все доставленные ему неудобства, вызванные этой историей. Чуть позже купил на омнибусной станции билет, дождался прихода последнего вечернего омнибуса на Новый Петербург. Сергей улыбнулся. Омнибус. Зеленый, с желтыми полосками весело подмигивал вечерними фонариками. Старый знакомый. Перед посадкой, юноша последний раз оглянулся на омнибусную станцию и город. Теперь его путь лежал в большую столицу, где он намерен был затеряться.

ЧАСТЬ 2

— Это все известия по делу о покушении, Михаил Георгиевич?! А то я устали. Хотел бы уж отдохнуть. Вымотали меня известия-то. Совсем своего Императора не жалеете.

— Да полно Вам, ваше величество! Сейчас скажем нашему дворцовому врачу, он вам энергетических пилюль и выдаст. Примете и будете как огурчик.

— Не надо пилюль! Надоели. Нет больше известий?!

— Есть одна, ваше величество. Но я пока не хотел сообщать. Думал в ней разобраться

сам.

— Что там еще!

— Помните того паренька из старо-петербургского приюта, что ее высочеству Александре мобиль представлял! Ну тот призреваемый, что сам участие в ее спасении принимал. Ну как же, он еще ваше величество не признал!

— Ах да, — устало произнес его величество: — Конечно, такое ж разве забудешь. Целую неделю смешки во дворце о нем ходили. Мы хотели его к делу привлечь, помню-помню. Ну чего с ним, сдал экзамен-то?

— Нет, ваше величество. Рановато пока привлекать. Дело в другом. В приюте, где он числится воспитанником, произошел весьма один странный инцидент. В ходе происшествия у входа в приют на улице при попытке задержать парня выстрелом из паровика был убит человек, позже опознанный нашей охранкой как проходивший в розыском списке катайский агент. Стрелявший, по отзывам свидетелей, в форме городского унтер-офицера, прибывший вместе с погибшим, сбежал с места убийства на пролетке. Пролетка нашлась, возникшего допросили. О причинах ничего не знает. Был составлен рисунок убийца. Им действительно оказался городской полиции Старо-Петербурга, унтер-офицер Запольев Ипполит Матвеевич. Его пока ищем. Сам молодой человек тоже пропал. В приют не возвращался. По делу провели обыск и опрос соседей в приюте и по месту практических занятий в арбузовских мастерских. Сейчас там дежурит наряд полиции, результатов покамест нет. Виноват, ваше величество, не государево это дело, но вы просили о парне сообщать...

— Оставь, Михаил Георгиевич. Странная история. Что-то она мне не нравится. Очень. Не верится мне в виновность этого молодого человека. Тем более, учитывая наши планы. И Александра, знаю, имела виды. Возьми это дело под свой надзор, Михаил Георгиевич. Самолично разберись в этой истории.

— Само собой. Я так и хотел. Но есть в деле еще одна странность. И не одна. В ходе обыска в комнате этого парня помимо вещи, принадлежащей ее высочеству, были найдены иные вещи. Вот эти.

Глава охранной службы Императора выложил перед князем магографические карточки куртки, брюк и калькулятора.

— Это одежда, короткое пальто, из весьма теплого и легкого матерьялу, правда нетипичного, весьма странного покроя и яркого окраса. Судя по блестящим нашивкам с аглицким текстом, сделана одежда где-то в Британии. Но по словам по словам советника госпожи Ламановой, первой столкнувшейся с оными вещами, ей не известны аглицкие модисты, способные выполнить данный заказ. А это брюки из плотной ткани, по словам той же госпожи Ламановой, выполнены из матерьяла, весьма практичного для длительного ношения. Что весьма интересно для пошива формы солдат и офицеров. А вот этот предмет, как мы успели понять, служит для математических расчетов, аналогично конторским счетам и счетным кассам. Принцип работы пока не знаем.

— Это как так, Михаил Георгиевич?

— А вот так. По словам наших советников, проводивших исследование всех вещей парня, матерьялы и способ производства, с помощью коих сделаны эти предметы...тут Михаил Георгиевич запнулся...еще им не известны. И они очень просят выдать им эти вещи на дальнейшие исследования.

— Он значит...?! — многозначительно нахмурился князь.

— Тут нет ясности, мой князь. Катайцы и нихонцы такие придумщики, у них всякое может быть. Тут надо бы разобраться. И еще...по имеющимся у нас сведениям, в приюте этот молодой человек появился по протекции недавно назначенного ему временного опекуна, коллежского асессора Бардина Петра Алексеевича, который был отправлен вами на восток с ревизской комиссией для проверки режимных объектов. По полицейской линии. Юноша был направлен в приют по представлению полиции. По причине ретроградной амнезии, вызванной дорожным происшествием с участием его превосходительства полицмейстера Старо-Петерсборга.

— Ах да, что-то такое помню! Думаете, что и асессор?

— Мы не знаем, но проверить стоит!

— Проверьте! Обязательно проверьте!

— Дурак стоеросовый! Где ж тебя, дурня, носит.

Бардин сидел в кабинете розыскного отдела при департаменте и злился. Разминуться с парнем на несколько часов. Всего какие-то несколько часов, а целая лавина последствий.

Поначалу пришлось выдержать бой с дочкой Варварой, насевшей на него по поводу парня. Едва коллежский асессор вошел в квартиру в доме, где жил с семьей в последнее время, с первых слов дочери стало понятно, что с парнем что-то произошло. И не менее долго пришлось объяснять дочери, что она обозналась. Горничная в объяснениях помочь ему не могла, она появилась в их доме уже после смерти старшего. Но подтвердила явное сходство гостя с висящей фотографией в гостиной, чем лила воду на мельницу дочери. Матери в этот момент дома не было, бо укатила в гости к близкой подруге.

— Папа, зачем ты скрываешь от нас Павла?

Петр Алексеевич опешил:

— Варвара, ты не в себе? Павел там, царствие ему небесное. Дочь, что ж тут случилось, пока я отсутствовал? А лучше, давай с вопросами опосля. Только ж с дороги.

Но дочь не останавливалась, эмоции переполняли ее.

— Папа, приходил Павел. Спрашивал тебя. Как чужой нам. От случившихся чувств я упала в обморок, и Маланья по незнанию выставила его. И он ушел, не сказав, где искать.

— Понятно! Варвара, ты обозналась.

— Папа, нет! Это был Павел! Тебе не удастся меня...

— Правда! Этого молодого человека звать Сергеем, просто он весьма сильно похож на Павла. Когда я впервые с ним столкнулся, я был обескуражен не менее твоего.

— Папа, ты знаешь, где он?

— Да, я знаю, где он. В приюте на другом конце города. И я назначенный ему опекун.

(гневное) — Папа! Как ты мог?!

Позже, оставив дом, дочь, кажется, она ему ни капли не поверила, он прибыл в департамент. Его ревизские дела не терпели отлагательства. Каково было удивление асессора, когда, как обычно, ему вручили дежурную сводку происшествий по городу, встретив в сообщении фамилию “опекаемого”. Да еще с красным титулом первостепенной важности. Что значило — дело на контроле имперской охранки. Следом ему пришлось в кабинете объясняться с неожиданными, словно специально ждавшими его, гостями из той же самой охранки. Контрразведка. Словно удар под дых. Разговор шел по поводу личности Сергея, обстоятельств его появления и не менее непонятного им опекунства над парнем. С опекунством было легче всего. Бардин, еще с момента первой встречи, чувствовал непонятную симпатию к парню, усиленную его внешним сходством с не так давно

погибшим и похороненным в общей могиле старшим сыном. Хоть ассессор ничего не утаивал, вопросы, задаваемые офицерами охраны, ставили его решительно в тупик. С такими людьми ссориться не стоило, ведь они могли и карьеру попортить, но сказать им на многое ему было решительно нечего. Слишком многого он сам не знал. И далеко, и долго он был от дома. Кто он? Откуда? Юноша, как выяснилось со слов контрразведчика, устроился работать к Арбузову, в мастерскую, ведавшую ремонтом паромобилей Великого князя. Новые идеи, воплощенные в последнем мобиле, привели парня в резиденцию Императора, где ему довелось встретиться с ним самим и членами его семьи. После участвовал в Гран-При, где почти финишировал вместе с ее высочеством, если бы не сошел на последнем этапе. Шустер. Еще бы. Тем более понятны их подозрения. Такое дело. А кабысь шпион. Катайцев. Внедренный. У приюта ж одного подстрелили, что пытался его задержать. Второй скрылся.

Контрразведчик упорствовал. Второй лишь записывал что-то в блокнот.

— Но вы же понимаете, Петр Алексеевич, чем грозит вам ваше упорство?! Тут не только должность и погоны... Подсудное дело! А там....

Где же парень может быть? Ассессор не знал.

Долгий разговор в департаменте закончился ничем. Контрразведчики, пообещав Бардину новую встречу, ушли. С тяжелым сердцем, сдав дела ревизской комиссии на доклад полицмейстеру, мужчина вечером поехал домой. Уже раздеваясь и передавая пальто прислуге, он спросил:

— Маланья, известия есть?!

— Да, Петр Алексеевич, вам доставили письмо.

Взяв в руки письмо, написанное ученическим почерком, ассессор почувствовал легкое волнение. От Сергея. Краешек письма был измазан в крови. От этого волнение ассессора только увеличилось.

Прямо в парадной вскрыв письмо, Петр Алексеевич прочел его, потом еще раз и крикнул, схватив пальто и быстро одеваясь:

— Вот дурень! Как есть, ветер в голове! Ну зачем же бежать-то? Варвара, Маланья! Я еду обратно! В департамент. Ждите к утру!

На входе в департамент ассессор встретил контрразведчика, что часами ранее выносил ему мозги.

— О, Петр Алексеевич! Вы поздно, ужель в чем-то хотите признаться?! Так я, ха-ха, всегда к вашим услугам!

— Обойдетесь, милейший. Вот! Читайте!

Через полчаса наряд полиции и паромобиль имперской охраны стояли у лавки и ворот склада филиала фабрики мельхиоровых изделий “Юсифъ Фрутте”.

Столица Сергею не понравилась сильным контрастом с провинциальным и спокойным Старо-Петерсборгом. Небо закрывали серые низко висящие облака, сквозь разрывы которых виднелись садящиеся на причальные станции дирижабли. На нижних уровнях дышать было решительно нечем. Спертый воздух со смогом и запах сгоревшего угля, почти невыветривающийся из-за плотно стоящих домов, повсюду разводы влажноугольной пленки на окружающих его предметах, гомон толпы и звуки мимо проезжающих по центральному тракту сотен паромобилей и пароциклов. Пролеток почти не было. Он шел вдоль главного тракта в купленном недавно носовом фильтре и крутил головой по сторонам, изучая город.

Ему было интересно все. Многовысотные дома в окружении домов поменьше, несли на крышах собственные имена. “Романов плаза”, “Толстой хаус”, “Дом Уваровых”, “Шереметьев плаза”, “Дом Годунова”, “Дом князей Шуйских”, “Меньшиков Резиденс” были огромными, закрытыми для прочих, многофункциональными комплексами, каждый из которых обеспечивал жильем, работой и необходимыми услугами прорву народу, по праву рождения, клятве или договору принадлежавших той или иной знатной фамилии. За красивым фасадом здания скрывалось все необходимое для семей отдельно взятого рода — от магазинов, поликлиник-медцентров, цирюлен, швейных, ремонтных мастерских до внутриродовой полиции, несшей вдобавок функцию службы охраны, касс взаимопомощи и взаимного кредита семьям рода, служившие прообразом банков и производств, составляющих компонент силы каждого рода. К каждому дому подходило пара станций железной дороги на разных уровнях. На крышах богатых родовых домов были устроены причальные станции. Каждый дом имел и свои производства, на которых в столице держалась сила и доход рода.

Сергей искал работу. Поначалу он еще пытался сравнивать и отбирать себе вакансию получше, коими были увешаны работные доски родовых домов. Через две недели безуспешных попыток найти хоть какую-то работу, после очередного отказа, он даже приуныл.

— Спасибо, вы нам не годны!

— Но почему, вы можете сказать? Я уже обошел с десятков мест и ни в одном меня не приняли на работу. Даже при наличии вакансий! — юноша даже разозлился.

Мужчина на это только скупой улыбнулся:

— Весьма сожалею, молодой человек, но увы. В наши правила, знаете ли, не входит принятие на рабочие места пришлых людей. Со стороны. Будь вы родовитым, по рекомендации или по поручительству кого-то из рода, вы нам подошли бы. А так, юноша... сожалею. Ничем не могу помочь. Дам совет. Если за вами никого, возвращайтесь туда, откуда прибыли.

Эйлетским (майским) вечером, сидя в одиночестве в темноте акведука на набережной водоотводного канала на окраине города, куда я в последнее время приходил ночевать, слушал шум плескающейся воды с перестуком колес периодически грохочущих паровозов и вагонов. Сюда я часто приходил в последнее время. Здесь, у воды, воздух был значительно чище, чем в центре города, и можно было сносно дышать. Я, запивая вытащенный из сидора свежий хлеб молоком, размышлял о дальнейшем. Здесь мне никто не мешал. Ни нищие, ни борзые мальчишки и парни, коих хватало на нижних уровнях, готовых с легкостью отобрать еду и самое ценное у слабого прохожего. Не раз в процессе поиска работы за эти две недели приходилось отбиваться. Хорошо хоть, знание приемов самообороны часто позволяло выходить из схваток победителем. Ну или хотя отбиться и успеть сбежать самому, пока противники не очухались. Пару раз после уличных драк пришлось штопать недавно купленные вещи, мысленно говоря спасибо маминной науке. Пришлось и свой парострел вынимать. Умник один был. Перемотанным веревкой парострелом угрожал. На испуг брал. И похоже неисправным. Когда я достал свой, тот утек. Только подметки сверкали. Грабитель, блин.

Заходил в редакцию газет “Имперский паромотор” и ‘Салонь’. По странному обстоятельству редакции обеих газет находились в одном доме, в одном подъезде и даже на одном этаже, только в разных помещениях. На просьбу позвать Олега Бойко, в одной

редакции сообщили, что он в отпуске, а в другой, что он недавно направлен в командировку по окружающим столицу земствам, сопровождая представительную комиссию обер-полицмейстера Нового Петербурга. Ч-черт, что за невезуха?!

Деньги в кармане заканчивались, оставалось лишь несколько рублей. В первые дни, при наличии денег в кармане, я весьма опрометчиво позволял себе номер в доходном доме, с завтраком и ужином в трактире. Рассчитывая вот-вот вскоре устроиться на работу и как-то перекантоваться до первой получки. Такой план оказался ошибкой. Работы все не было, а наличные деньги заканчивались. И в последние пару дней для экономии денег он ночевал здесь же, под акведуком. Хоть и укрывался теплей, но по ночам на улице было еще холодно. Иногда мелькали мысли, может и вправду вернуться обратно в Старо-Петербург. Сдамся, чего уж там.

К набережной канала подъехали два паромобиля. Дорогой и несколько изящный, явно представительский и здоровый, грубый и массивный, явно охраны. Я усмехнулся. Как ТАМ. Крузер с охраной позади мерседеса. Открылись двери. Издалека было видно, как из салона охраны вытащили какого-то мужчину в дорогом костюме и сбросили его по наклонной отмостке водоотводного канала. После в воду зашвырнули нечто маленькое. Оно плюхнулось в воду и сразу утопло. Тело мужчины скатилось вниз, не до конца, лишь частью туловища частично погрузившись в воду. Охранник, крепкий амбал, полез к нему по наклонной, в желании спихнуть тело дальше.

— Оставь. Без магоамулета все равно скоро сдохнет.

Визитеры сели обратно и через несколько секунд паромобили почихали дальше, скрывшись из виду. Убедившись, что гости точно уехали, Сергей быстро побежал из укрытия к сброшенному в канал мужчине. Дорогой костюм был порван, а сам мужчина избит. Вытащив тело из воды и убедившись, что мужчина еще дышит, я потащил его под акведук.

— Интересно, за что они его так?

Мужчина открыл глаза и хрипло произнес:

— Оставь меня! Ты мне не ничем пособишь. Без амулета я подохну через час. Видишь, выдули меня почти что. Подняться не смогу. Можно б и за помощью, но...все равно мне конец придет. Не поспеешь. Камень нужен.

— Какой еще камень?!

— Любой! — хрипло ответил мужчина — Альмандин, агат, кха, гиацинт, горный хрусталь! Любой сил даст. Не вылечит сразу, кха, но восстановит быстрее. С недельку — другую полежал бы...и отомстил...и-эх, кха-кха...мечты идиота! Суки! — он гневно обратился к кому-то — Надо ж такое удумать! Кха...Пред-датели! Супротив пошли!... Малый, прошу, оставь меня...

Пришлось взяться за сидор и вытащить из него одну трубку с насаженным на нее красным камнем. Поднес камень к лицу мужчины:

— Такой камень пойдет?

— Ух, кха-кха... — покраснел и закашлялся мужчина — кха, отколева...у тебя, кха, да, кха, гранат, малый, кха, пойдет! Приложи просто, кха, к телу. И кха, нужно отлежа... в этот момент захрипевший мужчина отключился.

Испугавшись того, что собеседник вот-вот тут же и помрет, юноша судорожно снял камень с креплений брезерлевской трубки и быстро положил его на лоб мужчины. Сергею показалось, что камень даже немного засветился. Он перетащил мужчину к своей импровизированной спальне. Скатал валик из своей одежды под голову мужчины, накрыл

его найденным недавно куском парусины и улегся сам. Ночью мужчина пару раз просыпался, прося пить и нервно ворочал головой, сбрасывая с себя гранат. Сергей, сам просыпаясь от стога, заботливо поправлял камень и давал напиток холодным молоком.

Утром, проснувшись, Сергей растер глаза. Мужчина был еще бледен, но состояние было значительно лучше. Он не спал и лежа неподвижно, рассматривал парня.

— Никогда не думал, что буду почивать под мостом на набережной. Впрочем, вчерашнего я тоже не думал. Давай знакомиться! Отяев Василий Палыч.

Уязвленный словами мужчины, Сергей обиженно пробурчал:

— Ну нет у меня денег на номер, Василий Палыч. В кармане последние три целковых. Сергеем зовут. Сергей Конов.

— Не нужно, Сергей! Я уж понял. Не в моем состоянии оскорбляться и выбирать. Не лежать с камнем мне долго. Надо, молодой человек, выбираться отсель. Посмотри, в кармане сюртука у меня должны быть деньги...

Вскоре к акведуку подъехала пролетка, с которой соскочил Сергей. Василий Павлович обрадовался тому факту, что парень, взяв деньги, не бросил его. Юноша даже оскорбился от такой мысли. Совсем того, что-ли?! Возница помог погрузить в пролетку обездвиженное тело мужчины. По совету Василия Павловича возница отвез их в один из домов на окраине.

— Поллюбовница у меня тут. Нельзя мне сейчас домой, шум еще поднимется. Добьют. И тебя заодно погубят.

Подъехав к дому любовницы, возница вызвал из дома молодую хозяйку. Услышав кто приехал, та заревела и кинулась в пролетку, ухватив и вжавшись в неподвижного мужчину и осыпая того поцелуями:

— Ну полно ж тебе, милая! Живой пока. Помирать не собираюсь.

Целую неделю я был на харчах в доме любовницы Отяева. Один момент хотел было откланяться, мол пора и честь знать, чему любовница была явно рада и даже, не сдержавшись, проговорила, но Василий Павлович ей и ему запретил даже думать об этом.

— Цыть, дура! Софья, не смей мне! Я ж ему жистью обязан, а ты...

Мужчине явно становилось лучше, появлялась подвижность в теле. Он уже мог двигать конечностями в постели, но ходить еще не мог. Естественно, гранат был с ним. Дождавшись, когда его поллюбовница уйдет по бабским делам, чтобы не было посторонних ушей, Василий Павлович призвал меня к себе и принялся вести сокровенный разговор:

— Серез, коль мы одни, ничего не хочешь поведать, а? Кто ты, что ты, откуда? Как тут оказался? И где же я тебя видел?

Я смутился, а мужчина тем временем продолжал:

— То, что ты малец не простой, я уж в первый день понял. Из дому сбежал, наверное, а? Сергей молчал.

— Нет, я не настаиваю. Просто хочу знать, с кем жизнь свела. Гранат активный с собой и даже не один. Спасибо за это, спас меня. Удивлен? Дык чую его источником своим. И вранье чужое чую. Правду от кривды всяко отличу.

Скептически кривлю лицо, не веря его словам:

— Не понял? Да маг я маненько. И ты тоже. Не знал? Слыхал? Говорили тебе?! Ну тогда продолжу. Парострел твой в сидоре выпирает и те трубочки твои блестящие. Могу предположить, не простые и довольно дорогие. Кстати, зря светишь парострел, без разрешения за оружие с легкостью загреметь можешь в кутузку. Вещи поношенные, но явно недавно тобой куплены. На нищего аль попрошайку не похож, потому что ухожен. Значит

сбежал или ушел из дому совсем недавно. Я прав?

Я молчал, признавая его правоту.

— Или не хочешь говорить, да? Серьезная проблема? Ну расскажи, что считаешь нужным. Давить не буду. Достаточно знать, темных дел за тобой не водится? Нет? — он улыбнулся: — Ну и ладно. Верю!

Императорский телеграф

в ставке ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Гриф “Красный”

Его Императорскому величеству

Его высокопревосходительству,

полицейскому администратору, начальнику службы охраны его величества

Фон-Коттен Михаилу Георгиевичу

Информационная сводка по Старому Петерборгу

по состоянию на 39 ДайЛеть 7410

Всеподданнейше доношу Вашему Величеству, что по настоятельному требованию коллежского асессора Бардина А.П. с участием сил городской полиции Старого Петерборга незамедлительно проведена оперативная проверка поступившего сообщения касаясь покушения на ее высочество от разыскиваемого лица “Беспамятный”.

В Старом Петерборге на улице Знаменецкой, 15 в торговом зале лавки и складе филиала фабрики мельхиоровых изделий “Йосифь Фрутте” в присутствии нескольких добровольных свидетелей было проведено вскрытие замков и осмотр всех помещений, изучение и изъятие документов, представляющих оперативный интерес.

В ходе досмотра были обнаружены трупы пятерых мужчин. Особый интерес представляет то, что по розыскным спискам некоторые погибшие опознаны как объявленные во всеимперский розыск:

— Йозеф Юлианович Любомирский, он же Леонид неизв. Рифеншталь

(розыск за незаконное изготовление магических предметов военного назначения, магопреступления, отмывание незаконно полученных доходов)

— Ван Куан, настоящее имя неизвестно

(предп. полевой агент катаяской у ши бай, розыск за бомбизм против короны и частных лиц)

— Цин Лей, настоящее имя неизвестно

(предп. полевой агент катаяской у ши бай, розыск за бомбизм против короны и частных лиц)

Иные погибшие, были недавно нанятыми грузчиками фабрики и оперативного интереса для нас не представляют. Предварительный мотив преступления сообщен в письме лица “Беспамятный”. Копия сего прилагается.

В ходе осмотра склада было обнаружено 8 (восемь) ящиков с магическим оружием НЕИЗВЕСТНОГО образца общим количеством 158 штук. По предварительному экспертному заключению полевого магинспектора новое оружие представляет собой жезл из неизвестной стали с активным энергетическим наконечником из граната. Повышенная мощность которого, по предварительной оценке, способна пробить высокоэнергетические защитные купола. Для чего требуются натурные экспериментальные испытания на полигоне.

Согласно перевозочным документам оружие было доставлено утром 38 дайлеть на

паромобиле с фабрики мельхиоровых изделий “Юсифь Фрутте” в Варшаве. Что позволяет нам по косвенным признакам предположить, что данный груз прибыл вместе с курьерским дирижаблем ‘Мугалия Пост’. Некоторые ящики были вскрыты, в ложементах отсутствуют 2 жезла.

Женщины, постоянные сотрудницы лавки, задержаны силами полиции, препровождены в околоток, где дают показания по данному делу.

Никаких других мероприятий до особого распоряжения не проводилось. Ввиду особой важности для короны покорнейше прошу дать санкцию на осмотр фабрики мельхиоровых изделий “Юсифь Фрутте” в Варшаве.

Полковник Фурсов А.М.

— Ну что на это скажете, Михаил Георгиевич? Чуть не прошляпили?! — Его величество Император держал в руках сводку.

— Ваше величество, виноват! Увы, чуть не прошляпили. Один день позже и все, пиши пропало! Слава богу! Картина проясняется, благодаря асессору Бардину, коему наш “крестник” отправил письмо, в котором живописал ситуацию. Благодаря письму стало известно, что он совершенно случайно стал свидетелем убийства сразу ажно пятерых человек. Двое — из простых, просто “мясо”, а ещё троих опознали, как находящиеся в имперском розыске. Причем двое из них предположительно работают на китайскую военную разведку у ши бай. Ребята там сурьезные. За плечами этих — бомбизм против империи, отдельных сановников и наших заводчиков.

— И кого же они тронули, Михаил Георгиевич?

— Помните орудийного магната Фурьева? А адъютанта Силантьева из Академии? Так ось это они. И есть вероятность, что и к взрыву посольской миссии они причастны. Уж больно почерк на них похож. Шустрые там ребятки! Магопреступления, незаконное изготовление магических предметов военного назначения, отмывание незаконно полученных доходов. Что там они не поделили, сейчас точно сказать сложно, думаем, хвосты обрубали да следы заметали. Но что-то там пошло не так. Что же насчет нового магооружия, на данный момент известно, что у нас пока нет достаточной защиты от такого оружия, ваше величество. И нужно трясти фабрику, авось и там что найдется.

— Значит, теоретически мой дворец беззащитен?

— Нет, если так рассуждать, то скорее без должной защиты ваши летняя и зимняя резиденции. Ну и дача.

— Найди и прижми гадов, Михаил Георгиевич. Дозволяю! А то крысы ушибайские шуруют у нас под носом, как у себя дома. Столько оружия! Такого тут наворотить можно! Не к добру это. Знаешь же обстановку на Востоке. Чертов Ши Цзинт, чтоб его!

— Знаю, ваше величество, как не знать! Приложу все усилия, чтобы оправдать ваше доверие!

— И кстати. Как этого молодого человека-то? Нашли?

— Нет, ваше величество. Ищем до сих пор! Шутка ли, два магических жезла из ящиков пропали. Думаем, что он. Взял себе на всякий случай. Но, знаете, как сквозь землю провалился. Понимаю, парень струсил, побоялся и со страху залег на дно. Зелёный еще.

— Вы ищите-ищите! Работа-то ваша, Михаил Георгиевич. А мелкие прегрешения — у кого их не бывает. Все мы когда-то шалили. А что там с его вещами?

— Разбираются пока. Движение там есть, но без энтузиазма.

— То есть, без парня никак?! И где он?

— Да. По последним данным он сошел с omnibus в Новом Петербурге, далее в городе его след затерялся. Думаем, он на нижних уровнях, среди черни и лихих ребят. Кто ж безродного на работу возьмет?! Найдем! — утвердительно махнув рукой, сказал главный охранник.

— Ну, Сереж, как тебе мое предложенье?! Идешь ко мне во флот да на государев порцион?

Исходившее от Василия Павловича предложение было весьма... заманчивым. Когда они остались одни, мужчина вкратце рассказал свою историю. Происходил он из не сильно богатого княжеского рода Отяевых. Младший сын. Отец не чаял души в старшем брате, с малых лет готовив его на свою замену. Учился тот всегда легко и хорошо, имперскую академию закончил. Да и деловая жилка у него ого-го оказалась, как только начал дела отцовы принимать да первыми предприятиями заведовать. А вот Василий хорошими отметками в учебе да интересом к предприятиям похвастаться не мог. С детства тот тянулся к военным играм да механическим устройствам. И как младший сын заведовать делами княжеского рода не мог. Поняв, что растущий младший сын откровенно не проявляет никакого интереса к семейным коммерческим делам, вначале отец, а затем и старший брат, начали насмехаться, как им казалось, над никчемным родственником. Устав от постоянных насмешек брата и оскорблений отца, дождавшись законных 18 лет и получив подтверждение своей зрелости — паспортную книжку, Василий ушел из дома совсем, поступив вначале в недавно открытую тогда Императором Ингрийскую офицерскую воздухоплавательную школу. Родственники, конечно, вскоре парня нашли и по разным каналам пытались надавить на него, чтобы он отказался от своих дальнейших военных планов, написав собственноручный отказ. Но младший Отяев, не поддавшись более давлению семьи, отказное заявление не подписал. Прочувшись несколько лет и став офицером, сразу пошел на службу Великому князю в имперский воздухоплавательный флот. Родственники, плюнув на такого 'недоделанного' сына, от него поотстали, посчитав, что, собственно, и таким образом можно наработать пользу и славу роду. За пару десятков лет Василий Палыч дослужился на службе до флайт-капитана первого ранга ударного эскадренного дирижабля воздухоплавательного флота его величества "Новик", побывав в разных уголках Тартарии и земного шара, показывая по долгу службы имперский флаг. Ну и в разных военных кампаниях побывал. Домой он почти не заявлялся, предпочитая видеть вместо лиц родственников борт своего дирижабля, квартиру любовницы в столице или, на худой конец, номер в гостинице.

Обстоятельства его появления в канале были откровенно тухлые. Однажды вернувшись из дальнего полета в свой военно-воздушный порт, к которому был приписан дирижабль, ему передали письмо от старшего брата Алексея, сообщивший в нем, что у них де имеются некие серьезные проблемы и от имени отца потребовал от Василия Павловича отдать долг своему роду, просто встретившись в назначенный день на званом вечере с некими высокопоставленными людьми из окружения князей Демидских. Чувствуя во всем этом явный подвох, тем не менее Василий Павлович не смог отказаться от встречи. Пришлось идти, потому что старший брат нашел на него нужные доводы воздействия. Поэтому спустившись на землю, взяв отгул и оставив свой борт на заместителя, он поехал на обозначенный званый вечер встречаться с этими людьми. На тот случай, если встреча затянется, и он к сроку не вернется, Василий Павлович озаботился. Дирижабль возглавил бы

его зам, флайт-капитан-лейтенант.

Как он и думал, встреча была с подвохом. То, что ему предложили, не только воняло тухлым за версту, оно было просто физически не выполнимо, так как по завершении полета ему можно было бы сразу снимать погоны, потому что тянуло на измену императору. Вкратце, требовалось доставить имперским военным бортом на тартарско-катайско-нихонскую границу некий груз. Минуя таможду и досмотр. Командировку и назначение на границу Демидские пообещали выправить. Выполнив буквально всего один рейс, он сам и его семья от долга была бы свободны. Василий Павлович наотрез отказался. И не имея возможности без шкандаля уйти со званого вечера, оставив на вечере остальных членов семьи, принялся проводить время со встретившимися там многочисленными, еще с гимназии не виденными, знакомыми. Приняв в себя несколько бокалов с шампанским, он пошел по нужде в уборную, где на него исподтишка напали и хорошенько его приложили чем-то тяжелым.

Очнувшись, он был уже без защитного амулета в каком-то полутемном помещении. Супротив него стояли те же самые люди, с которыми он ранее вел беседу. Они снова предложили ему выполнить тот же рейс, только уже на худших условиях в обмен на жизнь и здоровье родных. Он снова отказался. Тогда маг, стоявший с его собеседником, княжеский холуй, по приказу, из-за отсутствия родового камня вытянул из него значительную часть его силы, оставив того почти совсем без нее. Дальше он помнил, как свалился без сил, как люди Демидских закинули его на пол паромобиля, как двигались по мостовой и его падение в воду.

— Ну а дальше ты, Сереж, и сам знаешь.

Услышав неприглядную историю последних дней, спросил Василия Павловича, насчет его дальнейших планов на меня. Тот продолжал.

— А дальше мы отправимся на мой дирижабль, предварительно подав письмо на имя Императора с прошением на мою защиту в имперскую канцелярию. У меня нет фактов и реальных доказательств для обвинения против Демидских. Только слова. Мой противник может легко отвергнуть мои слова. Мое княжеское слово против его. Тебе же, как нечаянному свидетелю моего падения в канал, тут вообще светиться не стоит. Да и в наших разбирательствах ты собственно никто. Разбирательство между князьями осуществляет самолично Император с учётом материалов, собранных службой охраны его величества. На время долгого разбирательства он будет вынужден взять меня под свою защиту, запретив противной стороне осуществлять враждебные действия. А пока будет идти сбор, проверка и анализ фактов и доказательств, мы будем далеко от Демидских. Тебе же тоже незачем беспокоиться.

— Как же не беспокоиться? А жить-то на что?

Капитан кивнул головой:

— Документов же нет у тебя?

Я кивнул.

— Ну вот. Выдам тебе своей властью временный приписной билет. Как капитан дирижабля я могу это сделать. Будешь у нас флайт-юнгой, правда из вольнонаемных. Позже, к 18-ти годам, если не сойдешь, выправлю тебе паспортную книжку. Послужишь у нас, побываешь со мной в разных концах Империи, а может, и по миру. Сам на людей посмотришь, себя покажешь. Деньжат чуток у нас зарабатываешь. Одежда и кормежка, само собой, за княжий кошт. Не понравится на службе у нас аль проблема какая, сойдешь с

дирижабля в первом же порту приземления. Мешать не буду. Ежли служить будешь, так команда у нас хорошая. Друг за дружку горой. Ежели опосля службы вдруг захочешь учиться дальше, так с военной строчкой в паспортной книжке перед тобой дороги во все имперские офицерские школы будут открыты. Глянь сам, сплошные выгоды для тебя. Да еще и под моим приглядом будешь, раз уж влип со мной. Пока с Демидскими ясности нет, понимаешь?! А там, сам вырастешь, человеком станешь. Ну что, согласен?

Согласился. А какой выбор то у меня был. Совсем никакого. Документов нет, еды тоже, денег почти по нулям, связей никаких, без работы, в другом городе. Сдаваться не хотелось. А тут хоть что-то и как-то. Выбирать не приходится. Авось все устроится.

Через несколько дней, крепко поцеловав на прощание любовницу Софью, Василий Павлович, одетый в парадную форму капитана имперского воздухоплавательного флота, с элегантной тростью в руке, слегка прихрамывая, вышел со мной из дверей квартиры, где проживал последние полторы недели. Гранат практически вытянул его из того состояния бессилия, в котором он пребывал в первый день нашей встречи. Камень даже цвет поменял, превратившись из темно-рубинового в ярко-рыжий цвет. Пустой камень-энергет Василий Павлович попросил у меня. На память. Может и зря, вдруг он ценен был, но я не отказал. Легко пришло — легко ушло.

Несемся по центральному столичному проспекту на нанятом Василием Павловичем таксопаре в канцелярию при Императорском дворце. Огромное, внушающее трепет своей мощью и красотой, здание неизвестного мне архитектора с большим куполом и в многочисленных колоннах и статуях по периметру. Внутри купола оказалось куда чище, чем на улицах остального города. Защищенный лесопарковым массивом по периметру и полупрозрачным золотистым энергетическим куполом, внутрь которого не поступали удушающие миазмы большого города, Императорский дворец очень сильно выделялся на фоне остальных зданий. В воздухе над дворцом несли службу военные дирижабли. Наверное, так и должно быть.

Оставив меня дожидаться на парковке в таксопаре, Василий Павлович ушел в канцелярию Императора подавать прошение. Скучать на скамейке у окна паромобиля пришлось около часа.

За это время, приятно меня удивив, мимо даже успела пролететь моя “АлександрА” с герцогиней за рулем. Одна и без охраны. Я даже выскочил из таксопара навстречу. Куда там. Пронеслась мимо раньше, естественно, не заметив. И конечно, мой запоздалый крик она услышать явно не могла, но эта непроизвольная реакция немало удивила водителя нашего таксопара, который до конца пути стал относиться ко мне в разговоре куда почтительней. Чем его смена поведения удивила впоследствии и самого Василия Павловича, подозрительно на меня косившегося до самого военного порта.

В парадную залу Императорского дворца вбежал запыхавшийся секретарь:

— Ваше величество, поступил срочный телеграф с Посольского приказу!

— Что там! Читай!

Секретарь начал читать:

— Мы, Милостью Неба, Ши Цзинт, Император катаев, ханьцев, кумоси, сибо, уйгуров корейцев, Каан Турчестана, Каан Даурии и Мугалии, сидящий на троне, сим объявляю всем нашим верным и храбрым подданным, что:

Мы объявляем войну Гран-Тартарии и приказываем нашим магам, армии,

воздухоплавательному флоту и тайным службам всеми силами начать враждебные действия против этой Империи, а также Мы приказываем всем поставленным нами властям употребить для этого все силы...

— Доигрались таки! Ну аглицкие сволочи, подговорили-таки катайцев войну начать! Ставки подняли! И Ши Цзинт, наконец-то, истинное лицо явил. Всегда подозревал. Ну значит будем тебе бошку рвать!

Обращаясь к секретарю:

— Собирай министров! Срочно!

Императорский дворец. Через некоторое время в большой зале для встреч перед прочими сановниками выступал военный министр:

— Как вы теперь понимаете, господа, наша контригра в корне не удалась, а этот раунд выигран вчистую агличанами и мериканами. Удалось им таки стравить катайцев с нами, подзудив их ввязаться в новую войну. Пощупать, так сказать, нас на прочность. Для этого заодно и новейшего оружия им подкинули вместе с учебными командами да опытными, давно служащими, командирами. Обучение армии на агло-мериканский манер даром не прошло. Теперь у катайцев и сухопутная армия научена. И увеличена за счет населения захваченных ранее свободных провинций. И флот воздухоплавательный они нарастили, за золото построив его на верфях мериканских.

Слова министра перебил император:

— Тем самым, Алексей Алексеевич, у нас есть еще одно практическое подтверждение того, что ведущие игроки так и не оставили своих планов по смещению имперской власти в Тартарии. Как им удалось однажды повернуть сие, подменив моего прапрадеда Петра на двойника похожего в ходе его путешествия в Белгику.

Тут император остановился, отпил воды из красивого фужера, после чего продолжил:

— Напомню также, что моей прапрабабке, отравив лже-супруга, тогда удалось имитировать перед ними покорность и следование в аглицко-мериканском фарватере. Для чего пришлось менять образ жизни на западный, прилюдно отказаться от нашей древней языческой магии, выгнать язычников за Сибирские горы и Тартарскую пустыню, попутно вытравив из себя часть своей истории. Долгое время удавалось ездить им по ушам, но увы, нас вновь раскусили. Надобно ожидать теперь пакостных попыток переменить все в свою пользу. От бомбы простой от инсургентов из разного сброда и подброшенных во двор магических штучек до прямой интервенции с границ своих сателлитов. И по словам Михаила Георгиевича у нас уже есть звоночек об активности и новом оружии у катайской резидентуры в Варшаве и Старо-Петерсборге. Не будем сбрасывать этот факт со счетов.

Император покрутил головой и обратился к крайнему мужчине в мантии

— А что-то у нас совсем тихо сидит наше магическое общество? Ефим Емельянович, не хотите ли нам что-то сказать?

Тот, услышав обращение, привстал, одернув полы своей мантии:

— А вот и скажу, государь. От своих коллег, магов заморских, со мной дружбой связанных, пришла новость любопытная о возросшей активности среди враждебных нам магов. Интересуются давно заброшенными местами силы. Снаряжены и отправлены экспедиции к ним. Что ищут, мне неведомо. Боюсь, что и захваченную катайцами Калмацкую и Уссуртийскую провинцию сие не обошло.

— А там-то что, есть что-то им интересное? Да много-ль там их?

— Так, государь, архивы надобно поднимать, со времен вашей прапрабабки напрочь

позабыто все. Язычников из толковых магов в столице нет, изгнали же с запретом возвращаться. А что там деется, за горами Тартарскими, мы и не в курсе. Государственная казна нам на такие дела финансирование не выделяет.

Император озадаченно крикнул и даже стукнул по столу.

— Будет вам финансирование. Хоть война, а на это денег найдем! Ищите! Нынче надобно знать, что затевается.

Маг поклонился и сел, а император снова, уже обращаясь ко всем, продолжил:

— Кстати, времена меняются, господа. Мне доподлинно известно, что ваши рода имели разного рода деловые интересы с мериканами да агличанами. Дело то прошлое, но все ныне складывается так, что вам, господа, надлежит определиться, с Тартарией вы или нет.

Сидящие министры, задумавшись, молчали, не зная, что и ответить.

У ворот порта, стоявший в будке офицер, узнав прибывшего капитана, отдал ему честь. Василий Павлович, кивком показав на рядом стоящего парня, сообщил офицеру, что сопровождающий с ним и является новым членом команды. Офицер понимающе кивнул и тут же дал команду солдатам на страже поднять стрелу полосатого шлагбаума, пропуская нас. Наш таксопар, естественно, мы отпустили чуть ранее. Идти пешком не пришлось. Сразу за будкой стоял дежурный открытый военный паровик черного цвета. Капитан, сказав молодому солдату-водителю, нужный номер, полез на лавку. Вскоре паровик медленно повез нас обоих к нужному причальному ангару-кнехту.

Поле военно-воздушного причального порта под Ново-Петерсборгом было ну просто огромным. Представьте себе хозяйство из множества раскиданных по территории причальных ангаров, разноэтажных построек, разнокалиберных складов в перемежку с отвалами угля, водонапорными башнями разной высоты, водокачными насосами и цистернами, причудливо переплетенными трубопроводами разного диаметра. То тут, то там на площадках были складированы деревянные ящики. В разных местах порта паровозы таскали вагоны для погрузо-разгрузочных работ. Периодически в воздух сбрасывался пар, поэтому от неожиданности я подскакивал, слыша неприятные режущие слух звуки шипения. В воздухе чувствовался слегка влажный, но приятный обонянию запах креозота от просмоленных шпал и сгоревшего угля.

К каждому кнехту от центрального разворотного круга была подведена ветка узкоколейной железной дороги. В некоторых ангарах висели причаленные дирижабли. Подъезжая с хвоста дирижабля к месту нашей стоянки, я поразился не меньше. Уж больно огромен оказался вблизи тот ангар, где был принайтован “Новик” нашего капитана. Не менее впечатляющим был сам дирижабль. Воздушное судно, длиной не менее 80 метров и в высоту не менее 25 метров, сверкавшее новенькой светло-серой защитной эмалью на сильно надутых боках, производило впечатление большой и очень хищной рыбы, подчинившейся власти людей. Лопастни его центрального воздушного винта слегка крутились от набегавшего ветра. На рулях высоты и направления были нарисованы имперские орлы, флаг Империи и бортовой знак-номер корабля. Дула задних пушек, смотревшие прямо на нас, несмотря на свою смешную пузатость, все же внушали уважение своим диаметром. Под большим дирижаблем стоял черный паровоз с угольным вагоном, цистерной и вагон-насосом, что-то перекачивающим прямо в цистерны летающего корабля. Люди неторопливо сновали по площадке, неспешно занимаясь погрузкой каких-то ящиков на борт дирижабля.

Капитан видимо искоса смотрел за моей реакцией, подмигнул мне и задал мне явно риторический вопрос:

— Ну как тебе, Сереж?! Нравится?!

Показываю капитану большой палец:

— Полный улет, Василий Павлович!

Он только на это довольно усмехнулся. И уже через несколько мгновений на площадке под дирижаблем началась какая-то возня. Это команда дирижабля, увидевшая подъезжающий к ним открытый паромобиль с сидящим в нем капитаном, спешно строилась на площадке в одну линию.

— Команда, стройсь! Равняйся! Капитан на борту!

Когда мы вышли на площадку, к капитану обратился какой-то офицер:

— Здравствуйте, господин капитан. Команда ударного эскадренного дирижабля воздухоплавательного флота его величества “Новик” построена на площадке. За время вашего отсутствия происшествий на борту не было. Команда занимается текущими погрузочными работами. Рады видеть вас на борту живым и здоровым, Василий Павлович.

— Вольно, капитан-лейтенант. И спасибо, Семён Семенович! — окинув взглядом на меня, он продолжил: — Я позже объясню.

Обратившись к построенной команде, капитан зычно представил меня всем построенным в линию людям флайт-юнгой. И сразу назначил мне наставника, немолодого усатого флайт-боцмана, с азиатскими чертами лица, Ильгизара Матвейча. Похоже из магнайских тартар. После краткого представления капитан отправил в строй к остальным.

Стою в строю. Краем глаза вижу появившееся новое лицо. Унтер-офицер связи. Он отдаёт честь капитану, передаёт ему запечатанный сургучом пакет. Капитан расписывается в получении документа. Дождавшись, когда посыльный уйдет, капитан в присутствии команды вскрыл пакет, прочёл его и сообщил.

— Всему наличному составу дирижабля! Получен новый приказ адмирала. Двигаем курсом на восток. Всей команде проверить наличие провианта и снабжения, готовить паровые машины к полету. Через два часа снимаемся с места. Разойтись!

Удачно этот связист подгадал. Только прибыли и на тебе. Приказ в зубы и вперед. Лети в дальние края. Вот работа-то. И ничего тут не поделаешь, служба у них. Ну хоть Демидские в небе капитана не достанут.

Флайт-боцман, перекинувшись парой слов с капитаном, показал и отправил меня в крохотную одиночную каморку на средней палубе, рядом с матросским кубриком, наказав там обжиться. Заодно чтобы не мешался у команды под ногами. Новичок еще, да и в данный момент явно был лишний. А сам попер по своим делам. Обживать было нечего, ведь со мной был только лишь один сиротливый сидор. Поэтому оглядев глазами предоставленную комнатку с одинокой кроватью, маленьким столом и висячей лампой, скинул свой вещмешок на пол, запихнул его ногой под кровать и немедленно вышел в коридор. Пройдя буквально несколько шагов по коридору, наткнулся на флайт-боцмана в соседнем помещении, который, немного подумав, тут же пристроил меня помогать команде грузить ящики. Чтоб на борту не шлялся и ерундой не страдал.

Ровно через два часа наш, стоявший под парами, “Новик” вздрогнул заработавшими машинами и отдал швартовы. После чего медленно и плавно выплыв задом из ангара, стал медленно подниматься, параллельно разворачиваясь на нужный курс. Дав прощальный гудок удаляющемуся столичному порту, наш дирижабль начал медленно набирать высоту. Из маленького светового окна моей каморки было видно, как столичные небоскребы стали уменьшаться в размерах и вскоре потерялись из виду.

Кабинет начальника службы охраны его Величества.

Начальник службы охраны касается перстнем большого конвексного зеркала в кабинете и называет фамилию вызываемого. Через некоторое время в его пузатом зеркале проявляется отражение вызванного собеседника.

— Ваше сиятельство, агент Жироцкий к вашим услугам.

— Как продвигается розыск лица “Беспамятный”?

— Плохо, — тяжело вздохнул агент: — Мы прошерстили все низы Нового Петербурга, но нашли лишь только одного мелкого воришку-налетчика, который по нашему описанию признал в нем разыскиваемого парня. Пытался его на улице ограбить. С его слов наш молодой человек вооружен парострелом. Ну а дальше он как сквозь землю провалился. Ищем дальше, ваше сиятельство.

— Ищите лучше, агент. Еще лучше ищите. А не то в солдаты разжалую и прямиком на китайскую границу отправлю. Там ваша работа куда нужнее.

— Понял, вашсиятельство. Есть искать лучше! — после этих слов собеседник отключился.

Михаил Георгиевич постучал костяшками по полированному деревянному столу и тоже вздохнул. Зачем пообещал его величеству, спрашивается?

— Капитан, зачем вы взяли на борт юнгу из вольных? Он же зеленый совсем. И кстати, о чем вы хотели мне сообщить?

— Семен Семенович, как ты сказал на площадке. Рад видеть живым и здоровым?! Так вот, пророческие твои слова оказались.

— Как так?

— Ты же помнишь, увольнительную я взял на несколько дней, дабы выполнить свои обязательства перед родом. Ехать туда не хотел?!

Капитан-лейтенант на это только кивнул, подтверждая слова капитана:

— Так вот родные впутали меня в темную историю. Люди из окружения князей Демидских, верно, скорее они сами, пытались подставить меня и заодно нашу команду. Нужно было сделать один рейс, как военный, минуя все кордоны и таможню. Контрабанда, понимаешь.

— Н-да, дела.

— Обещали выправить все документы, но, Семен Семеныч, это был рейс в один конец. Вернувшись обратно, нас ждал бы снятие погон и тюремный острог, а всю команду согласно уставу — расформирование. Не мог я себе этого позволить, пусть и в угоду роду моему, понимаешь.

— А юнга причем тут?

— Так убили меня почти, Семен Семеныч.

— Ч-что?! Кто посмел?

— Да-да, такие дела. Стукнули в уборной чем-то тяжелым. Думаю парострелом. Выкрали прямо со званого вечера и сняв защитный амулет, выдули из меня все силы. Ну а потом, все концы в воду, сбросили недвижимого в столичный канал. И уехали. А Сергей все там видел и спас.

— Спас? Без сил? Он что маг или...

— Или! Камень у него при себе оказался. Успел приложить до того, как богу душу отдать. Он и вытянул. Ну а дальше, как мамка, за мной в первую ночь смотрел. На последние

деньги к полюбовнице отвез. С неделю у Софьи я проваландался, покуда сил не набрался. А после в имперскую канцелярию императору прошение подал, на защиту от Демидских. А сам быстрее сюда. И как думаешь, бросил бы я парня после всего того, что было... Под мостом, где меня... Обобрать мог легко и уйти, благо деньги хорошие в кармане были. Гранат полный на меня истратить. А у самого на руках копейка последняя, работы в столице не нашел, хоть и одет хорошо. Темнит немного, правда, но я проверил источником своим, фальши в нем нет. Вот и забрал с собою. Знаешь, человеком хочу сделать. Как сына. Если никого за ним и приемным признал бы. Вот, а ты говоришь, живым и здоровым.

Семен Семенович молчал, переваривая услышанное признание капитана.

— Прошу, Семен Семенович, как человека. Ты присмотри за ним тож, Ну чтоб команда там...

— Н-да-да, это ж надо. Ну и дела-а...

— Эй, боцманенок! Снеси на бейдевинд боцману нашему вот эту штуку. Да побыстреей! Он у нас нерасторопных не любит!

Я схватил и понесся, щеголяя выданными мне новенькими воздухофлотскими черными ботинками и суконными матросскими брюками, слегка расклеванными к низу. А где тут этот бейдевинд? А хрен его знает. Я ж не флотский. Чтоб тут не позориться, встречу кто-нибудь по пути и спрошу. Выбежав в коридор, сзади слышу гогот команды.

Навстречу попался офицер с нашивками флайт-мичмана. Обращаюсь:

— Куда спешим, юнга?!

— Господин офицер! А где у вас тут бейдевинд. Боцману надо вот эту штуку снести!

Он широко улыбнулся во весь рот и по его едва сдерживаемому смеху я понимаю, как хорошо меня накололи. Офицер понимает, что я тоже это понял и, уже не стесняясь, во весь голос заржал.

— Эх, новенький, неси все взад. Пошутили над тобой. А опосля попроси боцмана тебе инструктаж провести.

Ч-черт! Это ж надо так глупо попасться. Надо быстро учиться, а то так и буду по мелочи накалываться. Позже встречаю боцмана. Только открываю рот, Ильгизар Матвейч уже отвечает и заодно сует мне в руку какую-то книжку с нарисованным дирижаблем:

— Да знаю я, знаю! Я шутникам нашим языки-то пообрываю! Ишь они. Будто сами салагами не были. На-ка, читай-учи пока. Чтоб от зубов отскакивало. Самолично проверю!

Книжек оказалось две. Замусоленные и замасленные “Наставленья для младых юнг” и “Устройство боевого дирижабля “Новик” об осьми орудиях для обученья технической и палубной команды”. Их я и заучивал старательно целых три дня, не желая более попасть впросак, как тот раз. Боцман, каждый раз видя меня с книжкой, только многозначительно кмычал и всякими делами не нагружал. На четвертый день, боцман, словно чувствуя, что “студент” готов, подошел сам и без всякого вступления начал принимать экзамен. А через пару недель непрерывной практики и наставления стали не нужны, так как согласно порученным боцманом делам пришлось облазить весь дирижабль от носа до хвоста и рулей.

Странным образом конструкции всех дирижаблей частенько назывались терминами, более характерными для надводных судов. Наш трехдечный линейный трехтрубный дирижабль ‘Новик’ был новой постройки и довольно скоростным судном среди состава адмиральской эскадры. Имел он, согласно прочитанному устройству в своей конструкции

три палубы-деки. На нижней деке были трюмные кладовые, цистерны с водой, угольный склад, казематы кормовых орудий, там же хранился провиант, боеприпас и наличное оружие. И парочка малых дирижаблей для разного рода операций помельче с крановыми устройствами и приемными приспособлениями. Мелкие корабли требовались на случай небольших заданий, вроде сгонять куда по-быстрому. На средней больше половины площади занимало пародвигательное отделение, были орудийные казематы для бортовых орудий, кубрик с кают-компанией для матросов, фельдшерская и общий камбуз. Удивлял и способ, как эта вся тяжеленная махина держалась и передвигалась в воздухе. Пародвигатель нашего дирижабля работал следующим образом. Вода, поданная из водяных цистерн в паровой котел, быстро вскипала, нагретая в топке магическим контуром корабля. Контур представлял собой цепочку особым образом расположенных по всему кораблю камней-энергетов, поддерживающих становой хребет корабля в воздухе и как любой источник требовал периодической энергетической подзарядки. Данная подзарядка могла выполняться магом-техником на земле, так и в процессе полета, часто в непогоду, просто отбирая нужную для движения энергию у природы. Как это работало, в инструкциях было сказано вскользь, поэтому я сделал зарубку в памяти, спросить об этом попозже у боцмана. Расширяющийся пар, по ступающий из котла по паропроводам, давил на пару здоровенных малых поршней в малых цилиндрах, после чего перепускался в большие цилиндры. Движения поршней через шток, ползун и рычаги шатунно-кривошипного механизма передавался на главный вал с двумя асинхронно двигающимися маховыми колесами и к лопастям воздушного винта. Рули же высоты и направления позволяли управлять 'Новиком' в воздушном пространстве. Летали мы на высотах от половины до трех с половиной верст. Выше дирижабль не забирался. Как объяснял боцман, могли бы, но не летали. Если только совсем ненадолго. На высоте свыше трех с половиной верст сильно росла магическая нагрузка и расход энергии камней-энергетов. Были и проблемы с котлами в пародвигательном. Не говоря уже о таких прелестях, как нехватка сил, затруднение дыхания от нехватки кислорода, низкое давление, холод собачий и всякие прочие проблемы со здоровьем, начиная от сонливости, головокружения и просто головной боли, заканчивая отекающими руками и ногами.

На верхней палубе располагались каюты для офицеров, телеграф, офицерская кают-компания и мостик капитана. Связь со всеми отделениями дирижабля легко осуществлялась посредством переговорных звукопроводящих металлических труб, на конце каждой заканчивавшейся раструбом и сигнальным свистком.

Поначалу удивлялся. Как, думаю, в этот раструб можно говорить?! И еще слушать. Дайте мне микрофон с колонками. Хотя, оказалось, слышно было вполне хорошо. Дунешь в трубочку, так на другом конце свисток сигнальный срабатывает. Собеседник свисток снимает и все. Можно говорить и слышать, как эхом отдаются слова говорящего.

Конструкция нашего дирижабля представляла собой набор поперечных овальных шпангоутов, соединенных друг с другом продольными лонжеронами. Все это было обшито двухдюймовым листовым железом на заклепках, делавшим летящий в воздухе дирижабль наподобие подводной лодки для воздушных баталий.

Команда дирижабля оказалась относительно небольшой, по штату человек шестьдесят пять. Из принятых на службу императору. Несколько офицеров, лекарь на борту, матросы в пародвигательном, казематах, да и в других помещениях. Дежурная команда сменялась через сутки. Ну и появился один вольный юнга, единоличным решением капитана

оказавшийся на борту. Эскадренный ударный дирижабль (ЭУД) 'Новик' входил в состав воздухоплавательной императорской эскадры под руководством адмирала Сежавина, выполнявшей задачи по охране воздушных границ Империи. И как впоследствии выяснилось из рассказов матросов и слов самого капитана, нес службу по всей Гран-Тартарии, но странным образом, во время парада я его не видел. А может не запомнил. Теперь уже не важно.

Когда капитан назначил меня флайт-юнгой, лишь значительно позже я понял его мотивы и глубину моего "попадания". Числясь формально в боцманской команде и не имея обязанностей, потому как "зеленый", в жизни у новоиспеченного юнги каждый день было множество работы.

Вахту я не нес, но каждый день боцман посылал меня на помощь то к одним, то к другим. Словом, был мальцом на побегушках. У трюмных проверял уровень питьевой и технической воды в цистернах вместе с креплениями крышек, проверял крепления многочисленных грузов и ящиков, набранных в порту отправления. При резких кренах дирижабля от порывов ветра грузы и ящики иногда смещались и падали, поэтому боцман отправлял новичка на всякий пожарный в помощь к трюмным, заниматься там погрузочно-разгрузочными работами. Потехи ради, новичку доверили и поштучный пересчет грузов.

Ну-ну, пошутили они. Я ведь тоже шутить умею. Прячу от трюмных "шутников" под соседнюю накидку незаметно от них один ящик. Во время пересчета считаю количество. Естественно, выявляется недостача по списку. Заставляют считать снова. Снова недостача. Обложив могучим тартарским, не умеющего считать, лопуха-юнгу, пересчитывают ящики сами. Недостача. Еще раз считают сами. Чешут голову от возникшей неожиданности, выбирают главного, того шутника, который пулей летит к боцману. Докладывать. Тем временем незаметно для остальных призраиваю ящик обратно. По факту пропажи в трюмные кладовые приходит боцман с "шутником". Посчитают вдвоем груз, не поймут — нет ошибки. Другой раз считают — тоже самое, груз по количеству в порядке. От пустого вызова боцман злился, да и пропесочивал парой ласковых этого "шутника".

А я че...я ниче, рядом стою, считаю. Пару раз каналю. Потом трюмные, поразмыслив, правда поняли, откуда ветер дует. Пытались "шутники" в темном коридоре "темную" навалить. Ходили потом с фингалами, а сам с неделю на ночь засов двери закрывал. Потом боцман как-то мимоходом сказал, чтобы не больше закрывался, так как трюмные лезть больше не будут.

Как же. Лезть-то они больше и вправду не лезли, но в один из дней они отомстили, выставив меня на потеху перед всей командой.

Было это так. Утром после склянок слышу, кажется по общесудовой трубе, подозрительно знакомый голос.

— Внимание! В связи с техническими неполадками по дирижаблю объявляется тревога. Всей обслуге надлежит покинуть наш дирижабль.

Услышав этот приказ некоторое время я просто тормозил, не веря в то, что еаш дирижабль неисправен. Но сообразив, что капитан вряд ли бы просто так стал поднимать тревогу и сообщать всем приказ по судовой связи, вскакиваю и подрываюсь быстро собираться. Сон мигом прошел. Собрал все вещи и лечу на палубу по пустым почему-то коридорам. Выскакиваю на уличную палубу. Никого. Не понял, а где все? А как же приказ? Неужели все спрыгнули вниз и уже внизу. Так шустро?! Этого просто не может быть? Только взялся за леера ограждений, что бы убедиться и посмотреть внизу, сзади слышу тот же голос

и залиvistый смех. Шутники!

— Гха-га! Юнга, отставить. Отбой тревоги! Гха-гха!

Медленно разворачиваюсь обратно и вижу на палубе откуда-то взявшуюся кучу народу. Блин! Сразу понимаю, как меня снова накололи. Е-мое!

— Ха-ха-ха! Юнга повелся! Прыгать он собрался. Да с нашего дирижабля захочешь, не спрыгнешь. Ну умора!

Пришедший узнать по какому поводу на палубе столпотворение, боцман разогнал всех бездельников. Ну а мне пришлось штудировать очередную инструкцию. Вот гады эти трюмные.

У палубных по вечерам и утрам приходилось разжигать и тушить калильные сигнальные огни, дабы видно было летящий в ночи дирижабль. Не подумайте, будто я не понимаю, зачем это нужно. На мой невинный вопрос, мол зачем их тут зажигать, никого ж в округе не видать, палубный рассказал несколько страшных баек про столкновения “летучих голландцев”. Бегал проверять высоту дирижабля над землей и забортную температуру, проверял исправность флагов и вымпелов. При необходимости менял их. Фигня вопрос? А попробуйте-ка просто закрепить их в полете да под потоком больно бьющих по лицу и телу струй набегающего воздуха. При крейсерской скорости дирижабля в 125 верст в час. Там и ходить-то страшно, просто держась за тоненький тросик. Того гляди с ног собьет. И хоть на тебе одет перестраховочный ремень с ляжками и защитными крюками, а на ногах выданные ботинки матроса-воздухофлотчика с интересной подошвой, прилипающей к металлическому полу, ходить в полете все равно было страшно. И х-хо-лод-но, б-р-р-р! Стоял на палубе с подзорной трубой, высматривая на вверенном мне участке неба вдалеке любые летящие объекты. Стоял у большого руля на мостике вместе с рулевым и капитаном, следя за курсовыми приборами. Класс! Рулю большим дирижаблем. Да еще военным! Сбылась мечта идиота! Полтора месяца назад кто бы мне сказал об этом, я бы только над ним посмеялся. Бегал в камбуз к поварам за бутербродами и горячим чаем для капитана и его заместителя. Ну и полы драил, как же, не без этого.

С морьяками из пародвижительного лазил по всем трубопроводам, дефектуя их на исправность и отсутствие течей. Жара там в пародвижительном стояла невероятная. Разок над работающими там пошутил, так вскоре и сам пожалел об этой шутке. В первый же день работы у них сам от них ну ничем не отличался. Как в отместку шутили вечером матросы с пародвижительного, присуждая первое место в конкурсе на звание главного черта. Самому немытому “зеленому”. Хорошо, у них там душ есть. Помыться хоть можно.

Помогал швартовочной команде, когда мы в первый раз после вылета столицы садились в воздушном порту в Кайгороде, что в Пермии на окраине Гран-Тартарии. Крыс гонял по трюмным кладовым. Воздухоплавающих. Повадились мешки с мукой грызть. И каждый раз новый грызли. Не съедят, так поднадкусают. Пока не переловили всех, никакого спасу от них не было. Кошки почему-то на борту не приживались.

Веселуха была, короче.

Забил заряд я в пушку туго...

Интересно было у канониров. Артиллеристы в казематах, пока не было боев, периодически занимались практическими занятиями по имитации стрельб по воображаемому врагу, то бишь сдвигание орудия на место, выставление на нужный угол и крепление паровых пушек, поднос, зарядание, прицеливание и производство холостого

выстрела. А иногда и настоящего. После чего по завершении оных стрельб дружно занимались охлаждением, чисткой и смазкой орудий.

Паровая казнозарядная пушка Дурляхера, как шутили пушкарки, была просто большим парострелом на подставке. Паровое орудие с поршневым затвором имело похожую с парострелом конструкцию, за тем исключением, что не было магазина с ядрами. Высокий дирижабельный станок с поворотным устройством позволял крутить орудие в боевом положении по горизонтали на 90 градусов. Ну и вверх вниз само собой. На время полета в небоевом положении лафет по рельсе сдвигался внутрь каземата, а в боевом — выдвигали в открытую вертикальную щель, почти на всю высоту помещения. Предварительно сдвинув рычагом в сторону узкий и тяжеленный броневой щиток-ставень. Пара резервуаров с жидкостями и трубками, а также какой-то камень на стволе паропушки присутствовали. На мой дилетантский вопрос, что там и как оно все работает, канонир лишь лениво отмахнулся:

— Дык вода там и антрахас. Под давленьем смешиваются и хризолит им выйти помогает. Минерал он, понимаешь, природный. Магический. Природа, она такая — пустоты не любит. Где-то магию она копит, а где-то отдает. А мы ось тута ею пользуемся — знай выстрелы-то и пуляем. Хорош, юнга, болтать. Раз пришел учиться, заряжай давай!

— Учись, покуда жив! Тяжко в ученьях, лягко в сраженьях! Открывай броневой щиток.

Такими словами в очередной раз старый канонир опять вбивал в меня навыки стрельбы из парового орудия. Относился он ко мне с какой-то особенной теплотой, словно видя во мне своего сына или внука. И без злобы терпел и ждал, пока я въеду в объясняемые им простому пушкарные понятия. Да что там, я сам этого хотел. Только нюансов при стрельбе оказалось больно много. Вываленные канониром одним разом, они не сразу укладывались в моей голове. Потому и вопросов всегда много было... туева туча особенностей. Стрельба в прямой видимости, стрельба, если противник не виден... А тут еще эти воздушные ямы. Разок, неся выстрел к орудию, попав в одну такую, внезапную, яму, не удержался. И липнущие к полу ботинки не помогли. Чуть по ноге этой болванкой не отхватил. Для пальбы в движении канонир цеплял себя к длинной направляющей, которая хоть как-то защищала от воздушных ям и резких поворотов. То ли дело парострел. Проще пареной репы. Навел себе на цель, спустил курок. Бабах и цель поражена. Ну или не поражена.

— Слухай сюды! Вот ежели орудие твое заряжено, а враг твой супротив тебя будет, поворотной механисмой совмещай ось энту мушку с целиком. Поправив орудье, по приказу капитана затем делаешь выстрел. И рожу здесь не держи, а то при выстреле откатом по мордасам получишь.

С понятливым видом я внимал наставлениям старого пушкаря-артиллериста Михалыча, сообщавшего мне принципы и подробности работы другого прицельного устройства — дугового прицела с угломером:

— А ежели супостат твой не виден...

Зачем мне это было надо? Просто иногда выдавались часы, когда сам был свободен, а у канониров были стрельбы. Флайт-юнге, пока не было рядом офицера, не только зарядить, но и пальнуть давали. Не бесплатно конечно. А вы как думали? Хочешь с пушечки шмальнуть — будь любезен, таскай выстрелы! Обычно для этого канонир требовал укладку выстрелов в каземат натаскать. Ну покуда сам табачку из кисета набивал. Как натаскаешь сам себе с нижней палубы из кладовой граненых выстрелов, туда-сюда, туда-сюда, знать выстрадаешь себе право пострелять. Думаете, выстрелы пустые, только порохом набитые? А вот и хренушки! Никакого пороха. Цельные. Чугунные. Литые. Пока пройдешь с выстрелом и:

нижней деки в каземат на второй палубе, семь потов сойдет. Первые шуки еще бойко таскались, а потом уже руки отваливались, хотелось встать, передохнуть и все такое.

Мужики лишь посмеивались, глядя на таскающего выстрелы юношу. Кстати, канониры божились, что болванки выстрелов, вылетающие из ствола паровой пушки под большим давлением, на полигоне при стрельбе прямой наводкой легко и насквозь пробивали лист брони примерно толщины нашего дирижабля. А были еще шрапнельные и огневые, для выкашивания или выжигания противника на большой площади.

А после стрельбы пожалуйста банничком с тряпочкой ствол от влаги сушить. Чтоб ржа в стволе не появлялась. Б-р-р, та еще, процедура. Туды-сюды, туды-сюды. Нет бы магу эту работенку дали. Он бы зараз там все высушил. Тьфу ты, ихние словечки так к языку и цепляются.

— Бачковой, что у нас сегодня на обед?

— Щи гороховые!

— Эй, это же два блюда!

— Ну да, было два, таперича одно. Коку нашему срочно кастрюля понадобилась.

— ?!

Пипец. Сегодня мой день быть бачковым для боцманской команды. Моя очередь подошла. Ненавижу это занятие. Ну, казалось бы, вроде, что в этом такого, раздать приготовленный коком обед людям. Знай разливай себе по тарелкам да раздавай людям. Фигушки. Тут целая наука.

Для начала попробуйте раздать пищу в полете. Наш дирижабль периодически трясет. То вверх, то вниз. А ты с черпаком и супом. Если даже удалось налить в тарелку, попробуй довести ее до адресата, не расплескав. А самое главное — впереди.

Матросы — люди простые. На раздаче тщательно следят за тобой, чтобы их не обделили. А ты попробуй не обделить-то, весов бачковому не полагается. Хочешь вот не обделить никого, а не получается. Вроде плеснешь в тарелку супа или нарежешь ножом кусочков мяса, кажется всем все одинаково. Ан нет. Одному щи пусты, другому-не до краев налили, третьему кажется, что “льву не докладывают мяса” и вообще. А почему ему дали крылышек, а мне гузки? Что за отношение, бачковой? А я-то что могу? Что осталось после дележки, то и осталось. Даже на свое не надеюсь. Увы, только гузки.

Ладно бы только гузки. Трения возникали по всякой ерунде. Из-за хлеба, сахара, соли, специй, воды и чая. Одному было недосолено, другому пересолено, третий хотел бы взять сахара на всю неделю, четвертый жаловался на спитый чай. А я тут причём, мужики? Мне сколько кок в камбузе дал, столько и раздаю на всех. Равными долями. Ну как умею.

Кок в последнее время на всех флотских волком смотрит. А все почему? А потому что момент прозевал, когда кто-то ему в готовый суп смоляных шариков накидал. Офицерам подал, ничего не подозревая. Так потом офицеры его самого супа съесть заставили. Бегал потом в одно место. Шпульцы называются.

Одно в камбузе хорошо. Холодильник. Скажу вам сразу, крутая штука. Магическое охлаждение... от ма-а-асенького камушка, а холодит отлично. Если смогу вернуться домой, возьму бы с собой обязательно. Сразу два.

А так. Ненавижу работу бачкового. В опу эту работу. Лучше уж стрелять из пушки. И выстрелы в каземат таскать.

— Если солнце село в тучу

— Жди от неба злую бучу

Травим в кают-компании анекдоты.

В чем рознь между рейсовым дирижаблем и шканцами? Не знаешь? Э-э-э! Ну как же! Е рейсовом ты в нумерах сперва садишься, а апосля летишь. А в шканцы ты сперва летишь, а апосля садишься! Ха-ха-ха!

Мужики требуют что-нибудь новенькое:

— Да пожалста! Летит по небу рейсовый дирижабль. Капитан, значит, грит по трубе, мол дамы и господа, летим по маршруту на высоте три версты со средней скоростью в сто верст в час. Температура за бортом...а-а-а-а, что это такое?!...ну все, амба...

На палубе гробовая тишина. Через минуту слуховая труба оживает вновь.

— Уважаемые дамы и господа, простите за беспокойство. Просто наша официантка Лиза пролила горячий чай на мои брюки. Видели бы вы мои белые брюки спереди!

Важный господин в первом классе, услышав оное, отвечает:

— Твои брюки по сравнению с моими — это все чепуха. Видел бы ты их сзади.

— Ха-ха-ха! Умора!

Голос капитана в слуховой трубе.

— Досрочная смена дежурной вахты через полчаса. Приближается грозовой фронт. Всей команде закрепить и спрятать вещи с инвентарем.

— Вот, юнга! Накаркал!

— Вы чего? Чего чуть что, так сразу юнга!

— А ничего! Ось первый раз тут? Ну тажды скоро узнаешь!

Вы попадали когда-нибудь в грозовой фронт? Странно как у природы бывает. Только что вы летели на дирижабле по летней жаре, а попав в грозовые облака, вдруг резко, вдвое, падает температура. А потом еще и еще. Боцман отправляет тебя быстро померять забортную температуру. Первый раз сунулся на открытую палубу без дождевика, думал слетаю мигом да успею померить. Хотя опытный боцман дождевик предлагал. Куда там. Вышел на палубу, прошелся под несильные капли дождя, а потом. Фигак. Тебя словно парой ведер прохладной воды с душой окатили. Просто стена дождя. Возвращался под ехидные смешки команды, видящей как в коридоре палубы остаются смачные мокрые следы прошедшего мимо них нового неопытного юнга.

Разница температур вызвала не дождичек, но ливень, быстро перешедший в грозу, а затем и в ураган. Там я как-то попал на аэрофлотовском боинге, летя в Екатеринбург, но здесь. Ощущения были совсем другие. Вообще.

Чем больше мы погружались вглубь буквально на глазах темнеющего облака, тем более менялись забортные условия. Ливень с грохотом и периодическими раскатами шипящих молний быстро перешел в град, вначале мелкий, потом крупный, размером с голубиное яйцо. Единовременная бомбардировка тысячами яиц по наружной обшивке вскоре начала действовать мне на нервы и с непривычки заболела голова. Начал тереть свои виски, пытаюсь унять в голове неожиданно возникшую боль.

— Скупалси? — добродушно ржет, глядя на меня, наш боцман: — Ливень тут еще цветочки. Сейчас ягодки пойдут.

И вправду, град на мокрой обшивке быстро стал облеплять и заваливать собой все выступающие прямоугольные части палуб дирижабля. На овально-закругленных частях град не задерживался, но его мокрая обшивка стала на глазах превращаться в лед. Новые градины ледяного дождя прямо на глазах мерзли и добавляли новой плёнки обшивке дирижабля.

Тросы на уличных поручнях через окна вскоре сверкали и красовались большими сосульками. От большой массы налипшего нового неучтенного груза наш дирижабль вдруг начал звонко трещать и тоскливо ныть, добавляя тревожных красок в окружающие нас ощущения.

Второй выход на уличную палубу дирижабля я встретил наготове, утепившись и накинув флотский плащ-дождевик. Хренушки. Ага! Подготовился. От резкого нырка дирижабля чуть не разбил там метеоградусник и на сладкое вдобавок чуть не улетел за борт. Скользко там было. Очень скользко. На льду ботинки подвели, а от полета вниз удержали только ремни. Матрос, по команде боцмана, вышедший на пару со мной, помог подняться. Окинул взглядом заиндеветавшие инеем трубы, из которых в воздух исходило теплое дыхание дирижабля.

В воздухе резко запахло озоном. Это природа вдобавок решила проверить летящую в небе команду, усилив свой нажим электричеством, перемежая сильные молнии и грохочущие раскаты грома. Носовой, как я читал в инструкции, молниеприемник на дирижабле, принимая в себя все новую и новую энергию, давно уж светился в окружающей облачной черноте от избытка энергии. И даже непонятно, насколько его еще должно хватить. Природа шарахала по нам разными по силе молниями каждые три-пять секунд. По первости от испуга я еще кидался к замерзающему окну поглядеть на сверкающую яркими красками и мерцанием иллюминацию, а позже, привыкнув к войне природы, делать это перестал.

Отдельное слово нужно бы сказать про тряску. Это было нечто. Тот полет в Екатеринбург просто отдыхает в сторонке. “Новик” от набегавших воздушных потоков нещадно трясло и жестоко мотало из стороны в сторону. Иногда его встряхивало так сильно, что я попросту терял опору под ногами. Не помогало и хождение по стеночкам. От постоянной тряски начала не выдерживать команда. К запаху озона в помещениях начала примешиваться кислый забродивший запах еды из желудков некоторых матросов, к несчастью перед грозой поевших. А ходя по помещениям, надобно было смотреть под ноги и на пол. Не только, чтобы не вляпаться в остатки непереваренной еды. Несмотря на меры, предпринятые командой по приказу Василия Павловича от немилосердной тряски некоторые шкафы и ящики команды все же раскрылись и всякая нехитрая матросская мелочь повалилась на пол, катаясь туда-сюда по углам. Радостно шурша и звеня скрежетом по полу палубы, добавляя в звуковую какофонию свою мелодию. Боже, если уже тут так, то что же творится в трюмных кладовых дирижабля. Там же наверняка все в такую кучу малу повалилось.

Тем временем нажим природы усилился. Казалось, от повторяющегося грохота раскатов грома, шипения молний, стопа и треска переборок корабля, воя натужно и тяжело работающих паровых движителей и скользящих по полу вещам мы сойдем с ума. Когда из слуховой трубы раздался усиленный эхом голос капитана, мы, уже уставшие от немилосердной тряски, все же нашли в себе силы улыбнуться и сказать соседям слабое “ура”.

— Команда! Капитан на трубе! Хоть у нас сейчас проблемы с рулями и тягой, не волнуйтесь, скоро все закончится! Обещаю! Энергомагический накопитель уж полон энергией и его сейчас мы применим. Кто желает и у кого еще есть немного сил взглянуть на это зрелище, пожалте к окнам!

Естественно, я пожелал. И первым из команды, балансируя по трясущемуся полу, кое-

как доплелся до окон палубы.

Капитан не соврал, картина и вправду была красивой. Сквозь окружающую нас черноту, в глубину грозового фронта из носа дирижабля внезапно вырвался равномерно гудящий лучевой поток голубой с золотыми сполохами энергии. Вскоре там, впереди в глубине грозового фронта появился непрерывно вращающийся круг-воронка, в центре которого виднелся, как мне показалось, белый просвет. Чистого неба. Круг беспрерывно увеличивался в диаметре, отвоевывая у природы место для нашей жизни. И хотя природа еще не сдавалась, беснуясь и продолжая пугать нас молниями и раскатами грома, уже было не страшно. Дирижабль, пробив в окружающей непогоде, подобие спокойного неба уже спокойно, слегка трясясь, летел к наметившемуся выходу. Ур-ра! Закончилось! Ур-ра!

И вскоре, еще через полчаса все члены команды, у которых еще осталось немного сил, попеременно вылезли на еще ледяные палубы, порадоваться окружающему нас жаркому солнцу. На жарком солнце лёд уже быстро таял, капая и журча ручейками воды по обшивке дирижабля. Многоцветная яркая радуга по всему небу только улучшала хорошее настроение нашей команды.

На этом благостном фоне услышанный по трубе приказ капитана о начале ревизии на корабле был единственной ложкой дегтя в ведре разлившегося вокруг мёда.

Даже передохнуть толком не дал.

За что так с нами, Василий Палыч?!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Полицейский стучит в дверь дома. Открывает ему хозяин.

— Что-то случилось, господин полицейский?

— К нам поступило сообщение, что вы тут издеваетесь над каким-то Морзе.
(шутка)

— Юнга, на сутки поступаешь в распоряжение дирижабельного телеграфиста.

— Есть, капитан!

— Дуй давай!

Бегу в соседнее помещение на палубе. Стучусь. Дверь открывает серьёзное лицо.

— Чего тебе?

— Капитан отправил к вам на сутки. Сказал, поступаю в ваше распоряжение.

— Чегой?

— Да у тебя сказал торчать!

— А-а-а! Ну так сразу бы и сказал. А то сурьезно-мудрено как-то гришь. Заходи.

В небольшой комнатке, немногим больше моей, стояла аналогичная моей застеленная металлическая кровать и стол с аппаратом, похожим на помесь печатающей машинки, кассового аппарата и катушечного магнитофона. Строгий черный деревянный корпус аппарата, поблескивающий матовым лаком, был украшен табличкой “Ремингтон энд сыновья”. Рядом, на маленьком столике, похожим на столик от швейной машинки стоял еще один аппарат поменьше, с несколькими кнопками. На стенах комнаты были развешены таблички с инструкциями, символами и предупреждениями.

— Что это? Телеграфные машинки?

Телеграфиста даже немного покорило от тона, которым я это спросил:

— Моя новая любимица. Беспроводной телеграфный механизм системы “Ремингтон”. Военная модель. Самый лучший телеграф в мире.

От его незатейливой рекламы используемого девайса так и хотелось засмеяться, но я

сдержался. Мало ли как жизнь повернется.

— А то старая модель. Работает мало, но капитан держит. На всякий. А по сравнению с моей крошкой небо и земля.

Сижу за этим неиспользуемым девайсом. Отключенным, конечно. Новый аппарат, свою ‘крошку’ телеграфист новичку не доверил. Подумаешь, цаца какая?! Дятел! Да у нас в приюте почти такой же стоял. Кнопочку нажмешь-лента с текстом и побежала. Всего-то, клавиатуру от печатной машинки добавили.

В руках держу таблицы вроде морзянки, с расшифровкой, для старой модели. Учю и тренируюсь тут, блин, Штирлиц я недоделанный. Нудное это дело. Через час нудного сидения я уже просто мечтаю в руках подержать свой утопленный смартфон со всплывающей на его экране клавиатурой. Раз уж ремингтоном с клавиатурой пользоваться нельзя. Дятел этот за деревенщину меня принял. У-у-у, маркони нашелся!

Как это можно выучить?! Тут не учить, тут ржать во весь голос надо. Ну, к примеру, буква П — “пи-па-по-ет”. А “К” — “кон-чи-ла”.

“В” — ви-да-ла

“Ц” — цап-ли-на-ши

Ну и все такое. Пока сидел-учил таблицы, телеграфист от меня радостно по-быстрому свалил, выделяясь своими совершенно истертыми сзади между ногами штанами. И я почти сразу понял, почему. Капитан и его офицеры были весьма строги к нарушению устава, поэтому лишний раз в шпульты по делам не сбегает. Даже еду бачковые в телеграфную таскали. А работа нашего “дятла” была круглосуточной и заключалась в своевременном отслеживании поступающих из адмиралтейства и военных портов Гран-Тартарии сообщений. Телеграфной связи с соседними кораблями не было, все сообщения на соседние корабли отправлялись через “центр”. Отправлял он туда и каждодневные записки-отчёты капитана адмиралу. Для такой работы по штату дирижабля должен был быть сменщик, которого на “Новике” по факту не было. А раз так, пришлось нашему телеграфисту обжиться в телеграфной.

Вот он подмене в виде нового юнги и обрадовался. Убежав по делам, я остался один. А через некоторое время из машинки побежала длинная ленточка с сообщением. В сообщении на имя капитана шел текст следующего содержания.

“Красный. Новикъ. Капитану Отяеву. Сего дня Империей катаев объявлена война Гран-Тартарии, о чем получена депеша с Посольского приказа. На всей территории империи вводится военное положение. Вольнонаемный состав команды призывается на действительную службу Императору с присвоением воинских званий. С момента получения настоящего телеграфа надлежит считать катайские дирижабли и прочие войска своими врагами и обращаться с ними соответственно.”

Минуту, наверное, я тупо смотрел в стенку. Вот как бывает. Теперь хрена сойдешь отсюда. Согласившись пойти за капитаном, теперь из просто вольного служащего я превратился во флотского флайт-юнгу, приписанного к военному штату. От оцепенения меня вывел продолжившийся треск ремингтоновской телеграфной машинки, из недр которой выплевывалась уже новая лента с текстом.

“Новик. Капитану Отяеву. Имперская канцелярия. По результатам надлежащего рассмотрения вашего Прощения на имя его Величества Императором принято положительное согласие о переходе вашего имени под защиту короны. До получения результатов расследования вам надлежит воздержаться от неблагоприятных действий в

отношении ваших обидчиков, князей Демидских.”

А это хорошая новость. Только дятла все нет и нет. Что-то долго он на горшке. Ладно, сам побегу к капитану. Да и хрен с ним, с очередным нарядом. Тут такие новости пришли. Прямо как в анекдоте, с какой вам начать, капитан, с хорошей аль плохой?

Капитан, наскоро получив мои телеграфные сообщения, на это только нахмурился. Смяв и швырнув в мусорное ведро листок, который он держал в руке, принялся сообщать всей команде по внутрисудовой связи о начавшейся с Катаем войне. О том, что летим к границам Китая. Наказал быть готовым ко всем неожиданностям. Ленту с новостью из канцелярии он читать не стал, а просто сунул в свой карман.

Ч-черт, вот и подтвердились шепотки людей на площади во время парада. А по разговорам команды мы летим в самое пекло боев. Что там будет впереди? Надо было тогда настоять и уйти из квартиры. А теперь что? Сказать об этом капитану? Он ведь обещал отпустить в первом порту. На предательство и трусость похоже! Я не такой!

Решил ничего не говорить, остаться и будь, что будет.

— Война! Война! Ребят, скорее включайте телеграфную станцию! Китайцы напали на нас! Война!

Кто-то включил приемник телеграфного радио в классе. Из приемника побежала лента: ...Империя Катаев, вопреки всем нашим лучшим надеждам на многовековое добрососедство и не внемля заверению Нашему, что принятые ранее меры отнюдь не имеют никакой враждебной надобности, стала требовать немедленной их отмены и, встретив наш отказ в этом требовании, повела себя отнюдь, не по-соседски, внезапно объявив Гран-Тартарии войну и вероломно вторглась большими силами в Калмацкую и Уссуртийскую провинцию. Пред тем низложив власть законных правителей свободных провинций Турчестан, Даурия и Мугалия Флава Магна.

Ныне предстоит не только оградить честь, достоинство, целостность государства нашего, Гран-Тартарии и положение ее среди существующих великих империй, но и заступиться за несправедливо обиженные врагом нашим и родственные нам страны.

Я верю, что в сей грозный час на защиту земли нашей Тартарской дружно и самоотверженно станут все верные наши подданные. В дни испытаний да будут забыты распри наши, да сплоченней станет единение Великого князя нашего с Его народом и да отразит великая Гранд-Тартария, поднявшаяся, все как один, богопротивный замысел врага нашего.

Молю и призываю на Святую Тартарию и доблестные войска наши Божие благословение. Враг обязательно будет разбит! Да здравствует Великий Князь, император земли Тартарской, да здравствует Гранд-Тартария!

...Из иных новостей. Студенты Старо-Петерборгского Студиума сообщили в редакцию, что сейсмоприборы их лаборатории зафиксировали вибрацию земной коры из-за выплеска мощных энергомагических ударов. Это все наши новости в настоящий момент. Читайте вечерние новости по телеграфу Старого Петерборга.

В классе воцарилось молчание.

— За что они так с ними?

Летим на бреющем полете над нашим городом Карагаиси в Уссуртийской провинции, где ещё совсем недавно шли бои. Капитан сегодня сказал, что мы крейсируем по передовой

по заданию адмирала. Ужас. Сильный запах горелого в воздухе до тошноты и противен. Крупные пятна выжженной до стекла и трещин земли, чёрная подпаленная трава, остатки капитальных крепостных стен, в которых сверху угадывается восьмилучевая звезда, остатки фундаментов зданий, печей и церквей. Ни души вокруг. Только в пол-версте отсюда позже встретились одинокие мычащие коровы, призывно зовущие своих хозяев оттого, что давно не доены, и подпаленная коза с невесть как выжившими в огне козлятами. Пригородные деревни, в которых среди одиноких печных труб, пугаясь медленно летящего в небе дирижабля, неслись по остывшей золе сумасшедшие курицы, были сожжены менее мощными зарядами.

Члены команды дирижабля, на время свободные от вахты, высыпали на корму с разрешения капитана “на посмотреть”.

— Магическими зарядами их, верно, бомбанули, — смотря на эту раскинувшуюся картину под ногами, утверждает Емельян, канонир-наводчик орудия по правому борту.

— Неверно гришь, Емельян! Наверняка огневыми, по площадям! Ишь, как все повыжгло. Сколько народу... Ироды!

— Дык, Иваныч, крепость же тут стояла. Видно врагу хорошей сдачи дала. И катайцы в отместку... Иначе не понять.

— Бить их мало...

Слышим на улице звонкую, усиленную эхом, трель свистка и голос капитана:

— Готовность один. На горизонте небольшой неприятельский дирижабль с катайским флагом. Всем занять боевые места согласно предписанию и доложить капитану! Выбросить вымпел “Иду на вы”. Паропушки по правому борту к бою!

— Эх, не дали, гады, передохнуть! Бежим по местам!

В тот первый в моей жизни воздушный бой наша команда вляпалась на пятый день ВейЛета и нашего полета к катайской границе.

— Правыя орудья! Огонь!

— Отведай, катаец, мою закуску! У меня и черту не бывает спуску! — закрывая затвор, кричит Емельян: — Н-на, получи!

Гроыхнул выстрел и каземат окутало клубами пара, вылетевшего из казенника. Бой правда вышел несколько сумбурный. Обменявшись друг с другом с дальней дистанции несколькими выстрелами из паропушек, неприятель вскоре изменил курс и нырнул в густые облака. Капитан наш в ответ погнал дирижабль в погоню за неприятелем. И когда выплыли из густых облаков и осмотрелись, выяснилось, что катаец в очередной раз сменил курс и дал деру, увеличивая отрыв от нас. Преследовать дирижабль капитан не стал.

Постепенно со временем я начал понимать всю задумку капитана. Натаскивая меня всеми сторонами воздухоплавательной жизни и сталкивая со всеми аспектами жизни нашего дирижабля, Василий Палыч на полном серьезе решил вылепить из меня офицера флота, даже немного выделил среди судовой команды. Первым об этом боцман проговорился. Потом были шепотки среди матросов. Хотя я в это поначалу и не верил, но ведь правда, действительно, факт. Для всех сие не вызывало сомнений. Первейшим доказательством для них служило то, что каморку отдельную выделил, пусть и среди матросов. Вот и сегодня на мостике он в присутствии капитан-лейтенанта натаскивал меня как своего помощника.

— Василий Палыч, дык это...там внизу такое?! — на мостик капитана с обалделым лицом влетает палубный матрос Сеня.

— Дык обязательно надо это взглянуть! Никогда такого не видал!

Капитан с заместителем, оставив текущие дела, выбежали на открытую палубу, оставив рулевого на мостике. Я тоже побежал. Он же ничего не сказал, значит мне можно.

Здесь надо пояснить, что незнание устава воздухофлотской службы уже с пару раз приводило меня на камбуз. Наряды у капитана получал, а у кока их отработывал. То прошлогодною мятую картошку мыл и чистил вместе с прочими овощами, то работал бачковым, разнося еду по всему дирижаблю. Вахтовые обедали на местах. Прибежавший матрос вел нас на палубу на корме дирижабля. Капитан с заместителем, услышав сзади мои шаги, синхронно повернулись. Увидев меня, на это Василий Палыч ничего не сказал, а капитан-лейтенант только сплюнул:

— Опять побежал за тобой! Ну прям как кутенок за мамкой! Когда ж он уставу выучится.

Тем временем, матрос, подведя к релингам, показал рукой куда-то вниз. Офицеры отстали от меня и сами взглянули на землю.

— Ось! Гляньте, капитан!

Я взглянул тоже. Батюшки ж мои! Ахренеть не встать! Вот это да!

Внизу, по тракту, среди деревьев сливаясь с лесом, шла конная кавалерия с чем? С чем? Я даже не знаю, как это обозвать. Трое паровых цилиндроподобных роботов с длинными стволами орудий вместо рук и дымовой трубой за спиной. Мы, пролетая мимо них, их не заметили и теперь вражеские войска уже были позади нас. 'Роботы', натужно дымя паром, уже выстраивались в линию, наводя стволы своих рук для атаки. Сейчас стрелять начнут.

— Обратно на мостик! Бронеходчики!

Ббах-бах-ба-ба-бах! Это с земли послышались первые выстрелы. И первые болванки на излете попали в корпус дирижабля, оставляя в нем первые вмятины.

Бежим по лестницам:

— Василий Палыч, а что это было внизу?

— Паровые бронеходы. Новое мериканское изобретение. В справочнике читал. Есть там у них один сумасшедший. Видно катайцы его изобретение и купили.

Капитан влетел на мостик самым первым, первым делом принявшись за свисток. Тревога!

— Рулевой, право руля. Делай разворот на 180 градусов. Крутимся по кругу. Гады катайские прямо под нами.

Забежал боцман:

— Капитан, разрешите! Вам юнга на мостике нужен? У плутонговых сегодня некомплект. Что-то не то съели. Помощь нужна.

— Забирай, Ильгизар Матвеевич!

— Юнга, дуй скорей в третий каземат. На подмогу к пушкарям пойдешь.

— Плутонги по правому борту! Угол стрельбы отрицательный. Первый и третий казематы. Бронебойные товсь. Наводка на паровых бронеходчиков! Как подойдем, пуляем по приказу! И бейте их, чтоб ходули эти носа поднять не могли. Пятый и кормовой каземат. Мины огневые и шрапнельные для кавалерии товсь!

Ббах-бах-бабах-бах! Это с земли дали новый залп, оказавшийся более точным. Дирижабль тряхнуло куда сильнее. Новый залп и новые попадания. В местах попаданий заныли изогнутые переборки. Послышались крики. Похоже кого-то поранило попаданием.

Дирижабль развернулся и вскоре вышел на траекторию стрельбы. Капитан-лейтенант, произведя какие-то расчеты, сказал Василию Павловичу, мол, пора.

— Правья плутонги, первый и третий! Пристрелочный сигнальными!

Прибегаю в третий:

— О-о, подмога пришла?! С мостика. Неужто капитан до наших бед сподобился!

Подходи, парниша. Сегодня не Михалычу, а мне помогать будешь. Напарник вишь животом мается, со шканцев не сходит. Первый раз в бою?

— Первый!

— А ну-ка в прицел мне посмотри. Посмотрим, чему тебя там Михалыч натаскивал.

Становлюсь. Быстро навел, по инструкции, прямо как мой наставник учил. Пока главный пушкарь проверял, взял с укладки выстрел. Открыл затвор, вставил выстрел. Закрыл. Проверил наводку еще раз.

— Готово.

— Ну раз так. Пли!

Дергаю спуск. Камешек на дуле мигнул и пушка плавно чихнула выстрелом, окатив всех обоих присутствующих в каземате клубами шипящего пара из ствола. Едва рассеялся пар, как главный выглянул в щели смотровых окон. Усмехнулся чему-то:

— Ты смотри! Ну надо же!

— Чего?

— Точно первый раз в бою!

— Первый-первый, дядя!

— Нет, ну надо же. И не врет пословица. Попал ты. Да удачно, прямо в смотровую запулил. Рука у тебя лёгкая. Ну чего стоишь столбом. По-новой заряжай давай.

— Огонь! Пятый и кормовой, шрапнельными! Огонь! Бронебойные! Огневые! Огонь.. огонь...огонь!

Медленно плывущий по небу дирижабль сбрасывал мины целых полчаса по приказу капитана до тех пор, пока он не дал команду отставить. Внизу все уже было кончено. Лес в местах попаданий горел. Стройные ряды кавалерии неприятеля рассеялись по густому лесу, оставив на тракте множество трупов лошадей и их наездников. Возле трупа одной лошади валялся флагоносец со сломанным древком в руках.

Поломанные и сожженные бронеходы догорали на своих огневых позициях, не успев уйти далеко. У некоторых покалеченных бронеходов были оторваны и стволы, и ноги, а рядом с открытыми люками виднелись, пытавшиеся сбежать, их пилоты, не успевшие убежать далеко от своей смерти.

Но и нашему дирижаблю досталось. Кроме двоих матросов, легко раненых в скоротечном бою и лежащих у лекаря в фельдшерской, на красивой обшивке нашего судна красовалось несколько видимых вмятин. И с пяток сквозных, с рваными краями, отверстий, сделанных удачными выстрелами бронеходов. С внутренними повреждениями кое-как управились механики. А по корпусу придется, наверное, капитану в порту Кайгорода на ремонт вставать.

А так, ничего, сегодня мы их уделали.

Во второй воздушный бой мы вступили еще через пару дней неспешного полета, заведя на горизонте, в прямом смысле сцепившиеся с друг другом, катайский и нихонский дирижабли. На мостике капитан с капитан-лейтенантом всматривались в подзорные трубы на развернувшуюся в воздухе трагедию боя.

— На абордаж их берут, чертей полосатых! Видишь, Семен Семенович!

— Нихонцы-то посольские, Василий Павлович! Орудий там раз-два и обчелся. Куда ж

им воевать. Странно, что без охраны. Проскочить, верно, хотели. Эвона на свой посольский вымпел понадеялись. Ось, думаю, катайцы-то и полезли! Вдарим по гадам этим, а капитан?!

— Куда ж стрелять-то. Пока пристреляемся, по нихонцам, как есть, попадем с такой-то дистанции. А защита там, сам понимаешь! Узнают в верхах, за гибель посольских спасибо не скажут.

— Ну нельзя ж так оставлять, капитан. Что ж мы, гады какие, мимо пройдем?

Когда с посольского дирижабля подняли вымпел-сигнал о помощи, капитан раздумывал недолго:

— Вдарим им, Семен Семенович! Готовь абордаж!

И все завертелось. Капитан отдал приказ связать катайцев абордажем. Для чего всех, участвующих в абордаже, матросов в оружейке снабдили парострелами и нужным инструментарием. Меня как самого молодого от участия отстранили, но на всякий случай, держали ‘под парами’. Перед началом достал свой трофейный парострел из сидора под койкой, осмотрел, погладил руками и сунул себе за пазуху.

Подходим ближе с кормы, аккуратно и плавно, стараясь не повредить при стыковке сильным ударом сцепленный с неприятельским, посольский дирижабль. Наш корабль, подходит вплотную и своим бортом сносит выставленные под углом стволы орудий врага по левому борту.

Команда неприятеля была увлечена абордажем и боем на мостках и в помещениях посольского корабля и приблизившийся к ним наш дирижабль просто упустила. Послышались скрежет гнущихся переборок, треск лопающегося от напряжения металла, усиленный металлическим воем, вырывааемых из своих креплений, паропушек. Первыми, под прикрытием парострелов, в дело вступили матросы с веревками с привязанными небольшими якорями на концах. Раскрутив груз, они ловко закинули якоря на судно неприятеля и зацепили их за выступающие части. После, обернув веревки через блоки, начали натягивать их, притягивая чужое судно к своему.

— Братва, кошками скорей притягивай! Веревки тянем! Др-ружно! Поднажмем! Кидай мостки катайцу! На шкафут и шканцы!

Судно притянулось к соседнему, после чего матросы принялись вязать узлы. Тем временем другие рвались на абордаж.

— Вперед, братцы, ура! Ура-а! У-р-ра!

Хотя дирижабли относительно друг друга нехило так смещались вверх и вниз, тем не менее наши матросы с парострелами в руках, ловко пробежав по узким мосткам, скрылись во внутренних палубах катайского дирижабля. Вскоре оттуда слышались стрельба парострелов, крики и звуки борьбы. Ильгизар Матвейч вскоре отправил меня туда тоже:

— Юнга! Твоя очередь! Берем лекарский набор. Шуруй туда, поможешь! Наши не справляются! На той стороне матрос тебя уж ждет. Одна нога тут, другая там!

— И я не понял, — тут Матвейч увидел торчащее у меня оружие: — отколь у тебя парострел! А-аа, черт с тобой, нет времени. Выполнять!

Схватив запасную лекарскую сумку, подбежал к мосткам. Ч-черт, какие они здесь узкие. Страшно! Как же матросы по ним ходят, не свалиться бы вниз самому. Лучше вниз не смотреть. Свалишься, костей не соберут. Вниз не смотрим. Не смотрим.

Матрос, стоявший с парострелом на другой стороне, призывно махал мне рукой, мол быстрее давай. Качаюсь на мостках из-за набегающих воздушных потоков и балансируя, медленно перебегаю на другую сторону, стараясь вниз не смотреть. И в очередной раз сказал

“спасибо” неизвестному мне придумщику, что прилипающие к металлу ботинки придумал. Не сильно липнут, но держат.

— Напужался?! — смеется щербатый матрос: — Ось в первый раз завсегда так. Пошли. Только поперед меня не суйся.

Идем внутри палубы катаяского дирижабля. Сопровождающий меня матрос с парострелом впереди, я же позади. Смотрю по сторонам. Ничего особенного, внутри почти как у нас. Только надписи на стенах восточные. Ничего похожего с нихон. Спускаясь по лестнице на нижнюю палубу, встретился первый труп катаяца. Вдалеке слышны звуки стрельбы парострелов, какой-то лязг и стоны раненых.

Выходя на нижнюю палубу, натыкаюсь на сопровождающего. Тот уже стреляет по кому-то, одновременно отпихивая меня. От стрельбы воздух в коридоре заполняют клубы теплого пара. И через пару секунд, получив ранение, со стоном падает сам, сраженный выстрелом из вражеского парострела. Прячусь за угол, одновременно вытаскиваю из-за пазухи свой парострел. Перевожу рычаг стрельбы на ‘бой’. Слышу шаги медленно крадущегося человека. Похоже он там один. Кладу сумку на пол. Замираю. Страх. Неизвестность. Слышу, как гулко стучит мое сердце. И все же решаюсь выстрелить по идущему врагу, предварительно упав на пол.

Броском падаю в проход. Стреляю. Парострел резко дернулся, выпуская клуб пара. Не ожидавший такой подлянки, низкий стройный офицер-катаец в флотской форме не успел выстрелить и упал убитый навзничь с парострелом в руке. На темно-синей форме в районе груди офицера появились темные кровавые разводы. Его вторая кисть нервно разжалась, выпуская из рук ножны с странным и красивым мечом с каким-то шнурком на конце. За ним в неестественной позе лежал матрос с парострелом в руках, убитый видимо щербатым.

Первый раз в жизни руки так предательски тряслись. Вздохнул. Мысленно обозвав себя тряпкой и наградив всеми мысленными эпитетами, вскоре начал успокаиваться. На коленях подползаю к щербатому. Умер бедняга. Меня оттолкнул, а сам погиб. Глаза зло смотрят в потолок. Посмотрев на него, чтобы навсегда запомнить, закрываю ему глаза.

После чего, закинув на плечо лекарскую сумку, с парострелом в руке иду дальше, проходя мимо убитых, на крики и звуки голосов наших ребят. Выйдя на ют, вижу следы только что отгремевшего жестокого боя. Наши матросы, катаяцы, нихонцы, раненые, убитые и обожженные лежали в разных положениях повсюду.

— Юнга, шуруй сюда! — зовет знакомый матрос уже с нихонского дирижабля, пытающийся помочь какому-то нихонцу. Тот самый матрос, что на бейдевинд отправлял. Перебегаю с опаской по мосткам. Оглядываюсь вокруг. Такая же картина. Хватало раненых и убитых с зажатыми в руках парострелами и мечами. М-да, а абордаж-то — жестокая штука.

— Поглядь, эвона их тут. Помочь бы надоть. Лопочут чегой на своем. Нашенского не понимают. Ну не знаю, что ты гришь? Не по-ни-ма-ю! — обращается он к говорящему, сидящему на полу, раненому нихонцу.

Разбираю слова, их лекарь убит при абордаже катаяцев в бою, мужчина просит отправить помощь туда, показывая вглубь жилой гондолы.

— Ии-ё! (хорошо) — отвечаю — Савелий, он просит его бросить и помощь туда направить — показываю — Побудь тут, а я туда пошел.

— Эй, юнга, погодь! Так ты что, по иноземному лопочешь?! — слышу вдогонку, но отвечать не стал.

В коридорах посольского дирижабля наши с лекарем уже перевязали своих и принялись осматривать раненых нихонцев. Нашлась работенка и мне. Арсенал лекаря был небольшим — зеленка, йод и марлевые бинты в большом количестве. Хирургические операции велись только на борту. Для офицеров и самых сложных раненых в лекарском наборе первой необходимости лежали камни-энергеты, кои доктор, по приказу капитана, уже пользовал для спасения жизней посольских иноземцев. Однако, после первых перевязок, офицеры и матросы, оперативно смекнув по начавшемуся разговору, что новый юнга вполне сносно глаголит на нихонском, быстренько отстранили его от перевязок, назначив его нештатным толмачом. Пришлось помогать, бегая с лекарем от одного раненого к другому, наводя, так сказать, мосты между нашими странами, путем перевода их жалоб и просьб. После того, как первое напряжение с ранеными начало спадать, лекарь с матросом устроили обход по всем палубам нихонского дирижабля. Обошли всю нижнюю жилую палубу, среднюю и по лестнице попадаем на палубу с весьма роскошной отделкой. Отделка строгим темным деревом с золотыми резными накладками, бархат стен с рисунками в восточном стиле, большие расписные вазы, красивые деревья, циновки на полах. Как обычно обойдя все комнаты, вхожу последнюю, где вижу разбитое окно с веревкой, убитого катаяца, валяющийся меч с кровью, девушку, лежащую на полу с раной в боку, плачущую возле нее на коленях женщину в атласном кимоно. Краем глаза замечаю знакомые смешные ушки на голове... Аю... Аюми?! Н-нет! Нет! Нет!

— Аюми! Т-ты! Откуда?! Нет! Только не это!

Девушка повернулась и улыбнулась, узнав парня. Из уголка рта обильно полилась кровь.

— Сергей! Кхм. Как хорошо, что ты тут. Жаль, что вот так...

Женщина, сидящая рядом, плача, начала быстро говорить по-нихонски. Лекарь тем временем начал внимательно осматривать девушку, с каждой минутой темнея лицом. Из слов женщины Сергей понял, что она просит показать ее хорошему лекарю или дать ей камень-энергет. Сергей обратил взор на лекаря, переводя слова этой женщины:

— Сергей, да не смотри на меня так! Уж по лицу все понял! Извини, юнга, мне нечем тебе помочь. Камни для офицеров, и они закончились! Никто не ждал таких потерь. А до операционной с такой раной мы ее не дотащим.

Сергей мигом принял решение, вскочил и, покачивая указательным пальцем девушке, зарывав, произнес:

— Аюми, ты не смей мне! Не умирай! Я сейчас! Все будет! Будет тебе камень! Только подожди! Я мигом!

И стремглав понесся на “Новик”, удивляя своим безумным видом нихонцев и наших. Забыв об осторожности, о враге и необходимости держать парострел в руках. На одном адреналине перелетел через первые,двигающиеся вверх-вниз, мостки, чуть не сбив подходящего к ним боцмана.

— Эй, дурень, я чуть не пристрелил тебя, малахольного! Юнга, ды куды ж ты летишь!

Пулей пролетел через все палубы катаяского дирижабля. Вторые мостки. Матрос, охранявший подход к палубе нашего дирижабля, даже не успел поднять парострел, как он пролетел мимо него. Слышу сбоку крик Василия Палыча:

— Пострел, куда ж ты летишь! Безумный!

— За камнем я, Василий Палыч! Я мигом! И обратно!

Я в своей каморке из сидора быстро достал вторую трубку, еще быстрее выдернул из креплений камень. От нервов и суматохи чуть не выронил гранат на пол, но успел

перехватить в воздухе. Крепко держа камень в руке, быстро побежал обратно, в сторону посольского корабля.

Добежав до нужной палубы нихонского корабля, Сергей увидел, что капитан был уже там, разговаривая с каким-то важным нихонцем, за которым стояло несколько раненых военных с мечами и парострелами в руках. Охрана, дернувшись было встать в защиту вокруг своего господина, но узнав в юноше толмача, успокоились. Мигом пролетел мимо них, не останавливаясь и вбежал в нужную комнату. Подбегая к Аюми, он упал на колени, скользя по гладкому полу.

Девушка была еще жива, когда разжав руку, показал ей и сидящей на корточках женщине камень. Та радостно схватила гранат и быстро приложила его к ране Аюми. Камень начал светиться. Из глаз женщины снова полились, теперь уже счастливые, слезы. После чего она принялась отбивать поклоны Сергею. Не обращая внимания на нее, я снова покачал указательным пальцем:

— Аюми, только посмей мне. Не вздумай теперь-то уж помирать!

Аюми ему улыбнулась и слабо погладила парня рукой за вихры. Из ее глаз тоже потекли слезы.

— И как это тебе удастся? Второй раз человека от верной смерти спасаешь. Знакомы?!

Услышав слова подошедшего к нему Василия Павловича, Сергей обернулся. Капитан стоял в комнате вместе с тем важным степенным нихонцем, виденным им на нижней палубе. И охранники того позади. Черты лица Аюми чем-то напоминали мужчину. Киваю:

— Хорошая знакомая по Старо-Петерсборгу. Знакомьтесь, капитан. Ивасаки Аюми, Василий Палыч!

— Значит, хорошая знакомая, говоришь? — прищурился, попеременно глядя на меня и на нихонца, капитан — Добро! Экий ты молодец! Теперь и дочку нихонского посла, значит, спас.

Сидим после боя в нашей кают-компании. Забрав тела всех своих соотечественников, уж больно много потерь понесли нихонцы, их дирижабль почихал в сторону столицы. Мне было спокойней от того, что Аюми, хоть и ранена, но была жива. Странный у нее отец какой-то. У него дочь при смерти была, а он держится на людях, как ни в чем не бывало. И только ушел наш капитан, лишь тогда он позволил при всех отпустить свои эмоции, пустив слезу и просто поговорить с дочерью. Не понимаю, как так можно! Женщина, а это была мать Аюми, выглядела в моих глазах куда живей отца. До отлета нашего дирижабля капитан разрешил побыть с Аюми немного времени. Рассказал ей, что не так давно сбежал из старопетерсбургского приюта, как заходил к ним домой и не застал никого, как в столице познакомился с капитаном. И он взял меня на борт дирижабля юнгой. Как служу тут. В общем, чтобы девушку не пугать, вдобавок сообщил, что у меня все хорошо и прекрасно. Кормят только вареньем и большой корзиной печенья. Девушка, услышав такое, даже засмеялась и сообщила, что я врун. Мать Аюми, поддерживая разговор, расплывчато сообщила причину их срочного побега и не менее срочного возвращения. Вроде как виновата межгосударственная политика и начавшаяся война. Ясно, что не хотят мне говорить. Больно нужны мне их секреты. Только когда еще с Аюми удастся свидеться?

Своих раненых и убитых мы тоже забрали. И катайский дирижабль заодно. В целом капитан посчитал наш абордаж удачным. Размен жизней, пусть едва знакомых, трех наших матросов и еще нескольких раненых на один трофейный дирижабль — ну не знаю. Не хочу

ни о чем думать. Сам сижу весь грязный и чумазый, опустошенный и усталый. Откат от прошедшего боя. Ничего не хочется. Совсем. Немного трясутся пальцы. Парострел за храбрость, узнав от меня все подробности гибели матроса и катаяца, наш капитан при всей команде разрешил мне оставить, пообещав позже выправить нужный документ. Забрал я себе и трофейный меч, также испросив разрешение у Василия Палыча. Меч оказался не простым, а парадным мечом цзянь капитана того катаяцкого дирижабля. Флайт-капитан-лейтенант Семен Семенович, как оказалось, сам страстный коллекционер холодного и пароствольного оружия, даже мне позавидовал, хохотнув в разговоре:

— А дуракам и новичкам везет, Василий Палыч!

— И не говори, Семеныч!

Наводчик кормового орудия передал соседу гитару:

— Михалыч, а давай нашу?!

Тот берет ее в руки и вскоре затягивает:

— Спите орлы боевые

— Спите со спокойной душой!

— Вы заслужили родные

— Славу и вечный покой

Помолчали. Пушкарь запел вторую песню, потом третью. И еще одну. А мне тоскливо как-то стало. Несколько месяцев уже тут. В другой, пусть и похожей стране, в другом времени, с непонятными перспективами возвращения. За это время и под паровик попал, и в приют, и на работу, и в гонках поучаствовал, пару раз с императором судьба свела, и чуть не убили тоже дважды. И полиция ищет. Теперь вот я на войне, вокруг погибают едва знакомые товарищи и враги. Первый раз убил незнакомого мне человека, пусть и врага. Чуть не погибла знакомая мне девушка. Вряд ли меня там ищут, пропаванца. Столько уж времени прошло. Увижу ли еще своих? Остаётся верить, что все будет хорошо и все, что ни делалось — все к лучшему. Я буду верить...

— Сереж, чегой задумался? — спросил Ильгизар Матвеевич.

— А можно и мне гитару?

— Нехорошо тебе?! Катаяца вспомнил? Ну, выплесни эмоцию. Первый раз всегда такой. Спой, авось легче станет.

Да наплевать, что такой песни тут нет. Мне сегодня все можно. Беру в руки гитару и начинаю напевать под брэнчащую гитару песню Лозы.

— На маленьком плоту сквозь бури, дождь и грозы.

— Взяв только сны и грезы, и детскую мечту.

— Я тихо уплыву лишь в дом проникнет полночь,

— Чтоб рифмами наполнить мир, в котором я живу.

— Ну и пусть будет нелегким мой путь....

Последние аккорды. Больше нет сил. Никаких. Слышу, захлопали. Пока пел оказывается, в матросской кают-компании собрались почти все члены команды дирижабля. На гитару даже капитан пришел послушать.

— Хорошая песня, Сергей. Правильная. Задушевная.

— Петр Алексеевич?! Вы верно насчет Конова? Так нет его у нас. Сбежал он. Мь сообщили полиции все, что знали об этом.

— Да, Акулина Валерьяновна, понимаю. Мне в целом известны обстоятельства егс

побега. Должность у меня такая, знаете ли! Но я к вам пришел по другому вопросу.

— Да? Тогда, сударь, хотелось заранее прояснить, вы сейчас ведомство представляете аль сами? А может вы оттуда? — тут заведующая показала пальцем на потолок: — Повторяюсь, Петр Алексеевич, так мы уже все сообщили.

— Акулина Валерьяновна, вы правы, я веду свой розыск юноши. По личным мотивам. И в деле есть некоторые обстоятельства, на которые в полиции, думается, не обратили внимания.

— Вот как? И чем же мы можем помочь вашему расследованию?

— Акулина Валерьяновна, хотел спросить. Вы не заметили ничего странного в поведении юноши в период его пребывания в приюте?

— Знаете, Петр Алексеевич, мне кажется, что странности были. Хотя, мы можем послать за друзьями и соседями Конова по дортуару, они виделись с ним чаще и должны знать о нем больше.

Через час ассессор вышел из дверей приюта. Выйдя с территории приюта на городскую мостовую, он двинулся было пройти пешком в сторону мастерских Арбузова. Мужчина остановился у чугунной ограды приюта возле ожидавшего его паромобилия и задумался. То, что он тут услышал о Конове, требовало, как минимум, осмысления.

Ребята охарактеризовали парня, сильно похожего на его погибшего сына, как обычным, хотя интересным, но весьма странным юношей. Физически развитый, со знанием приемов самообороны, что по словам ребят, Сергей демонстрировал пару раз. Раскован, легко сходится с людьми. На уроках он не блистал, даже скорее выделялся незнанием примитивных, знакомых каждому гимназисту, знаний. Говор и непонятные слова, не характерные для жителей этих мест. В копилку парня прекрасное для его возраста произношение аглицкого языка, лишь недавно введенного в Гран-Тартарии в обязательную гимназическую программу, неизвестные песни и масса, по словам ребят, анекдотических историй. Возможно одаренный, что требовало проведения дополнительной проверки. Хорошо и весьма с фееричной фантазией рисует, что подтверждалось словами соседей по комнате и девушки-соседки по парте. Подтвердилось также, что он в день происшествия ночью смог вернуться в приют за вещами. Тут Бардин усмехнулся. Ребята поначалу все отрицали. Но так просто и легко, всего лишь на несовпадении слов, оказалось возможно “расколоть” ребят. Тряхнул стариной. Хороших друзей себе Сергей нашел. Защищают.

В копилке странностей были его странные вещи, которые в ходе расследования изьяла полиция. Он помнил ее, яркая одежда с блестящими вставками. Тогда она не вызвала его интереса, потому что думал он тогда о чрезвычайной похожести, провидении Божьем и необходимости замять будущий скандал.

Теперь он направлялся в мастерскую Арбузова, дабы выяснить правду о работе в мастерской и соперничестве за фантазию парня.

— Нашёлся Сергей? Где он? С ним все хорошо?! — такими словами его встретил господин Арбузов, бывший в директорской с каким-то инженером. Узнав от вошедшего, что он и сам бы не прочь найти парня, так как является его официальным опекуном, мужчина только горестно вздохнул.

— Эх, как жаль, ассессор. Я так надеялся. Работа у нас стоит, понимаете?!

Емельян Емельянович в ходе доверительного разговора сообщил ассессору, что в последнее время они на парня весьма рассчитывали.

— После удачного представления мобилия Императору, вы же должны об этом знать...ну

вы понимаете — тут Бардин кивнул. Эту информацию сообщал ему не так давно контрразведчик, она не укладывалась в его голове, но это был факт. Еще одна похожесть с его сгинувшим сыном. Он не приветствовал, но старший сын также любил мобили и всю паровую механику. Эх, Павел-Павел, даже потрогать на прощание не довелось, хоронили в закрытом гробу. Вспомнив сына, Бардин даже невольно отвлекся от разговора.

— И в силу нашей непубличной деятельности на благо Императора-тут Бардин снова кивнул: — у нас на него были планы, согласованные с его величеством. А тут это дело. И этот совершенно идиотский побег. Ну что ему стоило. Пришел бы, сказал. Ну сообщили б куда следует, наняли б адвоката. Решили бы.

— Дурость, Емельян Емельянович! Вы же знаете, дети в этом возрасте не всегда соответствуют нашим чаяниям.

— Эх, соглашусь с вами, Петр Алексеевич.

— А что, Емельян Емельянович, молодой человек-то, в приюте гряд, рисует хорошо?

— Хорошо рисует. Я бы сказал, с фантазией. Взял я его на свое содержание, с окладом в двести целковых.

— Да ну!

— Да! Мало того. Хотел его полностью к своим делам привлечь. Так нет же. Еще и с мадам Ламановой надобно биться. Она настоятельно требует выделить парня и ей.

— Почто так?

— Дык идеи толковые. Фасоны, она грит, интересные. Вот баба за него и уцепилась. Ну что за невезение — жаловался ассессору директор.

Договорившись обменяться в будущем сведениями, ежели таковые поступят, мужчины раскланялись. Ассессор, выйдя на улицу, на это только вздохнул. Где его искать, теперь он совершенно не представлял. Еще и дочери опять сказать будет нечего.

— Что, боишься прыгать с парашютом?

— Да, боюсь.

— А ты прыгай без него!

(шутка)

— Капитан, а можно вопрос?

С этим я обратился к капитану, стоящему на мостике с боцманом.

— Да, Серёжа, говори, что хотел.

— А как с дирижабля спастись можно? Во время боя?! Ну...ну если уж все!

Капитан хохотнул:

— Ежели все, пиши пропало. С дирижабля, Сережа, не спрыгнешь! Ну, может боженьку попросишь хорошенько, авось смилуется.

— А если все же спрыгнуть? В столице то как людей из горящих домов спасают?

— Эка ты спросил, так там все просто. Растягивают полотнище прочное и ловят, когда сам спрыгнешь.

— Ну вот. А если нам взять это полотнище. Оно же прочное.

— Какое еще полотнище? Подумай, тебя в бою на земле пожарная команда дожидаться будет? Вот уж не ожидал от тебя такого! — с укоризной не понял капитан.

— Да нет, капитан, вы не поняли. Не снизу натянуть, а сверху.

— Совсем ты меня запутал. Как это сверху?

Прошу карандаш и лист бумаги. Капитан, пошарив на столе, находит и выдаёт искомое.

Рисую быстро парашют с человечком, не особо заботясь об точности.

— Вот так примерно. Самоспасатель воздухоплавающего человека.

— Ну не знаю... ну и бредни какие-то... невозможно это. Отколь это? — бурчит боцман.

— Сам придумал.

— Ты-ы? Придумал? Как же тебе в голову могла прийти эта задумка?

— Как? Просто жить очень хочется. Спасение воздухоплавающих-дело рук самих воздухоплавающих.

— Ну не знаю, что тут и думать.

— Капитан, а можно где-нибудь найти швею и материал, чтобы пошить самоспасатель.

Готов потратить на это свою первую получку. Можно учение провести и что-нибудь на землю сбросить. Да что там, если надо, я готов даже первым спрыгнуть.

Боцман в удивлении крутит у виска, мол, ты что, белены объелся. Капитан, недолго думая, соглашается.

— Будем, Сереж, снова в Кайгороде, в порту будут тебе швеи и матерьял. Ежели задумка толковая, на всю команду сделаем. Свои деньги срасходую, а сделаем.

Через несколько дней приземлившись в военном порту Кайгорода капитан согласовал ремонт дирижабля в мехмастерских, после чего отправились к полковым швеям в мастерскую. Объяснив, чего мы от них хотим, женщины посомневавшись, все же взялись за наш заказ и принялись за работу. Опытный заказ состоял из трех штук парашютов семиметрового диаметра с отверстием по центру купола, выполненных из накрахмаленных тканей разной прочности, с возможным продлением. Во время необходимой стоянки и проведения ремонта обшивки наш дирижабль пополнял запасы и брал грузы. Ввиду срочности уже через день наш заказ был готов. От нетерпения хотелось опробовать парашют хоть сразу. Получив разрешение у начальства в порту и вернувшись к себе, капитан велел найти пару-тройку одинаковых ненужных ящиков, набить их всяким хламом, а после, отдав швартовы, подняться на полверсты, сместившись к пустому полю. За нашим исследованием с немалым интересом наблюдали другие капитаны стоявших в порту кораблей. Выпихнув вместе с приданным мне на время матросом, привязанный к парашюту ящик, я вздохнул, держа пальцы крестиком. Прыгать первому опытный капитан запретил. И правильно сделал. Увы, первый, самый тонкий, материал оказался полностью негодным. Порвавшись еще в воздухе, парашют превратился в кусок летящей за ящиком тряпки. Сам ящик стремительно упал на землю и там разбился. Второй опыт с парашютом оказался более удачным. Ящик добрался до земли, но скорость спуска была все же высока, и он тоже разбился о землю. Третий вариант парашюта был самым удачным. Снова выпихнув уже третий ящик с палубы, через несколько мгновений я обрадовался. Самоспасатель удачно раскрылся от потока набегающего воздуха и ящик, спускаясь, плавно полетел вниз.

— Юнга, а ежели надену я с ребятами этот самоспасатель. А он не раскроется. То что? Смотрю на него и думаю. Дурак, что-ли. Или придуривается. Шутник, блин. Отвечаю:

— Тогда, матрос, ты точно прилетишь вниз первым.

Тот, представив себе картину, только сглотнул и на это быстро перекрестился.

Капитан, отдав команде приказ швартоваться обратно к кнехту, смотрел за спускающимся ящиком в подзорную трубу. Когда принайтовились, ящик уж давно был на земле. К нему уж на паромobile подъезжали более расторопные капитаны из числа тех, что следили на земле. Вскоре к ним подошли и мы.

— Можно вас поздравить, Василий Палыч, с удачным опытом?! Ящик благополучно

доставлен на твердую землю.

— Можно, но только не меня, а вот этого молодого человека. Это его задумка, я ж только помогал деньгами.

Капитаны с интересом воззрились на молодого юнгу и начали поздравлять:

— Поздравляю. Bravo! Хороша задумка!

— Неужто не сомневались? А, Василий Палыч?

— Сомневался, но. Уж больно самому хотелось знать, чем закончится эта затея.

— Так теперь нужно новый опыт производить?

— Какой еще опыт? — не понял капитан.

— Дык найти желающего с воздушной спрыгнуть, ха-ха-ха!

— Штаны ему заодно сухие не забудьте выдать? Ха-ха-ха!

— Да есть тут у меня один! — и так многозначительно смотрит на меня. Только уголки губ подрагивают в усмешке. Собеседники капитана, поняв, кого он имеет в виду, громогласно расхохотались снова.

За что мне это?

Летим по пустыне Курсукова второй день. Вокруг никого и предательская тишина. Ну как никого, совсем мелкие дирижабли вроде маленьких почтовых мы в расчет не брали. И вообще в последнее время никакой военной активности катайцев, словно и не было вовсе никакой войны. Под нами барханы наносного песка вперемешку с землей, по которым сухой ветер гоняет одинокие ветки.

— Капитан-лейтенант, по левому борту вижу два дирижабля!

— Чей вымпел?

— Наши, капитан-лейтенант!

Через некоторое время, когда дирижабли приблизились, Семен Семенович снова всмотрелся в подзорную трубу:

— А-а-а! Точно! “Паллада” Поповского и “Ника” Сергиевского! Юнга, а ну дуй наверх! Отсемафорь-ка им флагом. Дай им связку: Вызов — Вопрос — Что случилось.

— Есть капитан-лейтенант.

Бегу наверх. Эти флаги меня когда-нибудь точно доконают. Когда же тут радио-то придумают. Ну или что-нибудь магическое. А то заставил меня боцман не так давно флаги изучать. Да-да, именно флаги, а не фляги. Заучивал тут книжечку “Правила сигналопроизводства на военных дирижаблях” до поздней ночи несколько дней подряд. Ну и боцман матросов, свободных от вахты, подрядил экзамены у меня каждый день принимать. Сядут напротив, вытащат флаг и с ехидненькой такой пакостной ухмылочкой требуют ответа. Мол, ну-ка ну-ка. Через дватый флаг у самого в глазах рябит и мозги набекрень, а они только знай пакостят. Одни и те же флаги повторяют. Ну подкальывают так. А к концу мучений так снисходительно тебе говорят, ну ничего мол, назавтра уж точно сдашь. А назавтра тоже самое. Зар-разы!

— Семен Семенович, отсемафорил!

— Вижу. Они уж ответ дали. Сейчас мы им, Сергей, свое согласие дадим и будем ждать — и опустившись к переговорной трубе

— Канонир! Сигнальный трассирующий из паропушки по левому борту! Пли!

Через еще полчаса три дирижабля — наш “Новик” и какие-то знакомые капитан-лейтенанту “Ника” с “Палладой” остановились неподалеку друг от друга. С обоих

прибывших дирижаблей вскоре спустили малые однотрубные дирижабли. Вскоре малые корабли с гостями подлетели к Новику. Ошвартовавшись, на малые дирижабли наши матросы перекинули широкие мостки на их гондолы. Василий Палыч вместе с Семен Семеновичем и выстроенной на деке, свободной от вахты, командой встречали прибывших гостей.

— Есть у меня пренеприятнейшее подозрение, мой дорогой Василий Палыч, что воздухоплавательная активность катаяского флота, несколько спавшая по всему театру военных действий в последнее время, явно неспроста.

— Есть мысли, Виталий Андрейч?!

— Есть. Думаю, готовят наши вражины ни много ни мало очередное большое наступление на каком-то участке фронта. Вот и стягивают все дирижабли в кулак. Надобно ждать прорыва с выходом на оперативный простор. А потом и их сухопутные подтянутся.

— Знаешь, я соглашусь, пожалуй. Мелькала и у меня такая мысль, Виталий Андреевич. Только как думаете, где катаяцы ударят?

Оба капитана с помощниками подошли к большой карте Гран-Тартарии, висевшей на мостике.

— Думаю вот в этом районе. — Капитан показал на карте большой участок: — И знаете, в своем отчете я отписал о своих опасениях адмиралу.

— И что наш адмирал?!

— А то адмирал! Телеграфировал на это, что надобно держать оборону имеющими силами. Боятся без флота остаться на случай, если катаяцам агличане с австро-венграми помогут. Отписали нам, что свободных судов нет и хорошего вам настроения. И добавили, вот ежели прорвут нас эти гады, тогда и вышлет на помощь из резерва вторую императорскую.

— Так она ж в столице. Пока телеграф дойдет, пока сбор экипажей, пока до нас дойдут. Катаяцы уж на пол-Тартарии свой десант высадят.

— Ну не на полгосударства, это вы тут, право, загнули. Но, Василий Палыч, тут вы правы.

Собеседник продолжал:

— А что с нами будет?! Если они действительно вдарят в нашем квадрате, нам явно не поздоровится. Тут же на многие версты вокруг нет никого, кроме нас. “Чичагов” и “Спиридов” ушли на переформирование, потому что потрепали их катаяцы сильно в начале войны. “Грейг” с “Лазаревым” в Кайгороде встали на текущий ремонт, потому что несли вахту до нас. “Жемчуг” на нихонскую границу пошел, нихонцев встречать. “Орел” поврежден не сильно, но толку с него, как с козла молока. Пока еще рули со столицы пришлют. Можно пойти в Калмацию, наших “Славу” и “Ослябю” догнать. Можем забрать из Кайгорода мелочь пузатую, но на этом решительно все. Я готов выполнить приказ адмирала, пусть я с оным и не согласен. Но мы же втроем их тут не удержим. Чем катаяцев сдерживать будем, а, господа офицеры? — задал риторический вопрос Виталий Андреевичу

Лица стоявших заметно погрустнели и Василий Палыч, чтобы сгладить напряжение, витавшее в воздухе, от сложившейся ситуации, предложил офицерам и по совместительству старым товарищам по воздухоплавательной школе выпить коньяку за неожиданную встречу.

Сегодня Ильгизар Матвеевич, наш боцман, отправил меня в пародвижительный, ребятам там помочь. Сходил, ага.

— Эй, Сергей, ты живой?! Юнга, очнись! Очнись, кому грю! — кто-то сильно бил ладонями по моим щекам.

Взглянув на бьющего меня матроса, откровенно непонимающим взглядом, пытаюсь очнуться. Вокруг меня толпились матросы, некоторые сидели на корточках, смотрели на меня и что-то говорили. Говорили они ну ка-а-кто ме-е-е-дле-нно, а голова кружилась.

Что это было. Не помню. Память возвращалась ко мне медленно.

Помню, что боцман зачем-то отправил меня в пародвижительный. Помню, как дошёл туда. Помню, как ребята отправили за чем-то. За чем? А-а, в соседний отсек, что-то там взять. Точно! Помню, как иду туда. Но постой, а зачем я туда пошел? Ребята же говорили мне другое. Точно, я пошел не туда. А почему пошел? Голос. Меня привлёк шепчущий голос. Он шел оттуда, из глубины. Из глубины этого отсека. Да! Я подошел и открыл дверь. Голос усилился. Я вошел вовнутрь. Посредине тёмной комнаты, на постаменте, в креплениях лежал камень, сделанный в форме правильной четырехугольной призмы. Он светился голубым свечением, и я буду не я, если доносящийся до меня голос не шел оттуда. Я подошел к постаменту и немного полюбовавшись, коснулся его правой рукой. Последнее, что запомнил, это шарик с разрядом голубой энергии, который влился мне в руку. Больше ничего не помню.

Кто-то задавал вопросы, но я как-будто не слышал никого. Как оказался в коридоре? Не помню. Что я тут делаю? Не знаю. Кто-то меня сюда отправил, наверное.

Прибежал боцман. Потряс и покрутил парня. убедившись в отсутствии видимых травм, принялся орать:

— Юнга, с ума сошел? Зачем туда поперся? Убить же вконец могло. Инструкции для кого писаны?! И на двери писано, для одаренных, без защиты не входить!

Лекарь тоже осмотрел пришибленного юнгу и не нашёл никаких физических повреждений, кроме легкой амнезии. Наказав боцмана временно освободить пострадавшего от всех физических работ, отправил меня с сопровождающим в свою каморку. Отлеживаться. А ещё через сутки, отлежавшись, я носился по всему дирижаблю, напрочь позабыв случившееся.

Нет, была одна странность. Когда я смотрел на руки, то видел какие-то сгустки в районе ладоней. Думал, что-то у меня со зрением. Протирал глаза, промаргивался — сгустки исчезали, чтобы через некоторое время появиться вновь. Надо как-нибудь зайти к врачу. За делами не успел.

После встречи капитанов прошло еще два дня. День выдался ясный. В небе ни облачка. Наши дирижабли неспешно крейсировали вдоль линии невидимого воздушного фронта, перемещаясь из квадрата в квадрат. Вдаль видно все было прекрасно и идиллия этого прекрасного дня после обеда внезапно испортилась:

— Капитан, по правому борту вижу дирижабли. Много дирижаблей! Вымпел катайский!

— Команда! Готовность один. Неприятель на горизонте! — А следом ко мне:

— Спокойней, юнга! Сколько насчитал?

— Считаю! Один-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять-одиннадцать-двенадцать. Капитан, двенадцать дирижаблей! Они нас увидели и меняют курс.

— Не торопись, юнга! Читай бортовые названья.

— Капитан, я ихние иероглифы не понимаю. Как мне их читать? Я ж только на нихонском могу, а не на катайском.

— Спокойно, давай смотри хвостовые нумера. Вот возьми мой справочник и в бумагу пиши названия.

Смотрю в подзорную трубу и быстро записываю номера в столбик. Помощник капитана, сверяясь с открытым на нужной странице справочником, рядом вписывает названия вражеских дирижаблей. Хорошо у них тут разведка работает. Война только-только началась, а уж названия и технические характеристики флотские давно знают.

— Капитан, названия готовы!

— Читайте.

— Ударный дирижабль китайского воздухоплавательного флота Динь-Юань, удар...

— Короче давай, не на параде... — поморщился Василий Палыч.

— дирижабли Чжень-Юань, Лай-Юйань, Цзинь-Юань, Чин — Юань, Пин Юн, Ча Юнг, Канг Пин... и флагман эскадры большой дирижабль Янг Вэй

— Понятно... Василий Палыч — это вмешался капитан-лейтенант: — Ударные, десантные, воздушный миностановщик и адмиральский...

— Уж понял. Хунаньская эскадра. Адмирал Ван Шикай. Не успели мы наших собрать. Придется ведь тут воевать, Семен Семенович. Пропускать их ну никак нельзя.

Капитан замолчал ненадолго, с тем, чтобы, приняв решение, отправить меня на левый борт, сигнальными флагами сообщить рядом висящим нашим соседям о приближающемся неприятеле.

Флагман “Янг Вэй”. В красивую, роскошно отделанную, каюту адмирала и по совместительству новому недавно назначенному наместнику Калмацкой провинции Ван Шикаю, сдвинув двери с цветочным рисунком, вошел капитан дирижабля. Окинув взгляд на игравших на тахте девушек, он взглянул на сидящего рядом с ними нового адмирала. Тот негромко, но с грубостью в голосе, шикнул на них.

— Хуафэй, лифэй, вон.

— Да, господин. — невысокие девушки изящно поднялись и быстро засеменяли в смежную комнату.

— Мой адмирал — в церемониальном поклоне склонился офицер: — на горизонте обнаружены дирижабли тартарского флота адмирала Сежавина. Корабли опознаны как ударные дирижабли “Новик”, “Ника” и “Паллада” новой постройки. Скоростные, восьмипушечные, с энергомагическими накопителями. Думаю, они нас заметили.

— Это не стоило моего внимания. Впрочем, эскадре стоп. Распорядитесь немедленно направить этим собакам предложение о сдаче. К склонившим головы меч императора милостив.

— Мой адмирал, позвольте заметить. Не стоит сразу недооценивать нашего врага. Они вряд ли сразу сдадутся. Лучше атаковать сразу, пока они не готовы.

— Я верю в силу и опыт нашего флота, у нас больше пушек, капитан.

— Врагов мало, адмирал, но это опасные акулы.

— Дерзим?! Смеешь возводить хулу на воздушный меч Императора. Свободы у мериканцев набрался? Палок захотел? — снова зашипел мужчина.

— Нет, мой адмирал — произнес мужчина, пятясь назад в поклоне.

Вскоре спущенные малые дирижабли соседей были ошвартованы к левому борту ‘Новика’, а уже знакомые капитаны на мостике согласовывали с нашим капитаном план

дальнейших действий.

— Быстро ж вы, однако, друзья!

— Только для Вас, Василий Палыч! Не каждый день совет офицеров собираем. Что нового?

— Да вот! Катайцы остановились. Выстроились в линию для начала атаки. А с флага адмиральского 'Янг Вэй' семафорят флажками нам уж с полчаса.

— И чего-то катайцы хотят?

— Знамо дело, что! Предлагают нам сдаться, Виталий Андреевич. От имени адмирала Ван Шикая обещают оставить всем флотским офицерам личное холодное оружие и обмундирование. Ну и приличные условия в плену. Но только офицерам. Про команду — молчок. В противном случае, гряд, вынуждены будут атаковать.

— Да врут небось, поганцы. Соврут — недорого возьмут, Василий Павлович.

После увиденных мною разрушений в Карагаиси, Кафания-орде и Кинросе. А какова судьба арестованных в приграничных конфликтах еще до этой войны команд нет, так никто и не знает. Нет у меня к ним ну никакого доверия.

— Вот и я также думаю, мой друг.

— Ну и еще чего?

— Ну как. Хотят, чтобы к осьмнадцати часам вымпелы с гюйса наших дирижаблей были сняты, вывешен белый вымпел о сдаче, а команды сдались и перешли на их дирижабли. Каково, а?!

— М-да, берут нахрапом.

— Ну и что думаем, господа?

— А что тут думать? Сдать без боя новый дирижабль врагу? У меня сердце кровью обливается. В моем роду предателей отродясь не было и не будет. Надобно принимать бой.

— Василь Палыч, Вы?

— Я тоже за то, чтобы врезать им хорошенько!

— Игнат Михайлович?

— Буду драться! Без разговоров!

— Хорошо, господа. Решение на совете нами принято единогласно. Давайте решим, как навязать бой катайцам на наших условиях. Ежели помирать, так с музыкой. Времени на раздумья у нас немного.

Через некоторое время на мостике 'Новика' разгорелись дебаты:

— Не-не-нет, ни в коем случае! Игнат Михайлович, ваш вариант весьма для противника очевиден. Противник от нас только этого и ждет, когда мы выстроимся в оборонительную позицию. Это позволит им реализовать свое значительное преимущество. В таком случае мы бой сдаем катайцам еще пред его началом. Я против, Игнат Михайлович.

— А что тут можно предложить? В условиях четырехкратного превосходства противника? В наших стратегиях такого не писано.

— Предлагаю противопоставить нашему противнику наступательное маневрирование всеми нашими кораблями с выполнением стрельбы по плану. И с выгодного нам курса. Вспомните наши маневры во флотской школе. Там мы играли и такой вариант.

— Ха-а, это ж когда мы условного противника гоняли по всему полигону? За него тогда молодой Шуйский был?! Ха-ха, да, приятно вспомнить.

— Вот-вот. Энтот способ был бы тут к месту.

— Значит делаем так...

— Мой адмирал! — вошедший, уже знакомый нам, капитан в почтении поклонился.

Мужчина, уже одетый в парадный церемониальный костюм, держа в руках парадный меч цзянь, медленно повернулся и кивнул вошедшему.

— Тартарские корабли сдаются?

— Нет, мой адмирал. Они не приняли предложение о сдаче и отправили сообщение: ‘Мы принимаем бой. Идем на вы.’

Адмирал, ничего не ответив, подошел к восточной статуэтке с дымящими благовониями и склонился перед ней. Закончив, он с мрачным лицом, зло и резко шипя, произнес:

— Сегодня хороший враг. Тем хуже для них.

Сказав эти слова, Ван Шикай вместе с капитаном дирижабля стремительно вышел на уличную палубу на мостике “Янг Вэя”. Там, вскинув подозрительные трубы и наведя их на будущего противника, оба принялись рассматривать его. В тот самый миг на головном, также на уличной палубе, в подозрительную трубу на него смотрел капитан тартарского дирижабля, одетый в белую парадную форму капитана имперского воздухоплавательного флота. рядом с ним стоял молодой юноша-матрос, одетый в форму юнги имперского флота. Посчитав, что он достаточно разглядел своего противника, адмирал Ван сложил трубу и отдал капитану ‘Янг Вэя’ короткий приказ: — Последнее предупреждение о сдаче! Пли!

В этот момент Шикай уже не видел, как юнга сжал руки в локтях, скрестил их и показал жест, в простонародье обозначаемый, как “хрен тебе”.

Вдалеке забабахали пушки:

— Василий Палыч, всё. Началось! Сначала пристрелку с ‘Янг Вэя’ начнут, вона зажигательными по нам пальнули. А после ихние помельче подхватят.

— Семен Семеныч, давай согласно плану. С Богом! Вперед!

— Юнга, лети! Семафорь нашим! Вперед!

Выскочив на уличную часть мостика дирижабля, я просигналил нужным флагом соседям. Дежурные матросы на их кораблях ответили.

— Капитан, они приняли!

Капитан обратился ко мне снова:

— Юнга, снеси этот листок телеграфисту. Пусть быстро направляет под красным в адмиралтейство на имя адмирала и императора.

— Есть, капитан.

Надо сказать, что телеграфист по-первости за мой демарш с сообщением о войне на меня дулся. Как же. Только оставил свой пост и на тебе. Какой-то юнга-щегол обошел на повороте. Но когда я намекнул ему подумать своей головой, где же он был в тот час и что я просто спасал его этим делом. А еще и как это со стороны будет выглядеть, если он хоть как-то заикнется об этом команде. Обиду телеграфиста враз отпустило, и он, после недолгого смущения, заржал. Отношения были налажены. Показал он, как пользоваться своей телеграфной крошкой, никуда не делся. Ничего такого сложного в ней, для юзавшего куда более сложные гаджеты, не оказалось. Всяко легче пушки.

В тексте сообщения было:

Гриф “Красный”.

Его Императорскому Величеству.

Верховному главнокомандующему.

Адмиралу Сежавину.

Адмиралтейство.

Сего дня хунаньская эскадра китайской империи под командованием адмирала Ван Шикая в количестве 12 вымпелов предприняла попытку прорыва воздушного фронта со стороны Калмацкой провинции в квадрате 210 (общеемп. к.). Суда опознаны как ДУ “Динь-Юань”, ДУ ” Чжень-Юань”, ДУ ” Лай-Юйань”, ДУ ” Цзинь-Юань”, ДУ ” Чин — Юань”, Т “Пин Юн”, ТД ” Канг Пин”, ДД “Яо Ван”, ДД “Ухань”, ДД “Аньхой”, МД ” Чао Юнг”, УД ” Янг Вэй”. От имени китайского адмирала поступило предложение о сдаче наших дирижаблей и команд в плен. По решению совета офицеров и согласно Уставу воздухоплавательного флота, мы, капитан эскадренного ударного дирижабля ЭУД ‘Новик’ Отяев В.П, капитан ЭУД ‘Ника’ Сергиевский В.А., капитан ЭУД ‘Паллада’ Поповский И.И приняли совместное решение отказать врагу в сдаче оружия, навязать маневренный интенсивный бой превосходящим нам силам китайского флота и сражаться с ним до последней капли крови. С нами Бог! Да здравствует Государь ИМПЕРАТОР, да здравствует Гранд-Тартария!

Подписал Капитан ЭУД “Новик” князь Отяев Василий Павлович.

Капитан ЭУД “Ника” Сергиевский Виталий Андреевич

Капитан ЭУД “Паллада” Поповский Игнат Михайлович

Отдав, взволнованному такими делами, мающемуся в одиночестве, телеграфисту листок со срочным наказом капитана о немедленной отправке, лечу обратно. Повстречавшиеся мне матросы были спокойны и по-деловому собранны. Некоторые даже подбадривали друг друга скабрёзными шутками. Словно не было той ситуации, когда капитан, построив на палубе всю команду, рассказал о принятом советом офицеров решении не дать врагу пройти на занятом ими участке воздушного фронта. Матросы, посоветовавшись, дали положительную оценку действиям офицеров и на то свое согласие, пожелав только в случае, ежели баталия станет вконец безнадежной, сделать все же попытку прорыва. А в случае, ежели все члены команды полягут, взорвать дирижабль, пустив вовнутрь энергию магического накопителя.

— Михаил Георгиевич, а не напомните Вы мне, чем закончилась та история с фабрикой? Ну той, где магические жезлы нашли, неизвестной модели. Ну вы же должны это помнить?!

Его Величество, дабы вспомнить, даже сделал два щелчка пальцами в помещении.

— Фабрика мельхиоровых изделий “Юсифь Фрутте” в Варшаве?

— Кажется да, это она.

— Ах эта фабрика. Ваше величество, досмотр проведенный полицией и службой контрразведки дал поразительный результат. Металл, использованный для магического оружия, делали там же, в Варшаве. Есть у них один аглицкий изобретатель по штату, Бреарль его фамилия. Так вот он и придумал, как сделать сей металл, использованный в жезлах.

— А что там с силой? Возможности жезлов проверены?!

— Да, государь. Проведенный полевым магоинспектором предварительный анализ магических повреждений почвы на месте покушения подтвержден практическими испытаниями на полигоне. Оружье это это мощное и крайне пакостное для нас. Идеальное оружие бомбиста. Незаметное, компактное, большой пробивающей и термической силы, но одноразового действия. Разрядил, сделал черное дело и бросил. Впрочем, камни можно зарядить повторно.

— А сами камни откуда?

— А с камнями, впрочем, темная история. Мои люди предполагают, что камни доставлялись из-за кордону контрабандой из китайской империи. Все косвенные факты указывают на это. И еще. По сообщению задержанного изобретателя металла было сделано куда больше, чем нами конфисковано на складе фабрики в в Старо-Петерсборге. Считаем, что на данный момент китайское подполье раскрыто не полностью и пока есть опасность...

Его Величество вскипел:

— Вот жуки навозные! Но, Михаил Георгиевич! До начала войны вы гарантировали, что каналы с Катая перекрыты все и обещали мне, что контрабандой даже мышь через границу не проскочит. Из-за ваших опасений мне теперь носу из дворца не казать?

— Да, Ваше величество, верно. Обещал. Но сдаётся мне, что в данной истории замешана одна из высоких княжеских фамилий. Какая, еще предстоит выяснить. Покуда отработываем все цепочки. И я настоятельно прошу побережесь. От внезапного нападения уличных бомбистов охране сложно защищаться...

— Как же с вами сложно. Устал. Все отработываете-отработываете, а итогов нет. Работать лучше надо.

— Будем стараться, ваше Величество.

— Вижу я ваши старания...

Воздушная баталия с китайской эскадрой. Первая фаза боя

— Мой адмирал. Тартарцы окончательно отказали нам в сдаче. Последний предупредительный они проигнорировали. Никаких сигналов с их стороны не было.

— Тем хуже для них. Пусть познают враги ярость острого Нефритового клинка Цзю-Тянь-Чжень-вана (Подлинного Царя Девяти Небес). Атака!

Услышав и увидев первые трассирующие выстрелы паропушек с “Янг Вэя”, обозначающие первые попытки пристрелки по нашим судам, наш капитан, согласно совета офицеров, принявший командование всеми судами, дал общий приказ начать активное маневрирование в воздухе. Следом, тут капитан оказался прав, вскоре начали пристрелочную пальбу и остальные воздушные суда эскадры.

Тут нужно сказать пару слов об активном маневрировании. Дирижабль это даже не паромобиль. И даже не яхта. Дура огромная. Поэтому активное маневрирование дирижабля в реальности с учетом неизбежного запаздывания действий после поворота рулей и штурвала, часто выглядело плавными подъемами, спусками и поворотами. Вдобавок зависевшее от силы или сопротивления встречного, бокового и попутного воздушных потоков.

Три дирижабля, двигаясь параллельным курсом, довольно быстро набрав скорость, словно три хищные рыбины, стремительно плыли в воздухе, натужно чихая и выпуская из всех своих труб клубы пара. Грохот вражеских паропушек усиливал какофонию звуков. Задумав атаковать голову китайской эскадры и заранее выбрав наиболее сильное в голове эскадры судно, на всех трех серых дирижаблях правые борта оцетинились пушками, выдвинутыми в боевое положение. Опытные канониры были давно готовы к стрельбе, в ходе раздумий о сдаче натаскав в казематы достаточно укладок выстрелов. Первым был помечен целью дирижабль “Лай-Юйань”.

Способ воздушного боя, который предложил капитан своим товарищам был прост. Намечалась цель, по которой, активно маневрируя, должны были бить все дирижабли.

Первый сигнально-трассирующий выстрел дирижабль делал для пристрелки по будущей цели с заведомым промахом и с весьма большой дистанции. Наружная оболочка выстрела, после вылета из ствола загоралась от трения в воздухе, оставляя за собой видимый дымный след белого цвета. Это позволяло пушкарям на не очень больших дистанциях боевого соприкосновения видеть полет выстрела и корректировать свою пальбу. После чего такие же выстрелы в тот же квадрат должны были выполнить смежные с нами дирижабли. Из-за высокой плотности стрельбы на выбранном участке получалось сплошное накрытие цели. Далее, отряд, словно стая акул, почувывших жертву, быстро лавируя, должен был подойти к намеченной цели и накрыть ее выстрелами, по возможности сразу же выводя ее из боя.

Тем временем выстроившиеся и висящие в воздухе, как на параде, вражеские дирижабли, паля на упреждение, пытались пристреляться по движущимся дирижаблям. Благодаря широкому сектору обстрела, заданному катаяцами, их стратегия вполне могла бы им удалась, если бы не высокая скорость перемещения тартарских дирижаблей в сочетании с активными маневрами, что мешало расчетам катаяских канониров.

— Плутонговые по правому борту! На Лай-Юйань цель наводи! Сигнально-трассирующим броневойным! Пли! Броневойные товсь!

Михалыч, закрыв затвор, нежно погладил ствол паропушки:

— Ну давай, родимая, не подведи сегодня... — и дернул веревочный шнур. Паровое орудие бахнуло и каземат моментально окутало шипящим горячим паром.

— Семеныч, дирижабль поймана! Новый броневойный давай!

— Попали-и! С первого разу попали-и! Прямо по мостику-у! Еще! Плутонговые, бей! По Лай-Юйаню! Добавь на мостки огневые! Подождем желтым задницы! Еще бей! Еще!

Назначенный первым на смерть, ДУ “Лай-Юйань”, разом получив тройной шквал попаданий, в первые же минуты боя вышел из сражения, полностью прекратив стрельбу. От удачных попаданий повредились пародвижительные машины и котлы. Заливая внутренние помещения, они обваривали команду дирижабля горячим паром. На нижней палубе от попаданий огневых выстрелов разгорались первые языки огня.

— Пушкари! Первый катаец готов! Благодарю за службу!

Выведя из строя первый дирижабль, троица ‘акул’, не снижая скорости, двинулась дальше с тем, чтобы вскоре выполнить синхронный разворотный маневр. Флажковым сообщением капитаны сообща назначили новую жертву. Им стал ДУ ‘Чин-Юань’. Тем временем среди противников царил суесть. Матросы рядом стоящих судов обменивались флажковыми сообщениями. Адмирал Шикай, на глазах которого тартарцами за считанные минуты был выведен из строя ударный дирижабль, спешно пытался поменять навязанную ему врагами стратегию боя.

— Плутонги по левому борту! Товсь! По второму в голове! По Чин-Юаню наводи! Трассирующим броневойным! Пли! Следующий — броневойным! Пли! Еще! Пли!

Вторая атака вышла хуже, не так удачно, как первая, потому что команда ‘Чин юаня’ до гибели сумела нанести хоть какое-то противодействие. Преодолев заслон из катаяских выстрелов, наша троица вышла в зону уверенного поражения противника. Когда настало время, нашими выстрелами на катаяском дирижабле была снесена паровая труба и напрочь перебиты рули управления, следом замолкло среднее орудие по левому борту. Из сквозных отверстий вскоре начали выбиваться струйки пара, видимо с поврежденного котла. Но остальные орудия в казематах дирижабля еще отвечали и до распространения пара по борту сумели-таки сделать по паре-тройке выстрелов, нанеся удаляющимся ‘Палладе’ и ‘Нике’

незначительные повреждения. На этой ноте закончилась жизнь дирижабля 'Чин-Юань' Но на этом наше везение закончилось.

Адмирал, своим видом выражая презрение случайной гибели, стоя на верхнем открытом мостике, от повторной удачной атаки тартарцев потеряв уже второе судно, совершенно рассвирепел. Громко шипя на всех офицеров на мостике, он таки сумел довести до командиров рядом висящих дирижаблей смену планов и запустить машины, начав движение. Отказ от толкового совета капитана 'Янг Вэя' и парение в воздухе в ожидании ответа тартарцев дались ему глупой гибелью двух дирижаблей. Китайская эскадра, ложась на новый курс, параллельно, с перелетом, просекнув и копируя стратегию тартарцев, пыталась устроить стену огня удирающим от них дирижаблям. И им это удалось.

— Капитан! Попадание по левому борту! Плутонговый командир, мичман Кареев убит наповал! Осколком голову отсекло! Легко ранен матрос Фокин, таперича на перевязке у лекаря в фельдшерской. Горит рундук на средней палубе, но сейчас потушим. Третье орудие заклинило, но пушкари грят, быстро сделают. Еще случайным попаданием в первом каземате укладку повалило, но это яйца выеденного не стоит. Там канониры простым испугом отделались.

ЭУД 'Паллада', двигавшейся позади всех, досталось поболее:

— Игнат Михайлович! Прямые попадания повредили слегка несколько паропроводов и вторую выхлопную трубу. Горячий пар идет в отсеки. Матросы с пародвигательного думают, что можно сделать, но для полевого ремонта надобно сбрасывать скорость дирижабля до нуля. Иначе сможем выдать только часть от максимума. И недолго. Еще разбито орудие во четвертом каземате. Убиты канониры Силантьев и Елисеич. Тяжело ранен заряжающий Евсеев. В нескольких местах погнуты переборки. Их только в мастерских в порту выправить получится. Задеты рули управления. С трудом, но возможность управлять пока есть.

Капитан Поповский, нахмурившись после услышанного, отдал приказ рядом стоящим помощникам:

— Матрос, шуруй на деку! Посигналь нашим. 'Поврежден. Выполнять задачи в полной мере не можем. Уходите.'

Обращаясь к второму помощнику, капитан резко сказал, как отрезал:

— Передай в пародвигательный! Сбросить скорость до трети от максимума! Слезно проси их, пусть думают, как сделать ремонт в движении. Хоть заплатку на паропроводы наматывают, но ход дирижаблю мне обеспечат! Иначе сразу в гроб ложись. С дистанции эти желтые собаки запуляют. Ежели сделают, мы еще побарахтаемся!

Тем временем на верхнем мостике 'Новика', капитан, получив новое сообщение от Поповского, глухо и цветасто выругавшись, начал распоряжаться:

— Юнга, лети к телеграфисту. Красным в адмиралтейство. Ведем бой с катаяцами. Выведены из строя ДУ 'Лай-Юйань' и ДУ 'Чин-Юань'. ЭУД 'Новик' и 'Ника' имеют легкие повреждения. ЭУД 'Паллада' повреждена и вышла из боя.

— Матрос! Сигналь 'Палладе'. Мы уходим. Держитесь, братцы.

— Рулевой, один протяжный гудок! И три коротких следом!

Через несколько мгновений раздавшийся из паровых труб натужный громовой рев, похожий на то, как трубит слон, парового судового ревуна оглушили юнгу. Некоторое время юноша тряс и бил себя по ушам, пытаясь восстановить свой слух. Восстановив, как ему показалось, слух, Сергей ринулся к телеграфной, периодически балансируя в проходах и

коридорах от периодических маневров судна и воздушных ям. Войдя в комнатку, юнга застал телеграфиста за работой, принимающего новое сообщение.

— Чего? С адмиралтейства? /

— Ага! Просят держаться! Говорят, помощь близка.

— Тю-ю. Когда она еще будет. Бой же он вот он, а они черти где. Это они нас успокаивают.

— Молчи ты. И так тошно. Ты бы лучше грил, как оно там вокруг.

— Да как. Двум катаяцам как врезали под дых, так они сразу и сдулись. И в отместку катаяцы нам заодно навесили плюх. ‘Новику’ с ‘Никой’ — еще ерунда, а вот ‘Палладе’ сильно досталось. Бросаем ее. Тормозит она капитанскую стратегию. Давай, капитан просил вот это срочно отправить.

Повернувшись, юноша хотел уж дернуть ручку двери, как голос телеграфиста заставил его остановиться:

— Послушай, Сергей.

— Чего тебе?

— Сон мне плохой сегодня снился. Чувствую, сегодня тута мой последний полет. Ежели что, помнишь, как тута я учил?

— Не дури, дятел, еще не раз тут посидим, покалякаем. Не выдумывай себе.

И юнга, захватив только поступившее новое сообщение капитану, резво вышел за дверь.

Уходя от ‘Паллады’, Василий Павлович решили стратегию не менять. Единственное, капитаны теперь решили попробовать на зуб флагмана эскадры. Вскоре, уйдя подальше и взяв более высокий эшелон полета, синхронным маневром оба дирижабля принялись выполнять маневр разворота.

Сверху прекрасно виднелась активно пыхтящая паром плывущая в небе катаяская эскадра, которая вслед за двойкой тартарцев тоже начала менять высоту. На фоне земли коричневые дирижаблы почти сливались с нею и проявлялись на фоне густой лесополосы. В стороне от всех к едва плетущейся по небу ‘Палладе’, каждый наискосок к корме, пристроились ДУ “Динь-Юань” и ДУ ” Чжень-Юань”, явно намеревающиеся взять того клещи. Капитан от осознания такой незамысловатой катаяской стратегии даже закричал невидимому ему Поповскому:

— Игнат Михайлович, да уходи ты! Смотри, сзади тебя! Сзади!

Но было поздно. Канониры катаяских дирижаблей уж начали прицельную стрельбу, взламывая бронебойными выстрелами броню нашей ‘Паллады’. Через некоторое время ее казематы даже начали было отвечать, но куда с меньшим ожесточением.

— Игнат Михайлович! Катаяцы пристроились сзади, на дистанции прицельной стрельбы.

— Где ж ты раньше был? Плутонги, быстро! По катаяцам бронебойным с хода пл...

Сильный удары попаданий сотрясли дирижабль. Тоскливо занули и больно заскрежетали переборки. Ветер донес на мостик капитана рваные клубы густого пара. Воздух вокруг наливался теплой влагой. Новые и новые попадания били по дирижаблю, превращая его бронированную обшивку в подобие рваной тряпки. От очередного попадания капитан не удержался и упал, больно ударившись рукой. Когда он сумел подняться, услышал редкую ответную пальбу своих паропушек. Вскоре в слуховой трубе засвистел свисток и послышался негромкий голос боцмана, усиленный эхом слуховой трубы:

— Капитан, разбиты пятый и кормовой казематы. Первый, второй и третий еще

огрызаются, но канониры везде сменены на вахтовых. Первые поранены и лежат с увечьями. Катаец шрапнельных в разрез окна бронещита ‘удачно’ закинул.

— А шестой?

— Туда не пройти. Разбита первая выхлопная труба, поврежден паровой котел. Давление в двигателе падает. Паром и горячей водой заливают пародвигательный отсек. Ребята там остались. Энергетический контур частично разорван, но еще держит. Ремонт в наших условиях более невозможен. Сколько мы еще продержимся, сложно сказать. Надобно садиться. Или решайте, капитан. Как пред боем обсуждали! Как слышите меня, капитан?

Ответа не последовало.

— Капитан? Вы слышите меня? Капитан?

— Слышу, боцман! Слышу! Плутонги, продолжать пальбу. Цели и выстрелы полностью на ваше усмотрение.

Сквозь сильный грохот, пальбу, шипение и тряску на мостике вскоре слышатся слова капитана:

— Рулевой, рули у нас еще работают?

— Тяжело, капитан, но еще работают.

— Плутонговые! Мы делаем разворот на 180 градусов. Будем использовать главное орудие. Покажем катаяцам напоследок, где у нас раки зимуют!

‘Паллада’, объятая паром, вытекающим из многочисленных пробоин и повреждений на обшивке, натужно скрипя из последних сил, делает медленный маневр поворота. Ее орудия продолжают пальбу прямой наводкой. УД “Динь-Юань” и ДУ ” Чжень-Юань”, не понимая этот маневр капитана погибающего дирижабля, уходят каждый в свою сторону, дабы не столкнуться с внезапно начавшим разворачиваться дирижаблем. Легли на параллельный курс и усилили свой обстрел. Встав ‘попендикулярно’ к ДУ “Чжень-Юань”, капитан дернул за рычаг энергомагического накопителя, пуская оный в действие.

Из носа дирижабля вырвался едва видимый в ясном небе равномерно гудящий лучевой поток голубой с золотыми блестками энергии. Поток воткнулся во вражеский дирижабль, кольцами разойдясь по всем сторонам его обшивки. Вначале ничего не было, а потом внезапно, словно ниоткуда, появившийся яркий свет, как небольшое солнце застыл в наших глазах, изнутри разрывая обшивку катаяского дирижабля на мелкие кусочки. Высвободившаяся от взрыва энергия сильно смяла носовую часть ‘Паллады’ и резко отбросила дирижабль на движущийся сзади ДУ “Динь-Юань”, развалив того пополам в зоне хвостовой части. Повторного сильного удара корпус ‘Паллады’ также не выдержал и взорвавшись изнутри, распался на несколько частей. Сами корпуса обоих кораблей, разом лишившись магической поддержки, еще висели на остатках энергии. Но остатки контура уже не справлялись с нагрузкой и под собственным весом разорванные части корпусов дирижаблей в рассеивающемся паровом облаке начали понемногу оседать на землю. Из разорванных частей корпусов вниз посыпалась куча мала из разнокалиберных ящиков, тряпок, выстрелов, мешков, воды из цистерн, вещей и тел погибших матросов.

Воздушная баталия с катаяской эскадрой. Вторая фаза боя.

— А-а-а-а-а! Игна-а-ат! Га-а-ды-ы! Сволочи!

Капитан резко, со всего размаху и явно больно стукнул кулаком несколько раз по крышке ящика, стоящему на мостике, вероятно физической болью пытаясь перебить гнев и горечь от случившейся только что потери друга.

— А-а-а! Соб-баки желтые! Что ж вам дома не сиделось! А-а-а!

Немного успокоившись и выпив воды, Василий Павлович начал медленно, словно цедя слова, и четко говорить:

— Юнга, беги на телеграф. Доклад. ЭУД ‘Паллада’ в ходе короткого боя пала смертью храбрых, уничтожив разрядом магонакопителя ДУ ” Чжень-Юань’ и отдачей таранив ДУ “Динь-Юань”. Считаю долгом доложить, что команда ЭУД ‘Паллада’ и ее капитан Поповский Игнат Михайлович с достоинством поддержали честь тартарского флага, исчерпали все средства к продолжению боя и героически погибли, защищая воздушные рубежи нашего государства. Подписал капитан ЭУД “Новик” князь Отяев Василий Павлович.

Мостик флагмана и просто красавца катаяского воздушного флота, двадцатипушечного дирижабля ‘Янг-Вэй’:

— Мой адмирал. Тартарцы вышли в другой эшелон и выполняют разворот. Предполагаем, будет встречный бой. Каковы будут ваши дальнейшие распоряжения.

Адмирал только шипел:

— Помесь подлых навозных собак. Больше не пускать их близко. Сменить эшелон, сблизить курс и вести интенсивный заградительный огонь по ним. Палить из всех орудий.

Я снова побежал в телеграфную, а капитан, отбросив горестные мысли, принялся следить за маневрами катаяских кораблей. Теперь все помыслы были только о флагмане катаяского флота, где сидел ненавистный ему, главный в эскадре, катаец. Адмирал Шикай. Василий Павлович напряженно думал. Правильно ли он выбрал тактику боя. Справится ли команда. Не подведут ли движители. Где-то рядом была столь нужная им с Сергиевским помощь. В голову капитана залезли предательские мысли любым способом продержаться до подхода наших, что выразилось в разговоре с капитан-лейтенантом:

— Семен Семенович, как думаешь. Стоит на наших надеяться?

— Думаю, не стоит. Нам бы сказали их местоположение. Скорее адмиралтейство само точно не знает. Подбадривает. Ежели рядом — да мы бы и сами увидели их.

— Да, я тоже склоняюсь к этому.

— Не думайте об этом. Давайте думать, как покрепче гадов боем связать.

— Знаешь, Семен Семенович, теперь уж жалею, что Сергея потащил за собой.

— Не кори себя, капитан. Ежели должно, оно обязательно случится. На все милость божья. Лучше посмотрите туда — Семен Семенович махнул рукой в нужном направлении.

Там катаяские дирижабли снова начали перестраиваться, быстро, четко, словно заученно, меняя свой строй на три линии в шахматном порядке.

Помощник капитан-лейтенанта на мостике, опустив подзорную трубу сообщил офицерам:

— Капитан, катаяские дирижабли перегруппировываются и одновременно меняют эшелон! Первая группа — ударные, вторая — десантные, третья — транспортники!

Капитан, ментально забыв о прошлом, в возбуждении тотчас же начал дуть в трубку и говоря прямо в раструб слуховой трубы, отдавать приказы:

— Движительный! Дайте мне ходу! Поддайте еще!

— Рулевой! Пикируем на катаяцев! Пробуй слева, мимо флагмана проскочить. Сквозь строй! Пусть сами от нас отворачивают! Понял! Рулевой, ты меня понял!

Матрос-рулевой на этот услышанный приказ только нервно кивнул и крепче сжал ручки штурвала.

— Флажковый! Сообщи ‘Нике’! Смена плана. Встречный бой. На всех парах идем сквозь катаяский строй без остановки. Левыми — атакуй флагмана. Правыми — десантные.

Услышав новый приказ, флажковый быстро отдал честь и побежал на палубу.

— Левые плутонги! Цель — бьем ” Цзинь-Юань’! Правые плутонги! Ваша цель — флагман! Канониры правых казематов! Отдам приказ палить, бьете бронебойными без остановки! Наводка на ваше усмотрение. Когда войдем с флагманом в клинч и в общую свалку, помните, все зависит от вас. Пушкари, бейте всех, до кого дотянетесь. Боцман! Кто из матросов свободен, пускай таскают выстрелы пушкарям. Плутонговый! Смену готовь!

Забабахали пушки китайских дирижаблей. Небо перед ‘Никой’ и ‘Новиком’ расчеркали красные дымные шлейфы пристрелочных выстрелов.

— Капитан, китайцы ведут плотный заградительный огонь!

— Движительный! Ходу! Дайте больше ходу!

— Дятел! От капитана новое сообщение! Срочное!

Телеграфист нервно ерзал на стуле.

— Сейчас все срочные! Давай сюда!

Внезапный сильный удар лишил ног опоры, отбросил юнгу к стенке, где сильно приложившись головой о металл, Сергей на время потерял сознание.

Очнулся. Сквозь звонкий шум в ушах слышу звуки продолжающегося боя, чувствую, как трясется дирижабль, слышу хлопки и треск хрустящих переборок. В глазах двоится. Хорошо ж меня опять приложило. Трясу и кручу сильно головой, пытаюсь восстановиться и понять, что же тут вообще произошло. В телеграфной зияла большая дыра, сквозь которую были видны плывущие мимо нас китайские дирижабли. Рукой наткнулся на что-то липкое. Кровь. Обернувшись, я увидел то кровавое месиво, что осталось от знакомого мне телеграфиста.

— Эх, дятел-дятел! А вещим ведь твой сон оказался. И даже имени твоего не знаю.

Поднявшись, взглядом коснулся стоящей на столике телеграфной машинки. Надо же, цела, еще работает. Память юнги подсказала нужный порядок действий. Сажусь за сломанный без спинки стул. Лицо мое обдувает набегающий из дыры в обшивке летний ветер с примесями гари и пара.

Быстро набрав и отправив в адмиралтейство последнее сообщение капитана, качаясь от плохой координации движений и держась за удобные выступающие места, я вышел из телеграфной. В коридоре был разгром из погнутых переборок и шипевшего пара. Так просто к мостику было не пройти и не пролезть. Через дыры в потолке виднелось чистое небо. Решив попробовать воспользоваться матросской лестницей и пройти на мостик через среднюю палубу, пошел дальше.

Спустившись на среднюю палубу, зашел в первый попавшийся каземат. Шестой. Слышу слова:

— Артиллеристо-ом я ро-одился...

Напевая песню, стрельбу вел лишь один раненый канонир, с перекошенным от боли лицом, периодически перехватывая и держа свою раненую руку. Защитный броневой щиток-ставень был отогнут, но позволял видеть врага напротив. Погибшая прислуга орудия и подачи, напарники пушкаря, лежали рядом.

— А-а-а! Юнга! Подь сюды! Поможешь мне! Знаю, палить умеешь. Тебя наш Михалыч натаскивал.

— Закрывай затвор! Юнга, теперь наводи! Совмещай мушку с целиком! Дай глянуть! Так! А таперича, дадим понюхать перцу нашего!

Орудие бахнуло, окатывая нас паром.

— Неси новый... Заряжай...Наводи рядышком...Дай глянуть...И-и-и н-на, катаец,

получай ишо!

Сделав несколько удачных совместных выстрелов, я потянулся за новыми болванками к разбитой дальней укладке в углу каземата. Наклонившись за новым выстрелом, меня от сильного удара вновь отбросило к стене. От сильного удара лицом о металлическую переборку защитили ляжки страховочного ремня, хотя и больно отозвавшиеся в моей поясице. В ушах слышу металлический стон. Обернувшись и одновременно поднимаясь, вижу вконец разбитое и вырванное из станка наше орудие, из пробитых трубок которого шипел пар, полностью снесенный попаданием броневой щиток и труп израненного канонира. Глядя на меня, он улыбался.

Закрыв глаза погибшему только что пушкарю, решил идти дальше. Дирижабль трясет от новых попаданий. Больше здесь мне делать нечего. Захожу в четвертый каземат. Оба канонира лежат мертвые. Эх, Михалыч-Михалыч. И ты сегодня полег. Не услышу я больше твои песни. С трудом поднимаюсь и качаясь, прислонившись к стенам, двигаюсь вперед, опираясь на стены. Захожу в соседний каземат. Тоже мертвые. В втором — двое канониров еще ведут огонь. С противоположной стороны все казематы мертвы. В крайнем огромная горящая дыра, через которую видны вражеские дирижабли. Некоторые из них красовались нанесенными пробоинами или горели. В матросской кают-компании лежат тела. Тяжело раненые и погибшие. Среди тел лежал фельдшер и тот приколист, что подкалывал меня в трюме, после чего иду прочь. Не громко шепча, попросил у него прощения за все нанесенные обиды. Зашел в свою каморку. Захватив из-под кровати свой сидор и недавно пошитый парашют, вновь иду дальше.

Двигаюсь наверх, на мостик к капитану. Окинув со средней палубы обшивку, только присвистнул. Везде сплошные дыры. Хорошо катайцы нас тут мочили. Гады. Иду на лестницу. Ахренеть. Половины лестницы просто нет. Вырвано с мясом. Чтобы залезть, закинул вначале мешки вверх. Подпрыгнув, удалось зацепиться руками за еще целые фрагменты поручня. Подтянувшись, удалось встать на еще целые ступени. Оставив лестницу с большой дырой в обшивке и ступенях позади себя, вышел на опаленный огнем мостик. Ветер с силой обдувал мое лицо, трепля волосы на голове, делая из них кавардак. Рядом висящая, наполовину объятая пламенем, 'Ника' еще отстреливалась, понемногу снижаясь к земле.

На верхней деке с носа разгром был не меньший, чем в хвосте. Явно катайцы сразу целились в управление. На разрушенном мостике повстречались трупы рулевого и Семен Семеныча. В углу на полу лежал тяжело раненый флажковый, нервно трясущий всеми руками и ногами. Капитана там не было, он нашелся позже в румпельном отделении, весь перевязанный. Я застал его за тем, что он поочередно вызывал отсеки дирижабля:

— Второй плутонговый, отвечайте! Вызываю второй!

— Пародвижительный, отвечайте! Пародвижительный!

Увидев меня, он улыбнулся.

— Живой пока! Молодец! Сергей, не видел, что там внизу творится? Ни с кем не могу связаться.

— Отстреливается второй, капитан.

— Странно. Связи с ними нет.

— Правда, капитан. Я только из шестого...перед тем ваше сообщение отправил. Телеграфист погиб.

— Жаль. Что еще?

— Много тяжелых раненых в кают-компании. На мостике встретил флажкового, рулевого и Семен Семеныча. Первый ранен, остальные...остальн... — тут юнга запнулся.

— Знаю! Не говори, все знаю. — сказав это, капитан замолчал. Но ненадолго, потому что следующими его словами был приказ:

— Так, Сергей! Юнга! Слушай мой приказ. Берешь свой самоспасатель. И мне с мостика заодно принесешь. Берешь свои манатки и отсель прыгаешь. Ты понял?!

Сергей, зло сжав губы, процедил:

— Василий Палыч, я один отсюда не уйду!

Капитан вначале принялся уговаривать его, как маленького:

— Сергей, ну ты же видишь, дирижабль боле не боец. Нам не выстоять против катайцев.

В этот момент дирижабль сотрясло очередное попадание и последнее орудие замолкло. Капитан стукнул по стенке и медленно продолжил:

— Пушки, почитай, разбиты, команда полегла или ранена. Пародвижительный молчит. Думаю, там тоже все плохо. Контур магический еще жив, а рули плохо слушаются. А мне еще ребят посадить с высоты исхитриться надо. — в тот момент Василий Павлович сменил интонацию на более жесткую: — Так что бери энтог свой самоспасатель и вали отсель, прыгай к едрене-фене вниз! Рискованно тут понимаешь? Вдруг у меня не получится. А так мож сам жив станешь. И так подвел тебя. И поживешь еще.

Я задергался:

— Василий Палыч, а вы? Я же ни о чем не жалею. И вас тут не брошу. Если, что, мы вместе прыгнем. Я принесу вам самоспасатель, капитан?! Подождите!

Сергей, бросая на пол палубы парашют и сидор, ринулся в коридор.

— Юнга, стоять. Не надо! Передумал. Я знаю, где лежит запасный самоспасатель. Правда! Капитан пока остается. Мне вправду нужно постараться посадить дирижабль. И еще кое-что тут сделать! Ежели что, я апосля за тобой прыгну. Ну чего стоишь? Иди прыгай. Ну! Иди давай! Встретимся внизу!

Все равно стою и мнусь в нерешительности.

— Иди! Нет, Сергей, все же постой. Возьми это — капитан снимает со своей руки красивый фигурный перстень с камнем. Магический, защитный. Отдаю на время. С возвратом, тебе на сохранение. Понадобится — сожмешь в руке, камнем вниз. Отдашь мне внизу, когда все закончится.

— Капитан, вы чего это такое удумали?

— Иди скорей, спасайся сам. У меня тут дела! Все! Выполнять приказ! Не мешай мне Встретимся там! — начал прогонять Василий Павлович.

В этот момент очередной сильный удар потряс верхнюю палубу дирижабля. В очередной раз погнулись и заныли переборки. Юнга, зажав переданный ему перстень в руке, закинув на плечо сидор и схватив другой рукой парашют, побежал быстрее к уличной части палубы.

На ходу надеваю на палец перстень. Камень только засветился матовым бирюзовым цветом. В движении, периодически останавливаясь, натягиваю на себя лямки парашюта. Спереди притягиваю сидор.

Мимо уха просвистел осколок. Выпрыгиваю под разрывы выстрелов. Поток воздуха снесло вниз. Парашют удачно натянулся, и я полетел вниз. А дирижабль, крутанув винтами и рулями, вдруг поплыл, одновременно начав разворачиваться. Зачем это капитану? Он же должен был лететь вниз. Спустившись вниз, как-то неожиданно стало понятно, что задумал

капитан. Сергей заорал:

— Нет, Василий Палыч, не делайте этого! Не делайте этого, капита-а-а-н! Капи-та-а-ан!

Кажущийся черным, коричневый ‘Янг Вэй’, красуясь полученными пробоинами на обшивке, разворачивался, нарушая общий строй. Из правых казематов по ‘Новику’ активно палили пушки. “Новик”, успев развернуться раньше, поравнялся, кажется в одной плоскости, и приближался к катайскому флагману. За несколько метров до столкновения перед носом ‘Новика’ начали поблескивать золотистые сполохи. И следом оба дирижабля, большой ‘Янг Вэй’ и малый ‘Новик’ с ярким сиянием маленького солнца попеременно взорвались в воздухе, отбросив энергией взрыва в стороны со своих мест два соседних катайских дирижабля. Ударная волна догнала мой снижающийся парашют совсем недалеко от верхушек деревьев и лишь усилила мое падение.

— А-а-а-а-а!!!

Парашют, падая, зацепился за верхушки деревьев, порвался и юноша снова полетел вниз. Падая снова и снова, юноша, попеременно ударялся и цеплялся за нижние ветви деревьев. От нескольких сильных ударов о ветки Сергей отключился. Рука его непроизвольно сжалась, зажав перстень, вызвав появление защитного золотистого шара вокруг тела. Падая вниз, шар отбивал и отталкивал все встречающиеся во время падения ветви вокруг. А само падение тела остановилось в метре от земли, когда истерзанная ткань самоспасателя с канатами нашла очередную зацепку в крепких ветвях. Лишь тогда, непроизвольно встряхнувшись, рука с надетым на палец перстнем разжалась.

Мостик МД ” Чао Юнг”:

— Адмирал Шикай погиб вместе с флагманом. Кто теперь должен управлять эскадрой?

— По старшинству, думаю, вы, капитан Юй.

К катайскому капитану, ставшему временным главой эскадры, обратился матрос:

— Капитан Юй, на горизонте видны нихонские и сопровождающий их тартарский дирижабль. Вижу десять вымпелов.

Новый временный глава, взглядевшись в подзорную трубу, обратился к окружающим его офицерам:

— У нас больше нет ударных дирижаблей. “Цзинь-Юань” поврежден. Десантные к этому бою не предназначены. Мы больше не можем тут оставаться. Сигнальте приказ остальным дирижаблям. Выход из боя. Курс на Ляолян. Император будет нами недоволен. Мы не смогли выполнить поставленную задачу.

Через несколько часов после воздушного боя в лесной чаще между деревьями в поисках грибов шли молодая девушка с еще крепкой бабкой.

— Ох и страсть-то какая в небе творилась. Слово ад на небесах. Много верно наших побито. Трое супротив осьмнадцати вражин.

— Да не осьмнадцать их было. А всего двенадцать!

— Ну и что, мало что-ль. Усе равно много. Ишь наших-то как побити.

— Ба, да и супостату вражьему досталось от наших не меньше. Сама видела с пяток горевших дирижаблей. А тот, самый большой, свечкой с нашим вспыхнул и бабахнул. Самый главный там был, точно тебе, ба, грю. И все равно молодцы наши их выгнали.

Вдруг девушка резко побежала вперед и крикнула:

— Ба-а, смотри-и! Солдатик тут висит, матрос-паролетчик. Живо-ой. Только поранетый весь. Ни живого места на ем. Верно с неба прыгнул.

Бабка на столько быстро, насколько позволял ей ее возраст и силы, не спеша подошла к висящему на ветвях телу.

— Ох ты ж, Лизонька, и взаправду! Неужто сверху спрыгнул. Страх то какой. Ох.

Девушка обратила внимание на кольцо:

— Баа, ты глянь, какое кольцо на ем бохатое. Из городских и знатных видать. Что делать-то будем, ба. Мимо пройдем аль на горбу потащим. А?

Бабка думала недолго:

— Лизка, я тя жигучкой — то отстегаю. И не посмотрю, что выросла, и моя помощница. А ну сымай с него ремешки эти.

Просыпаюсь от тряски. Шурх-шурх, вших-вших. Открыв глаза, вижу ясное небо и верхушки деревьев. Я уже где? Уже там или еще тут? Ощущаю, что руки не двигаются, потому что стянуты веревками. Ну значит нет, на земле еще пока. Вспоминаю 'Новик', помню, как прыгал на парашюте оттуда, как пошел на таран капитан, как больно бился о ветви. А сейчас вот на земле. С болью в теле пытаюсь приподняться и хоть как повернуть голову, краем глаза пытаюсь увидеть тех, кто несет меня. Какая-то высокая бабка и не менее высокая деревенская девушка, сделав из найденных ветвей носилки, волоча их по земле, тащили меня куда-то. Живой пока еще.

В этот момент импровизированные салазки цепляются за камень, и от резкого движения я, немного приподнявшись, даже застонал. Бабка, повернувшись:

— О, наш ранетый очнулся. Ты не дергайся, барчук, уж звиняй. Домой мы с Лизкой тя тащим. Тама тя и целить будем. Мы люди простые, по-простому, по-деревенскому лечим. Уж потерпи до дому, скоро будем. Немного осталось. Ворошкой полечим. Слово-то, оно волшебное. И лечит, и калечит. Потерпи чуток.

Упав без сил обратно на носилки, снова отключаюсь.

Сквозь сон и странный пьянящий запах слышу как-будто вдалеке женский разговор:

— Лизка, нехорошо глазками зыркать! Не видишь, поранен он?!

— Ну ба-а Матрена!

— Что ба? Что Матрена! А ну бери ковшик с ветошью да смачивай настоем тело. Подними барчука вона сначала. Апосля женихаться будешь.

Чувствую, как чьи-то руки мягко и щекотно трут тело. Сил поднять веки нет никаких. По всему телу словно все отбито. Жарко и холодно мне, одновременно. Горло рвет, как будто простудился. Словно в тумане слышу пробившийся ко мне женский голос. Сквозь пробравший меня озноб, сиплю в пустоту:

— Пи-и-ить!

— Очухался наконец. Выпей-ка настою горячего целебного малинного. Полегчает.

Спасительная влага орошает сухие потрескавшиеся губы. Хочется еще. Еще. Дайте еще. Но нет, слышу.

— Много нельзя, мой хороший. Не все сразу. Надо по чуть-чуть.

Выпив, снова отключаюсь.

Просыпаюсь от слов:

— Эй, барчук, как звать-то тебя? Имя-то как твое?

Пытаюсь открыть веки, но глаза не слушаются:

— Сергей, кажется... Сергей Конов... Я уже где?

— Хи-хи-хи! Пока еще тут. Хи-хи! Ба, тут барчук, кажись, заговаривается.

— Лизка, ты начинай давай ворошку-то.

Слышу девичий шепот:

- Маменька быстра вода, смой всю маяту
- Всю хворь и ломоту с Сергия нашего
- Унеси их поглыбже в пучину морскую
- Затяни их в самые омуты глубокие
- Надень на них хомуты каменны
- Чтоб боле никогда им не всплыть
- О Сергие нашем на веки забыть.

Следом мокрый палец коснулся горячего лба, груди, правого и левого плеча, вызвав на мгновение чуток облегчения.

- Заговоренной водичкой велю, белым-белой солью заклинаю
- Изыди ломота вся, изыди маята вся
- Из головушки буйной, из седца ретивого
- Из очей ясных, из бровей черных, из костей...

Слушая эти слова не заметил, как снова уснул.

Костюмированный вечер-чаепитие в императорском дворце в столице. Несмотря на пышный праздник, признаки начавшейся войны уже были видны среди гостей. Среди гостей было немало военных в парадной форме, многие из которых в разговорах обсуждали поступающие новости с фронтов.

Приглашенные участники вечера смеются и негромко разговаривают друг с другом. Отдельной группой среди праздных дам, военных и чиновников выделяется новый нихонский посол со своей женой и дочерью, прибывший вручить Императору Гран-Тартарии верительные грамоты. Его редкая свита из доверенных лиц стоит позади. Торжественный макияж бело-красно-черных цветов скрывал очень бледное лицо Аюми. Девушка еще не до конца отошла от полученного ранения, была запахнута в красивое темно-синее кимоно с росписью цветов вишни и перетянута расписным поясом оби зеленоватых оттенков. Она посматривала на редких встретившихся ей знакомых из Оболенской гимназии, чьи родители присутствовали на вечере вместе с ними и вспоминала случайную встречу с Сергеем.

Недалеко от них стоит коллежский ассессор Бардин с дочерью и сыном. Его пригласили на вечер по причине удовлетворения Императора работой ревизской комиссии, кою он возглавлял. И хотя результаты этой работы были смазаны нехстати начавшейся войной, его величество счел необходимым поощрить ассессора за труды и назначить на новую должность. О чем его предупредил его начальник обер-полицмейстер, с сожалением отпуская своего помощника на вечер.

Аудиенция проходит за чайным столиком Императора, сидящего вместе с супругой и дочерью Александрой, разодетыми в пышные белые платья. Приглашенные гости садятся за столик и ведут беседу. Перед тем секретарь государя показывает папку с выжимкой вопросов по очередному кандидату, пока снующие дворцовые официанты каждый раз приносят и разливают новым гостям чайные наборы со свежесваренным чаем.

Вот дворцовый церемониймейстер пригласил посла Нихон для беседы к императору. После витиеватого представления и церемонного вручения красивых верительных грамот между сторонами состоялся небольшой деловой разговор, после которого посол попросил разрешения публично объявить благодарность. Удивленный таким неожиданным поворотом

император, разрешая, согласно кивает:

— От имени государства Нихон хотел объявить особую благодарность храброй и отважной команде имперского военного дирижабля ” Новик”, пришедшей к нам на выручку в ходе боя с китайским дирижаблем, наглым и бессовестным образом, напавшим на мирный посольский вымпел. Также от себя лично хотел отметить одного члена команды, молодого юношу, спасшего жизнь моей дочери, благодаря которому она сегодня стоит рядом со мной.

К императору тихо подошел военный министр и что-то зашептал. Император тут же потемнел лицом:

— И как же зовут сего доброго молодца. Надо же передать его родным награду.

Посол, еще раз пошептавшись с дочерью, сообщил:

— Этого молодого человека зовут Сергей Конов, он воспитанник имперского приюта трудолюбия Старо-Петерсборга. А почему передать родным?!

Тут слово взял военный министр:

— Эскадренный ударный дирижабль “Новик” геройски пал сегодня вместе с ЭУД ‘Паллада’ в ходе воздушного боя с превосходящими силами противника при прорыве китайской эскадры адмирала Ван Шикая над Калмацией. Вся команда погибла после тарана флагмана китайцев “Яна Вэй”. Гибель дирижабля засвидетельствована участником воздушного боя, капитаном поврежденного в бою, но сумевшего приземлиться ЭУД “Ника” и ЭУД “Орел”, который и подобрал остатки команды. Весьма сожалею.

Услышав эти страшные слова, Аюми пошатнулась и упала без чувств на красивый дворцовый пол. А в уголке глаза герцогини Александры побежала непрошенная слеза, которая она тут же смахнула платочком, что не осталось незамеченным ее отцом и императрицей, ее матерью. А Петр Алексеевич, услышав горестные новости, на это только крепче обнял своих детей.

Сергей проснулся от ощущения чего-то горячего. Нет, сухости во рту и рвущего горла с жаром во всем теле не было. Это летнее солнышко, лучами проникнув сквозь мутноватые маленькие оконца из зеленоватого стекла в избе, припекало и играло с его лежащим на полатях телом своими теплыми лучами. Оглядевшись, его вниманию предстала довольно просторная комната с грубой, хотя и явно недавно беленой отделкой стен в углах, перемежавшаяся с другими, не менее грубыми ошкуренными и отесанными стенами из давно рубленого, уже потемневшего и пошедшего трещинами сруба. Изломы трещин и стыки брусьев в дереве, были кем-то заботливо и плотно законопачены паклей из волокон какой-то травы. Особенно поразила его высота комнаты и дверного проема, шире и выше обычного раза в полтора. Маленькие оконца в стенах и дверной проем в комнате по периметру были украшены бирюзовыми наличниками сложной резьбы с фигурками странных животных по углам. Посреди комнаты стоял большой и длинный массивный стол, накрытый плотной скатертью с красивыми ромбическими фигурками, по двум сторонам которого виднелись две широкие лавки. На деревянных полах длинными дорожками были аккуратно разложены тканые, но цветастые половики. Беленая глиняная печь с закрытой заслонкой пахла чем-то очень вкусным, к чему примешивался запах свежеспеченного хлеба. Сам же хлеб вместе с глиняной солонкой лежал в центре стола, заботливо, но не слишком плотно укрытый красивым рушником. Рядом с печью, в уголке, стояли закопченные металлические ухваты разных размеров вместе с печной кочергой и странная, давно выдавшая виды, “хлебная” лопата, стоявшая “верх ногами”, то есть совком вверх, а черенком вниз. Рядом с печью в

небольшой дровянице были заботливо уложены чурки расколотых поленьев. Возле устья печи вдоль деревянной стены стояло несколько, похожих на стулья, столиков, на которых под рушниками лежали тарелки, россыпь стеклянных зелёных и фиолетовых бутылочек и пузырьков, заполненных какими-то жидкостями. Особо выделяясь на белом фоне, на полке-приступке, среди глиняных крынок, кружек и кувшинов торцом к печи было прислонено полено-каторок. В камельке печи на площадках под лучами солнца светились толстые свечи. На открытых полках видны расставленные аккуратно в ряд батарея чугунных котелков и крашенных глиняных плошек. Видимо эти полки пользовались хозяевами чаще всего. Другие же полки были закрыты от чужих глаз домоткаными тканями с интересным, но разным рисунком, словно владелец которых не сильно заботился о подборе единого стиля. Под ними стояла прялка-колесо, на которую была перекинута незаконченная мастерицей ткань. На кованых крючках висело несколько простых рушников. Под потолком, на веревочках, волнами красовались, связанные пучками и проткнутые, засушенные травы и грибы. А у двери в углу друг на друге стояло несколько мал мала меньше окованных металлическими полосами сундуков, как простых, так и украшенных расписными сюжетами, состоящих из диковинных зверей и птиц, рядом с которыми в углу лежал мой ношенный сидор, купленный еще на толкучке в Старо-Петерсборге. В углу комнаты, над ручным фонарем виднелись кем-то вырезанные деревянные фигурки страшно-уродливых и непонятных морд. И все же, несмотря на это, большая комната в избе все же производила впечатление приятного и уютного гнездышка.

Решив встать и оглядеться получше, Сергей потянулся и отбросил от себя цветастое лоскутное одеяло. И сразу же пожалел об этом. Содрогнувшись от внезапной судороги и сразу пронзившей его тело боли, юноша начал растирать давние о себе знать больное место. Растираемое место еще ныло, когда юноша внезапно обратил внимание на совсем другое. Исподняя одежда, в которой он спал на полатах, была совсем, совершенно другой, не той, что ему выдали на “Новике”. Моментально вспомнив тащивших его в лесу женщин и в болезненном горячем состоянии женский разговор попозже, я от нахлынувшего на него смущения тут же покраснел. Но ненадолго, потому что, слезая с полатей на деревянный пол, место нескромных мыслей заняли другие. Матросских ботинок нигде не было видно. Встав босиком на пол, Сергей сразу почувствовал, как за время болезни ноги словно отвыкли от ходьбы. С трудом борясь со ослабшими ногами и болями в пятках, юноша двинулся вперед, к выходу из избы. Первая встреченная дверь вела в сени. Не менее большая комната также встретила его грубым домотканым половиком, пучками сушеных трав, гроздьями свежего лука и чеснока, большим ларем и длинной лавкой у стены, на сиденье которой были расставлены чем-то заполненные чугунки и разнокалиберные бочки. Также на лавке лежал изрядный кусок моего самоспасателя, заботливо сложенный хозяевами в несколько слоев.

В углу стояла большая кадка, явно под воду, на крышке которой стояло коромысло с двумя небольшими деревянными ведрами. Сквозь полуоткрытую дверь, через щель которой в комнату пробивались солнечные лучи, в сени забежала парочка упитанных коричневых с белыми перьями куриц. Влетев в помещение, они увидели юношу и тотчас же забились под лавку. Принявшись искать в щелях на полу съестное, иногда между поисками замирая и с осторожностью, удивлением и опаской поглядывали на неожиданно вышедшего из комнаты незнакомца.

Доковыляв до выхода, Сергей открыл настежь деревянную дверь с крючком и щеколдой изнутри. Несмазанные кованые дверные петли скрипнули при открытии двери неожиданно

звонким переливом. Следующим шагом он вышел на улицу, держась за открытую качающуюся дверь и осторожно ступая по полубревнам входных ступеней. Справа раздался голос рядом сидящей на лавке вместе с девушкой бабки:

— А вона и наш барчук болезный встал! Иди, Сергей, сюда и скорей за угол мыться! Сейчас тебе Лизка с кувшину-то польет, да рушник-то подаст. А апосля есть да знакомиться будем.

Оглядев вставших с лавки женщин, сразу стала понятной эта странность с проемами и высотой. Бабка с девушкой, несмотря на свой, как они мне впоследствии сказали, невысокий среди родичей рост, по сравнению со моим метр восемьдесят были просто очень высокого роста. Аж на целую голову выше меня. Прямо как баскетболистки какие-то. То-то мне, лежа на носилках, их рост немного высоковат показался. И понятно теперь, каким образом они меня до дому дотащили. Сил то побольше. Стараясь не выказывать свое удивление данным фактом, принимаюсь умываться, принимая в ладони прохладную воду, щедро выливаемую из красивого глиняного ковшика, нависающей надо мной Лизой. Пока я умывался, девушка подробно рассматривала меня. Глаза ее ехидно смеялись, словно она знала обо мне что-то эдакое. Вспомнив, в чем я проснулся и вышел на улицу, вновь сам засмутился. А девушка приняла это на свой счёт и, прыснув в здоровый по сравнению с моим кулачок, как-то негромко хихикнула. Вытирая мокрое лицо и руки расшитым рукотерником, переданным мне девушкой, я оглядел фасад избы, из которой недавно вышел.

Большая деревянная изба из тесаного бруса, стояла на высоком подклете, словно без всякого фундамента. Подклеть заканчивалась навесом по периметру фасада, крыша которого начиналась от окон. Дом, весь красиво украшенный замысловатой резьбой, словно показывал окружающим вкус и достаток своих хозяев. На коньке были вырезана фигура, похожая на морду коня, нависавшим над домом словно оберег. Резные наличники, с не менее изящными сюжетами, украшали все окна на фасаде. Художественные ставни были открыты, давая доступ солнечному свету. Крепкие деревянные ворота, висающие на кованых жиковинах, вместе с аркой, с вырезанными на ней злыми и добрыми фигурами, словно оберег, сторожили въезд во двор. Правда, забор-загородка подкачала. Сделанный из немного кривоватых жердей орешника, привязанных к не менее кривоватым горизонтальным брускам, он давал возможность увидеть внутри всех живущих. Вот и сейчас, за загородкой раздалось сдавленное хихиканье. Это две малолетние девчонки, видимо соседские, ну как малолетние, около метра с кепкой ростом, пялились в щелку забора. Цыкнул на них и они, смеясь, убежали.

Когда я умылся и вытер себя, женщины пригласили обратно в дом. Там Лиза подала мне одежду переодеться. Мою матросскую одежду, исподнее и обувь. Пропахшая во время боя потом и солью, моя одежда теперь пахла свежестью и какими-то приятными травами. За время моей болезни и беспомощности, девушка успела ее постирать и порванные во время боя и моего падения места аккуратно заштопать. За что я был ей премного благодарен. На мой вопрос, откуда на мне чужое исподнее, за нее ответила ее бабка, сообщив, что вещи те старые, давнишние, достались ей от ее бабки. Лежали, мол, в сундуке, порывалась выбросить, да все руки не доходили. Вот и пригодились.

Там, переодевшись в свое и познакомившись заново, принялся расспрашивать женщин о том, что происходило со мной все последние дни.

— А долго ли я без памяти провалялся?

— У-у-у, да почитай с пару дней валялся. Как нашли тебя пораненного, висящего на

ветвях и с Лизкой дотащили до дому, ты все время был в бреду. Весь в синяках и царапинах, простуда, жар был, горячка. Маменьку звал, домой просил забрать, капитана какого-то просил что-то не делать, герцогине что-то хотел сказать, порывался какую-то Аюми спасти. Аюми ведь твоя девушка?!

Вот блин. От этого нехитрого вопроса, как-бы между прочим сказанного, я чуть не выпал в осадок. Увидев мое смущение и наливающиеся краснотой щеки, женщины все поняли по-своему и усадив за стол, принялись ухаживать за гостем.

Нарезав свежесдобитого хлеба, наполнив с горкой расписную плошку томленной пшенной кашей на молоке и налив в большую кружку свежего молока, Лиза, вместе со свежей сметаной, творогом, сливками и маслом, подала угощение гостю. Не прекращая искоса поглядывать на юношу.

М-м-м, какое объедение. Услышав от гостя сладкие слова похвалы, женщины ненадолго засмутились, но лишь ненадолго. Потому что до самого конца завтрака, плавно перешедшего в обед, женщины пытались выпытать буквально все подробности моей городской жизни. Утаивать в целом я не стал. За исключением жизни ТАМ и истории с Йозефом. А так рассказывал им все подробности, без утайки. И как попал под паровик, лишившись памяти, и приключения в полиции, и житие в приюте, и работу у Арбузова, и как сбежал в столицу с городскими перипетиями. И как попал во флот на военный дирижабль, вкратце рассказав о спасении капитана. И смешные случаи из службы. И про войну, и про последний бой, закончившийся гибелью “Новика”. На этой грустной ноте женщины, поохав, сразу принялись успокаивать юношу, говоря, что для него не все потеряно. Жив мол сам и ладно.

А так. Им было интересно все. И чем живет большой город, и что празднует, и что носят городские дамы, и цены на рынке, и видел ли я князя-императора или прочих членов их царственной фамилии. Услыхав, что видел и даже прихвастнув, что знаком, женщины немедля потребовали подробностей. Жадно внимая каждому моему слову, ни бабка Матрена, ни Лизка не прерывали меня и переживали за всеми поворотами и перипетиями из моей недавней жизни. Слово сериал какой им рассказывал. Если б я знал, что многое из моих слов они растреплют потом соседям, что не раз впоследствии ставило меня в тупик. Вряд ли бы стал рассказывать им столько подробностей. Но все это было потом.

Оказывается, о начавшейся войне они знали, так как в их деревню уже дошли слухи о неприятеле и творимых им безобразиях. Грабили и жгли катаясь дома, убивали не успевших убежать, попавшихся им или пытавшихся оказать им отпор, мужчин, угоняли в полон пригожих девок и малых детей. На мой вопрос, готовятся ли они к войне, женщины ответили отрицательно. Наивно доверительно сообщая в разговоре, что они далеко и в стороне от проезжих дорог и имперского тракта. Не доберутся мол. Я им не поверил, говоря, что они могут прибыть по воздуху. На что женщины по-простецки ему заявили, ежели что, то успеют сбежать. Ну-ну, какие глупости.

Сидя за столом, женщины комментировали мой неспешный рассказ:

— Прямо не верится, барчук, что такое бывает.

— Да вот, бывает. А что это вы меня барчуком называете. Я что вам, князь какой?

Бабка, улыбаясь, на меня так снисходительно посмотрела, мол знаем мы вас:

— Дак, Сергей, на тебе кольцо твое защитное магическое.

— Да что вам сдалось это кольцо? Кольцо свое мне мой капитан отдал, с возвратом вернуть на земле. Только...

— Нет уже твоего капитана, поняла. Только кольцо оно непростое и без согласия на то

человека с руки не снимается. Так что барчук ты и не отказывайся...

— Да какой из меня барчук-то?

Когда я поблагодарил за угощение и лечение, уход и ласку, закономерен был и такой вопрос с их стороны:

— А куда, Сергей, дальше пойдешь? Времена нынче суровые, жисть, духи и боги наши говаривают, страшна будет. Всем друг за дружку держаться надобно. До столицы идти далеко, до тракта путь не близкий. Главный город в Калмации по слухам в деревне, разрушен. Надобно в какой другой идти, где власть все еще государева. По дорогам верно вражьи заставы. Не ходи, Сергей.

— Не знаю, надо бы вообще-то знающих людей поспрашивать, подумать самому и решить. А что вы предлагаете?

Бабка Матрена положила руку на плечо, и глядя его, уговаривала:

— Оставайся у нас. Парень ты, нутром чую, хороший. Вишь, мужика у нас справного нет. Помощь по дому нужна. А то все мы сами да сами. Или родичей просим. Поселим в баньке, места у нас там много, не обделишь. Одежонку тебе справную найдем, лечить-кормить будем. Покойно пока у нас. Да и защита нам все какая-никакая. Оружье я в сидоре видела. И магический в доме не помешает. Сергей, оставайся!

Опять магия. Да что это же такое. Который раз.

— Поживешь с нами, пообвыкнешься. А ежели позже все же уйти захочешь, али проездом кто будет. Решись уйти, ну тогда мешать не станем.

— Не понимаю. А что во мне нашли такого магического? Который раз все мне говорят, магия-магия у меня, но никто ничего не рассказывает.

Бабка засмеялась:

— Э-э-э, милоч, мы хучь знахарки деревенские, враз такое видим. Источник у тебя. Яркий, сильный, молодой и свежий. В руках. Хоть пользуйся. Нешто, барчук, не видишь? А ежели не знаешь, пробовать тебе надо. Хучь здесь.

Не веря, с ехидством отвечаю:

— Ну-ну! И что же я могу делать? Бочку взглядом поднять?

— А ты не смейся. Да хучь и бочку. Бабка как-то не знамо кому-то говаривала, мол надобно глянуть на вещь да задуматься, руку направить, куды требуется. Ну и...не знаю, барчук, у самой-то такого нет. Пробовать надо.

Не веря Матрене, с явно читаемым на лице скепсисом, смотрю на стоящее у двери деревянное ведро с водой. Вскидываю руку, думаю о том, как-бы поднять ведро. Ничего не получается. Женщины внимательно смотрят на мои действия. Раз, другой. Пробую еще раз. Снова. Вижу только, как из руки к ведру исходит тонкая золотистая нить-сгусток. А все мое тело покрывается тонкими линиями таких нитей. Интересно так. Прямо вторая кровь какая-то. А тем временем с ведром ничего не происходит.

— Ведро, да взлетай давай, черт бы тебя подрал.

О чем я недоволю сообщая Матрене:

— Ну вот, видите! Нет у меня никаких магических способностей. Вы просто ошибл...

И затыкаюсь с открытым ртом. Потому как ведро медленно поднялось на уровень головы.

— Ну, а ты не верил! Ну как, барчук! Остаешься?!

Э-э-э! А как вы думаете, после такого-то. Конечно же, я остаюсь.

Услышав от меня все самое интересное, Матрена с Лизкой быстро разбежались по своим делам, оставив меня одного разбираться со своим умением. Без подсказок бабки Матрены почему-то больше не получалось. Что-то делаю не так. Или спешу, прямо не знаю. Психанув от очередной неудачи, решил перенести это дело на вечер.

Вечером Лизка обработала мои раны каким-то тягучим, дурно пахнущим, травяным настоем. После чего, запретив мне путать ее, говорить под руку и даже улыбаться, девушка долго шептала мне наговор. Мне оставалось только глядеть и оценивать ее. Лизка мне нравилась, хотя и весьма смущала своим ростом и комплекцией. Мне, человеку из иного мира, привыкшему к таблеткам и порошкам, было сложно принять действие наговора. Хотя, действие магических камней я уже видел, почему же не поверить и здешним наговорам. Подняли же они меня своими наговорами.

На ночь, когда поел хлеба с вкусным парным молоком, мне постелили на деревянном полу в предбаннике. Именно там мне выделили угол для проживания. После душноватой и тесной каморки на дирижабле эта, приятно пахнущая деревом и теплая, комнатка показалась мне верхом комфорта. Спать не хотелось. Поэтому, чтобы не сидеть в крошечной темноте, я жег лучины в светцах, наблюдая, как падают сторевшие угольки в кадучку с водой. Вставив в светцы в пазы несколько новых, зажженных от догорающей, лучин, принялся размышлять о магии и своих дальнейших действиях, заодно перебирая свои вещи в сидоре. Достая билет, выданный капитаном.

Как-то мне не везет мне по жизни. Попал сюда. Ладно, устроился в приюте, привык. Вроде что-то наладилось в приюте, так случилась эта история с покойным Йозефом, черти б его жарили. От полиции сбежал в столицу. В Новом Петербурге тоже не задалось. В последнее время там почти как бомж жил, проедая последние деньги. Встретился с Василием Павловичем. Вроде все снова начало налаживаться, так нет, война началась. А вскоре и Василий Павлович. М-да, капитан-капитан. Земля пухом вам и всем нашим... Михалычу, Ильгизару Матвеевичу, Семен Семенычу, телеграфисту, коку...

А теперь? Я дезертиром считаюсь или как? И что же теперь мне делать дальше? Денег в кармане нет. Нахожусь хрен знает где, в Куево-Кукуево, на птичьих правах. Китайцы где-то рядом. Так не может быть, что их войска не придут в деревню. Увидят мой меч цзянь, по головке ни меня и никого со мной рядом не погладят. Остаться тут? Я тут никто. Хоть бабка Матрена и Лизка тепло ко мне отнеслись и даже выделили угол, это ни о чем не говорит. Неясно как отнесутся их родичи, местные в деревне. А главное, что я тут буду все это время делать? Или все же надо извиниться и уйти в большой имперский город? Там все равно возможностей больше, хоть мне и не повезло в столице. Для этого нужна карта. Насколько я помню карту, висевшую на капитанском мостике, до крупного города мне идти и идти. А до Кайгорода без дирижабля так просто не добраться. Засада. Хоть ты тресни, нужен какой-то транспорт. Лучше военный. С этим проще. Заявлю, что сам — флотский. Доказательство моих слов в моих руках — это временный приписной билет, выданный Василием Павловичем на следующий день после вылета из столицы. А чего дальше, ну найду транспорт, доберусь в город, допустим, заявлюсь я в кайгородский порт, скажу, возьмите дяденьки меня обратно. Хорошо, если те капитаны знакомые попадутся, признают помощника капитана Отяева. Ну и его перстень на пальце пригодится. Нет, по-хорошему, надо бы в Старый Петербург возвращаться, Бардина искать или к Арбузову. Или к Аюми. Там, в столичном городе все же больше шансов устроиться, если только полиция не ищет. А может война вообще все спишет. Вот только где его, этот транспорт, носит? То-то же.

Значит пока, первым делом надо понять источник магии и как с ней работать. В жизни мне все пригодится, раз уж непонятно, как домой вернуться. В деревне устроиться, информацию собрать. Бабку Матрену с Лизой отблагодарить за все надо. А если все же окажется, что надолго тут застрял, надо бы место падения дирижаблей найти, поискать там, в том районе все, что может пригодиться. Оружия надо бы. Катайцы же рядом. Хотя, может, при ударе о землю все превратилось в лом и кашу. А вдруг?!

Составив себе небольшой план действий, снова принимаюсь за магическую тренировку. Натаскав в предбанник из бани несколько разных предметов — пустую кадучку, ковшик и веник — сажусь на грубый пол из дерева и в полутемной комнате, едва освещенной огнем из лучин, пробую опять.

Поначалу вновь не получалось. Я концентрировался до появления золотистых линий по всему телу, пытался отправить сгусток силы в сторону нужной вещи. И спешил или медлил с отправлением команды действия. Наконец, после дватого раза, мне удалось поднять кадку в воздух, направив ее под потолок предбанника. Ур-ра! Только крикнул, как кадка тут же лишилась магической поддержки и упала на деревянный пол. Посреди тишины раздался грохот от падения кадки. Упс, извините. Фу-ух, кадка цела. Дальше я тренировался только с веником. Едва стало светать, лег спать. Довольный.

Прошло несколько дней. Мое положение было непонятным. С одной стороны, бабка с Лизой все еще лечили меня и боли мои уходили, а с другой — я сам старался им хоть в чем-то помочь. Хотелось хоть что-то делать. Но женщины, улыбаясь, от моей помощи дружно отказывались, продолжая заниматься своими делами. Собирали травы, делали мази и настои, лечили и общались с другими больными, иногда приходящими к ним в избу, заодно запрещая мне с ними видеться, готовили и убирали, попутно занимаясь скотиной да по хозяйству. От нечего делать я шел на задний двор, где среди сараев и хозяйственных предметов и построек, часами продолжал свои тренировки на свежем воздухе.

— Когда меняют пастуха, только стадо считает, что меняется хозяин. (шутка)

Видимо я все-таки их достал своей помощью. Отправили меня с утра на дальний лужок ихнюю корову Зорьку с теленком Ерошкой пасти. Мол, ну чего там, уговаривала меня Лизка, сложности нет никакой, гоняй их себе хворостиной и веди куда надо. Мол, а ей надо на полянку одну, цветочков целебных с плакун-травой на зиму пособирать. А сама глазками-то так невинно хлоп-хлоп. И еще, чтоб не бегала скотина с места на место, забей в землю колышек и привяжи к нему корову. И лежи, отдыхай себе, хочешь назад возвращайся. Времени — вагон и малая тележка, как говорится, от прихода и до обеда. К обеду корову обратно вести, на дойку. Вот честно...именно это и туда идти ну никак не хотелось. Согласился только потому, что без соглядатаев силу приобретенную хотел попробовать. Уговорила. Пошел. С гибкой хворостиной из орешника в руке. И что вы думаете? Зорька с Ерошкой так прямо сразу и послушались? Как бы не так. Только скотина вышла из хлева в сарае за околицу, так почти сразу и началось. В смысле, поперла вверенная мне скотина куда-то не туда. Хворостиной бью, пытаюсь направлять животных в нужную мне сторону, а она, косясь на 'левого' хозяина, знай степенно прёт в сторону. В нужном только ей направлении, попутно ухватив с земли и жуя пучок свежей травы. Забегаю с другого бока животных, пытаюсь выправить их маршрут в нужную сторону. А эта зараза, получив очередной удар хворостиной, только от меня припускает. Не туда. Бегать за ней мне еще больно, поэтому раздражаюсь:

— Господи, за что мне такое наказание. Ну почему Лизка со своими коровами сама туда не поперлась.

Не поверите, пока до луга дошел, сам от коров умаялся. Идти обратно — уже нет никакого желания, да и лень. Пока дошли, скотина вроде в целом присмирела, признавая во мне право ее вести, но иногда взбрыкивала, снова пытаюсь уйти с маршрута в лесные заросли. Или получив хворостиной по боку в ответку внезапно пыталась боднуть рогом. А Ерошка, тот еще телок. Если б не веревка, привязанная к ошейнику, дернул бы он от мамки-коровы в другую сторону. Как пить дать. И бегай за ним. Молодой, дури много, скачет он как... стрекозел. С трудом его держу и веду в нужном направлении, пытаюсь управлять еще и движением свободной коровы. Вот и сейчас, эта скотина...в очередной раз взбрыкнув, дернулась в разные стороны. А-а-а-агр!

Рука, сделав ставшую в последнее время привычной комбинацию пальцев, направлена на сбегующее от меня животное. И мысленно пожелав ей подняться, направляю в ее сторону немного магической энергии, медленно поднимая руку.

Корова, лишившись привычной опоры под ногами и поднявшись на высоту пяти метров, принялась крутить головой по сторонам, по привычке опуская свою шею к земле, словно пытаюсь достать до ставшей теперь ей недоступной травы. Беспомощно суча в воздухе всеми четырьмя ногами, словно передвигаясь, и протяжно воя “му-у”, корова вдруг жидко обделалась.

Вся эта совершенно нереальная сцена враз напомнила мне известный момент из “Особенностей национальной охоты”, где Кузьмич отправил свою любимую буренку в бомболюк самолета-ракетносца. От неожиданного смеха я чуть не потерял полный контроль за своей силой и корова, почти лишившись магической поддержки, начала падать вниз. Сердце мое екнуло. Насмерть разобьется же! “Поймал” я корову почти у самой земли. Больше не желая рисковать жизнью хозяйской скотины, принимаюсь за спуск. Осторожно спустив на грешную землю бедное животное, которое, обретя наконец долгожданную опору под ногами, подняв хвост, принялось удобрять тропинку. От неожиданного действия корова резко присмирела, окончательно признавая за этим новым странным человеком право командовать, более не решаясь взбрыкивать. И призвав мычанием своего теленка, буренка в нетерпении принялась крутить головой, словно говоря мне, ну куда же идем, хозяин.

Вот так бы сразу.

Опять мне сегодня дурной сон приснился. Что? Да куры дохлые по всему двору. И чего мне всякая хрень иногда снится. Я в это не верю, современный же человек, но Лизка с Матреной синхронно нахмурились и также дружно сказали, что опасность или несчастье вскоре мне грозит. Я на это заявление только посмеялся, махнув рукой. Лизка, качая головой, пообещала мне заговоренный амулет сделать. Поговорив с женщинами, начал упрашивать дать мне работу по дому. Хоть какую. Скучно мне от безделья.

— Опять неужто, барчук, помочь желаете?!

— Желая! Не хочу при вас сиднем сидеть!

— Нет, уж лучше мы всё сами. — Матрена ненадолго даже призадумалась: — Ну раз так! Хучь курей пшеничкой иди накорми.

И показала своими руками птичник и сараюшку, где у нее зерно для птицы лежит. Направляюсь в указанном мне нужном направлении. Крутанув по оси простейший запор ромбиком и открыв, висящую на кованых петлях, дверь, мне открылись внутренности сарая. Несколько ларей, на которых стоят несколько засургученных и несколько оплетенных

бутылей разного объема, заполненных какой-то мутной непонятной мне жидкостью. Вилы, грабли, метелка, старые кадки и бочки. Принимаюсь искать зерно. Первым делом решил проверить лари, для чего начал снимать с крышки ларя стоящие бутылки. Удачно. Первый же ларь был почти доверху заполнен зерном. Взяв лежащий на зерне старенький черпак, видимо не раз использовавшийся хозяйками для наполнения, и слегка грязноватую плошку, принимаюсь наполнять ее зерном. Наполнив до краев, ставлю на землю и решаюсь вернуть все бутылки обратно. Насвистывая незатейливый мотив, обратный процесс шел у меня куда скорее.

Берусь за пробку в руки очередную, из последних, бутылку. Только хотел поудобнее перехватить за горлышко, как слышу звонкий шпок...л-лови!

Ф-фу-ух! Надо же. Успел, еклмн! Я еще так быстро магией вещи не перехватывал. Та корова на лугу — это цветочки. Ой, блин, осел! Пролил!

Успев ухватить и спасти бутылку, не сразу сообразил, что падая, она перевернулась в полете. Из открытого горлышка вниз хлынула заключенная в нее жидкость. Прямо в плошку с зерном. Перевернул ее и крепко закупорил, поставил на полку ларя. Вроде немного вылилось. Что там было-то, бутылку ж не понюхал. Хватаюсь за плошку с зерном, в которое впиталась пролившаяся жидкость, несущая к носу и приносившая. Хотя! И не пахнет особо.

Нюхаю вновь. Чего-то такое далекое сладковато-медовое. Ничем подозрительным таким не пахнет. Высыпать все из плошки и по-новой? Да ну-у! Опять бутылки снимать и ставить. Да ладно, чего этим курам будет. Не яд же тут в бутылках стоит. Перебьются.

И решив, направляюсь с плошкой в птичник к птице.

Подозвав неспешно гуляющих по двору птиц, ставлю плошку с зерном на землю и немного поглазев на них, иду прочь отсюда. Вовремя. Потому что как раз, в это время, выскочившая во двор, Лиза позвала меня за стол, поесть, что бог им всем послал.

После неспешного завтрака, женщины пошли во двор по своим делам. Через несколько мгновений на задворках раздался истошный синхронный женский крик. На голос я подорвался как угорелый.

Женщины нашли у птичника.

— Лизка?! Матрена?! Чего? Чего случилось-то? — кричу я на ходу.

Бабка Матрена принялась выть:

— Подошли-и! Потравили-и! Все подошли-и!

Подбегаю к ним и смотрю на землю. Йоп! Что ж я натворил-то?!

Птица хозяйская лежит вся по земле. Головы на боку, глаза у них масляные-масляные, клювики открыты.

— Все подошли-и! Цыпочки-и ж мои!

Матрена, ухватив одну, вторую, принялась осматривать их, пытаясь понять причину напавшего на них мора. Тоже самое делает и Лиза, пытаясь разобраться. Смотрю и я. С первого взгляда я понял причину. Меня пробил холодный пот. Чувствую, мне дурно.

— Лиза Простите меня пожалуйста! Это я, похоже, во всем виноват. Чертов сон! В руку! — повинившись, кратко и сбивчиво рассказываю им о произошедшем в сарае.

— Дуре-ень! В бутылках-то бражка была. Крепкая. На настоях чищенная. На больных мы с Лизкой пользуем, а ты-ы?! Мне снова стало дурно. Чешу в голове. Так это я, получается, их птицу до смерти зерном с самогоном накормил? Кто мне проверить зерно мешал, а?

Матрена с Лизой с укоризной смотрят на меня. Меня посещает мысль.

— Ну ладно! Пусть я дурак. Но птица-то только что померла, ее же в суп можно. Она же

ведь от спирта померла, не от яда! Мясо-то ее нормальное?! Лиза соглашается с моими словами, следом — и бабка. Притащив выдолбленное в половинке ствола дерева корыто, женщины от души, на все лады, покостерив этого недоделанного барчука, за каким то хреном свалившегося им на голову, принимаются щипать птицу. Я с краешку подсаживаюсь к ним на помощь. Помог называется. Ну хоть так.

Через час втроем мы ощипали с треть всей лежащей вокруг птицы. Матрена, подумав, объявила всем, что придется, не пропадать же добру, раздать большую часть птицы соседям и родным. И сама еще сегодня примется суп из них варить. Я же сидел рядом молча. Внимал и помогал. Ради интереса попробовал дергать перо магией, что не укрылось от бабкиного взора. Покрутив пальцем у виска, женщина принялась щипать дальше. Ну и я заодно. А чего ещё делать? Раз вляпался, то не чирикай, работай как все.

Вскоре хозяек окликнули из — за околицы. Очередной перспективный больной. О, а у меня повод есть немного передохнуть. И подумать о житье-бытье. Решил задами прогуляться. Ушел я недалеко, как мои раздумья прервал женский крик. Лизкин. Что там снова?

Пока бежал, к ее голосу добавился крик Матрены. Да что там такое творится?!

Влетаю во двор и сразу же сам выпадаю в осадок. Только что ощипанные нами экземпляры, пьяно перебирая ножками, бродят среди таких же квохчущих и пьяных, но еще целых товарок по двору. Елы-палы, так они живые были?! Ха-ха-ха! А мы их перьев лишили! Упс! Ха-ха!

Меня до колик пробирает ну просто истерический смех. Через несколько мгновений моим смехом заразилась Лизка, а следом — бабка Матрена. Ф-фух, ну женщины, м-да, давно я так не смеялся. Надеюсь, нас тут не видят соседи?

И как я про них, наверное, тоже самое женщины, у которых я жил, думали и про меня. Почему? Да вот вечно со мной одни приключения. Давеча привезли к бабке Матрене очередного местного алкоголика лечить. От запоя.

Ну так, привезли, значит, вечером на телеге мужика мертвецки пьяного. С ним жена, брат и сын его. А мужик, надо сказать, крупный попался. Я и так от их роста привыкнуть не могу, а тут вообще, привезли гиганта. Втроем пытались они в избу его занести и никак. Силенок не хватает. Пришлось бабке Матрене, как ей не хотелось, чтобы я перед всеми показывался, все же на свою песню ногой наступить. Пришла за моей помощью, сразу заранее предупредив о том, чтобы магией я там не светил. Ну нет, так нет, проблем нет, пришлось идти помогать нести. Вшестером затащили этого мужика в избу, в светлицу, в которой знахарки наши больных принимали. Да и положили его на стоявший там большой стол, отчего онный даже жалобно заскрипел.

Как я краем уха разговор услышал, заговор читается ночью при полной луне и при отсутствии всех родственников в комнате. Но на всякий случай они останутся и будут рядом. В телеге. Лето же, тепло, хорошо. Вдруг до начала заговора помощь Матрене понадобится. Ну, может сам запойный до срока проснется, еще бузить будет. А то сами Лиза с Матреной с ним не справятся.

Ночью мне не спалось. Лизка уже явно спала. Гости дрыхли тоже, в своей телеге. Стоя в кромешной темноте у входа в баню, видел через открытое окно, как в полутемной комнате бабка Матрена водила двумя горящими свечами по лежащему на столе и сильно храпящему мужику, что-то заодно приговаривая. Учув в темноте каким-то (КАКИМ?!) образом меня бабка прервалась и сказала:

— Барчук, а хорош гляделки-то ломать. Уходи оттель. Токмо ворошбе мешаешь. Пристыженный, я собрался уж идти спать, как увидел резко дернувшуюся руку мужика, ударившего по бабкиным рукам. Горящие свечи выпали из матрениных рук под стол, от удара потухли и обе, видимо, куда-то закатились. Разом стало настолько темно, насколько сильно полная луна освещала двор.

Рванул к бабке. Подскочил к окну, подпрыгнул и зацепился за раму. Подтянув тело, через пару секунд я уже был в оконном проеме. Негромко говорю:

— Баб Матрен, вам помочь?!

В ответ раздалось бабкино сопение:

— Да свечи тут где-то прыскачье. Шасть от меня. А очи старые, не видят в темноте. — Баб Матрен, подождите, я вам помогу — и запрыгиваю в комнату.

Через пару минут неспешного нащупывания нахожу одну свечу. Отдаю Матрене, та зажигает ее. В комнате стало светлей. Знахарка осмотрев горящую восковую свечу, сочла ее непригодной для дальнейшего обряда и пошла за новыми, выйдя из светелки.

Вот стою в комнате рядом с лежащим на столе, во весь голос храпящим мужиком-гигантом. Бабка меня оттуда сразу не выгнала, а мне и невдомек, идти надо отсюда или я еще буду ей нужен. Нет бы сразу уйти. Так нет, смотрю по сторонам и вижу, белеет под столом огарок свечи. Решив поднять, лезу под знахарский стол. Только залез, как мужик принялся ворочаться, а стол под его весом — предательски скрипеть. Чую спиной, как столешница гнется под его весом, а ножки со стоном принялись расходиться. Епрст, да он сейчас бабкин стол напрочь сломает. А ну Серега вылезай скорей. Придавит меня еще, зараза эта храпучая. Для подстраховки кидаю сгусток магической энергии в снова беспокойно закрутившегося мужика. И вовремя.

Ночную тишину прервал сильный треск ломаемого дерева. С шумом ножки стола сломались и столешница ударила по моей голове. Спина же приняла на себя основной удар. Резкая и давящая боль пронзила мою спину. От удара по голове меня повело. Вижу в темноте блестящие точки.

— Уй! Больно же! Вот слон-то!

Решив не держать на себе и снять с себя тяжесть столешницы, двигаюсь на коленях вперед, к уцелевшим ножкам стола. И столешница сломанным краем легла на пол, полностью сняв с меня нагрузку. Не вылезаю, пока не пройдет. А про мужика забыл совсем.

Слышу топот ног. Одних, вторых, третьих. В комнату забежала сонная Лиза в впопыхах накинутом платье и родственники того мужика. В светлице сразу стало тесно. Раздается незнакомый пьяный и громкий мужской бас. Ну того мужика, что храпел:

— Лада-а! Подь сюды! Жбанчику бы хлебной! А то помру! Иссохло все. Лада-а!

— Что тебе, окаянный! Опять, ирод, беснуешься? — вошедшая в светлицу полусонная женщина была среди первых, опередив в этом даже хозяйку.

Слышу, как вошедшие, дружно ахнули. Следом слышу шум падающего тела. Не понял, кто это? Краем глаза выглядываю из-под стола, не понял, это же жена этого мужика. Женщину уже подхватили и поднимали с пола ее родные, одновременно пытаюсь привести ту в чувство. И им это удастся. Она, не успев отойти от шока, принялась:

— Допился ведь, черт окаянный! Не уходи от нас! Останься!

Мужик, раздираемый недоумением и муками от необходимости выпить, в полном непонимании принялся успокаивать и оправдываться:

— Ладушка моя, да ты что?! Окстись. Не собираюсь я. Ну подумаешь, выпил лишку. Ой,

ну прости, допился твой ладо. Да?!

— Не уходи от нас. Сыновей на кого оставляешь, изверг? — заплакала женщина.

— Лада! Не гневи меня! Не дождетесь! Остынь!

— Да! Остынь?! А это как прикажешь понимать?

— Что?

— Это!

Сам же сижу под столом в полутемной комнате, подслушиваю чужой разговор и не пойму, чего они там обсуждают, но не вылезая. А тем временем мужик завопил благим басом:

— Лада, что со мной? Уж...помер?!

Через мгновение мужик от осознания чего-то непоправимого вдруг взревел раненым медведем: — Люба моя, Крутобогом прошу, спаси. Клянусь, брошу напрочь хлебну воду пить. Вновь Крутобогом клянусь, обещаю!

Нет, а хорошо ее мужик-то перепил! Конкретно! До сих пор бредит. Даже жена вон пугается. Это у него, как там ее? Ах-да, белая горячка.

Жена плача:

— Матрена, да где ты там. Подскажи, что делать-то?

Бабка с новыми свечами в руках вошла в светлицу, обойдя всех. Увидев ногу Сергея под сломанным столом, она усмехнулась, подошла к нему и приняла мою игру, незаметно для остальных показав мне кулак. Елы! Ну лопух! Мужик-то висит над столом, пока я держу.

— Так говоришь, что делать-то? Ну наговор делать надобно. Только вот спортил мне наговор, проснулся. И вишь к чему привело?

Нарочито громко, для меня, она сообщила:

— Вот сейчас я тебя опущу на пол. Идешь домой. Придешь завтра, стол мне починишь, а вечером — по-новой. Понял?!

Осторожно убираю сгусток, стараясь мягко приземлить мужика. И когда он приземлился, бабка Матрена, не давая осмотреться, погнала всех прочь из избы:

— Ну ступай, чего zenки вылупил-то. Завтра придешь.

И когда стихли звуки колёс подводы, скрипнула входная дверь, только тогда я решил, что пора вылезать из своего укрытия. У Лизы от удивления не смогла произнести ни слова. Матрена же стояла в проеме, негодуя покачивая головой.

— Сергей?! — А че? Че сразу я-то. Это просто бесовщина какая-то!

И пошел спать. В баню.

Просыпаюсь очередным утром в бане. Сладко потянулся. Может, еще подрыхнуть? Взгляд касается угла бани. Стоп! Сидор! Где мой сидор?!

От волнения вскакиваю и в чем спал, выскакиваю во двор. Спать уже перехотелось. Солнышко жарит, птички уж поют, петух прокукарекал. Слышу на дороге катится телега. Сбоку слышу Лизкин голос:

— Сергей, уж проснулся?!

От волнения совершенно забыл поздороваться:

— Лизка, а ты не видела мой сидор с оружием? В бане лежал.

— Ох-хохо! Не успел встать, барчук, ужель о железках своих волнуешься. Видела!

— Где он?

— Да вона твой сидор, на солнце сушится. Ничего ему не сделается.

— Где? — сделал несколько шагов, чтобы убедиться в словах девушки и замираю. На

солнышке сушились отдельно друг от друга, прямо сверкая, блестя своими свежоотмытыми боками и гранями, меч цзянь с ножнами. Ножичек мой швейцарский. И парострел впридачу. Рядом висела, сушившаяся на веревке моя сменная и запасная одежда, выданная мне еще на Новике. Постирать которую у меня в последнее время руки не доходили.

— Пф! Ну что, убедился, барчук. Ничего с твоей одеждой и оружием не делается. Постирала только. До такого состояния довести. Все грязное, в пятнах и масле, корках. Фу! Как можно?

Ну да грязное. После приюта как то не задумывался об этом. Там все по расписанию. раз в неделю будь добр сдать белье в стирку. Ну и сам. Время по вечерам было. А на Новике смена и стирка белья за все время была только один раз, когда в Кайгороде несколько дней были. Все в помощь вахтовым боцман отправлял. И все время грязь собирал. На Новике фраза “матросы грязь не собирают, она сама к матросам липнет” была применима на все сто. В казематах выстрелы потаскаешь или ствол паропушки банничком протрешь — смотришь, испачкался. В пародвижительный вообще можно на себя только старье надевать. В новом ходить туда просто жаль. Извазюкаешься со стопроцентной гарантией. В камбузе вроде стараешься, не пачкаешься, а все равно. Попробуй не пролить и не рассыпать, когда дирижабль трясет. Воздушные потоки они такие. В трюме постоянно свалившийся от тряски груз перекладывали. Мешки и ящики там потаскаешь — вот и вновь грязный. Или масло в калильные фонари вечером в полете зальешь-считай, измазался. Чистеньким только разве с капитаном или в телеграфной можно остаться. Остались еще силы в конце дня, успеешь замыть в горячей воде в пародвижительном, значит успел. Только сохло, правда, плохо выданное нам белье в замкнутом пространстве дирижабля, отчего оно прело и пахло. Иногда еще в мокром наутро уходил. Развешивать мокрое белье на уличной части палуб начальством не разрешалось, но находились экземпляры, которые вне вахты сушились на улице, одновременно сторожа свои вещи. Увидят флайт-мичмана или капитана на палубе, вещи свои, р-раз и в нишу, с их глаз долой. Пройдут офицеры — вновь быстренько развешивают сушиться. От своих не прятали, те все понимали. Сами такие. Вот и забил я в целом на свой внешний вид. Устал с грязью бороться.

А Лизка, чертовка какая, разве поймёт она. Раз уж постирала, надо бы ее поблагодарить. Дальше уж сам, без ее участия.

Взгляд касается лежащего на старой тряпке и сушащегося оружия. Она и его помыла-а?!

— А-а-а! Лизка-а! А это что? Что ты наделала? Зачем же мое оружие? Зачем парострел мыла-а? А саблю-то зачем?

Девушка явно была в замешательстве.

— Сергей! Чтоб блестело! Одежу как твою застирала, смотрю, рядом оружие твое. Грязное оно какое-то. Сергей! — девушка даже обиделась: — Я ж только луковичкой прошлась да золой с маслицем. А саблю твою полбяной мучкой с солью да яблочным оцетом натирала. Помыла и на солнышко сушиться.

— Да зачем оружие-то?

— Сергей! Я ж как лучше — Лизка от обиды прямо надулась, глаза ее увлажнились: — Помочь хотела! А ты!

И обидевшись на меня, гордо задрав свой прелестный носик, Лизка быстро побежала в дом, выделяясь коричневыми задниками чеботов. А я остался во дворе, в думах, что же мне со всем этим делать дальше. И чем смазать. И о том, что вправду матросы на дирижабле в разговоре трепались, про то, что бабу к оружию подпускать ну никак нельзя. И куда б его

еще спрятать.

— Эта звездная ночь, где ты и я

— Эта звездная ночь, зовет меня...

— Сергей, не крутись. Дай же намазать хорошенько. Еще немного и заживет, как на собаке.

— Да щекотно же.

— Терпи, паролетчик!

— Лизка, а скажи, что это тут за веники у вас развешаны.

— Сам ты веник. Это чернобыльник, трава наш дом от ведьм и злых духов защищает.

— Да ладно, неужели они есть?

— Не говори так, Сергей. Духи и домовые на нас обидятся, будут пакости делать. Правда, плохо не сделают. Но приятно не будет. Нельзя так с ними.

— Ну нельзя, так нельзя — легко согласился я с молодой знахаркой.

— Сергей, знаешь, завтра ночью новомесячие будет. Раз в Круголет на Ярилин день вся деревня гуляет. Ночью с парнями и девками пойдем костры Яриле зажигать. Весело будет. Игры и гадания всякие, гульбища, все песни поют и пляшут, в Иван-озере плескаются. И духи с нечистью и прочими кровопийцами на гульбище из лесу выходят. Пойдешь гулять с нами?

— Ну ты спросила. Не знаю. Я, наверное, там быть не смогу. Только боль в теле ушла. И я же никого тут не знаю. И зачем мне ваши кровопийцы?

— Я знаю. Сергей, пойдем?! Тебе там по нраву будет!

Долго она уговаривала. Уговорила.

Весь завтрашний день девушка готовилась. Плела парочку венков из травы иван-дамари, искусно вплетая в один из них листья лопуха, бородицкой и медвежьей травы, вытщила из сундуков бордовые черевички и красивый белый сарафан с вышитыми на нем красными символами и таким же красным тканым передником.

Вечером, когда только начало смеркаться, вся деревня собралась за селением. Молодежь колонной шла первой по сельской дороге к воде Иван-озера, позади шли люди постарше и старики. Лизка шла среди первых, красуясь своим пышным травяным венком, ухватив под руки своих таких же, как она, нарядных высоких подруг с не менее красивыми венками. Иногда она оборачивалась, словно боялась, что я сбегу или потеряюсь. Иногда на меня, шепчась и смеясь, смотрели ее подружки. Рядом идущие с ними другие девушки и парни не отставали от них, пели веселые песни, громко шутили и задорно смеялись. Местные 'парубки', хотя и косились на меня, но в угаре праздника под взглядом девушек приставать не пытались. Хотя всю дорогу нужно было следить, чтобы тебя попросту не облили водой, а то и с грязью. Шутки, видите ли, у них в праздник такие.

Один такой, заметив в толпе чужого, попытался. Но не понял, почему вдруг деревянное ведро с водой вырвалось из его рук, перевернулось и облило того дурно пахнущей водичкой. Упс, явно каких-то чертей проделка, не иначе. Бросив пустую кадку, он, что-то гневно пробурчав, сломя голову побежал дальше вперед, в начало колонны.

Мне было не весело. Понимаю, что людям хочется праздника, пускай даже во время войны, но, видя посреди лета их цветущие беззаботные лица, хотелось уйти самому. В копилку этого желанья было обостренное до безобразия стеснение от роста. Если к росту Лизы и бабки Матрены я еще как-то привык, то увидев их односельчан... Это было что-то.

Лиза действительно была самой низкорослой среди других, идущих к берегу, парней и девушек. Я чувствовал себя, словно лилипутом в стране Гулливеров, вдобавок случайно оказавшемся на чужом празднике жизни. Сделав в своей голове пометку в ближайшее время расспросить моих хозяек об этом, я стал потихоньку отставать от колонны. Вначале смешался со стариками, а вскоре, в месте, где дорога делает крутой поворот, незаметно и тихо от них ушел в лес. Побродив там недолго, среди клетота, ухающих и цокающих звуков, вскоре пошел обратно, в одиночестве догоняя ушедшую колонну.

Встав у одинокого, судя по обхвату, очень старого, дуба, я смотрел за веселящимися деревенскими. А праздник Ярилы тем временем продолжался. Вот старики, под не замолкающие песни, игры и длинные хороводы среди гуляющих, добыли из дерева живой огонь, после чего разожгли несколько костров. В главный костер на шесте воткнули колесо от большой телеги. Горящее колесо в темноте напоминало яркое солнце. Ребята и, чувствуя себя молодыми, взрослые под заводные частушки начали прыгать через костры.

— Гори, гори ясно

— Чтобы не погасло...

После, когда солнце уж полностью село, девушки, среди которых была и Лиза, войдя по пояс в воду, возложили на водную поверхность свои венки, и некоторое время следили за их плаванием. После чего, нырнув с головой в воды Иван-озера, мокрые выходили на берег.

От наблюдений меня отвлек голос бабки Матрены:

— Сергей, почто здесь стоишь. Невесело тебе с нами, да?

— Да, баб Матрена, невесело. Тоска прямо заела. Команду свою вспомнил, капитана, родных. И ни никаких сил нет, ни желания.

— Эх, Сергей. Первое завсегда проще. Сегодня, на Ярилин день, все травы, деревья и камни силу особую имеют. Не только лечат, но и от леших, чертей и кровопийц лесных да от тоски спасают. Даже старый дуб, к которому ты прислонился. Вам, магам, не то, что нам, сегодня самое раздолье — силушку собирать. А вот там, в той стороне — тут Матрена махнула рукой, направляя: — лежит жив-камень, еще с тех времен, когда боги наши по земле ходили.

— И как же это мне сделать? Силушку-то собирать.

— А ты прислонись к дереву, пошепчи ему слова добрые, с чистым сердцем сказанные. Увидь древесную силу живительную, ровно как силу свою магическую и...сам дальше поймешь.

И ушла. Ну и бабка. Снова оставила меня самому разбираться со своими способностями. Решив попробовать бабкины слова на практике, делаю, как она сказала. Обнял дерево, совершенно не смущаясь залезших на меня муравьев. Что дубу то сказать нужно? Никогда и ничего такого деревьям не говорил. Просто не обращал внимания. Они же деревья.

Не нашел ничего лучшего, как просто мысленно пожелать ему простоять столько же лет, сколько он уже стоит. И у меня получилось!

Мне открылось видение, как зеленые нити кольцевыми хороводами выются по дереву вверх, разбегаясь по ветвям и неся силу в каждую веточку от мала до велика. Стало как-то очень тихо. Слышать звуки праздника на берегу я перестал. Зеленые нити дерева тесно сплелись с моими золотистыми, также весело играя в хороводы, а я почувствовал, как моя усталость и боль уходят. Очнулся я сидящим на корточках, обнимая старое дерево. Рядом стояла Лиза, пытавшаяся меня разбудить, дергая за плечо.

— Сергей, просыпайся! Что с тобой?

— Лизка! Ты. Со мной все хорошо! Просто прекрасно. Ничего не болит. Чувствую себя здоровым и отдохнувшим.

— Так ты силушку живительную у дуба попросил?!

— Ну да. Бабка твоя помогла.

— Экий ты молодец. Дайка я тебя расцелую... М-м-м-м!... На Ярилин день нам все можно...

— ?!

После приснопамятного случая с коровой, я осмелел. Оказывается, хорошая штука в хозяйстве эти магические силы. Для тяжелых предметов крана никакого не надо, грузчики-помощники тоже мне не нужны, с той же буренкой какой воспитательный момент, однако, вышел. По дому частенько стал силой своей пользоваться. Женщины, прознав об имеющейся значительной силе, применили житейскую сметку, тут же став просить гостя применить эту силу в хозяйстве. Ну разве откажешь им.

Ну я и пользовался. Бревна там длинные из лесу в наш двор перетаскал, в одиночку их двуручной пилой на чурбаки распиливал. Удобно силой по колуну бить, раскалывая напиленные чурбаки на дрова. Чувствовал себя в тот момент эдаким Ильей Муромцем. Старый крепкий дед, сосед Матрены, сидящий на завалинке, смотря на это мое действие, только удивленно головой качал. Женщины за обедом и ужином приятно расхваливали, подавая гостю, хорошо потрудившемуся на благо их семьи, самую большую плошку с вкусно приготовленной едой. Удобно, кстати, с помощью магии бегать и прыгать. Руки вниз опустил, по плечам выровнял, сконцентрировался. Р-раз и ты на высоте. Первый раз так на скошенном лугу задумал сделать и бездумно прыгнул с места на шесть метров в высоту. И хорошо, стог сена рядом был. С криком а-а-а-а на этот стог и приземлился, к счастью, ничего себе не сломал и даже не отбив. Ну а в дровницу дрова пришлось самому ручками укладывать. Стога заготовленного на зиму сена хозяйкам в сараи таскал. Мешки с зерном в подводу грузил. Обмолоченное в муку зерно в мешках с мельницы таскал.

Иногда мне даже было обидно. Ну почему эти свойства мне не показались в городе. Ну или хотя бы проявились на дирижабле. Столько же дел мог бы с ними наворотить. Усталый, бегал к жив-камню и старым деревьям за околицей у леса силы пополнять. Лизка вместе с Матреной разок после праздника показали мне путь, а там я и сам туда, чтобы никто из окрестных не видел, вечерами ходил. Заряжаться и, при необходимости, лечиться. Прямо энерджайзер какой-то. Кстати, Лиза после той ночи, хоть и строила глазки, большего мне более не позволяла. Лишь работой нагружала. Разной и побольше.

Вот и за питьевой колодезной водой в одиночку вместо нее, к неподалеку расположенному колодцу типа “журавль”, несколько раз ходил. Обычно по темноте. Чтобы воды из журавля налить, девушка с подругами или соседями кооперировалась. Мне же таскать — никакой помощи не надо. Но когда я несколько раз в одиночку походил, Лизка вновь с подругами взялась за коромысло. Не понял. Почему?

Оказывается, потрепаться ей с подругами у колодца, видите ли, надо. Вот оно как. Надо же. Колодец, оказывается, в деревне вместо газеты и телевизора. О как! Ну и ладно. Баба, как говорится, с возу...

— Мат-ре-на-а! Выдь к воротам!

Бабка, услышав зов с улицы, подошла к оконцу, вытирая свои мокрые руки о передник.

— Дык кого ж это нелегкая принесла?! А-а, Степаныч, староста наш деревенский! И помощники с ним. Сей час — сей час, открываю. Ужель дело какое, Степаныч?!

— Дошли, Матрена, слухи до меня, что некий военный человек у тебя в избе схоронился. Флотский. Угадал ужель?! Так ты, Матрена, давай знакомь меня с ним. Дело есть к нему.

Пришлось идти знакомиться. А начиналось все так:

— Эй, ты кто такой?! Ты не из наших.

Возвращался в очередной раз с полянки в лесу, где проходили мои тренировки. Не дойдя до избы бабки Матрены каких-то три дома, на грунтовку, из-за растущих с обеих сторон кустов акации, выскочила ватага местных ребят, преградив мне дорогу. Сзади, закрывая мне путь к отступлению, выскочило еще двое. Лица их были нахмурены, однако их вожак, прямо глядевший на меня, довольно улыбался. По первому ощущению это были мои одноклассники, однако учитывая нашу разницу в росте и пропорциях, казалось, что они были куда старше. Тот. Кто пытался на дне Ярилы облить меня, стоял крайним слева.

— А тебе-то какое дело?

— А нам до всего дело есть. Грят люди, ты на нашу Лизку глаз положил.

— Да может и положил. Это только меня и её касается. Вам-то чего?

— Как чего? Лизка уже другому принадлежит.

— Тебе что-ли?!

— Да хоть бы и мне. Дык грю, Лизка — она девка наша.

— Смотрите, не ошибитесь.

— А то что?! Неужто драться с нами будешь? Нас больше.

— А то. По шеям надаю и заломаю. В имперском флоте и не тому учат.

— Да ладно. Бреешь! Флотские малорослых не берут.

— Вас не берут, а меня взяли.

— Еще скажи, что и оружие там таким дают.

— И оружие дают. Катайцев бить.

В разговор встрял очередной пацан:

— Робяты, да брешет он, нешто видите?! Никакой он не флотский и нет у него никакого оружия. И не бил он никаких катайцев. Мал еще катайцев бить.

— А мне и доказывать не нужно, оно у меня есть. В честном бою взял. Я и без оружия вас заломаю. Оружие оно нужно умным, с катайцем воевать. А вы чем, ребята, катайца бить будете, а? Вилами да граблями?! Или за вас папки с дедами воевать станут? Сестер с матерями как защищать собираетесь? Цепами да косами?! Или отсидеться тут собрались, пока враг землю разоряет?! Не выйдет! Катайцы уже тут. Слыхали, наш бой тут воздушный с катайцами с неделю назад был?! То-то же.

Ребята задумались. Пользуясь моментом, быстро двигаюсь вперед мимо ошарашенных таким наездом парней, отстраняя в сторону ‘обливальщика’. Одновременно добиваю их словами:

— Пустите! Вот когда надумаете, парни, что-то путное, тогда и приходите к дому бабки Матрены. Там я живу. Тоже мне вояки нашлись. Из-за девок они дерутся.

Вышел во двор. Сам во флотской форме, согласно устава. Засунув за флотский ремень свой парострел, выхожу на улицу. У ворот стоит неизвестный мне мужик. Молчит, главное, и пялится на меня. Решив прервать молчанку, отдаю честь и начинаю первым:

— Здравия желаю! Сергей Конов, юнга и одновременно помощник капитана эскадренного ударного дирижабля имперского флота “Новик”.

— Местный староста я. Евграф Степанович Забейворота. С помощниками.

— Какие-то проблемы?

— Да, Сергей. Можно так назову?! — и получив в ответ мой кивок, продолжил: — Значится так. Доложили мне, что в деревне новый человек имеется. Это бы ничего. Сообщили мне, что сей человек военным является. Так?! Так. Так вот, ежели так. Немедля прошу покинуть нашу деревню в ближайшее время.

— Степаныч, ты, родич, верно, белены объелся? За меня решаешь. Гостя мово со двора гонишь! Кто ж эдак с гостем-то делает? Духи наши...

— Молчи, Матрена! С тобой я, верно, апосля отдельно грить буду!

— Степаныч, да ты, нешто, с ума сошел?!

— Бабка, замолчь! Разговор сей важный не с тобой, а с парнем этим.

Вступаю в разговор:

— Евграф...Степанович, так вас по батюшке?! — нахмуренный мужчина нервно кивнул: — Почему вы меня отсюда гоните? За что? Что я вам такого сделал?

— Вот именно, что не сделал. Форма на тебе чья? Имперская?!

— Имперская. Воздухоплавательный флот.

— Во-от! Потому уходи со двора.

— Но почему? Вы же наши, тартарские! За императора должны быть!

— Мы туточки свои. И не император он нам. наших прапрадедов и прапрабабок еще императрица Анна, мужнина травительница, с семьями в ночь и за горы Тартарские жить отравила. Дабы рылами, укладом и верой своей аглицкий столичный лад не портили. Жить не давала. Бороды и космы нам резала. С красных углов обереги защитные срывала и на улицах жгла. Не государь нам нынешний. Бо родственник он той Анны. Мы уж туточки сами себе хозяева. И он там, а мы здесь. Понял?! Уходи!

— А как же катайцы? Они же скоро тут у вас будут. Как же воевать с ними собираетесь?

— А что нам катайцы? Не хуже зверья дикого. А со зверем всяко договориться можно. Не обидят, да и духи помогут. Ежли что, в лесу ухоронимся. Уходи, добром прошу.

Я стоял в недоумении. Хотелось врезать этому старосте и уйти. За загородкой собралась куча местных зевак из разновозрастных парней и девок, с удивлением смотрящих за этим бесплатным представлением. Завыла бабка Матрена:

— Степаныч, ирод ты этакий. Духи тебе этого не простят. Дай хоть гостю моему припасов на дорожку собрать. Идти вона сколько. Словно вора какого из деревни гонишь.

— Матрена, я все сказал. Он уйдет.

— А если не пойду, то что?

Мужчина промолчал, потому что внимание его было приковано к моим рукам. Он всматривался, словно изучал меня.

— Ну так что, Евграф Степанович. А если я не уйду?!

Мужик вдруг ударил по шеям обоим, рядом стоящих, помощников. Усадил ничего не понимающих, таких же сельских мужиков на колени и сам бухнулся коленками в траву, завопив благим басом:

— Княже! Прости! Пожалей нас неразумных. Добром, Крутобогом и Ярилой прошу. Не доводи до смертоубивства. Что хочешь с собой бери, княже, но уйди со двора!

Сплюнул на землю, вот какие уроды бывают. Разворачиваюсь и иду в баню, за своим

большим сидором. Там собираю обратно, выложенные из него накануне, свои вещи, периодически качая головой от такой вопиющей несправедливости. Собрав вещи, окидываю своим взглядом предбанник. Вроде, ничего тут не забыл. Сел перед выходом на лавку в последний раз. С полминуты посидев, встаю, потому что в баню забежала бабка Матрена, прижимая к грудям носимые с собой наспех собранные припасы в дорогу:

— Сергей, ты прости нас, прости родича моего неразумного. Не ведает, что творит. Я тут припасов, по-быстрому, на путь дорожку...

— Спасибо, бабушка Матрена, не надо!

— Сергей, не обижайся, надо...слухай, я тута яичков тебе вареных со вчерашнего в туеске набрала, хлеба свежеевыпеченного пару караваев положу...

— Баб Матрена, ну не надо, зачем?

— Лука с чесночком, сала шматочек, соль в коробке... — женщина перехватила мой сидор и ловко развязав, принялась укладывать туда принесенную в дорогу еду

— Ну зачем вы...

— Мазей лечебных тебе от ран на дорожку...знаю-знаю, что ты маг...на всякий, вдруг пригодится...ранку помажешь, заживет. И камешков лечебных парочку...Ежли что серьезное, на крайний случай, понимаешь...приложишь к ране и держи, пока не затянется.

Я кивнул головой, подтверждая, что знаю.

— Все время знала, что ты непростой, княже. Барчук, ты прости нас за все.

— Вас мне не за что прощать. Вам спасибо. За то, что не бросили в лесу, спасли, за лечение, за кров, еду и ласку.

— Сергей, хучь сложно, но идти тебе к тракту надобно. Леса у нас тут дремучие, зверья много. Тебе проще, сил у деревьев возьмешь, у камней старых. Знаешь теперь как. По лесу сложно без проводника. Путь к столице смотри по Яриле. Светило наше встает на востоке, а заходит на западе. Тебе туда надобно. Но все ж доберись до своих. Легше будет.

Наконец высказавшись и завязав сидор, бабка помогла надеть его на меня. Усадив на лавку, пару мгновений посидели. И молча, ничего не говоря друг другу, вместе с ней мы вышли из бани. Во дворе ничего не поменялось. Тот же староста с помощниками что-то негромко между собой обсуждали. Глазеющие на происходящее, зеваки все также стояли за околицей. Лизки нигде не было. От новой обиды снова сплюнул на землю. И зря.

Попрощался с Матреной. И пошел, не оборачиваясь, к калитке. Проходя мимо входа в сени, дверь вдруг открылась и из нее, со своим маленьким сидором и большой корзиной в руках, выскочила Лиза, громко крича:

— Ба, я тоже ухожу. Ухожу со своим Сергеем.

Женщина, прищутив глаза, со злостью посмотрела на нее. Глаза ее в ярости потемнели:

— Лизка! Что удумала? Не пуцу-у-у с ним!

— Уйду, ба!

— Одна ты у меня-а! Не да-ам!

— Уйду. Решила так! Не уговаривай!

Женщина, внезапно сорвавшись с места, подбежала к собравшейся уходить Лизе и схватив ее, силой начала ее заталкивать обратно в дверь. Вырвала из рук сидор, упала корзина, из которой выпал и покатился по земле круг домашнего сыра. Из перевернувшейся крынки на землю потекло молоко. Вырывающуюся из ее рук, борящуюся с ней девушку в сени помог затолкать староста Степаныч.

— Не пуцу-у-у с ним, Лизка! Даже и не думай мене!

— Ишь что удумала, окаянная. Бросить нас решила?!

Девушка заплакала. Злое и заплаканное от обиды лицо девушки гневно взирало на родных и теперь таких ненавистным ей людей:

— Я все равно, ба, уйду! Отпусти-ите! Непустишь, убегу от вас навсегда! Как есть сбегу! Мой Сергей. Бабка, родич мой, попусти-и!

— Ты никуда не пойдешь?

— Я убегу. Не сегодня, так завтра убегу. Не завтра, так позже. Матрена, пусти-и! Непустишь, не вернуся совсем.

Дверь закрылась, чтобы через мгновение оттуда выскочил староста. В сенях слышался злой ор и крики. Староста уперся в дверь и снова сказал мне:

— Не дадим. Уходи, княже!

Выйдя за околицу, Сергей оглядел стоящих на улице зевак. Поправив висящий на спине сидор и парострел, заткнутый за ленту ремня, взглянул в последний раз избу Матрены и не оглядываясь, ровным шагом двинулся прочь из деревни. Дойдя до развилки дорог, юноша свернул на ту дорогу, которая по словам местных, должна привести его к имперскому тракту.

Пройдя по дороге примерно пять верст, еще недалеко от деревни, парню встретилось недавно поваленное на дорогу дерево. И он, решив напоследок все-таки сделать ещё одно доброе дело, принялся за, ставший уже привычным, магический подъем тяжестей. Потратив на это дело несколько минут, Сергей решил немного передохнуть и присесть на траву.

Через минуту отдыха, юноша почувствовал очень, едва чувствуемую, лёгкую вибрацию.

— Странно, землетрясение?! Нет, на землетрясение это не похоже.

Вибрация земли усиливалась с каждой минутой. Сергей лег на землю, прислонив ухо к земле, словно пытаясь услышать что-то новое. Лёгкая рябь земли ощущалась сильнее и мерными стуками.

— Нет, это не землетрясение. Совсем не похоже на землетрясение. Словно ходит по земле кто. А кто ходит?! Б...броня...бронеходы-ы!

Сергей не стал возвращаться прежним путем, а пробежался по краю леса, срезая себе обратный путь в деревню. Сейчас он во весь опор гнался в деревню через дальние покосы и луга. С помощью магии преодолел встретившийся ему широкий ручей. Скоро должно начаться деревенское поле, засеянное растущей пшеницей. Во время бега, он издали анализировал складывающуюся в деревне ситуацию. А она была стремной. В деревню от развилки с другой дороги на полном ходу, чихая паром, не останавливаясь, въехало несколько грузовых паромобилей. Рядом скакало несколько всадников. В хвосте колонны двигался легкий небольшой паровик, нелепо смотревшийся среди всех остальных машин. Позади всех них, по лугу, пугая пасущихся там коров, тяжело ступая и чихая паром, шла пара тяжелых бронеходов, украшенных катаяскими знаменами и письменами. Не став заходить в деревню, оба бронехода остановились на ее окраине, издав бортовым ревуном воющие звуки. Стволы паропушек даже не наводились, словно их пилоты никого вокруг не боялись.

Сергей еще бежал ко дворам, когда из-за стогов сена, копнами лежавших у первых ближайших дворов, выскочил вожак тех парней, что ранее пытались отбить у него Лизу. За ним выглянуло и еще несколько ребят из той ватаги.

— Чужанин, куды бежишь, катаяцы там! Убьют же!

— Знаю, что катаяцы, не слепой. А вы значит от них сбежали? И что я вам говорил?!

Труссы!

Паренек, скривившись на обидные слова, ответил ему:

— Нас отцы из деревни взащей погнали. Что мы можем. У тебя, княже, вона даже парострел есть, а у нас ничего.

— И что, вы даже на охоту не ходите? Не заливай мне.

— Так луки, силки с рогатинами в ходу у нас. Парострел только у старого Мелентия и был. Служил он.

— Так луки бы и взяли. Труссы!

Не став больше с ними разговаривать, я побежал дальше, к дому Матрены и Лизы.

Скрытно пробегая мимо деревенских заборов, Сергею вскоре пришлось залечь. Через щели он видел, как катайские солдаты в синей форме, спрыгнув из кузова паровиков, разбившись на тройки, с мечами и парострелами забегали в каждый двор. Не обращая внимания на, летящую по двору, кудахтающую и квохчущую птицу, они быстро вбегали вглубь изб, вскоре возвращаясь оттуда с вытаскиваемыми из дому хозяевами. Некоторых они вытаскивали за длинные волосы и бороды, грозно шипя что-то на своем. Женщины и дети плакали. Старики и мужчины просили не бить никого. Но у солдат не было переводчиков, поэтому все их просьбы оставались без внимания.

Выгнанных из домов на деревенскую дорогу людей, катайцы быстро сгоняли к паровикам, устроив всей деревне общий сбор. Слово взял катаец-переводчик, стоящий рядом с офицером. На ломаном тартарском он начал говорить:

— Делевня с сего дня находится под пятой насего господина, императора Катая Ши Цзинта. Калмации назначен новый наместник, который оплелелит и плислет вам новую власть. Наш император, Сын Неба, милостив к тем, кто плимет тень его меча. Стальные законы и налоги — отменяются. Смитесь и все будет холосо.

Катаец подошел к старосте:

— Ты сталоста в делевне?!

— Ну, я, здесь староста.

— Все здесь знаесь?!

— Да навроде все, должон все знать. Староста я.

— Нужна твоя помось.

— Отчего ж не помочь господам офицерам? Можно и помочь.

— Помось нужна господам магам... Господа маги желают говолить.

Из легкового паровика на землю спустились двое в гражданской, непривычной для деревни, городской одежде. Котелки на их головах на фоне зеленеющего леса производили впечатление некой чужеродности. Их белые лица явно выделялись среди прочих желтоватых лиц солдат и офицеров катайской сухопутной армии. Белые люди произносят несколько фраз, которые Сергей с легкостью перевёл.

— Агличане?! Тут? В такой глуши? Заодно с катайцами?! А агличанам что тут надо?

— Нам нужен пловодник. Кто холосо знает эти места?

— Ну я, знаю.

— Господам магам нужен Власов кладезь. Нам нужен пловодник. Тот, кто пловедет нас на Власов кладезь, каписе Клутобога, получит холосую нагладу.

Молчание.

— Власов кладезь? Капище Крутобога?! — напряженное лицо старосты Евграф Степановича пробил холодный пот, который тот произвольно вытер рукавом косоворотки:

— Господа хорошие! Вы, верно, ошиблись! Никакого кладезя в наших окрестностях не наблюдали. И капищ в нашей глуши никаких нет. Ошибка ваша вышла!

Аглицкий маг негромко окрикнул стоявшего перед ним катаяца-переводчика. Из услышанного Сергей лишь разобрал, что тартарец врёт. Катаец поклонился. После чего маг принялся за странные взмахи своей рукой с нанизанными на персты перстнями. Он выделывал в воздухе сложные пассы, явно повторяющие какой-то рисунок. После чего маг направил свой указательный палец на старосту. Поначалу ничего не было. Сергей даже подумал, что у этого агличанина ничего не получилось. Но через несколько секунд лицо деревенского старосты внезапно и сильно исказилось. Разительная перемена словно выглядела борьбой двух разных людей. Лицо Степаныча то искривлялось в непонятной злобе, то мимикой лица выказывало страх, после чего возвращалось к обычному состоянию для того, чтобы снова исказиться в злобе.

— Ба-ари-ин! — кричал Евграф Степанович: — Бари-ин! Ну уйди из моей головы-ы то Не дамся тебе! Не дамся! Изыди-и!

Но противостояние было неравным. Маг, видимо, взял власть над мужчиной, отчего стоявшие рядом односельчане вскоре слышали из уст старосты другие, не похожие на обычную речь старосты, слова:

— Нет! Нет! Это не я!... Морена! Моих рук это дело!... сменились, словно чужими, словами: — Грешен я, пред ликом твоим, Морена, сильно грешен. Гореть мне в аду твоём, в геенне огненной среди идолов жгучих, мучиться среди слуг твоих темных. — глаза мужчины блестели и выглядели безумными, отчего лишь контрастировали с выражением отчаяния на лице: — Возьми меня к себе, прими мою жертву. Не боюсь, не страшусь, по делам моим мне и воздастся... Ешьте меня, Мореновы слуги...Режьте меня...режьте — с этими словами староста принялся раздирать на себе одежду и беспричинно царапать кожу рук, словно стараясь сделать себе как можно больнее.

Лицо мужчины снова исказилось безотчетным страхом и испытываемой жуткой болью, отчего некоторые, наиболее впечатлительные, стоявшие на площади, женщины повалились без чувств. А те из сельчан, кто посмелее, стали просить мага сжалиться над несчастным старостой. Но пытка старосты на этом не кончалась. Вскоре уже полуголый мужчина орал на всю деревню и размахивая руками:

— Горю-ю! Я Горю-ю! А-а-а-а!! Мои руки-и! Горю-ю!

Когда маг закончил свою пытку, староста немедля свалился без чувств. Его помощники сразу кинулись помогать старосте, одновременно пытаясь привести того в чувство. Вскоре им это удалось. Староста вскочил, с каким-то неистовым остервенением принявшись осматривать себя на предмет повреждений. Пот с него струился ручьем. Не найдя на себе серьёзных травм, за исключением сильно расцарапанного тела, мужчина бессильно опустился на землю. Сев на траву, он обхватил свою голову обоими руками.

— Так где находится Власов кладезь?! Есть ещё следы вас ми хоу, кто желает познать на себе силу мой господина? Сталоста, вспомнил? Или желаешь узнать еще?

Евграф Степанович поднял голову. Из глаз покатались первые слезы. Бабы в толпе завывали:

— Я проведу, будьте вы прокляты. Ироды! Я проведу!

Маг сказал переводчику несколько слов. Переводчик, склонившись в легком поклоне, отдал распоряжения солдатам в форме. К старосте подскочила пара солдат с изогнутыми мечами пудао в руках и парострелами на перевязи, взяв того за плечи.

— Ты едешь с нами. Обманешь мой господина. Ми хоу делевня смелть — катаец показал старосте характерный знак рукой. — Есе за обман мой господина штраф — плододольствие. Наси воины хунхуцзы помогать ми хоу.

Мужчину увели к неподалеку стоявшему паровику, после чего беззвучно плачущему старику помогли подняться на борт грузовобиля. Аглицкий маг сел в свой паровик, а в собрание деревенских включился новый персонаж — офицер в замызганной и грязной китайской форме. Из obsługi бронехода. Подойдя к переводчику, он сказал тому несколько отрывистых слов, отчего тот кивнул головой. Катаец-переводчик выбрал из толпы нескольких самых здоровых женщин и махнув в сторону одного из стоящих бронеходов, сказал им:

— Вода?! Вода нести туда. Ты клепкая, ты... ты... ты... ты и ты! Хунхуцзы вас охланять.

Через минуту все китайские паромобили почихали дальше, оставив с десяток краснобородых воинов в пузатых, подвязанных у щиколотки, черных штанах в деревне. Следом за паровиками в их сторону загромыхал один из бронеходов, пугая всех деревенских мощным грохотом своих шагов.

В число таких счастливиц попала и Лизка. Не став дожидаться, пока враги скроются за горизонтом, назначенные переводчиком к работе водоносами, женщины пошли по своим избам за ведрами. За ними увязалась компания китайцев с выкрашенными, словно хной, бородами и черными как смоль волосьями на голове. Одежда их несколько отличалась от уехавших военных. Разделившись по нескольку человек, те смело шли за женщинами во дворы. Поняв, что нужно быстро бежать дальше, Сергей вновь метнулся задами во двор Матрены.

Когда я добежал до бабкиной избы, тройка солдат уже была там. Матрена сидела на траве, раскачиваясь туловищем и выла, прислонившись спиной к ступеням входной лестницы. Лоб ее пересекла большая царапина, из которой по лицу сочилась кровь. Подозревая, что произошло самое худшее, быстро подбежал к бабке, сразу же зажав ей рот. Матрена была не в себе, поэтому среагировала на Сергея, только когда он зажал ей рот. Глаза ее округлились, и она открыла рот, решив ему что-то сообщить. Но Сергей на это только усилил нажим, одновременно шепча ей, мол, бабка, молчи.

— Они там?!

Бабка глазами и свободной рукой показала на задний двор. Подношу к губам указательный палец, мол, бабка, молчи дальше, и тихонько пошел во двор, на ходу вынимая из-за ремня свой парострел. Сидор он оставил за околлицей. На заднем дворе среди сараев и прочих построек слышались звуки нехорошей возни, среди которых отчетливо различались всхлипы и просьбы девушки.

Выглянув из-за угла сарая, Сергею предстала картина насилия. Трое китайцев, пытались завалить высокую Лизу на траву, пытаясь силой преодолеть ее сопротивление. Им это почти удалось. Их жертва, еще отпихивалась ногами от китайцев, вдобавок пытаясь урезонить иноземцев. Правда это у нее получалось плохо. Но девушка держалась.

Рядом с китайцами, на земле валялось брошенное ими в запале насилия оружие. Мечи пудао и парострелы.

— Чангпу, Бохай, скорей давай с девкой, а то нас хватится наш чжихайтсиан (командир). Будет недоволен, еще палками после захода солнца добавит.

— Э-э, Ченг, Бохай смотри! — Чангпу от увиденного даже отстранился, перестал держать девушку. Тоже самое сделали и другие хунхуцзы. Лиза, поняв, что ее перестали

держать, не поняв почему, отстранилась от тех подальше.

— Д-держите, козлы! От меня!

В трех солдат практически одновременно воткнулись их же пудао, отправленные в них Сергеем. Солдаты, получив мечом тяжелое ранение в грудь и схватившись за рукояти мечей, со стоном упали на землю.

Подойдя к каждому из них, юноша убедился, что все враги мертвы. Лиза, села на траву, обняла ноги руками и беззвучно заплакала. Когда Сергей подошел к ней и обнял ее, она, словно опомнившись и не прекращая реветь, начала осыпать его поцелуями, говоря:

— Сергей, пришел... ты пришел... пришел.

Сзади раздался голос:

— Ну княже, ты и впрямь флотский. Эка ты их. Трех разом одолеть.

Резко обернувшись за голос, прямо с взведенным парострелом в руках, вижу, стоящих во дворе, ранее встреченных в стогах ребят, с удивлением и опаской смотревших на уже мёртвых катайцев. Вожак ватаги, вихрастый паренек, с которым он уже разговаривал, примирительно поднял руки:

— Ей-ей, княже, ну же, погодь. Мы это. За тобой пошли.

Увидев лежащие на земле парострелы, вожак кивнул Сергею на них:

— Можно мы их возьмём, у тебя же есть!?

Куда мне их столько, путь берут, но не за так. Пусть помогают.

— Бери, но только если вы со мной?! Или боитесь? Вдруг мамка запрещает аль сами в штаны наложили?!

— Зачем же так?! Страшно, но мы с тобой. Правда, пареши?! — вожак быстро кивнул своим, словно требуя немедленного ответа. Парни не подвели, согласившись одобрительным гулом:

— Княже, ты лучше обскажи нам, что делать-то?

— Что-что? Разве не понятно? Катайца бить!

— Этож нам рази понятно. Рази мы им худо делали?! Не было такого. Правда, пареши?! Юноши позади вожака вновь согласно закивали головами, вдобавок подтверждая слова того тихими утверждениями. Наверное, чтобы не услышали.

— Значит, если мы вместе, то план такой. Идёте со мной в каждый двор, но поперед меня не высовываетесь. Я этих молодцев бью, а вы их крепко вяжете. Чтобы не вырвались, если очухаются. Надеюсь, этому учены?

— А как жа! Снопы вязать каждый с нас может. У нас парнища не промах! Правда, пареши?! — Это не все. Заходим в каждый дом, успокаиваем женщин. Если кто уже вышел за водой, пусть идут. Успокойте женщин, пусть идут тоже, не показывая вида. Главное, нам нужно добраться до того бронехода и вырубить его обслугу первыми. Иначе, если там заметят отсутствие этих краснобородых — тут я кивнул на лежащих разбойников — всей вашей деревне не жить! Затопчут одним бронеходом всех нас. Как курей! Вы поняли?!

— Поняли, княже! Как рази не понять-то? Смекаем.

— Так пользоваться парострелом как, знаете?!

— Нет, княже... научи, прошу.

Ребята привели на задний двор бабку Матрену. Увидев мертвых хунхузов, женщина только всплеснула руками. Наскоро успокоив Лизу с бабкой обоих, мы предложили им схорониться в лесу и ждать его возвращения. Сергей принялся учить вожака и двух его

помощников пользоваться парострелом. После несложного тренинга вскоре вся компания отправилась в другие дворы искать хунхузов. План пришлось корректировать. Все Лизка. Боевая девка.

Бабка Матрена ушла в лес одна. Девушка, услышав наш план, уперлась и не пошла, видимо в состоянии шока согласившись в нем участвовать. Объяснив девушке ее задачу и отправив Лизку с коромыслом на плече и ведрами, ребята задами пошли в соседние дворы. Конечно не хотелось мне ее туда отправлять, но особого выбора не было. Лиза была права. В толпе народу нужен был свой, из местных. Кто отвлечет внимание или поможет. А еще, вдруг тот бронеходчик их всех в лицо запомнил. Панику еще наведет раньше времени.

Сунулись через пару домов в дом, где один из сельских ребят заметил заходивших туда хунхуцзы. Тихонько, на цыпочках, зайдя в открытую дверь сеней, я прислушался, после чего выглянул за дверной косяк. Пара 'рыцарей большой дороги' под бессильно взирающим на это действие взглядом хозяйки в расписном платке нетерпеливо пытались вскрыть своими пудао замки на ларях. Парострелы их висели на боку. Занавески были порваны, сброшены или сдвинуты, словно демонстрируя непрошенным гостям домашнюю утварь. Третий же смачно ел стоя. От спешки он периодически рыгал. Лопал вареные яйца, заедая их вареной картошкой. Оценив обстановку, сделал знак ребятам, мол замрите. Мой ход. Вспоминаю недавно заученные и уже словно введшиеся в память действия. Никто из катайцев не заметил тихо взлетевших с полок горшков. Кивок головой и кухонная утварь резко опустилась на головы хунхузов. Разбитая утварь осыпалась глиняными черепками, а трое разбойников рухнули на засыпанный осколками пол, прямо к ногам изумленной хозяйки. Та, не поняв причин случившегося, было принялась испуганно вопить и я, быстро подлетев к ней, быстро закрыл ей рот ладонью:

— Тих-хо ты! Других накличешь! Поняла?!

Женщина быстро-быстро замотала головой. Вбежали ребята. Разом распределившись, они, предварительно забрав у лежащих недвижно катайцев их парострелы и мечи, принялись деловито и споро вязать их, словно всегда этим занимались. Один из ребят запикивал в рот катайцу кляп из разорванной занавеси. Женщина испуганными глазами смотрела на все эти действия ребят, закрыв свой открытый рот ладонями.

— Бери коромысло, неси катайцам воду. Этих мы отсюда уберем. И за тобой. Поняла?

Женщина, ничего никому не говоря, сняла с себя накинутый платок и гулками шагами пошла в сени. Вскоре раздался скрип закрываемой двери.

— Крепко связал? Смотри, если вылезут, беда будет.

— Обижает, княже. Такими петлями мы лес с делянки тянем. Мы им ещё обманку нашу накинём. Не развяжутся.

Дождавшись, когда ребята вытащат очередных хунхуцзы на улицу, машу вожаку. Надо идти дальше. Паренек согласно кивает. Что-то тихо сказав подручным, кивает, мол пошли. Еще через дом вижу, как пара катайцев уже вышла из сеней на улицу, тоже что-то жуя. Не кормят их там что ли? Очередные голодные. Впереди них поодаль шла хозяйка, вытирая слезы платком. Делаю знак вожаку, призывая замереть. Показываю на хозяйку, мол возьми ее на себя. Пока занимался задними, паренек, пригибаясь, тихонько крался вдоль забора. Вскоре дело было сделано. Новая парочка хунхузов рухнула оземь, получив в свои спины большую пустую бочку из-под дождевой воды. Не успевшую заорать тетку, успел перехватить вожак. Шустрый малый. Толк будет. Следом прибежали ребята.

Переглянулись они с вожаким и ничего не говоря, вновь принялись связывать. Уже

новых, также забрав у тех их оружие. Теперь почти вся компания деревенских была вооружена. На шум и пыхтение во дворе из избы вышел третий хунхуз. Увидев ораву парней во дворе и своих связанных товарищей, он отрывисто заорал на своем, и тут же ринулся к нам, пытаясь на ходу выхватить свое оружие. И замолчал. После того как взлетел и с силой ударился о притолоку, пристроенного ко входу дома, деревянного козырька. Крик хунхуза оборвался, едва успев начаться.

Слушаю все вокруг на предмет появления нового неприятеля. Тишина, только петух закукарекал. Вроде никого. Тьфу! Вот гад! Чуть нам всю малину не испортил. Ребята с виноватыми лицами, споро вязали третьего и вскоре он присоединился к остальным связанным двоим хунхузам, положенным нами у ограды. Подскочил вожак.

— Княже, а что дальше?

— Сергей... Меня зовут Сергей.

— Акинфий я, княже. Плотницкий сын.

— Из плотников что-ли?

— А то как же. Они самые. Батя мой плотник, дед плотником был, и я тажды буду.

— Акинфий! Давай все истории потом. Нужно идти к бронеходу. Глядеть всем по сторонам и не высовываться!

— Обижаетесь княже. Ужель дурни какие.

— Парни, молчим. Просто будьте внимательнее.

Залегли на пригорке под раскидистыми кустами. У бронехода вместе с Лизкой уже стояло несколько баб, терпеливо дожидавшихся своей очереди. К ним подходили с полными ведрами другие женщины. Передав полное воды ведро какому-то деревенскому мужику, бабы дожидались его опустошения и передавали тому новое, забирая из его рук пустое. После чего снова уходили к журавлю, где набирали в пустые ведра воду. Механизм перекачки воды был прост. Ручной насос с двух ручках. Пыхтя от напряжения, ручной насос качало двое местных мужиков. Солдаты из бронеходной команды, чему-то посмеиваясь над ними, стояли рядом. На самый верх, на крышу башни бронехода, вероятно в водные баки, был заброшен брезентовый шланг.

Мимикой и руками показываю ребятам приготовиться к атаке. Парни сжимают парострелы. Хоть бы обошлось без пальбы. Ребята неопытные, ни разу не стреляли. Если все же придется, главное, не задеть деревенских баб и девушек, стоящих с водой в ожидании очереди и не дать стоящим рядом с ними катаяцам успеть достать парострелы и пудао. Делаю знак Лизе, мол, мы уже тут. Девушка оговоренным знаком едва кивает мне головой, подтверждая прием. И через пару мгновений, залихватски перекинув и завязав у живота края снятого с головы платка, обращается ко всем стоящим женщинам:

— Бабоньки! Девоньки! Чай страх на душе! Давит там, в нутрях! Душит! Развеемся! Хочу! Отвлечься! В пляс хочу. Давайте вместе, а, бабоньки!

Мужики, качавшие насос, поначалу убоявшись гнева иноземцев, все же вскорости остановились, прекратив качать воду. Ибо сказалось влияние, уставших от физического и нервного потрясения дня, женщин, сразу согласившихся на передышку. И сами устали. Над полем на краю деревни полилась старая народная песня:

— Ой ты гой еси, добрый молодец!

Вот одна из них затянула песню, ее почин подхватила вторая, затем третья. Вскоре пели все женщины, а некоторые из них принялись танцевать, отойдя от ведер. Лизка зашла с подружкой в танце в центре сложившегося круга. Один, из стоявших у насоса мужчин,

достал губную гармошку, принявшись им аккомпанировать, а второй принялся хлопать в такт песне. Катайцы отвлеклись от своего разговора, удивленные внезапно начавшимся бесплатным представлением и вновь посмеиваясь, взирали на этот концерт. Все. Наш выход.

Быстро и крадучись, передвигаюсь поближе к ступоходам, стальной машиной нависающего над нами бронехода. Ребята, также крадясь, шли за мной неподалеку. Набрасываю сгустки энергии на стоящие на земле ведра. Легко подняв пяток из них и наметив цели, кидаю их недавно освоенной магией. Попал! В яблочко. Поймавшие, в буквальном смысле, на свою голову ведра, катайцы с глухим звуком повалились разом на землю. Правда, двое из них, все же оказались крепче остальных и попытались встать, но были вновь 'приголублены' очередными ведрами.

Машу ребятам, что всё, первый этап закончен. Парни, прекратив красться, поднялись в полный рост и побежали к контуженным хунхузцам. А вот некоторые женщины повели себя странно. Увидев, что стоявшие рядом недруги, вдруг разом повалились без чувств, словив несколько кем-то кинутых ведер, они немедленно кинулись к лежащим на земле деревянным коромыслам. Схватили их и начали от души дубасить ими лежащих без движения катайцев. Словно выдавая им таким образом за все причиненные страдания. Саечку за испуг. Эй! Да так они их сейчас убьют!

— Эй-эй, все, хорош-хорош! Дамы, которые с коромыслами! Отошли, не мешай нашим вязать! Лежачих не бьют!

Ребята, влившись в женскую толпу всей ватагой, оттеснили наиболее буйных женщин, вскоре принявшись за связывание очередных пленных. Отдав вожаку распоряжение снести всех пленных из хунхузов и obsługi в одно место для определения их дальнейшей судьбы, а заодно назначить охрану, пошел осматривать вблизи стоявшую на земле машину.

Бронеход, хоть и имел странную конструкцию, не похожую на ранее мною виденное, но все же внушал к себе уважение. А как же. Такая здоровая машина, только стоящая на полусогнутых ногах-ступоходах. Конечно, с Новиком вообще не сравнить — все же разные весовые категории, но человек по сравнению с бронеходом, что мышка против кошки. В высоту бронеход имел точно не менее пятнадцати метров высоты. Всегда слегка полусогнутые ступоходы, слегка зарытые от большой массы машины в пахотную землю, придававшие машине несколько странный вид, заканчивались большой башней. Во главе башни бронехода, имевшей форму призмы, на флагштоке был водружен ярко-желтый катайский флаг с нарисованным на нем грозным драконом. Для его обслуживания на крыше башни изготовителем был предусмотрен люк, позволявший службе бронехода туда выбираться. Ну и наверное, для эвакуации. Позади башни, к ее кормовой части, где были цистерны для воды, помимо выступавшей высокой паровой трубы, была приделана площадка с консолью, блоками и круглым отверстием, сквозь которое был спущен привязанный пеньковый канат. Стоя у ступоходов, гляжу снизу вверх. Офигеть. Защиты снизу нет совсем. Снизу через разрезы нижней палубы были видны только маховые колеса и сочленения ступоходов с ними. Решив, что делать на земле мне больше нечего, а наверху будет намного более информативней, полез я на кормовую площадку. Забираться в бронеход по канату, с парострелом за пазухой, было не совсем удобно. Хотя опыт способствует.

Ф-фух! Физ-ра-как много в этом звуке, ха-ха. Внизу, с непривычки пытаюсь подняться по канату, натужно дышал деревенский парниша. За ним другие делали первые попытки примериться к этому спортивному снаряду. В голове крутится переименованная фраза ТАМ известной песни. Если хочешь быть здоров, занимайся, на канатике простом хоть пару раз

ты поднимайся! Усмехнулся их потугам. Смешно, если б не было так грустно. Не став их ждать, дернув поворотом ручку и пригнувшись, я вошел в низенькую металлическую дверь. Уй! Для лилипутов вход сделан, что-ли? Хоть и пригнулся, но все равно ударился.

Осматривая машину, для ее описания я решил придерживаться понятий, принятых на Новике и вбитых мне боцманом. С кормовой площадки через дверь, по лестнице можно было попасть сразу на среднюю и нижнюю палубы. Едва выйдя на среднюю палубу, доступ сразу ко всем палубам обнаружился тут же. В виде длинного, блестящего от многократных спусков и подъемов, шеста в центре круглых отверстий в полу каждой палубы. Взглянув в круглые проемы в потолке и полу, покачал головой. Шест словно пронизывал все палубы и пользуясь им, можно было срочным образом, как пожарнику, не теряя времени, легко спуститься с самого верха на нужную палубу. Но только спуститься. На подъем по шесту с нижней палубы, не имевшей своей лестницы, требовалось явно несколько больше времени. Слышу стук чего упавшего. Явно кто-то внизу есть!

— Какие-то проблемы, княже?

Показываю знак 'молчи-молчи'. Слышишь, внизу кто-то есть. Вожак понимающе кивает, соглашаясь со мной.

— Нет, Акинфий, никаких.

Осторожно идем вниз. На нижнюю палубу. Выйдя туда со взведенными парострелами, осматриваемся. Никого не видать.

Не успев зайти, почти сразу вспотел. Ну и жарко же тут. Прямо как на Новике. За время вынужденного стояния бронеход еще не успел остыть, поэтому внутри ощутимо пекло. Даже прорези в полу, через которые были видны ступоходы, помогали слабо. Нижний уровень бронехода был полностью отдан пародвигательному отсеку. Схема работы парового двигателя захваченного бронехода в целом была понятна, хоть и совсем слегка была похожа на двигатели дирижабля. Отсек был куда меньше такового в Новике, где мне пришлось хорошенько полазить, выискивая повреждения паропроводов и водных труб-магистралей. К мощной оси, на которой висело два больших маховика, приходила не менее мощная, словно отлитая на каком-то заводе сразу вместе с осью шестеренчатая втулка, на которой висела вся конструкция металлической башни. К каждому маховому колесу крепилось по одному кривошипу, которые приводили оба колеса в движение, каждый через свои шатуны и поршни. Каждый маховик держал асимметрично расположенное сочленение одного ступохода, обеспечивая равные движения этой шагающей паровой машине. В глубине заметил котел и небольшую горелку, рядом с которой лежал запас черного, видимо горючего материала. Картину завершало, помимо множества труб и поворотов паровых и водяных линий подачи и охлаждения, нагромождение множества шестеренок с еще одним маховиком, видимо работавших на то, чтобы позволить бронеходу при необходимости совершить небольшой поворот в момент его полной остановки. И еще я заметил шестеренчатые механизмы, идущие куда-то вверх, на среднюю палубу. Скорее всего, они передавали движение на двуствольные паровые пушки, находившиеся к рукам-клевням бронехода. Пришедшая мне внезапно в голову интересная мысль заставила меня задуматься. Просто я вдруг вспомнил, кого мне напоминал этот бронеход, когда увидел его в движении. Большой заводной цыпленок, смешно семенящий ножками после того, как вытаскивали ключ. Так же и с бронеходом. Он семенял по дороге также, только куда медленнее. Ну относительно размеров.

Внезапный новый металлический грохот упавшего предмета заставил вновь всех нас

насторожиться. Вскинули парострелы вновь.

— Эй, в машинном! Кто там?! Хунхуз, выходи сам! А не то, найдем сами, тебе же хуже будет! — сказал, не особо надеясь на то, что нас поймут. В ответ только слышу, как кто-то в глубине шестеренок и маховиков негромко чертыхнулся. По-тартарски:

— Я-то вылезу! Только бить не будете?!

Честно, я не ожидал услышать такого ответа. Да и то, что вылезло вслед за сказанными словами, не иначе как сюрпризом, назвать нельзя. Потому что из недр паровой машины, чихнув, вылезла полностью грязная, измазанная сажей, смазкой, потом и грязью, полусонная закопченная голова:

— Наши?! Тут?! Боженька, ты услышал мои молитвы! Как давно я не слышал эти слова. Все хань да хань. Дайте время только. Я вылезу. Сейчас-сейчас. Только не бейте. Господин хороший, вы это к кому? Да что это я. А вы значит кто будете? — увидев соотечественников, это неопределимое по возрасту, но явно мужского пола, существо словно разом пыталось нам выговориться, задавая разом множество вопросов. Одновременно он, в совершенно немислимой позе, изгибаясь, вылезал из своего укрытия, естественным образом появившегося в тесном помещении, между видимыми маховиками и шестеренками. Мне предстал грязный и вонючий, совершенно запущенный, худой и изможденный от недоедания, человек непонятного возраста в совсем изодранной одежде, свисавшей с него клоками и лохмотьями. Бородка на его лице сильно старила, а вконец грязный вид вдобавок придавал ему вид одряхлевшего старика. Подошвы на обуви вылезшего из укрытия, когда-то бывшие ботинками, давно просили каши и были неуклюже перемотана старыми тряпками, отчего при первых шагах грозились оторваться совсем. И данный персонаж был слегка глуховат.

— А ты сам кто таков, человек?

Он, полусонно щурясь, как-будто вспоминая забытые слова, произнес:

— Ась?! Я?! А-а-а! Катайцы зовут меня Нули.

— Как-как?

— Да Нули я. Раб я нынче. У катайцев. От хозяина здесь прячусь, что за водой в баках не доглядел. Уж очень в сон клонило. А вы... А как сюда? По делу? А сами-то кто будете?! А может, господин хороший... купите меня у командира, а! — удивил он меня: — Ну да, дайте Гую денег. Ну купите, возьмите меня?! Заберите с собой отсюда, а? Я может на что и сгожусь. Я вам все что хочешь... — этот непонятный мне Нули от волнения и отчаянного желания свалить с бронехода даже запинаясь.

— Нули, послушай, а имя-то у тебя есть? Нормальное. Наше человеческое имя.

— Ась?! Имя-то?! Отчего же. Есть у меня имя. — и он тихо, словно пробуя его на вкус, медленно произнес: — Павел Петрович.

— Как-как? — Не расслышал я.

— Бардин Павел Петрович я. Пашка.

Я чуть не рассмеялся. Блин. Ну и ну. Похоже, еще один однофамилец по мою душу. Мне прям везет на Бардиных. Нет, все-таки спрошу:

— Послушай, Пашка, а поди знакомы тебе Петр Алексеевич и Варвара Петровна Бардины? — подивившись сходству фамилий, спрашиваю я его на всякий пожарный. Его ответ поразил меня до глубины души:

— Ой! Господин хороший! Вы батьку и сестренку моих видели? Давно?! Как они? Где они? В Старом Петерборге еще? А брата, младшего, не видели поди? Как повезло. Счастье-

то сегодня какое!

Чего? Ф-фух! Нет, это уже не смешно. Вроде не шутка. Лицо серьезней некуда. Неужели их родственник. Так они же его того. Атас. У меня слов нет. Вообще никаких. Раз Бардин мне опекун, то это что же получается. Этот трубочист — как-бы родственник?! Нет, ну дела-а!

Совершенно не представляю, как его занесло сюда. Где Старый Петербург и где мы. И что ему рассказывать. Да и не время задушевным разговорам, когда две палубы не осмотрены. После недолгого молчания, решил ответить этому замученному чучелу и перенести этот нужный и мне, и ему разговор на другое время. Ребята с не меньшим удивлением грели уши, взирая на наш разговор.

— Недавно, Павел Петрович, в Старом Петербурге. С ними все тогда было хорошо. Младшего твоего не видел. Но знаешь, что. Полагаю, стоит наш душещипательный разговор перенести на более позднее время. Уверен, тебе есть что рассказать. Да и помыться тебе нужно, одежонку другую. Так что спускайся вниз. Наши проводят. Пока мы, знаешь ли, с катаяцами воюем. И Павел, привыкай теперь к свободе. Ты не раб. Сво-бо-ден! Хозяин твой, командир твой бывший, лежит внизу связанный. Иди! Можешь поглядеть. А нам ещё предстоит осмотр этого бронехода. Ещё запустить его нужно, чтобы догнать ушедших. Не знаешь, где твой командир книжки с инструкциями держит, чтоб этой машиной управляться?

— Ась?! ~~вновь не расслышал~~ Павел: Отчего же. Знаю! А зачем вам книжки? Тут я все знаю. А как же. Я ж тут завсегда главный! — он хвастливо гладил свои сальные и грязные, все в комках, вихры: — Механик этого бронехода. “Ухаем” его ханьцы прозвали. Я тут все знаю. Исправность всей здешней механики-моих рук дело. Все, что хочешь, сделаю. Об одном только прошу — чумазое существо по имени Павел прямо взмолился: — Заберите меня только с собой отсюда. Прошу! Помогите! Купите меня у Гуя! Моя семья оплатит все ваши затраты. Клянусь вам!

Дождавшись моего согласия, он весело хлопнул руками, затем, наклонившись, быстро сделал ловкие хлопки по коленям, икрам и бокам ног:

— Так что, парни, говорите, вам нужно?

Нет — это занавес. Так везти не может. Придется расспрашивать, как же тот докатился до жизни такой. Только вот разгребемся со всеми пленными катаяцами, деревенскими и бронеходом.

Паша, заверив, что в пародвижительном более никого нет, вызвался с нами экскурсантом. Успевшие к тому времени подняться деревенские парни, невольно ставшие моей командой и партизанским войском, вставшим на защиту своей деревни от врага, с удивлением и придыханием осматривали все вокруг. Средняя палуба была весьма тесной, двухметровой высоты и служила своеобразной крюйт-камерой бронехода, местом хранения оружейных припасов и местонахождения ленточных систем подачи припасов в орудия. Какже тут катаяцы ядра ворочают, в такой-то тесноте?! Понятно теперь, почему вся обслуга малого роста. Оглядев тесную палубу и оценив полноту припасов, глядя на полные полузакрытые стеллажи и укладки ядер выстрелов, пошли наверх. На верхнюю палубу.

Верхняя палуба была мостиком командира бронехода, которым он управлял посредством органов управления. Сразу начал отмечать недостатки. Ограниченная видимость через полузакрытые смотровые окна не позволяла рулевому бронехода видеть то, что творится под ступоходами. Открыл шторы-ставни, чтобы посмотреть, охладить и немного проветрить нагретый мостик. М-да. Используемые вне боя, ставни все же

улучшали видимость вдаль и под нами, но ненамного. Рулевой похоже вообще никуда не смотрел, просто стоя или сидя за рычагами управления. Рули управления для знакомых с органами управления машинами и паровиками, были просты и имели рычаг для движения вперед, рычаг для движения назад, рычаги их блокировки/ разблокировки и рычаг поворота нижней части туловища, которыми можно было повернуть бронеход в ту или иную сторону. За него это делал командир, видимо подавая тому нужные команды. Посредством нескольких слуховых трубок, выпущенных из глубины металлического стола, похожих на виденные мной на дирижаблях, отдавались указания команде на нижних палубах. На верхней палубе нашлась табличка “Джон Бидермайер-паровые машины из Нового Бостона Соединенные Штаты Мерикиани, #002”

Не понял?! Номер два?! А тот, что вперед ушел, первый значит?! Как интересно. Думаю, с Павлом и ребятами у нас все получится. Запустим машину и догоним тех чертей. Стоп! Получится. А я их об этом спросил?!

— Будь по-твоему, Сергей, буду чаять. Но только не забудь! Ты зарок дал! А не то я с вами!

Ф-фух! Нет, все же упорные в своих желаниях девушки — это кошмар! Насилу оставил Лизку в деревне. Почему? Потому что моя девушка порывалась двинуть вместе с нами, бить катайца вместе на захваченном бронеходе, бурно выражая свое несогласие в ответ на наши справедливые возражения. Она в упор не принимала никаких логических возражений, словно боялась, что её покинут. Нет, она иногда сомневалась, принимая в расчет слова местных парней, подруг и разной родни, коей оказалось хорошо, если не с четверть села. Только в тот момент стал понятным намек Акинфия о том, что Лизка — их девушка. Она хотела быть только рядом со мной. В ее словах нет-нет, да проскальзывал весьма толстый намек, мол, поматросил и бросил. Нет, я от того что было, не отказываюсь, но опасно же там. Страшно с собой тащить, вдруг все пойдет не так. Даже бабка Матрена пыталась своими, почти материнскими, словами отговорить мятущуюся, всю в сомнениях, девичью душу от навязчивого желания идти вместе на эту опасную войну. В ход шли уговоры, обещания обязательно вернуться и мои клятвенные заверения в том, что никоим образом я не желаю ее покинуть. Только речь ведется о её же целостности и сохранности. Да и парни, собравшиеся со мной, не дадут в этом соврать.

Разговор с парнями о дальнейших наших совместных действиях вышел непростым. Захватив бронеход, я поставил вопрос о необходимости дальнейших действий против катайцев. Этот серьезный разговор с парнями состоялся на верхней палубе бронехода.

— Акинфий, ты с парнями уже решил, кто со мной идёт к Власову кладезю, бить катайца? Учти, за вас я решать не могу. А тянуть туда всех я не имею права. Это опасно, сами должны понимать.

После гибели на моих глазах, ставшей мне родной, команды Новика и Паллады, во мне будто что-то надломилось. Мне казалось, что после всего пережитого и потерь я стал значительно старше и взрослее. Иногда казалось, что в моей душе теперь сидит кто-то другой. Вместо ожидаемого ответа вожака вся ватага парней принялась шумно галдеть, перекрикивая друг друга. Пришлось остановить:

— Хватит! Акинфий, говори дальше за всех! — выделяю я его как вожака среди остальных.

Тот, согласно кивнув, продолжил:

— А зачем?

— Как зачем? Что за глупости?

— Ну, княже, хунхуза мы побороли?! Побороли! Вот придут еще, тогда и думать будем.

— То есть вы предлагаете ничего не делать и спокойно ждать, когда катаец вернется.

— Все так, княже.

— А что вы будете катаяцу говорить, ну про то, куда делись те охранники и обслуга бронехода.

— В леса уйдем.

— Чего? В леса? Со всем наличным скотом и домашним скарбом? А если они уже сегодня вернутся? Хорошо, если вы просто сбежать успеете. Катайцы вас не помилуют.

— Тажды так. Не обессудь, княже, только что мы там учиним? Эвона их там сколько. Оружья у них много, нас мало. Так и побьют ни про что.

— И что? Я это, кажется, от вас уже один раз слышал. Взгляни сам вниз. Сколько ты связанных катайцев видишь. Четырнадцать? И?! Мы их победили?!

— Все так, княже.

— Ну вот. Решились бы вы с пару часов назад повторить тоже самое?

— Нет, княже, сами дюже забоялись бы. Невежи мы. Мы все больше стенка на стенку, да на зверя охочи. А воевать нет. Без начальника никак. И без оружия и сил вашенских, княже, побили бы нас.

— А мозги всем включить? И всем подумать? Ведь вас же больше одного.

Молчат.

— А что мы будем делать с катаяцами? Нельзя же их вот так, в деревне, оставлять. Пусть и связанных. Как бы беда в деревне не случилась.

— Тю-у-у! Княже! Удумал тоже. В углую лодчонку их всех связанных. И в воду Иван-озера! Толкни и пускай плывут себе по воле волн. Милует их Влас с Мореной, значит треба не нужна. Жить будут. Не милует, призовет к себе, значит все воля божья.

Это предложенное решение после никакого роптания среди жителей деревни не вызвало, из чего я сделал вывод, что таким бесхитростным способом деревенские, как минимум, не раз пользовались. Кто знает, может и со мной бы так бы в деревне поступили, окажись я более упертым и несговорчивым. Вот хитрованы.

После недолгого разговора между собой почти вся ватага, с серьезными лицами, поручила Акинфию выступить от лица всех. Тот сообщил, что отбивать старосту едут все. Ну почти все, за исключением одного, сославшегося на малую сестренку в доме. Потом слово взял Павел, сообщивший, что он тоже с нами. Понятное дело. Не хочет от своих уходить. Прикинул, хватит ли нам места в бронеходе, чтобы не толкаться. Когда найдем, часть парней высадим. Авось чем другим помогут. А сами вперед. Правда, еще осталось их родных об уходе уведомить да Павла попытать, как этим бронеходом управляться. Думаю, парни с ним справятся.

По завершении разговора дружно покидаем бронеход. Однако на кормовой площадке, дождавшись, когда деревенские парни спустятся на канате, я, задержав чумазого Павла, спросил того:

— Так, Павел Петрович, каким же ветром тебя сюда занесло?

Сын Бардина, услышав вопрос, грустно вздохнул, принявшись сбивчиво рассказывать свою незатейливую историю.

От гимназии имени князей Татищевых несколько гимназистов выпускного класса за

прилежную учебу и проявленные старания от попечителей и администрации были награждены путешествием в Нихон, в столичный город Эдо. Путешествие и туда, и обратно предстояло на рейсовом дирижабле, ходившем раз в месяц по маршруту Новый Петербург — Эдо. Накануне полета им сообщили о поломке рейсового дирижабля, вставшего на ремонт в порту. Отчего их путешествие было поставлено на грань срыва. Один из сановников Посольского приказа, чей сын был в числе этих самых счастливицев, счел возможным упросить начальство об использовании для этой цели посольского дирижабля, который по счастливой случайности примерно в то же самое время должен был направиться в Нихон по посольским делам. Нашлись и свободные места. Путешествие состоялось, пусть и в несколько усеченном варианте, ибо дирижаблю Приказа необходимо было вернуться в воздушный порт столицы чуть раньше. Погуляли в Нихон, набрались впечатлений. А вот по возвращению назад начались проблемы. Вначале капитан дирижабля, еще летя над Нихонским морем, заявил о неполадках в паровой машине. Пару дней они провисели недвижно, пока служба дирижабля пыталась устранить неполадки. Запустив пародвигатели вновь, вскоре они попали в жестокий воздушный шторм, который снёс их дирижабль сильно в сторону от полетного маршрута, оказавшись над территорией, занимаемой Китайской империей.

На второй день после шторма, пока офицеры на дирижабле пытались разобраться, куда все же их занесло, их настигли военные дирижабли катаев. После обмена вымпелами и флажковыми сообщениями, капитан предъявил их дирижабль к досмотру, несмотря на то, что посольский дирижабль по всем правилам досмотру не подлежит. Вымпел и регалии, нанесенные на судно, не оставляли никаких сомнений в посольской принадлежности судна. Состыковавшись, на судно перешло большое число китайских военных, которые в первые же минуты объявили их дирижабль арестованным до выяснения всех возникших обстоятельств и потребовали сдать всю власть их судовой команде. Капитан, не имея никакой возможности сопротивляться, подчинился грубой и превосходящей их силе, сдав командование судном. Китайская команда привела их дирижабль в воздушный порт Кинг Фой. Арестованных в кандалах отправили в местную тюрьму, где через неделю над ними состоялся суд. Посчитав, что команда дирижабля и все пассажиры нарушили какие-то их законы, лично Павел не понял, судья приговорил всех к значительному денежному штрафу, отказ от уплаты которого, заменялся трудовой отработкой, до уплаты в казну всей суммы. Это больше было похоже на рабство. Возражения капитана и его офицеров про посольство судьей приняты не были. Он слышал разговор судовых офицеров попробовать передать весточку об их судьбе на родину. Таких денег для оплаты штрафа ни у кого на борту не было, поэтому путь на трудовые работы их был predetermined заранее. Как он слышал, только команду отправили куда-то на каменоломни, а их, нескольких гимназистов видимо пожалели, отправив в работный дом на улице Гоу-куай-цзя, где местные ханьцы искали себе временных работников на поденные и разовые работы.

Работа была тяжелой. Приходилось заниматься всем — таскать камень, стройматериалы, рубить лес, убирать дворы, собирать урожай в садах. Кормили мало и плохо, частенько били. Особенно рукоприкладством увлекались наниматели из простых. Однажды в работном доме сломалась механическая мельница. Работа была не сложной, но его потуги заметил сам хозяин работного дома. С тех пор его, Ну Хэ (раб господина Хэ), начали отправлять на работы по механике и паровой технике. Поначалу везло, все поломки были пустишными. После, упросив господина Хэ, он обзавелся кое-каким инструментом. Стали

кормить лучше, бить стали меньше. Приходилось ему заниматься не так давно там появившимися паровыми двигателями и паромобилями. Он не раз мечтал, что вот вскоре откроется дверь, ему сообщат об ошибке, снимут с шеи рабский ошейник и отпустят, отправив на родину. Увы, день сменялся новым днем, но ничего не менялось. И обычно смотревший на все с оптимизмом, Павел стал предаваться унынию. Постепенно куда-то исчезали ребята, жившие в работном доме вместе с ним. Что с ними случилось, он понятия не имеет, но предположения у Павла были самыми плохими.

Из работного дома однажды его забрали военные. Слух о том, что там есть раб, способный отремонтировать любую механику и паровую технику, тут слава бежала впереди него самого, достигла ушей катайцев-военных. И в один из дней, вернувшись после очередного ремонта, его ждала двойка солдат с мечами в руках. Только и сказали, что он идёт с ними. Вышедший хозяин молчал. Ни куда, ни чего — стражи не объясняли. Они только привели его на склад в воздушном порту, где среди множества ящиков стояло два новеньких полуразобранных бронехода, недавно доставленных из Мерикинии. Там он стал Ну Ли.

— Ты знаешь, я слышал от Варвары твоей, что тебя похоронили — прервал я его рассказ.

Павел, услышав от меня эти слова, вновь с грустью вздохнул: — Значит не ждут там более.

— Да ты что. Не грусти, Паш. Вернёшься! Обязательно вернёшься. Расскажешь им все. Даже не думай!

— Обещаешь, князь?! — чумазый Павел, словно копируя ребят, тоже вдруг взялся меня чувствовать.

— Обещаю...только, Паша, прекрати называть меня князем — совершенно не представляя, как я буду воплощать в жизнь только что данное ему обещание: — И пошли. Тебя еще в порядок привести нужно. И нас ждут, смотри.

— Басурман! Черт языкастый! Охмурил, значит, чужанин, наших глупеней?! — кричит мне один.

— Головы им заморочил?! Их значит, княже, туда пошлешь! А сам — в сторону и фьюить! — уже другая.

— Пустоплет городской! — донеслось с третьей стороны

— Да что случилось-то? В чем вы меня теперь обвиняете?

— Что-что? Детей наших глупых почто на свою войну тянешь. Сам иди на войну, а их не трожь!

— Это я ваших “детей” на войну посылаю?! Так! Да! — кричу: — Вы это их называете глупыми детьми?! Их?! — показываю я на стоящую рядом нашу команду: — Да эти парни умнее вас оказались. Они сами пошли на войну. Сами приняли решение и пошли. Поняли, что к чему, в отличие от некоторых. И побили всех оставшихся в селе катайцев, да, с моим участием, но! Ваши глупые “дети” сами добыли у катайца себе оружие. Поборов свой страх, они взяли за оружие и выиграли этот свой первый бой. Пускай малый бой. И он — самый важный бой! Тот самый, в который вы, отцы и деды, побоялись влезть, отправив своих детей прятаться за скирды. Здоровенный, рядом стоящий, мужик недовольно бурчит:

— Княже, мал ты еще нас поучать. Поучалка не выросла небось. Не поглядим, что княже, император с войском далеко. А мы — вот они!

Не обращаю внимания на этот выпад, хотя ответить ему ой как хотелось:

— А теперь мы идем отбивать у катайца, Евграф Степановича. Кстати, на минуточку, вроде как старосту вашего. Или, скажете, это тоже не ваше дело? Что, забыли о нем и поминай теперь, как звали? Или, скажете, это дело мое?!

Обращаю внимание всех собравшихся деревенских на грязного и худого Павла, скромно держащегося позади всех нас:

— Вот, кстати, посмотрите, что ждёт вас и детей ваших под катайцем, когда они всю власть тут возьмут.

Парни разошлись в стороны, пропуская вперед себя Павла. Раздался дружный мужской мат и женский стон в сочетании с перемежающимися охами-вздохами. Бабы, по-свойски сочувствуя, даже принялись жалеть Павла. Немного выдержав прямо театральную паузу, пришлось мне прервать бабские жалелки.

— Вы такой судьбы детям и внукам желаете? Рабами катайскими хотите стать? Как этот парень был рабом у командира бронехода? Этого хотите?!

— Неправда твоя, княже! Нам же гуторили...

Не прекращая говорить, обращаю внимание на связанных лежащих хунхузов:

— Кого вы слушали?! Их! Врага! А раз так, значит смирились? Со всем согласны?! Несправедливые долги готовы платить? За мелочь в работном доме работать?! Быть грязными, оборванными, голодными. Получать побои от хозяев!

Толпа сельских замолчала, словно пришибленная громкими словами:

— Павел ведь тоже жить хотел хорошо. И не думал становиться рабом. Быть дома, среди своих, с отцом-асессором, матерью, с братом и сестрой. Оставшихся там, в Старом Петерборге. — толпа ахнула: — И где он сейчас, и где Старый Петерборг, а? Мы сегодня Павла освободили от рабства. И он точно знает, каково под катайцем. Но вот вам придётся решить, хотите ли вы сами быть рабами. А вот ваши дети не хотят быть ими и сами приняли свое решение...

Увы, мой спич не достиг цели. Здоровенный мужик, с топориком за поясом, зычно вызвал из толпы ребят сына:

— Акинфий, а ну-ка арш домой и носу мне не показывай! Варивода, в избу, дрова не забудь наколоть! Неклюдь! Чурило- иди корову гони на привязь! Дичко! Балуй! Волох! — раздались выкрики других недовольных отцов и дедов.

Из нашей компании выдвинулись все вызванные добры молодцы. Вообще, вид у парней с самой первой встречи был колоритный. Разной замызганности косоворотки ежедневного ношения, одетые всегда напуск, поверх старых, не раз штопанных, штанов. Босые и в лаптях. И завершал их образ мечи пудао и парострелы за поясом, захваченные в качестве трофея у хунхузов.

— Тятка! Домой мы не пойдём! Решили так. Больше прятаться за скирды и бабску юбку не будем.

— Ладило б ты на осину! А ну-ка домой, выпентюх! Акинфий! Ну!

— Нет, тятя! Раз на зверя дикого на охоту пойти достоин, то на врага нашего уж подавно. Я иду Евграф Степаныча из полону катайского воротить. Брательника твоего выручить хочу! Забыл как обещал ему в деревне нашей порядок держать?

— Ах ты поганец!

— Княже прав! Не хочу я Евграф Степаныча вот так забыть. И себе жизни такой не хочу. И пареши не хотят! Правда?! — ответом Акинфию был слаженные На все согласные, голоса.

— Потому-то тятка, я иду с князем! И наши парни идут! Как только требу Власу

Солнцеликому и богам нашим свершим и пойдём. Правда, парни!?

Ответом ему снова было слаженное многоголосое “Да-а-а!” Мужчина промолчал. Когда Акинфий махнул рукой парням, мол пошли, чего тут стоять, отец его вновь заговорил:

— Акинфий!... Сына!... Ты... с младых лет со мною рядом. И не заметил я, как вырос и возмужал ты. Уж прости нас, не подумай чего. Твоя правда, побоялись мы с катайцем воевать. Народ! Уж давно ни с кем воевать не приходилось... И время это пришло... Позор и срам на наши головы, ежели сыны наши уйдут на войну, а отцы в избах будут. Я Шушило Топор, тоже иду... с сынами нашими!

Раздался многоголосый мужской рев. Парней и многих согласных со словами отца Акинфия. Мужчины кинулись брататься. После чего многие, дружески обнявшись и выкрикивая славицы, вместе с женщинами неспешно пошли в деревню. Оставляя нас с Павлом одних.

— Эй-эй! Не уходите! Ещё один вопрос остался!

Народ притормозил и повернул головы в мою сторону. Кто-то кричит, не разобрал кто:

— Чего уж еще, княже?!

Я в ответ продолжаю:

— А у кого найдется где помыться и белье на смену?!

На улице вечерело, начинал подниматься ветер, к слову, часто дувший над просторами Иван-озера. Отправив Павла к какому-то доброхоту мыться, сам же пошел к дому Матрены. Не один, за мной увязалась девичья компания, виденная мною раньше. Когда ведра таскал. Перекинувшись с девицами несколькими дежурными шутками, зашел в нужный мне двор. Лизка с Матреной ушли раньше, поэтому уже были дома. Я застал их в момент, когда они раскладывали остатки вчерашней и утренней еды, будущий ужин, на стол. Из-за событий сегодняшнего дня естественно никто ничего не готовил. Входя в избу, я захватил все также валявшийся у забора, брошенный мною, сидор. Сунув его под лавку в сенях, вошел в комнату. Увидев меня, Лизка, с чего-то дуюсь, пригласила за стол. Бабка Матрена, красуясь уже замотанной головой, немного посидев, все же оставила нас одних, сославшись на больную голову. Просидев с ней с пару часов, от беседы нас отвлек стук в дверь. Открыв, я увидел Акинфия.

— Чего тебе?

— Княже... тут такое дело. Тятка мой, Шушило Топор, от всех мужчин нашей деревни уважить просит. На воинский обряд вечер зовет.

— А может я не пойду с вами? Устал чего-то. День был тяжелый.

— Что ты, княже, как можно? Нельзя так. Обиду великую на себя накличешь. Надсиди. И это, я видел... оружие с собой захвати.

Эти слова услышала Лиза. И запретив даже думать об отдыхе, тоже наказала идти туда. Ну надо, так надо. Пойду.

Накинув на себя новую рубаху, старую велела Лиза сменить, я собрался идти. Сама она в этот момент стояла рядом, мечтательно чему-то улыбаясь и не желая совсем уходить. Подозреваю, что она просто хотела взглянуть на меня полураздетого еще раз. Ну как тогда, у дуба.

Сама с нами не пошла, сказавшись женщиной. Ну вроде как женщинам туда нельзя. Ну и ну! Какие же у них в деревне замшелые традиции.

Девичья светелка Лизы.

В комнате за столом на новенькой вязаной скатерти стоят три горящие толстые свечи,

перевязанные красной нитью. Слышится негромко бормотание девушки:

— Сама себя за язык поднадкусаю, Сергия любимого к себе приделываю, прикусываю, прикручиваю. Чтоб Сергей любимый скучал, от тоски любовной отдыха не знал ни светлым днем, ни черной ночью. Все ужель токмо обо мне апосля думал...

— Лизка, ты что же тут, ворошбу деешь? — Матрена вошла в светелку. Бабка, сразу поняв, какой именно наговор делала девушка, продолжила: — Дурафья стоеросовая! Что же ты наделала, Лизка? Если он тебя не любит, на беду себя сама обрекаешь, мучаться от разлуки будешь, глупыня моя! Совсем не энто делать надо было! — Матрена подошла к внучке и потрепав ее пышные длинные волосы, любя обняла ее.

Девушка заплакала:

— Ба! Да люблю я его, люблю ненаглядного! С ним сама хочу быть! Чтоб завсегда рядом был. А на него девки наши, гусыни жадные, после седнего уж заглядываются. Сердце чует, запал им Сергей в душу.

— Да кто ж это, Лизка?

— Да подруги мои!

— О-о-о!

Акинфий привёл меня на какую-то поляну в лесу. В руках я нес взятый с собой победный трофей- меч цзянь, захваченный у капитана катайского дирижабля. Солнце уже зашло за горизонт и если бы не проводник, сам бы точно не нашёл. На поляне уже горел большой костёр, вокруг которого собрались с оружием, пожалуй, все старшее мужское население деревни. Ребята, парни, мужики и деды, собравшись в круг, о чем-то разговаривали. Некоторые из них, видимо охотники, были полураздеты. На их блестящих намасленных, телах были с головой надеты шкуры диких зверей — медведя, волка, рыси, кабана, лося. Дети и юноши сидели в своем кругу. У взрослых и детей в их руках свое оружие-от ножей до луков.

В ритуальном воинском танце мужчины со шкурами, под заунывный вой и ритмичные хлопки, принялись демонстрировать воинские приёмы, соответствующие тому или иному зверю. Охотник с медвежьей шкурой продемонстрировал медвежьи удары лапами, тот, что с волком- волчью тихую поступь, с рысью — ее грациозные прыжки в атаке. Тот, что с головой лося, показывал удары ногами, словно копытами, а мужик с головой кабана — ударно-толкающие движения, похожие на движения этого животного. Вскоре я перестал различать отдельные голоса и хлопки. Все превратилось в особую музыку. Не знаю, что на меня нашло, словно музыка или танцы во мне взыграли, и под эти хлопающие ритмы я ринулся в этот мужской танец сам. На соревнованиях по самбо перед началом была обычно такая вещь, как показательно-демонстрационные бои-шоу для зрителей. Пару раз тренер ставил меня на такое шоу. И именно эти движения я демонстрировал в танце.

С первых секунд многим находящимся на поляне демонстрируемые движения из приемов самбо пришлись по нраву, что они и поспешили сообщить, выказав свое одобрение громкими приветственными выкриками.

Рядом с кругом в горке стояли принесенные участниками, явно неновые, сабли. Накинув на них магические сгустки, я поднял их в воздух, заставив поднятое оружие кружиться в воздушном хороводе. Парни и юноши почти замерли от фокусов с холодным оружием и разразилась новыми одобряющими выкриками, едва я вернул сабли на место. С меня же стекла капелька пота, подобное я делал впервые, да еще на людях. Эмоции захлестывали и переполняли меня. А тем временем в танце выходили и другие мужики.

Охотники показывали виртуозное владение луком в движении. Загонщики — отличное владение палками-рогатинами. Старый служивый палил из своего парострела, показывая преимущества парового оружия перед луками. Вышел на воинский танец и Шушило, продемонстрировав свое превосходное владение одним и двумя топорами. Я ощущал в себе некое единство с этой общностью находящихся, едва знакомых мне тут, мужчин, словно забывая о том, что я — Сергей Конов. С каждой новой минутой танца все больше единясь и входя при этом в братство с каждым и со всеми вместе мужчинами этой деревни. Когда танцы достигли апогея, Шушило резко крикнул:

— Довольно! Треба Власу!

Остальные подхватили его выкрики, вновь повторяя:

— Треба Власу! Треба! Треба Власу! Власобогу треба!

И разгоряченные мужчины, во главе с плотником Шушилой, с факелами в руках направились к берегу. Там, неподалеку от поляны, где было наше сборище, под парусом уже стояла небольшая лодка со свернутыми парусами, едва не черпавшая своими бортами, озерную воду. В которой сидели связанными захваченные нами катайцы. Увидев выползшую на берег большую толпу мужчин с факелами, пленные, глядя на всех нас ненавидящими глазами, в ужасе замычали, безуспешно пытаясь развязаться от веревок снова. Лодка от их ерзания накренилась и едва не зачерпнула воды. Шушило, вытащив из-за пояса кинжал, уже кричал всем стоящим:

— Мы мирный народ. Жили в радости и согласии. Но пришла злая беда, откуда не ждали. Заставили вытащить старые сабли и охотничьи рогатины. Они! — Шушило всем стоящим на берегу показал на пленных.

— Завтра будем биться с их народом, пошедшим разорять наши избы и капища нашей веры. И дабы задобрить тебя, бог наш Влас, мы приносим тебе нынче кровавую требу, души и тела тех иноземных разбойников, что осквернили наши земли своими руками. Так прими ж, Власобог, наскоро требу нашу, дай нам вскоре знак свой.

И мужчина, войдя в воду и подойдя к лодке, начал быстро подрезать каждому узлы веревок на руках, но не полностью, оставляя возможность разорвать их самим. Следом он вытащил кляпы у всех. Катайцы молчали, явно не понимая, что будет следом. Вскоре Шушило освобождать закончил, о чем возвестил всем стоящим.

— Пусть никто не упрекнет нас в злонамерении. Да пребудет с нами воля Власобога. Власобог, бог наш единый и настоящий. Прими нашу требу!

И с этими словами, мужчина разрезал верёвки фала на парусах, освобождая паруса грота и стакселя этой лодки. Паруса, распрямившись, от набегающего волнами ветра принялись надуваться. Мужчина, освободив их, зафиксировал гик и стаксель-шкот, после чего обрезал веревку якоря, к которому была привязана лодка. Парус от набегающего ветра принялся надуваться. И вскоре, лодка, наполучив настоящую свободу, вместе с сидящими в ней пленными отплыла от берега. Свет от факелов бил не далеко, но в ночном летнем небе на водной глади было видно, что лодка, удалившись от берега более чем на четверть километра, зачерпнула бортом воды и принялась тонуть. Катайцы, отчаянно пытающиеся развязаться, в панике добавили еще. И вот уже через несколько мгновений воды Иван-озера огласил крик и барахтанье, тонущих в воде катайцев. Даже находясь в воде, они до последнего пытались развязаться. Вскоре все стихло. Подождав еще пятнадцать минут и убедившись, что все пленные утонули, Шушило возвестил всем стоящим на берегу о том, что треба Власобогом принята. После чего все принялись расходиться. Пошел и я. С тяжелым

сердцем. А на душе было гадко. Как-то все неправильно.

В баню спать я завалился явно глубоко за полночь, хотя рано утром вставать.

Наутро проснувшись, с первыми петухами выбрался из бабкиной деревянной бани. К утру ночной ветер стих, словно получил свою толику ночной тоски. Пока никого нет, в тишине, размялся на мокрой траве, сделав несколько отжиманий и комплекс упражнений для разминки. Решив не заходить в дом и не будить Матрену с Лизкой после вчерашнего, направился к бронеходу. Но не успев отворить калитку, раздался скрип открываемой двери в сенях, из которой выскочила полусонная Лиза. Босая, без платка на голове, отчего моему взору открылись не расчесанные девичьи волосы и в тканой белой женской рубашке с наспех накинутым красивым передником, украшенным рисунком из симметрично расположенных точек и ромбиков. Девушка выскочила во двор и подбежала ко мне. Обняв и порадовав коротким поцелуем, Лиза, косясь на меня ехидным взглядом, принялась удерживать меня от намеченной цели:

— Сергей, подожди чуток. Успеется еще на войну уйти. Поешь-ка лучше на дорожку. Молочка налью вчерашнего. И знаешь, Сергей, любо-дорого посмотреть на тебя из окошка — и вновь наградив с утра приятным долгим поцелуем, она потащила меня в свой дом. Ну Лизка! Ну кошка, точно кошка. А хитрунья-то глазастая какая! Но приятно!

После плотного утреннего завтрака, Лизка с утра постаралась накормить на славу, все же направился к бронеходу. Даже пожалел после. Вспомнил, что мне на канате еще взбираться. Заодно с собой набрал корзинку еды и туесок молока для Пашки. Солнце уже взошло над деревней, радуя своими яркими и теплыми лучами. Пашка нашелся у одного из ступоходов бронехода, где сладко дрых в тени ступохода на траве. Отмывшийся вчера добела в чьей-то бане, одетый в чью-то мужскую холщовую рубашку и посконные штаны, он, подложив под голову сменную одежду, досматривал последние сны.

— Эй! Павел Петрович! Подье-ем! Домой ать-два собирайся! Шагом! Арш!

— Куда? Что? Уже домой?

Бардин, разбуженный моими громкими словами, резко вскочил и от отсутствия координации тела, вновь свалился на траву, вызвав заразительный смех подходящих к нам Акинфия сына Топора, вместе Чурилой и Волохом. Парни после вчерашнего были еще сонные.

— Вставай, соня! Войну проспидишь! Вот держи, поесть тебе моя Лизка набрала. — сук ему в руки корзинку.

Взяв из рук еду, Павел вновь садится на траву. Несколько раз зевнув и чему-то улыбнувшись, он раскрыл корзинку и принялся завтракать. А мы с Акинфием, стоя рядом в сторонке и дождавшись его отца, принялись обсуждать готовность и порядок наших совместных действий.

— Ну, княже, заварил ты вчера кашу! Столько лет тихарями тут в лесу сидели. Жили не тужили. Никого не трогали. И вдруг. Нател! Ты с неба свалился, катальцы, обряд. И вот, идем на войну! Власу, верно, угодно твое появление. Испытанье на наши рода насылает.

Недолгий разговор с Шушилой выявил следующее. Ночью, после обряда были отправлены гонцы в соседние с нами деревни, которые сообщили жителям последние новости. Под утро гонцы вернулись в деревню с сообщением о готовящейся подмоге. Идти в Власову кладезю решили, вначале отправив по следам ушедшего бронехода разведку из деревенских охотников на лошадях. Пока разведка ищет катальцев и ожидаем пополниения в условленном месте, усиленно учим матчасть. То бишь запускаем бронеход и по ходу

осваиваем его. Благо главный специалист в бронеходе у нас — Пашка. А стрелять — сам научусь, где наша не пропадала. На Новике палил ведь, опыт есть. Знания там мне вбивал хороший пушкарь. Михалыч, царствие тебе небесное. Справлюсь. Как только дадут добро на выход, идем биться. Следопыта, знающего дорогу, дадут. Акинфий тот же. Да собственно следопыт тут и не нужен. Следы от ступней ушедшего бронехода видны, как на ладони. Хоть в след иди.

Павел, наскоро поев, вскоре развил бурную деятельность. Отобрав из деревенских ребят, собравшихся к тому моменту у бронехода, тех некоторых, по его словам, у которых взор-то горит, наш главный специалист принялся их нагаскивать. Уже на кормовой площадке бронехода он определил двоих парней в пародвижительный, еще троих в крюйт-камеру на пушки, а Акинфия и еще одного — отправил наверх. На мостик. Сам же, как он нам объяснил, будет вынужден бегать между палубами. Смотреть, как чего бы не вышло. Понятно теперь. Будет исполнять обязанности боцмана на нашем бронеходе. На нашем. Имя-то надо сменить. Нам “Ухай” на... ну не нужен.

— Так! Команда! Слушай первый мой приказ по бронеходу! Снять китайский флаг и сменить ханьское название на наше. Нарекаю бронеход наш “Новиком”. Принадлежность имперский флот!

— Ух ты! Хорошее название! Вот краски бы! Закрасить бы ханьскую эмблему. — произнес Акинфий

— Краски-то найдем. — ответил Павел и, чему-то усмехнувшись, произнес: — Кто полезет за борт?

— Чур я за флагом! — первым смекнув, кричит Акинфий. Ум-ны-ый, ты смотри!

Кто-кто?! Кто предложил, того и тапки! Эта работа нашла своего героя. Меня. Не сообразил, дурень, каково это, без лестницы, туры и лесов закрашивать ханьскую эмблему на фронтальной части бронехода. На двенадцатиметровой высоте. Представили? То-то же.

Желающих красить дураков не нашлось. Ну ладно, раз сказал А — взялся делать сам. Поначалу решил привязать веревку одним концом к люку бронехода, а держась за второй ее конец, спуститься к нужному месту, заранее привязав к веревке заодно и площадку для сидения. Начав воплощать задуманное, первые же шаги показали, как вообще-то неудобно работать альпинистом-верхолазом, чуть не разлив банку с краской.

В голове созрел новый план, для чего пришлось спуститься вниз, на кормовую площадку. Отставив краску в сторону, принимаюсь пробовать новый вариант. Он заключался в том, что если ранее я пользовался магическими способностями, захватывая, держа и отбрасывая предметы, то теперь я должен попробовать не держать, а удерживаться на них. Думаю, должно получиться. Не получится-откажусь от своей затеи.

Первые попытки над кормовой площадкой в качестве подстраховки показали правильность хода моих мыслей. Магически прилепившись к корпусу бронехода, передвигаю свои напряженные и прижатые к телу руки выше вверх, следом за ними подтягивая свое тело. Получилось! Сделав еще пару движений вверх, вишу уже в воздухе. А что, прямо как на турнике. Сделал пару движений в сторону, не выходя за границы кормовой площадки. А что вы думали? Страшно же. На высоте вообще страшно, даже когда стоишь на стуле. Тело вслед за руками по инерции качнулось в сторону. Получилось. В голову пришла новая идея. Передать сгусток энергии к ногам, ведь золотистые линии магической энергии свободно струятся у меня по всему телу. Осторожно отлепляю от корпуса одну руку, нагрузив весом моего тела вторую. Пробую передать сгусток в ноги. И с третьей попытки —

получилось! А-а-а! У меня получилось!

Попробовал применить новые знания еще несколько раз, с другой ногой и рукой. Класс! Интересно, так по любым поверхностям можно цепляться или только металлическим? Ладно, потом проверим. Красить уже надо.

Еще через час наш бронеход красовался закрашенной катайской эмблемой и криво нарисованной белой эмалью новым названием.

Оценив полученный результат, парни в шутку, по-доброму, посмеялись, но намекнули на некоторую криворукость одного маляра из высокого сословия. Упс! Ну извините! Ну так получилось. Неудобно же ведь — и держаться на весу, и красить с банкой на шее. Хорошо, хоть так. Отсмеявшись заодно вместе с ними, мы принялись за другие дела. А их было еще немало.

— Петька-приборы?!

— Двадцать, Василь Иваныч!

— Что двадцать, Петька?

— А что приборы?

— Князь, все бочки водой по полной залиты! Все, что по мериканским книгам проверить надобно — не единожды проверено. Запальная камора полна. Можно уж паровой движитель запускать. Бронеход новехонький, машины в полной исправности. Как говорят ханьцы, не бойся медлить-бойся остановиться.

— Хорошо, Паша. Верю! — говорю, едва успев зайти в башню после только что выполненной покраски: — Только, Павел, скажи, как там наши деревенские? Не привыкли учиться небось?

Бардин на это только ехидно ухмыльнулся.

— Ась?! Не-е! По нраву пришлось! Будет из них толк. Поучу, пошуруют еще на борту, опыта наберутся. И хоть куда.

Вот так, взял Павел наших деревенских в свой оборот. Если честно, с ним мне и всем нам очень повезло. Бегал он по палубам бронехода как угорелый. Вначале он возился в пародвижительном, показывая неграмотным сельским парням механизмы бронехода, спокойно и понятно объясняя им непонятные моменты и причины их первостатейной важности. Дабы прониклись. И парни, Сорока и Хмара Удалой, прониклись этой важностью. Подозреваю, что он им пообещал что-то такое, от чего эти наивные, но себе на уме, парни быстро согласились. На что, не сказали. Ну ладно, не буду настаивать. Захотят, сами скажут. Или потом сам узнаю.

После Павел натаскивал, кажется, Берендея, Суму и Яруна в крюйт-камере. Заставлял их в этой тесноте проверять и выстраивать укладки, смотреть исправность замков на ящиках и стеллажах, определять и не путаться в бронебойных и шрапнельных ядрах-выстрелах, делать ревизию и приводить в порядок механический транспортер для загрузки боепитания бортовых орудий, пользоваться наличным инструментом и имевшимися приборами. Вскрыл и ящик с табельными парострелами, еще в моем присутствии, когда на корму шел. Видно полагались парострелы обслуге бронехода. Посмотрев на лежащие в ложементах парострелы незнакомой мне конструкции, взгляд его коснулся выпиравшего из-под одежды парней, оружия, он грустно вздохнул и закрыл деревянную крышку оружейного ящика обратно.

Потом следом принялся за нас.

— Князь, вы уж не обижайтесь, если вдруг что?

— Павел, я же просил, давай без чинов. Мы одна команда. Не обижусь. Привычный.

Боцман с матросами гоняли так — выбили, знаешь ли.

— Ну если так, тогда ладно.

И все равно, вскоре вновь услышал “князь”. Потом вновь и вновь. Я его когда-нибудь прибью!

Вожака Акинфия и его родственника Чурило Паша быстро натаскивал рулевыми, скрупулезно объясняя на безмолвной машине предназначение того или иного рычага, ручки или крана. Рассказчиком-наставником Паша оказался просто превосходным, казалось его долгое отсутствие среди своих. Рассказывая о машине и желая выговориться, он словно вспоминал свой лексикон, каждый раз вводя в свой оборот новые слова.

— По команде командира вначале тянешь этот рычаг с шариком на себя. После переводить уже этот рычаг в положение “1”, после чего шарик возвращаешь обратно. Не иначе. Механизм стубить легко. Получишь вот командира новый приказ. Вновь шарик на себя, а после этот рычаг в новое положение. А шарик назад. Вот так. Не забудь! А теперь, повтори за мной, Акинфий.

Деревенский парниша принялся демонстрировать.

— Нет, не так. А вот так!

Чурило же возился с подъемными устройствами обоих паровых пушек, пробуя их поднимать-опускать.

Я же, наскоро передохнув, примерялся с мериканской книжкой-инструкцией в руках к орудийной прицельной панораме. Конструкция была очень мудреной и куда сложнее аналогичных на “Новике”. И пытаюсь разобраться в техническом сленге составителя инструкции, стоя перед панорамой у броневой шторки, пытался понять и разобраться в назначении каждого элемента, бормоча вслух:

— Та-ак! Это у нас визирная трубка...тут уровень боковой...маховик подъемный для прицела. Тут у нас, как его там в инструкции, какой-то гониометр. Чего-то метр. Понапридумывают слов, как дед всегда говорил, без стакана не разобраться. А-аа, понял, угломер!

Громко хлопнула входная дверь на корме бронехода, с непривычки резанувшая по ушам.

— Княже, пареши! Гонец наш от охотников вернулся. Нашли их, где должно, у кладезя. Лагерем там встали. Пора выступать!

Шушило сообщил, что они выступают раньше и уйдут первыми. Чтоб лошадей своих не пугать этой железной штуковиной. С ума сойдут. И пойдут не прямо по дороге, а кругами — по лесным, только им знакомым, тропам, чтобы придти к Власову кладезю со стороны тракта. Берегутся. И засаду устроят со стороны, с которой катайцы не ждут. Договорившись об обоюдных сигналах, принимаемых для оповещения, тут охотник мастерски имитировал клекот лесных птиц, мы расстались. Отдав приказ спуститься и вернуться через час, отпустил парней. Расстаться с родными. И мне надо тоже, перед уходом зайти к Лизе и Матрене. Павла же потащил с собой.

В избе меня ждали. Не удивившись новому едоку, но и не выказав своего несогласия, женщины, наскоро узнав новости об уходе, быстро принялись наполнять большой стол нехитрой деревенской едой.

Трапеза длилась недолго. И Павел, поев и горячо поблагодарив обоих хозяек за угощение, ушел к бронеходу. Матрена, понимающе взглянув на нас с Лизой, тоже ушла в сарай, оставив нас одних.

Когда хлопнула входная дверь, Лиза подскочила ко мне, крепко обняв, осыпав

поцелуями, после чего прижалась ко мне:

— Сергей, как я не хочу, чтобы ты на брань уходил! Бьет сердце мое, что расстаемся надолго, мучают мысли меня темные. Выдюжить бы разлуку!

— Лиза, мне надо идти. Не мучайся попусту. Если я не пойду и прятаться буду, меня ж парни первого засмеют. И правильно сделают.

— Сергей, эх! Ажно давай я тебе наговору нашему научу. От батюшки слыхала. Повторяй за мной следом — девушка с серьезным лицом декламировала:

— Именем Света, именем Рода, именем силы его! Власобог насылает благодать на призывавших её. Силу и славу, твердость и ярость, даждь нам Власобог в бою. Громом явленный, будь вдохновенным, волю яви свою. Именем Бога Седого Сварога воину силу даждь. Сыну и брату, другу и вою, волю свою яви. Ныне и присно и от круга до круга! Тако бысть, тако еси, тако буди!

Проговорив эти странные слова, сели оба на лавку. На дорожку. А через несколько мгновений по главной деревенской дороге послышался шум. Девушка порскнула к малому оконцу, а следом к ней и я. Это проехали несколько одиночных всадников и лошадей с подводами, за которыми сидели снаряженные деревенские мужики с дедами и некоторыми знакомыми парнями. Среди сидящих в телегах я узнал Неклюдя и Волоха.

— Ну все, Лизка, наши поехали! Надо прощаться! Веришь, мы ненадолго. Вот вдарим катаяцам и я вернусь!

— Верю, Сергей! Вернешься! Ты обещал!

К парадной лестнице главного входа друг за другом степенно подъезжали элитные паровики, из которых под присмотром парадной obsługi выходили чопорно одетые дамы и господа. Роскошный зал Императорского дворца в столичном Новом Петербурге поражал воображение всех впервые приглашенных на устроенный Императором праздник гостей. Открытые по случаю празднества просторные залы, объединенные по замыслу известного архитектора прошлого в одну большую анфиладу, заставляли ахать всех приглашенных гостей нарочито показной роскошью своего убранства, более уместное в мирное время, чем в военное. Красивые, потемневшие от времени, картины в золоченых рамах, роскошная мебель, мраморные статуи и чаши в каждой нише. Дворец сиял ярким светом золотых гигантских потолочных люстр от богемских магистров магии стекла и света, свечение которого было прекрасно видно в столице. Гости под стать месту тоже старались не отставать. Особенно в этом преуспели дамы, роскошь бальных платьев которых, украшенных драгоценностями, ажурной вышивкой, дорогими тканями — парчой, бархатом, атласом и гипюром, которые оттенили куда более простую парадную форму и выходные костюмы их спутников-от молодых людей до генералов и прочей знати.

— Бал в честь тезоименитства ее высочества Александры, герцогини Шлезвиг-Голстинской объявляю открытым. Его высочество, едва сказав эти слова, кивнул внимательно следящему за его действиями распорядителю:

— Музыка. Туш!

После бравурного музыкального вступления, возвестившего всех гостей о начале бала по богато украшенному залу полилась приятная музыка. Первый танец Император провел с именинницей, после чего в вихре танца закружились пары разного возраста и положения. Император, вскоре отметив, что именинница больше не танцует, а грустно взирает на стоящих и танцующих гостей, подошел к ней.

— Душонок, хандришь?

— Нет, рарап, ни в коем случае.

— Зачем? Я же все вижу.

— Папа, у меня все хорошо — ее высочество вздохнув, вопросительно посмотрела на подошедшего Императора.

— Александра, дочь моя, тебя выдают твоё лицо и глаза. На тебя же все смотрят. Тем более в такой день.

Девушка вновь хмыкнула:

— Рарап, ты же знаешь, все, о чем я сегодня мечтаю, так это просто оказаться в кругу своих самых близких друзей и подруг. Ну или хотя бы за столом с татап, с Флоппи, Джорджи, Плакучкой Ивой, Швибздом и остальными сестренками. Ну и, так и быть, пусть Коко и Кака будут с нами. А вместо этого, я вожусь тут. И мило улыбаюсь дежурной улыбкой всем пришедшим сюда на бал гостям. Лучшего подарка на мое тезоименитство и представить себе невозможно. Да вместо бала я лучше на дирижабле... И вообще, рарап, ты знаешь, мне не совсем радостно. В моей жизни прошедший год был годом потрясений. Война, два покушения, потеря друзей... Мою Молнию как-то вспоминать уже неудобно. Да и Сергей, спаситель мой...

Император нежно обнял взрослую дочку, прерывая так некстати полившие неприятные воспоминания дочери:

— Александра, душонок мой, я знаю, моя хорошая. Что ж тут поделаешь? Надо отпустить боль в душе и идти по жизни дальше. Мы с Алике любим тебя и беспокоимся за тебя. И я сделаю все от меня зависящее, чтобы тебя это больше не коснулось. Обещаю. Честное имперское. Душонок, веришь? — Мужчина еще раз обнял Александру: — Но, милая моя, у нас сегодня бал. В твою честь. Так что хватит грустить. Ты сегодня такая красивая и тебе печаль не к лицу. Посмотри, сколько тут офицеров и просто прекрасных молодых людей знатных фамилий, мечтающих хотя бы об одном танце вальса с тобой. Неужели ты весь праздник будешь злой букой и не дашь никому из них ни единого шанса, а Александра? Это будет жестоко.

— Рарап, умеешь же ты заговаривать зубы молодым девушкам. Я принимаю твой совет. Но пусть все они на большее и не рассчитывают.

— Душонок, иди-иди. А мы с татап в сторонке на тебя полюбуемся.

Ее высочество за словом в карман не полезла, почти сразу благосклонно приняв первое приглашение на танец от одного франтоватого молодого человека. Кажется, из именитой боярской семьи. Завершив первый танец, она поблагодарив первого, недолго оставалась одной, приняв приглашение другого. Вскоре она с воистину царским достоинством танцевала с третьим, четвертым и пятым, словно дав себе волю развеяться на балу. Праздник по случаю ее тезоименитства был в самом разгаре.

Расстался с Лизой и пришедшей Матреной. Девушка долго не хотела меня отпускать, то обнимая и грустно смотря в мои глаза, то держась за одну и следом другую руку. Появившийся у околицы Акинфий прервал девичьи нежности, а то бы я еще долго там стоял бы. Поцеловав ее на прощание и в очередной раз пообещав, что вернусь как только, так сразу, мы с Акинфием побежали к бронеходу. Взглянуть назад, я увидел, как заревевшую Лизу обняла и принялась успокаивать подошедшая к ней со двора Матрена. Там, под тенью ступоходов, уже стояли все ребята из нашей команды. Увидев нас бегущими, они вместе с Павлом, не дожидаясь приказа, друг за другом полезли по канату вверх на кормовую площадку.

Оказавшись на площадке и на мостике, первым делом ринулся к слуховой трубе на столе:

— Команда, слушай мой приказ. В последний раз перед выходом проверить готовность и сообщить. Далее...

Мой приказ команде прервала трель заработавшей телеграфной машинки, изрыгнувшей из себя длинную ленту сообщения. Машинка на бронеходе была хоть и фирменная, ремингтоновская, но совсем простая, весьма похожая на ту, что стояла в нашем классе географии в Старом Петербурге и работавшая только на приём, без возможности отправки сообщений. Сей факт меня весьма сильно удивил, в сравнении со знакомой телеграфной комнатой на дирижабле, но я не стал придавать тому большого значения. Мало ли какие порядки в китайской армии. Сейчас меня больше беспокоило, какое же сообщение пришло на наш телеграф. Ни одного слова в длинной ленте я разобрать не мог. Пришлось свистеть в свисток, вызывая пародвижительный:

— Павел! А ты китайский знаешь? Если да, ответь. А еще лучше, зайди сам на мостик.

Мой как никак родственник ждать себя не заставил, оперативно появившись на мостике. Вручаю ему длинную бумажную ленту с сообщением, киваю, мол, сам посмотри. Павел с серьезным лицом взял ленточку, несколько раз вдумчиво и внимательно проглядел глазами текст поступившего сообщения, силясь понять смысл написанного. Лишь после третьего раза он оторвался от несомненно не сильно увлекательного занятия.

— Ой, прости, Сергей, я не очень хорошо знаю этот чертов хань, в работном доме меня учил один старик-ханец, бывший письмоводителем у какого-то китайского вельможи, но, кажется, тут написано. — Павел медленно зачитал со своими комментариями: — Командир Гуй! Бронеходной машине “Ухай” немедленно надлежит идти по нашим следам в местечко Власов кладезь в наш лагерь для соединения с остальными участниками экспедиции. Прибыть в расположение лагеря не позднее шестнадцати часов пополудни. Дальше тут непонятно, не разберу слова. При не выполнении надлежащего приказа, своей властью командора предупреждаю о последствиях срыва военно-магической экспедиции нашего Императора. В случае отсутствия до нужного срока командир и обслуга бронеходной машины зачисляется в распоряжение полевого командира Чунцинской сухопутной экспедиции и подлежат наказанию согласно глав уложения Императора Ши Цзинта о воинских наказаниях. Командор экспедиции Фанг.

— Подумаешь, напугали ежа голой задницей?! Я бы на их месте ещё подумал, идти туда или не идти — размышляю вслух.

— Ась! Э-э-э, Сергей, нет! В Катае за дезертирство воина — верная смерть. Поймают — отрубят голову. Узнают, что сбежал — еще и всю семью могут наказать. Только бандиты-хунхуцзы могут быть по-своему наказаны своим же главным.

— М-дя! Надо же?! Тогда понятно.

Смотрю на часы. Сейчас обед. До шестнадцати часов вроде еще есть время, но его у нас немного.

— Ну нам то что с этого? Успеем до кладезя дойти, а Акинфий? — дурацкий вопрос задаю местному. Парень скривил лицо и в удивлении дернул своим плечом, мол не знаю, но ответил:

— Княже, до кладезя-то примерно с двадцать пять верст точнехонько будет. На лошади точно дошли бы, а на этом. Не могу знать!

— Павел, а скорость какая у бронехода?

— Ась?! А-а, скорость! Да небольшая. Крейсерская-верст с пятнадцать в час будет. Можно конечно увеличить тягу до тридцати, но совсем ненадолго. Пародвижительным машинам такой быстрый ход губителен.

— Тогда не будем терять времени. Павел, прошу, пройдишь, посмотри все. Лично проверь.

— Ась? Будет сделано. Не сумлевайся. — и подойдя к спускному отверстию в полу, он, залихватски обхватив ногами вертикальную штангу, словно заправский стриптизер или пожарник, мастерски быстро поехал вниз, скрывшись в недрах нашего бронехода. Вот позер.

Через пять минут, проверив, Павел ответил с нижней палубы, а спустя еще пять — со средней. Отвечаю:

— Павел, запускаем машину!

Ответом мне была внезапная судорога, тряской передававшаяся на стены и пол. Бронеход вздрогнул, да так сильно, что с непривычки все стоящие на мостике чуть не попадали на металлический пол, каким то чудом удержавшись на своих ногах. Что это было? Хорошо еще без последствий, но предупредить же надо. Хотел уже возмутиться, как следом слышу голос Павла:

— Ха-ха! Все целы? Испугались небось? Уж простите! Забыл сказать про тряску. В первый раз после долгого простоя завсегда так. Обычно сидят или за поручни на стенах там держатся. Но уже все. Как прогреются котлы, все хорошо будет. — проговорив, парень от трубы отключился. Вот шутник-то.

Чтобы не сидеть без дела, вместе с Акинфием настезь открыл оконные щитки. В окне четко видны были следы ушедшего раньше бронехода — прекрасный след для поиска. За деревней по дороге поднималась столбом пыль. Это уходили к кладезю деревенские на своих телегах.

Повторил утреннюю науку сам, Акинфий с Чурило поочередно понарошку вдвоем как-бы переключали рычаги, заново вспоминая пашкины наставления.

Тряска вскоре поутихла, сменившись лёгкой неровной вибрацией, отдававшейся в моем теле чувствимой дрожью. Слышу шаги на лестнице. Павел:

— Готово, княже. Котлы прогреты. Можно двигаться.

Нет, я его когда-нибудь точно прибью. Снова подхожу к трубе и говорю в раструб:

— Ну что парни, раз все готово, поехали?! И это. Если страшно кому, сейчас есть последняя возможность сойти с бронехода. Как слышите?

В ответ с той стороны абоненты ответили утвердительным согласием. Киваю Павлу, предлагаю место рядом со мной.

— Ну Павел, ты у нас тут самый знающий. Будешь теперь приглядывать за нами!

Он согласился, однако на одном только месте быть отказался, сославшись на настоятельную необходимость смотреть за всем, что творится на палубах.

Акинфий, получив подтверждение, принялся под присмотром Павла за рычаги, попеременно дергая и втыкая в нужной последовательности. Переведя рычаг в положение “1”, бронеход дернулся и подняв ступоход, сделал первый шаг. Затем второй, и третий. Я чертыхнулся, вспомнив, в каком направлении идем.

— Черт! Стой! Давай назад! Мы так чей-то огород с сараем раздавим! Повернуть надо бы.

Вожак всей молодёжи деревни вновь схватился за рычаги, останавливая ход этой махины в броне. Машина с гулким скрежетом и скрипом, натужно воя и шипя сбрасываемым

паром, остановилась. Вовремя, ибо наш бронеход остановился у заваленного забора, за которым были видны чьи-то растущие посадки. На помощь Акинфию пришел Паша. Под его контролем бронеход сдал несколько шагов назад. Затем он вновь показал нам, как немного повернуть ступоходы. Именно совсем немного. Изменив направление движения, мы сделали вновь несколько шагов и остановились. Новое изменение положения и новое движение. Таким образом, не раз остановившись, мы скорректировали свой курс, оставив на поле за собой гущу гигантских следов в вытоптанном до верхнего слоя грунта поле и траве.

Бронеход на поверку оказался весьма медленной по сравнению с дирижаблем и очень неповоротливой тяжелой машиной, по большому счету приспособленной для движения по более-менее обзору ровным поверхностям. Для практически любых действий, будь то поворот, спуск, подъем, стрельба из пушек, согласно инструкций, неизвестным составителем предписывалось снизить скорость, а то и полностью остановиться. Большая трехпалая ступня, имевшая свободный до определенного угла ход, при подъеме ноги меняла угол наклона и возвращалась снова в нужное положение при опускании ноги на грунт. Любой большой и крепкий камень, овраги, ямы, по ширине больше длины шага бронехода, густой и плотный лес, сильный уклон или подъем — все это было серьезным препятствием для нашей машины, способным запросто завалить или опрокинуть этого железного мастодонта набок.

Поэтому мы, не мудрствуя лукаво, просто шли по следам ушедших вчера катайцев. Разворачивались там же, где имелись соответствующие следы. Также меняли курс, как только катайцам встречалось препятствие. Мы учились. Учился Акинфий с Чурилой, учился и я, на ходу осваивая прицельные устройства и наличные приборы. Учились ребята в крьюйт-камере, когда мы решили освоить стрельбу из пушек. Наметили пару сросшихся сосенок в качестве цели. Я выставил совместно с Чурилой нужный прицел, пока он крутил ручки подъема угла пушек. Бабахнули по ним. Ну мимоза! Недолет! Откорректировал прицел, бабахнули вновь. Опять мимо. Недолет! Немного подумав, нашёл свою ошибку. После чего в третий раз выставил прицел и дал команду грузить в казенник выстрел. Бабах! И две сросшиеся друг с другом сосны с хрустом надломились у самого основания. Сделав еще несколько выстрелов, поразив другие цели, мы пошагали дальше. Кстати, о шагах. В движении идущий бронеход по сравнению с дирижаблем был очень некомфортной штукой. Если нас на дирижабле трясло, когда он попадал в воздушные ямы, то в бронеходе нас мотало туда-сюда постоянно из-за особенностей ходовой конструкции. И практически сразу в голову пришли идеи об улучшении конструкции бронехода и повышении комфортности всех в нем находящихся. Но это когда-нибудь потом. Учились и парни в пародвижительном. Павел несколько раз туда спускался, проверяя, все ли там нормально.

Получив ответы на свои технические вопросы, он как-будто в чем-то утверждался и, как насадка над цыплятами, снова бежал вверх на другие палубы, проверять и их состояние.

Бросаю взгляд на настенные часы. До назначенного срока оставалось чуть больше получаса, когда Чурило, увидев в оконных щелях кого-то на дороге впереди, заорал:

— Тпр-р-р-у! Наши-и-и-и!

Акинфий без приказа принялся останавливать бронеход. Я чертыхнулся, едва удержавшись на ногах и ничего не говоря, сам рванул к окну, посмотреть, кого же там принесло. Но сквозь смотровые щели-окна никого не было видно. Густой лес и узкая полоска дороги, по которой мы шли, часто ломая и вырывая с корнем, попавшиеся нам под ноги, мешающиеся деревья и кустарники. Чурило же рванул на кормовую площадку. Крикнул:

— Чурило, а ну стой! — Но куда там. Этого парня как ветром сдуло. Пометив себе сделать выговор этому непоседе, изливаю свое недовольство рядом стоящему Акинфию. Тот полностью согласен со мной и пообещал отчитать родственника.

— Пойми ты, я за ваши жизни боюсь. Мы еще не знаем, кого этот обалдуй встретил, а тот уже и бронеход остановил, и встречать его побежал. А вдруг он обознался и там враг какой. Ты меня понимаешь? Согласен?

— Да согласен я, княже! Апосля задам ему трепку, ужо узнает он у меня, где раки зимуют.

Взяв с собой парострел, вышли с Акинфием на кормовую площадку. Чурило уже с кем-то спокойно разговаривал. Киваю:

— Кто это, Чурило?

— Да знакомец мой. Из соседской деревни. Из охотников. К нам встречать послали. Сказал, что только командиру новости как есть обскажет.

Наказав всем оставаться на корме, спускаю веревку и спускаюсь сам.

— Кто такой?

— Братомил Огниво. Из Панашек. Охотник я. Брат послал сообщить, что в лагере вражеском с час назад все в движение пришло. Собираются они, готовятся к чему-то. Пополнение утром к ним пришло на большом дирижабле. Высадили голов этак сто военных при оружии и улетели. Брат сказал, что нельзя воевать. Погибнем зазря. Он служил, он знает. С пополнением с ними никак не справимся. Охолонить надо наших.

Пополнение. На это я совершенно не рассчитывал. Может не соваться туда вообще. Черт-черт-черт!

— И что там они делают, к чему готовятся?

— А кто их знает. Я когда уходил, волшбу какую-то затеяли. Маги там во главе. Стоят в центре Крутобогова капища, сами руками водят, орут, кричат чегой. Непонятно мне, но страсть страшно. Не знаю. Готовятся к чему, а к чему, не знаю.

— А староста? Евграф Степанович? Катайцы взяли старосту в деревне, проводником.

— Да нет боле старосты вашего. Убили его перед уходом к вам. Хотел помешать магам начать волшбу. Оттащили его катайцы в сторону от капища и бросили.

Услышав грустные новости, еще их как-то надо сообщить Акинфию, я поблагодарил разведчика за сообщенные новости и мы расстались. А мне пришлось лезть по веревке назад. Акинфий с Чурилой в нетерпении начали задавать вопросы, едва я только добрался до площадки.

— Княже, ну чего там Братомил баает?

— Что-что? Пополнение у них, человек сто на дирижабле прилетели. Собрались все и готовятся к чему-то. Ну и самое печальное. Крепись, Акинфий! Родственника твоего, старосты Евграф Степановича больше нет. Убили его катайцы недавно. Погиб он, Братомил сказал, как герой. Прости меня за плохие новости! — поднявшись, я обнял, замершего от услышанного и с остекленевшими глазами, парня. Похлопал его по спине, и следом, открыв железную дверь, шагнул на лестницу, оставив его наедине со своим родственником Чурилой.

На мостике я подошел к смотровому окну. Нужно было срочно решать, что же делать дальше. Деревенских охотников в битву с регулярной катаяской армией пускать в бой точно было нельзя. Я не бог весть какой военный, но численный перевес был явно за ними. Это у нас был какой-то шанс побиться один на один с вторым бронеходом, используя фактор внезапности. И не особенно обращать внимание на солдат внизу. Броня же.

— Что, Сереж, все так плохо? — вздрогнул. Слышу голос тихо подошедшего сзади Бардина. Не сразу обратил внимание на смену в разговоре, уже доставшего меня вконец, обращения “княже”.

— Плохо. — вкратце рассказываю ему последние новости: — Вот думаю, сможем ли мы теперь их одолеть.

— Надо идти. Столько сделать и все в конце бросить?! Да я катайцу за рабство свое отомстить хочу. Они вовек не расплатятся. И за всех наших, сгинувших там.

— И я пойду. — снова вздрогнул от неожиданно сказанных слов. Акинфий: — Мстить буду за сродственника своего. Пусть панашкинские сами драпают, а я не побегу. Он за нас голову свою сложил, а мы...

— И я! — слышу голос Чурило.

— Эй, я тоже с вами, но я помирать там не собираюсь! Меня Лизка ждёт. Так и зарубите себе на носу. — решил я прервать этот самоубийственный настрой: — А теперь — по местам! Ходу!

И наш ”Новик” зашагал вновь. Учитывая, сколько времени мы потеряли, пока я узнавал новости, потребовал от пародвигательного прибавить в скорости. Пашка, как только услышал, побежал к ним вниз. Вскоре мы прибавили в скорости, о чем я догадался благодаря усиленной тряске. Мотало нас нещадно. Окна были раскрыты настежь, впуская внутрь прохладный живительный воздух, ибо от жары, исходящей от двигателя и нагретых стенок, и травящего через неплотные соединения труб пара, внутри бронехода дышать было решительно нечем. От лязга, скрипа и прочих металлических звуков я, кажется, давно оглох и болела голова. Хотя жаловаться мне еще грех. Мне-то и ребятам на мостике ещё ничего, держись себе у окна за поручень, а вот в крьюйт-камере и в пародвигательном, чую, было совсем тяжко. Как там держатся ребята? И не спустишься посмотреть, тут следить надо. И верно, как чуял:

— Княже! — кричит Чурило: — Ты смотри, как погода разгулялась! Гроза похоже будет. Поверх верхушек деревьев прямо по нашему курсу вдруг внезапно потемнело до черноты. На фоне чёрного пятна отчётливо были видны клубы, хаотично крутящегося со сполохами молний, воздуха.

— Началось! — кричу, обратив внимание на часы: — Прибавь ходу! Ходу давай!

Через несколько минут лес закончился и наш бронеход вышел на огромную поляну, по кругу равномерно заставленную большими вертикально поставленными валунами, живо напомнившими мне камни из местечка Стоунхендж, фото которых я видел в одной статье в журнале GEO. Только сейчас передо мной расстилалась картина открывшемся портала, о котором я слышал только, читая фантастику ТАМ. В большой черный круг, светлеющий к краям, состоявшийся из воздушных, хаотически движущихся, но подчиненных движению по часовой стрелке, потоков, пугая нас сверкающими молниями, принялись въезжать знакомые ранее катайские паровики. По сторонам мобилей шли катайские солдаты в полном обмундировании. Рядом стояло два знакомых мага-агличанина, раскинувших руки по сторонам. Решение пришло мгновенно.

— Акинфий, за ними шагаем! Не тормози!

— Княже, да я и так!

— Еще прибавь! Быстрее! Ещё быстрее! — ору в пародвигательный:

— Пашка, добавь в котлы! Пару! Еще пару давай! — свистнув в свисток и сказав в раструб общей связи, нервничаю и продолжаю дальше разговаривать сам с собой:

— Сейчас вот-вот портал схлопнется.

— Княже! Катайцы же уходят. — это Чурило подскочил к смотровым окнам.

— Да вижу я! Не слепой!

Я краем глаза наблюдал в смотровые окна, параллельно пытаюсь наводить паровые пушки на въезжающих в большое темное марево воздушных завихрений катайцев. Из-за тряски нормально навести прицел у меня не получалось. И даже не пальнул ни разу. Чего палить зазря в белый свет как в копеечку. Вот на ровную площадку встану, вот тогда. Вслед за ушедшим в неведомую даль бронеходом в клубах завихрений исчез еще один паровик, полностью забитый катайскими солдатами. Затем второй и третий. И сейчас я наблюдал, как последние мобили готовились к отправке. В последний мобиль на подножку вскочили маги, видимо державшие портал. Один из них наудачу принялся махать нам рукой, призывая нас идти за ними. Бормочу вслух:

— Успеем? Или не успеем? Давай-давай-давай! — От нетерпения теряю самообладание и ору всем стоящим: — Заходим! На-аж-ми-и! А-а-а!

Только что вышедшие у Власова кладезя на опушку леса деревенские мужики увидели последними, как бронеход “Новик”, изрыгая из паровой трубы сильные клубы пара, шагая настолько быстро, насколько позволял его работающий пародвижитель, подошел к темному мареву. И не снижая скорости, уверенно шагнул в темень завихрений. И пропал в нем, после чего портал закрылся, возвестив окружающих об этом громким хлопком и сильным воздушным возмущением. А через несколько минут в воздухе вокруг установилась такая благодать, словно и не было ничего. Лишь следы свернутого лагеря, шагов бронеходов и колёс паровиков вместе с лежащим телом погибшего старосты напоминали людям о произошедшем.

Не знаю, сколько прошло времени реально прошло, но мне показалось, что целая вечность. Странное чувство, когда тыходишь в портал. Как-будто все вокруг перестает существовать. Леса, земля, воздух, зверье, люди, ребята вокруг — ничего этого нет. Только ты и черная темень вокруг. И белая маленькая точка вдаль — выход из портала. Она медленно-медленно приближается, кажется так медленно, что успеваешь надоесть. И как только ты успеваешь подумать, что можно успеть передохнуть, как эта точка внезапно оказывается перед тобой. Еще миг и натужно прорывая неведомую полупрозрачную пленку, служащую препятствием для выхода из портала, ты внезапно оказываешься в точке назначения. Приехали!

Еще миг и перед нами открываются новые виды. Помпезное, но красивое здание, сильно похожее на виденный мною ранее дворец, на фоне виднеющихся вдаль башен небоскребов. Наш бронеход появляется на большой круглой каменной площадке с замысловатым рисунком из уложенных плиток, по периметру украшенной красивыми статуями. Вокруг никого, только разрушения и вмятины на дорожном покрытии и стриженном газоне от шагов ранее нас прошедшего бронехода. Слышу явственный шум выстрелов, хлопки множества парострелов, ор, гам и крики внизу. Катайцы же! Кольнула мысль. Как так получилось? Что вроде как мы одновременно с катайцами вошли, а прибыли с некоторым разрывом во времени. А ведь нам повезло, есть еще время подготовиться к бою. Решив не заниматься прямо сейчас дурацким, почти научным, вопросом, потом, если будет время, спрошу у более сведущих в этом людей, отдаю команду:

— Команде готовиться к бою! Крюйт-камера! Бронебойные и шрапнель товсь! Вперед! Бьем гадов!

Едва наш бронеход сделал первые шаги, как пришло осознание того, где же мы находимся.

— Да это же Новый Петербург! Имперский дворец. А там Канцелярия императора Фигасе же нас забросило. Ребят, вы слышите? Я знаю, где мы! Слышите?! Мы в столицу, в Новый Петербург, во дворец Императора попали. Зуб даю, я знаю, я во-он там был. Это точно то самое место! Пашка-а! Ты, считай, уже дома! — Я, узнав местность, прямо обрадовался: - Оле-оле-оле, наш Новик, вперее-од!

Правда вспышку мотивированной радости пришлось давить в себе сразу, прямо в зародыше, потому что впереди что-то сильно так рвануло. Раз. А затем другой.

В самый разгар танцевального бала на вызывной камешек-амулет, вальсирующего с придворной фрейлиной, Михаила Георгиевича пришел вызов. Мужчина, почувствовав тряску и вибрацию камня на своей груди, остановил свой танец с дамой и, извинившись перед ней за столь внезапную и неотложную необходимость отойти, увы, дела государственные, выскочил в другой зал. Где было куда тише и не было так громко звучащей музыки. Вот только мужчину сразу смутили едва слышимые хлопки в ушах, которые поначалу он принял за временное расстройство слуха от громкой музыки. Найдя в интерьере дворца ближайшее конвексное зеркало, начальник охраны Императора коснулся камня, с грубостью и недовольством в голосе вызывая своего собеседника.

— Ну что там?! Говори, только ежли по ерунде какой вызвал, не обессудь!? — мужчина свирепо смотрел на вызывавшего его абонента, одного из служащих охраны Императорского дворца.

— Михаил Георгиевич! — взволнованный мужчина был ранен, его щеку пересекала большая царапина, но он словно не замечал боли: — Вот дворце катаяцы! Ведем бой с превосходящими силами противника.

— Что? Как катаяцы? Здесь?! Вы что там, с ума сошли?

Но в подтверждение слов того, на спиной его раздался сильный взрыв. Собеседник на время пропал из кадра. Когда густая пыль в помещении рассеялась, Михаил Георгиевич углядел в зеркале, что часть дворцовой стены рухнула, обнажив через пролом лужайку позади дворца. За спиной мужчины двое солдат в парадном обмундировании семеновского полка, назначенной государем охраной дворца, принялись вести огонь из табельных парострелов, пытаясь сдержать натиск невесть откуда взявшегося, словно ниоткуда, врага.

Вызывавший мужчина поднялся и закричал в зеркало: — Уводите Императора и семью! Быстрее! Лучше через Северный вход, пока еще можно! Спешите! Немедленно! Их тут много! Слишком много. И дайте приказ снять защиту с купола. Дежурные дирижабли сюда незамедлительно! Охрана дворца с ними не справится.

Мужчина, услышав звуки шагов, резко повернулся и, увидев в проеме забегающих вовнутрь солдат характерного вида в катаяской форме, принялся палить в них из парострела. Сделав в противника несколько удачных выстрелов, тот снова повернулся к зеркалу:

— Ой, Михаил Георгиевич, вы еще тут?!

— Доклад! — зло проскрипел его высокопревосходительство.

Мужчина сплюнул и затараторил, пытаясь наспех сделать начальнику сжатый доклад, одновременно поглядывая краем глаза появившийся в стене проем:

— Десять минут назад в караулке дворца сработала сигналка оповещения об внезапном открытии магического портала. Адрес отправки неизвестный, так как не входил в список доступных известных нам. Могу лишь предполагать, это из давнишних утерянных. По

тревоге, согласно инструкции, были вооружены и подняты семеновские из охраны. Сразу после открытия портала на площадь первым оттуда вышел этот...как его там... бронеход. Такая здоровенная дурища, скажу я вам, прям жуть, но супротив эскадренных дирижаблей ему никак не сдюжить. Потому сдержать такую силищу семеновские не смогли, нечем нам супротив поливаемой им шрапнели обороняться. Объявили общий сбор, открыли оружейку, отправили на помощь. А затем к этим гадам и подмога подошла.

Мужчина слотнул: — Несколько грузовых паровиков и пеших много. По беглым оценкам, более двухсот человек. Не таятся. Все в полном вооружении и обмундировании. А такое число нашим никак не сдержать. Михаил Георгиевич, вы дайте приказ-то, пусть знать купол защитный снимут. Дирижабли дежурные в небе пусть на бронеход-то. А то он нас всех тут в фарш изведет, чтоб ему пусто было.

— Да как можно пушками-то по дворцу!

— Да, ваше высокопревосходительство. Плюньте нынче на сам дворец-то. Время такое, что или нас тут, или мы их. Бегите! — мужчина вновь и вновь пытался убедить своего начальника действовать: — Спасать Императора и всю семью надобно. Пока еще Северный, верно, свободен. Пока семеновские на первой линии еще держатся. И телеграфируйте преображенским, пусть шустро порталом сюда скачут. Авось успеют. Хотя вряд ли. Звиняйте, у нас тут гости! — и мужчина, снова выстрелив по кому-то, отключился.

Его высокопревосходительство взгляделся в отражение своего лица в зеркале, которое появилось после завершения связи с одним из его агентов во дворце, и со злостью стукнул кулаком в стену: — Ч-черт! Ну почему же именно сегодня?

И побежал обратно.

Возвращаясь обратно, ему встретился с десяток бегущих к бальному залу полностью вооруженных гвардейцев Семеновского полка, которые, как они сообщили, были посланы для личной защиты Императора и его семьи. Некоторые из них уже успели побывать в бою с катаяцами, были легко ранены и “красовались” в порванном парадном обмундировании, что никак не мешало им выполнять свою задачу.

Начальник охраны поручил двойке бойцов вернуться обратно, проверив все смежные залы на этом этаже дворца, на предмет поиска уединившихся там парочек и слуг. Узнав от гвардейца-унтера о предпринятых мерах защиты залов, он добавил им полномочий, потребовав обеспечить безотрывную личную охрану императору. И при наличии прямой опасности и отказе государя, а он может, не взирая на его статут, хватать его “в охалку” и спасать насильно. После чего испросил у бойцов запасное оружие себе. Его высокопревосходительству отказать не посмели. Получив из рук одного из солдат стандартный армейский парострел, начальник охраны Императора визуально проверил его настройку, и убедившись в том лично, кивнул головой гвардейцам, требуя бежать за ним в бальный зал. Пробегая из зала в зал, гвардейцы на ходу кричали “Горим! Айда за нами!” повстречавшимся им по пути камердинерам, многочисленным пажам и слугам, занятым разнообразными делами или приятным времяпровождением. К счастью, слуги оказались не из пугливых и охотно пошли за ними. И такой вот толпой они с шумом ворвались в танцующий и шушукающий обо всем бальный зал.

Веселая заводная музыка оборвалась, издав напоследок несколько жалобных скрипичных звуков. Это от неожиданности случившегося вторжения дворцовые музыканты резко прекратили играть. Михаил Георгиевич выскочил в центр зала и успокаивая, начавшую было роптать от неудовольствия, почтенную публику, произнес:

— Ваше величество! Гости! Всё! Бал окончен! Во дворце катайцы! Наши гвардейцы ведут бой! Мы эвакуируемся. Всем надлежит идти в сторону Северного выхода. Присутствующие здесь гвардейцы же обеспечат вашу безопасность и гости, я надеюсь, из офицеров, помогут в этом!

И словно в подтверждение его слов, глухая пальба и хлопки стали слышны лучше, словно подталкивая еще сомневающихся гостей и фрейлин побыстрее покинуть дворец. Сделав важное сообщение, мужчина обратился к Императору:

— Ваше величество! Вы наш главный командующий, решать вам. Но в целях вашей же безопасности тоже рекомендую вам и семье немедленно покинуть дворец. Настаиваю! Опасно!

~~Мне очень хотелось знать, как такое могло произойти, но нет. Разбираться будем позже.~~ Так! Выделить охрану. Алике, Сана, Лиза, девочки. Покиньте бал первыми. его величество, пусть и потемнев лицом, пытался справиться со своим гневом.

— Э нет, Мика, без тебя я никуда не пойду.

— Пц! Вот женщины! Александра, тогда присмотри за детьми. Я весьма на тебя надеюсь.

— Да рарап, не волнуйся — успокаивая отца, девушка уже взволнованно завертелась, принимаясь собирать, строить рядом малолетних отпрысков их семьи и вести их за собой. Прихватив с собой трех вооруженных гвардейцев. Вместе с ними, чуть погодя, к выходу потянулись и первые гости. Остальные несколько мялись, предпочтя идти под охраной.

— Я остаюсь с вами! Ваши предложения по обороне!

— Мой государь, не нужно лишнего геройства. Оставьте офицерам и гвардейцам их работу. Вам нужно уходить первым.

— Не надо решать за меня, Михаил Георгиевич. Я и сам в состоянии. Нужно организовать оборону дворца. Иначе, что обо мне подумают в народе. Так, дайте мне парострел. — он потребовал оружие у стоящего рядом гвардейца. Тот отстегнул верх кобуры и передал запасный парострел Императору.

— Мой государь, не нужно. Не дай бог, одумайтесь, подумайте о Тартарии, об армии, народе нашем...

— Господин Фон-Коттен, вы забываетесь-взревел разозленный император.

Вбежала двойка ранее отправленных солдат с несколькими товарищами, которые деловито закрыв входные двери в зал, принялись что-то лепить на них. Один из них, освободившись, подбежал к начальству:

— Никого не нашли, Михал Георгич! Только уходить надо. Наши там не справляются. Катайцы знай себе силой давят. Вон из портала второй-то бронеход вышагивает. Ставим растяжки амулетные на двери, чтоб задержать, но гады чем-то, ажно играючи, враз с них защиту сносят. Государь, надобно поспешить, они тут с минуты на минуту будут!

— Идите, прошу вас, государь! А мне еще в свой кабинет надо. Надобно снять с дворца купольную защиту и вызвать подмогу.

Разгневанный его величество мрачно кивнул главе своей охраны, все же соглашаясь с его словами. И под охраной пятерых оставшихся гвардейцев собрался на выход, пытаясь догнать ранее ушедших детей, увлекая за собой оставшуюся с ним супругу, стоящих неподалеку родственников, придворных и гостей. Действующие офицеры из приглашенных на бал гостей принялись просить у оставшихся с ним гвардейцев запасное оружие, одновременно уточняя реальное состояние дел.

На груди Михаила Георгиевича вновь затрясся камень связи, когда толпа людей уже

выходила в направлении эвакуации. Чертыхнувшись, мужчина увидев в практически пустом бальном зале маленькое конвексное зеркало, побежал к нему, на ходу нажимая камень.

— Что там у вас?

— Ваше высокопревосходительство. ЧП. Бомбисты в городе.

— Что? Какие ещё бомбисты? Кто такие?

— Не знаем, вашвысокопревосходительство. Пытаемся установить.

— Не тяни! Быстрее!

— Некие лица на нескольких паровиках совершили в одно время дерзкий налет на полицейские околотки в городе. Пользуясь необычайно мощными, возможно магическими бомбами, они, пробив защитный контур, разрушили сами здания вместе с находящимися в них людьми. Ими подброшена бомба в центральный телеграф, воздухоплавательный городской порт и железнодорожный вокзал. С мест агенты сообщают, что очень много жертв. Дежурные пожарные и наличные санитарные силы не справляются. Народ напуган, в городе паника.

— Гвардеец, дай свой парострел!

— Вашвысочество, не отдам.

— Гвардеец, да как ты смеешь?

— Дык ежели я вам его отдам, вашвысочество, как вас защищать буду? Унтер с меня самолично голову снимет. Да и потом, вашвысочество, вам в платице-то вашем воевать-то ведь несподручно будет. А вдруг там вам упасть понадобится или спрыгнуть?

Рядом идущие гвардейцы засмеялись было, но тут же спрятали свои улыбки. Девушка, представив себе эту занимательную картину, покраснела, надулась и буркнула в ответ:

— Пф! Вот будь со мной мои любимые парострелы...и не смейтесь, я на курсах общества вольной стрельбы...с пятнадцати метров в яблочко... всё смеетесь... я и с дирижабля из пушки по мишеням палила...иэх! Не верите мне!? — девушка горестно вздохнула.

Мужики на это заявление вновь беззлобно рассмеялись, не в силах сдержать лезущие на лица улыбки, а лейб-гвардеец, у которого она просила оружие, произнес:

— То-то и оно. Оставьте, вашвысочество, нам делать нашу работу.

— И зачем я на этот бал была согласная, эвон, что получилось. Кабы не я... — девушка промолчала.

Северный вход в Императорский дворец обычно служил для прохода не очень важных персон, но был построен с такой же помпезностью, как Главный и Южный входы. Парадные, украшенные камнем и величественными скульптурами, лестницы вели с бельэтажа на первый, выводя гостей к вестибюлям и выходу. Поэтому выйдя из величественного здания по указке гвардейцев на мощеную камнем дорогу, люди должны были пересечь ее, быстро спуститься по белой садовой лестнице из известняка и, пройдя по зеленой лужайке, скрыться в ближайшем лесу. Где в нескольких местах прятались неприметные глазу калитки, о которых знала только охрана, слуги и живущие во дворце. Не успев выйти из дворца на улицу и пересечь дорогу, Александра почувствовала от земли сильную тряску и перестук глухих тяжелых ударов. Земля с каждым разом тряслась все сильнее и сильнее. Позвав малышей Лизавету и Марию, по прозвищу Плакучая Ива, а также сильнее подгоняя младшего брата Сашу, она услышала чей-то крик:

— Катайцы справа! Бегите! К лесу бегите! — и вокруг с обеих сторон захлопали парострелы. Рядом упал сраженным знакомый лейб-гвардеец, упал кто-то из гостей.

Девушке повезло, родовое кольцо защитило ее. Она хотела было всплакнуть, но вспомнив о бегущих впереди беззащитных братьях и сестрах, спрятала подальше в себе эту предательскую мысль. Опустившись к солдату, она вытащила из его разжатых рук парострел, и, вскочив, побежала дальше. Но сотрясения земли были все сильнее. Александра, сделав всего несколько шагов, не удержавшись, выронила из рук оружие и следом упала сама. Вновь схватив парострел, она, поднимаясь, обернулась и увидев новую картину, пронзительно закричала:

— Дети-и! Не стойте-е! Бегите-е! Скорее-е!

Перед ней, совсем неподалеку, стояла махина катаяского бронехода, уже нацелившего дула своих орудий в ее сторону. Цветной дракон на желтом фоне словно язвительно улыбался на развевающемся по верх башни флаге. Позади бронехода катаяские солдаты бились насмерть с ее последними двумя защитниками. Остальные семеновцы пали в неравной борьбе. Понимая, что в своем чертовом громоздком бальном платье, она уже не успевает уйти с линии пушечной стрельбы, прав был тот гвардеец, Александра, не сильно надеясь на защиту кольца, с усилием подняла свой парострел, ставший неожиданно тяжелым. В последний раз. Прощайте, татап и рарап! Прощай плутовка Саша, веселушка Флоппи, Машка-Плакучая Ива. Прощай нежный Швибзд и гордый Джорджи. Прощай милый Коко и милая Кака, не поминайте... — девушка, из глаз которой покатились первая слеза, подняла такой бесполезный против бронехода парострел, вставая на последнюю защиту бегущих сзади братьев и сестер. Встать не получилось и она, подняв парострел, закрыла глаза, не желая смотреть своей смерти в лицо. Прощайте!

Раздался хлопок сдвоенных выстрелов парострельных пушек. Ну вот и все!

Пф! Защита выдерж... Я...я. я жива?! — под лязг, стон и грохот металла, новые хлопки выстрелов, под явственно слышимые ею шаги бронехода герцогиня Шлезвиг-Голстинская открыла свои глаза. И в удивлении прикрыла свой рот рукой. Катаяский бронеход аки дикий зверь был уже ранен, непонятно откуда взявшимся, таким же по виду, бронеходом и из последних сил, весь в клубах пара и дымясь, вел с ним пушечную дуэль.

Оба гигантских бронехода на ее удивленных глазах обменивались светящимися на воздухе уколами паровых орудий. Некоторые болванки выстрелов сминаясь, рикошетом со свистом отлетали от башен, падая на землю то тут, то там. Хватало и прямых попаданий.

Появившийся с той стороны дворца новый стальной мастодонт изрыгал выстрелы из своих орудий значительно быстрее и точнее попадал в противника. Не в силах подняться и сдвинуться с места, девушка сидела в уже потерявшем свежесть бальном платье ни жива, ни мертва.

Наконец, очередным точным выстрелом новенький бронеход удачно поразил смотровые окошки и катаяский его собрат, сделав один шаг, с надрывным стоном принялся заваливаться на здание дворца, принадлежащего ее семье. Падая на стены дворца, вражеский бронеход напрочь снес пару гранитных пустотелых колонн, творение известного архитектора и мастера-мага их семьи Бартоломью Боттичелли, и по оси падения рукой-стволом разбил окна с витражным стеклом, над которыми трудилось не одно поколение мастеров художественного стекла. И заодно сломав выступавшие на фасаде дворца красивые пилястры. От грохота, раздавшегося после падения бронехода, девушка даже вздрогнула. Переведя глаза на его противника, Александра еще и осмотрелась вокруг. Кроме нескольких трупов гостей, солдат и катаяцев на дороге перед входом в дворец никого не было. Наверное уже убежали, подумала она. И решив бежать тоже, решила, с трудом поднимаясь в этом

красивом, но жутко неудобном платье, напоследок взглянуть на своего неожиданного защитника. Тот в несколько заходов повернулся, словно красуясь прилаженным штандартом Семеновского полка и своей криво нанесенной надписью. После чего вновь встал боком.

“Новик”?! Наш?! — Не припомню таких бронеходов в составе нашей армии — удивилась она: — я бы тогда точно знала. Во всяком случае, от возможности оказаться в его кабине я бы никогда не отказалась и папеньку бы всяко упростила.

Но поднявшись и собравшись было идти, в следующий момент она удивилась еще больше, услышав смутно знакомый крик откуда-то сверху:

— Александра, ты-ы?!

Девушка подняла голову, пытаясь признать наверху того, кто же ее узнал. Но рассыпавшиеся на глаза волосы вместе с последними лучами солнца, идущего к закату не оставили ей возможности узнать кричавшего. Ведь тот сделал шаг назад и принялся зачем-то взмахивать руками.

— Саша! погоди, я сейчас! Только стой на месте! И ничего не бойся!

И в следующий момент Александра разом оказалась в воздухе. Не успев испугаться, девушка, обдуваемая налетевшими воздушными потоками, оказалась на верхотуре на кормовой площадке. А узнав стоящего, она едва слышно прошептала: — Ах ты подлец!

Одновременно слева открылась кормовая дверь и оттуда с возгласом “Ой, простите!” выскочил еще один молодой человек. На площадке стало заметно тесней. И едва успев аккуратно приземлиться на кажущиеся хлипкими металлические конструкции, как её высочество размахнулась и залепила по лицу стоящему рядом с только что выскочившим, теперь уже знакомому “незнакомцу”, звонкую пощечину. Раздался звонкий удар.

— Бам-с! Вот! Получай!

— Александра! Саша! Да за что? — немедленно возопил Сергей.

— Ой! Я тогда пойду, мне обязательно надо внизу проверить. Забыл, да! — медленно пятясь и вновь открывая дверь, пробурчал, сильно удивленный таким приемом незнакомой девушки, Павел.

— Дурак! Остолоп! Ты ж меня чуть не убил!

— Бам-с! — девушка размахнулась снова: — А это за то, что из приюта сбежал!

— Бам-с! — и еще одна: — А это за то, что будучи на “Новике” весточку ни разу не подал! Мог же!? Мог! Каково мне услышать, что ваш дирижабль погиб!

— Александра, виноват, но как же...как я мог...я же...Больно как! — принялся оправдываться юноша, потирая начавшую гореть щеку.

— Иди-ка ты сюда, вылечу — и девушка, обняв совершенно в это неверящего парня, без дураков поцеловала в его пылающую щеку. — это совершенно не больно!

— М-м-м! А мне вот такое лечение нравится!

— Ой! Дети-и! Я про детей забыла-а! Сергей! А ну спусти меня вниз!

Чего? Каких еще детей?

С первых шагов от портала до встречи с ее высочеством прошло совсем немного времени. Когда шли по дороге, ведущей к видневшемуся впереди дворцу и разбитой посреди территории большого дворцового парка, с обеих сторон украшенной статуями мужчин и женщин, богинь и каких-то древних военачальников, было ясно, что бой впереди разгорелся нешуточный.

Ушедший катайский бронеход щедро палил по кому-то впереди, прикрытый от меня высокими кронами и листвой величественных деревьев. А через пустые места в ветвях и

листве были видны, снующие от дерева к дереву, фигурки китайских солдат, ведущих прицельную пальбу по ярко-зеленой с красными и белыми пятнами охране дворца. Покинутые солдатами опустевшие паромобили небрежно стояли неподалеку, загородив весь проезд по дворцовой дороге. Решив не идти в обход, понаставили тут, понимаешь, на косою вопросительный взгляд Павла, требую идти прямо:

— Вперед! Бронеход пробок не боится!

Стоящие впереди паромобили оказались не совсем пусты. Из-за усилившейся тряски нас заметила парочка водителей паровиков. Выскочившие из полуоткрытых кабин своих машин, они, думаю пытаясь предупредить и вызвать этих “слепых” водителей, принялись кричать нам на своем, непонятном мне, языке, призывно размахивая руками. Периодически они демонстрировали нам кулаки, словно пытаясь угрожать и наслать на нас кары небесные. Мы же, не обращая на них никакого внимания, просто шли вперед, лишь иногда корректируя свой курс. Китайцы поняв, что вызывать нас просто бесполезно, а их призывы не оказывают на нас совершенно никакого воздействия, ринулись в стороны в рассыпную, едва ступоходы нашего бронехода оказались над дорожным паровиком, принадлежавшим явно кому-то из магов.

Раздался сильный треск сдавливаемого и ломаемого многотонным ступоходом, легкового паровика. Правда струхнул в последний момент, вспомнил предупреждения в прочитанной инструкции. Но нет, лишь немного качнуло. И словно ничего по пути не заметив, наш бронеход пошел дальше, следом отталкивая поднимаемой ногой стоящий дальше грузовой зеленый паровик. От сильного удара у него сорвало крышу, после чего экспедиционный грузовик по инерции сдвинулся да и упал наискось набок, все же открывая нам проход дальше.

Китайский наш собрат тем временем обходил длинный дворец справа, продолжая поливать позади дворцовые территории шрапнелью. К стенам дворца приближались уже последние солдаты, явно намереваясь войти вовнутрь через, кажется, похожий на технический, вход. Поздно конечно, могу не успеть, но на авось навожу нужный прицел, в отчаянной попытке достать хоть кого-то:

— Шрапнелью, пли!

К сожалению, отсутствие у меня достаточного опыта стрельбы сказалось на пристрелке. Из четырех пар выстрелов лишь последняя добралась до цели, поразив троицу китайских солдат, случайно замешкавшихся на входной лестнице у входа. А первыми попаданиями, комьями земли обозначившими себя практически у стен дворца, удалось поразить лишь дворцовую клумбу с явно красивыми цветами, украшавшими вход в вестибюль. А, ч-черт! Вот мимоза!

Вот и первые павшие из охраны императорского дворца, принявшие неожиданный подлый удар врага. Не раз и не два скорректировав курс, стараясь не раздавить лежащие внизу тела солдат, сам выскочил на корму, издали заприметив в руках имперский штандарт в руках одного из лежащих бойцов. Рывком поднимаю магией из-под парня в зеленом кафтане лежащий под ним флаг и сразу вручаю его Павлу, временно свободному среди всех нас. Тот, на мостике ловко спустив вниз лестницу и открыв изнутри люк, пока бронеход двигался, выбрался на его крышу. Дождавшись, когда мы притормозим, он вставил древко в флагшток. И наш бронеход стал красоваться реющим во все стороны от набегающего ветра штандартом. Это нехитрое дело, как позже оказалось, впоследствии нас и спасло.

Это потом нам скажут, что никаких опознавательных знаков акромья этого

развевающегося штандарта не было, поэтому капитаны дежурных дирижаблей, каждый сам по себе, приняли решение не палить, лишь магический контур над дворцом был снят. А пока я шел в обход дворца, портя прилегающий газон с плиточным покрытием и посаженные садовниками кустарники, пытаюсь выйти для эффективной атаки в спину катайского бронехода. Чую, икнется мне раздавленный газон со цветочками.

Вижу как из флигеля вдалеке к лесу потянулся празднично одетый народ, солдаты и дети. Вот, значит, первые побежали. Эвакуация из дворца началась.

Прячась и перебегая от укрытия в укрытие, коим во дворце были колонны, мебель, выступы и углы, отстреливаясь в коридоре от внезапно прорвавшихся через подвалы, кажется повсюду, вездесущих катайцев, Михаил Георгиевич методично продвигался к своей цели-кабинету. Вместе с ним вёл бой один из оставшихся с ним солдат. Вернее их было двое, но практически у кабинета второму не повезло. Словил случайный выстрел из парострела от так некстати выскочившего в проход катайца.

Привычным движением рванув ручку двери, немедленно распознавшей в нем своего, под шум, гам, гипсовую пыль, отлетающей со стен отделки, и выстрелы, он и солдат следом влетели в его постоянную приемную. Там, в приемной, едва высовываясь из-под стола, выглядывал сильно напуганный второй секретарь, которому явно не повезло сегодня с дежурством. Увидев вбегающего в приемную вооруженного шефа тот даже слегка успокоился.

— Михаил Георгиевич, там в коридоре, кажется, палят!?

— Знаю! — и кивнув секретарю на гвардейца-семеновца за собой: — помоги ему!

Солдат, положив на стол свой армейский парострел, вытащил из кармана субстанцию, похожую на мягкий пластилин. Деловито шлёпнув её на входную дверь приемной, он принялся быстро прилаживать к ней, похожий на шайбу, предмет, тускло отсвечивавший зеленым камнем. Через пару секунд дверь покрылась едва светящейся магической пеленой зеленоватого оттенка.

— Ну вот-цокнул от удовлетворения возящийся с шайбой гвардеец: — Если сунуться решат, поди, хучь чуток туточки их задержит.

— А это что? Неужто то, что я думаю?! — с лицом, в котором смешивался испуг и удивление, вскричал секретарь. Тот подтвердил:

— Ага! Щит-заградитель “Розетка”. В арсенале нашем по случаю прихватил. Как чуял.

Секретарь, услышав, тихонько ахнул:

— Да это ж секрет! Магическая ж разработка-то. Не боишься трепаться, думаешь, авось начальство язык-то не окоротит? Так Михаил Георгиевич нынче скор на расправу-то.

— Да не тушуйся так, об том стал бы думать в последнюю очередь. Нонче можно! Окорачивать некому будет!

— А это ж еще почему?

— А ни шиша не успеют! — выпрямившись, блеснул черным юмором бойкий гвардеец, вконец изумленному и отшатнувшемуся от солдата, секретарю.

Михаил Георгиевич, оказавшись в своем кабинете, первым делом открыл несгораемый сейф самой высшей системы защиты. Сделанный компанией “Ф. Сань-Галли и сын”, сейф представлял собой чудо современной тартарской механики и магической мысли. Механические запоры с числовым кодом из 999999 вариантов комбинаций были усилены силовыми амулетами, работавших на подавление любого, пожелавшего в него залезть, вора. Коснувшись едва приметной ниши на фигурке орла Империи своим перстнем, с которым он

никогда не расставался, он быстренько набрал нужную комбинацию цифр и крутанул потемневшую, покрытую благородной патиной, бронзовую ручку. В сейфе в верхнем отделе небрежно лежало несколько защитных амулетов, иногда используемых им в работе. Схватив охапкой несколько из них, он первым делом надел один на шею, сунув остальные в карман изодранного в дворцовом бою парадного камзола. После чего принялся за второй уровень, вытащив оттуда черный ящик, обитый бархатом. Предмет его настойчивого стремления он выставил на крышку обитого кожей стола, после чего вновь коснулся камнем имперского орла над замком. Замок тихонько щелкнул, отбрасывая свои крепления. И вслушиваясь в копошение и топот множества людей за наружными дверями, начальник охраны немедленно открыл крышку ящичка. Посередине в ложементх лежало несколько, всеми цветами радуги переливавшихся от солнечного света, драгоценных камней, составлявших причудливую композицию. Вновь коснувшись перстнем её центра, Михаил Георгиевич вздохнул и произнёс:

— Велю! Магический купол над дворцом снять!

— Эй, Силантий, стучи скорей в свою шарманку-то! — его высокопревосходительство указал секретарю на стоящий телеграф. Его помощник быстро подчинился и сел за машинку, принимаясь быстро набивать текстовое сообщение:

— Отправить тревожную птичку в Адмиралтейство и на борт дежурной эскадры. Сообщение. Дворец подвергся атаке превосходящими силами противника. Приказываю отбить нападение, не считаясь с возможными потерями.

— Отправить тревожную птичку в Преображенский. Сообщение. Тревога! Нападение на дворец! Угроза жизни Императора! Поднять полк. Отбить атаку, не считаясь с возможными потерями.

— Все перемещательные станции из столицы для гражданских чинов и знатного сословия закрыть! Исключение для военных и специальных служб.

— Отправлено, Михаил Георгиевич!

Камни в ящичке весело мигали. Но последним, что увидел начальник охраны, был хлопок, рвущейся сквозь поставленную гвардейцем защиту, магии. В голове мужчины искрой мелькнула последняя мысль:

— Кажись, успел!

— А ну спусти меня вниз! Немедленно!

— Саша! Да зачем же! Тут тебе будет безопасней. А если ты так хочешь, я могу поискать этих детей сам.

Насилу уговорил не рисковать ее высочество и остаться с ребятами под защитой бронехода. Все же броня лучше, чем скрываться в лесу. А сам пообещал ей, что немедленно отправлюсь на поиски детей в лесу. Девушка, подумав, согласилась и как смогла, сообщила имена и приметы детей. После чего была готова войти внутрь кабины. Ну да, как же!

— Алексадра, проходи! Глянешь заодно, как мы тут устроились — на правах хозяина приглашаю ее высочество вовнутрь.

Девушка сделала шаг и попыталась пройти в открытую дверь. Но узенькая кормовая дверь и широкое, надетое на ней, бальное платье не дало ей этого сделать. Сделав очередную неудачную попытку влезть, она недовольно запыхтела.

— Пф! Опять! Платье мешает, не пройду!

— И что мне делать? Не оставлять же на корме?

Ее высочество недолго думая, выдохнула:

— Сергей, помоги мне с юбкой. Пожалуйста! Рви платье!

Я встал в ступоре:

— Рвать чего? Платье?!

— Платье!

— Платье!? Рвать?! — снова уточняю я.

— Ну какие же вы, мужчины, тугодумы. Рви же скорей. Ну!

Находясь все равно в некотором ступоре, приседаю и все же начинаю рвать оборки красивой ткани от широкого длинного платья. Но видно медленно. Потому что девушка в нетерпении руками принимается помогать мне в этом. С яростным остервенением, словно ненавидя за что-то, девушка, пыхтя и злясь, сорвала с петель верхнюю юбку, демонстрируя на себе объемный проволочный каркас кринолина и нижнюю юбку с панталонами. Ни фига себе она на себе тяжесть носит? Как там мама говорила, красота требует жертв?! Но явно не таких. Вид выступающих из-под корсета нижней юбки и фривольных панталон со смешными рюшами, так ярко контрастировавшими с образом девушки в кожаной пилотской курткой и парострелами, чуть не заставил меня рассмеяться. А рюши так и манили потрогать ткань рукой. Девушка, словно почувствовав на себе мое внимание, покраснела и резко повернулась спиной, только и сказав:

— Сережа, сними с меня кринолин.

С этим каркасом, хоть и с непривычки, но провозился недолго. Ее высочество, оставшись без надоевшего ей кринолина, вздохнула свободно.

— Разрешите вас проводить? Я помогу!

— Я сама!

Ну сама, так сама. Принимаюсь спускаться вниз, обернув веревку вокруг руки и ноги. И как только был готов, смотрю на ее высочество. Какая она красивая. Ладно, спускаюсь вниз. Углядев, что я на нее удивленно глазею, девушка уже ехидно улыбнулась, стрельнула глазками, принявшемуся спускаться, парню и, не глядя, шагнула в открытую кормовую дверь. Слышу глухой удар и недовольный голос княжны.

— Уй! Какой остолоп так строит?

Да-да-да! Но на сей раз не я!

Оставил наверху явно злющую Александру, тут же переключившуюся на свой больной лоб, явно там шишак будет, на попечение выскочившего на корму Пашки. Уже на земле, вытащив парострел и убедившись, что никого вокруг нет, рванул в придворцовый лес. Немного погуляв между зеленых деревьев по стриженной траве, довольно быстро нашел убежавших детей. Собравшись в стайку у кустов спелой малины, странным образом росшей вдоль дворцовой ограды, одни хныкали, а другие постарше, глядя испуганными глазами по сторонам, их пытались успокоить. Выхожу медленно из-за кустов, пытаюсь их не напугать.

— Эй-эй! Дети! Не пугайтесь! Я — ваш друг и отведу вас к Александре! Кто из вас Флоппи? А Джорджи? Плакучка Ива?!

— Не Плакучка, а плачущая! — важно ответила мне девочка лет восьми в красивом, но уже грязном платьице. Я их вспомнил, лица их были знакомы, видел я их перед гонкой во время показа новинок.

— А тебя я знаю — с достоинством заявил мне пацаненок лет десяти, одетый в уже измазанную землей и лесной паутиной парадную, пошитую на детский рост, форму семеновского полка: — Ты нашу Александру на гонках недавно догонял.

Подивившись своей популярности, я признался пацану и прочим детям в этом, и,

пресекая их будущие крики, попросил не шуметь и идти за мной. Дети нашего императора недоверчиво поглядывали на меня, но все же пошли. С удивлением, попеременно глаза, то на наш стоящий бронеход, то на завалившегося на императорский дворец его собрата, дивясь масштабом разрушений. Звуки боя, хлопки выстрелов, заглушаемые стенами дворца, от леса были нам едва слышны. Иногда о продолжающемся во дворце бое напоминали, выбиваемые выстрелами, большие арочные стекла дворца. На корму выскочила ее высочество, призывно махая рукой детям.

Когда добежали до ступоходов и спрятались за ними, я вновь попросил детей не шуметь и не пугаться. А в награду за это пообещал им, мол, полетите как птички. Еще понравится. Дети притихли, явно дальше ожидая от меня какой-то подвох. Хотя сверху их успокаивала и звала сама Александра, стоявшая на площадке под прикрытием, вооруженных и глядящих по сторонам, Акинфия и Чурило.

Эвакуация Императора не задалась с самого начала. Едва кучная толпа первых, спешащих покинуть дворец, придворных вышла к парадной лестнице Северного входа и начала спускаться по ней, как откуда-то снизу и сбоку раздались многочисленные громкие хлопки выстрелов парострелов, гулким эхом отдававшихся в большом помещении. Гвардейцы и некоторые офицеры из гостей, к несчастью для них оказавшихся на балу и которым случайно досталось запасное оружие, приняли бой, начав в ответ отстреливаться. В этой перестрелке принял участие и сам император, устроивший свою позицию за одной из колонн. Многочисленные дамы и фрейлины двора в испуге закричали. Первые, спустившиеся по лестнице, ринулись в вестибюль на выход. Часть испуганной толпы людей внизу, оказавшихся на скользких мраморных ступенях парадной лестницы, увидев первых погибших и раненых, стала пятиться назад. Тогда как идущие сзади, еще не понимая откуда стреляют, в нетерпении давили вперед. Роскошная сдвоенная спиральная лестница, ведущая в вестибюль начала покрываться телами падающих, убитых и раненых, прямо по которым в панике спускались гости. В случившейся давке слышались крики раненых, сдавленных и падающих на скользких ступенях людей. Никто из гостей в ужасе грохота, пара и безостановочной пальбы больше не думал ни о правилах приличия, ни о своем статусе, что уж говорить, о сохранности надетой одежды. Выжить бы. Толпа видела цель — дверь на выходе. И рвалась к ней. Первым проскочившим повезло больше всех. Пользуясь туманом и начавшимся хаосом, они умудрились пройти мимо первых солдат неприятеля целыми и невредимыми. Следующим за ними проскочить было куда тяжелей.

— Мика-а! Мика-а! — услышал его величество отдаляющийся голос супруги. Вот же черт, не уследил. Толпа отдаляла ее от него все дальше и дальше с каждой секундой, вынося ее прямо под огонь китайских солдат.

— Алике! Я сейчас!

Император попытался рывком вклиниться в эту бездумно прущую вниз, как на убой, в панике, падающую, встающую, бегущую по телам упавших, толпу, расталкивая всех этих спешащих к выходу придворных руками и даже помогая особо ретивым ручкой парострела, но добраться сквозь человеческую массу до удаляющейся от него императрицы ему не удалось. Неслыханное действо. И самого чуть не затянула воронка давки. Из толпы в последний момент императора выдернула пара знакомых гвардейцев, которая бок о бок с ним палила в китайцев на балконе.

— Ваше величество, туда вам нельзя. Давайте назад! Отходим! Верхом пройдем.

— Там моя Алике! Надо вытащить ее оттуда!

— Мы не сможем! Вас убьют! Нас мало сил! Китайцы вот-вот займут всю лестницу. А у нас приказ вытащить вас отсюда.

— Там Алике! — тупо повторял, крича, тряс за грудки солдата его высочество.

— Государь, на все воля божья. Авось государыню пронесет. У нас приказ вас спасти. А их слишком много! Надо пробовать пройти другим входом.

— А как же все эти люди? — тягостно молвил, словно очнувшись, государь: — Мы же не бросим их.

— Уходим, ваше величество. Иначе мы уведем вас силой.

— А мои дети?!

— Дети вышли отсюда раньше! Их нет тут. Уходим!

— Алике! Я найду тебя! — закричал вниз его высочество, в этот момент больше бывший обыкновенным любящим семью мужчиной, чем императором. — Ведите сволочи!

— А ну расступились! Назад! Всем назад! — и пара крепких семеновцев, действуя своими локтями как тараном, совершенно не обидевшись на отправленные в их адрес слова, принялась расталкивать людей, давая императору за собой возможность пройти.

Бросив на лестнице придворных и офицеров, палящих в китайцев, троица вернулась обратно в залы. Гвардейцы вели новым маршрутом. В очередном большом зале из правых боковых дверей навстречу вышло трое смутно ему знакомых мужчин в богатых костюмах, перерезая им путь вперед.

Гвардейцы, почуяв тревогу, взвели на изготовку парострелы, готовясь выстрелить по первому слову государя:

— Расступились! Император идет.

— Нет, ваше величество. Вы уже никуда не идёте. Все уже. Пришли!

— Кто посмел рот открыть? Зашибу!

— Не зашибешь! Слаб ты нынче.

— Что-о? Да ты что? Государя поносить? Хулу возводить вздумал? Да я тебя в острог! Больно смелы стали. Кто такие?

— А ты вспомни. — один из них оскалился.

— Что-то не упомяну, но больно рожа мне твоя знакомой кажется! Ах, да! Да-да! Точно! Демидский ты. Да, верно, с Отяевым-младшим спор ваш разбирал. Дай пройти, разбираться с тобой мне нынче недосуг! Дорогу, а не то! — его величество кивнул охране, уже приготовившейся палить.

— Не напугаешь. Говорю же, конец твоей власти. Хватит, поцарствовал.

— Что? Это кто там пищит? Кто тут бляеть изволил!? — государь попеременно показывал пальцем на этих людей, от волнения сжимавших кулаки, в которых угадывались зажатые в них родовые перстни.

— Я! — послышался сбоку знакомый Императору голос. И из левых боковых дверей вышло новое лицо, сопровождаемое гурьбой вооруженных китайских солдат. Солдаты быстро высypали в пустой зал, мгновенно рассредоточившись вокруг стоящих мужчин по всей площади. Семеновцы поначалу растерялись, но в следующий момент, словно опомнившись, разом закрыли своими телами государя.

~~И ты, брат! Значит, смотрю, продался китайцам за тридцать серебрянников, поганец! И как же я тебя только упустил, Петр?~~ ответил Император своему повстречавшемуся двоюродному брату.

— И что тебе прихвостни китайские посулили? Неужто денег, мною отписанных, не

хватало? Мало было? — Петр, услышав эти слова, недовольно хмыкнул и поморщился: — И много-ль тебе, изменщик, юаней катайцы отвалили за твоё вероломство? — взревел государь.

— Полноте-с, брат.

— Брат ты мне поганый! Аглицкий волк тебе друг, товарищ и брат! — прорычал на это заявление Его величество. Мужчина напротив вновь скривился:

— Ты же знаешь, деньги меня не интересуют. Все просто. Все очень просто, брат. Твоё упорное нежелание, несговорчивость, а подчас и неповиновение в большой геополитической игре давно настроили правящие круги просвещенной Европы, Запада и Востока против тебя. Если бы ты знал, кто только жаждет разорвать тебя. Кто поставил на твое падение. Тебя ненавидят иезуиты Ордена и монахи Тянь Чжу, аглицкие маги из общества Розенкрейцеров и маги-черноручники, теософы-иллюминаты из одноименного общества, император катаев и аглицкий премьер, мериканский президент, эрцгерцог австрийский, князья венгерские и итальянские, румынские и испанские. Список большой! Далее продолжать, брат? Ты так хорошо отдал им мозоли. И где мог, перешел им дорогу, что они решили избавиться от такого игрока. И принялись искать подходы. Нашли меня. Предложили мне выгодные условия и помощь. И я принял их. Ведь, знаешь, я делаю доброе дело. И знаешь, какое?

— Какое, иудушка поганая!?

— Отдав тебя им, я избавляю Тартарию от правления одного неудачника. Тебя! Буду править сам, как посчитаю нужным. Объявлю народу свободы и процветание. Народ дурак. Поверит всему, что скажут. И даже выполню некоторые обещания. А тебя и твою семейку забудут. Побурчат и забудут. Никто, ничего и никогда не узнает!

— Ха-ха-ха! Слепец! Какой дурак! — засмеялся Император:- Да они обманут тебя. Сразу. С первых дней. Ши Цзинт первый самолично оттяпает твою руку по локоть. Эрцгерцог с валашскими и венгерскими князьками будут грызть и рвать тебя по кусочкам. Агличане сразу заберут Самоедию, то-то они там разлетались. Прямо как к себе домой ходят. Мериканы удушат деньгами, вцепившись тебе в горло кабальными контрактами. А маги будут тянуть и вытянут таки из тебя все камни! И ты ничего не сможешь этому протипоставить. Народ будет нищать и вскоре отвернется от тебя. И твоей свободы. И тогда ты призовешь к себе на помощь интервентов и будешь править страной только с помощью заморских парострелов. И конец твой будет незавиден — проникновенно вещал Император: — рано или поздно тебя убьют или отравят свои же. Или твои хозяева. За то, что надежд не оправдал. А тебя и время твоего правления назовут Петром Кровавым. Да ты и так уже, руки твои по локоть в крови. Знатные князья да бояре кровь и гибель своих родных тебе не простят. И будут правы. За дело! За ту пальбу, что там, на лестнице. За бомбизм! Народ сразу раскусит, что кровь на твоих руках, тварь! Не выйдет у тебя! Не выйдет!

Мужчина, визгливо, чуть не крича:

— Так нужно было! И этого было не избежать.

— И ты, значит, после серии неудач решил закончить все разом. Одним махом! Ускорить, так сказать, естественный ход событий. Магов, гляжу, на подмогу взял. Ну что же, давай, попробуй, подлец, взять меня.

Будущий властитель заголосил фальцетом:

— Нет! Сдайся! Я просто отдам тебя им. Обещаю похлопотать, чтобы тебе хотя бы оставили жизнь. И жезл свой отдай.

Император громко рассмеялся:

— Нет, Петька, ты, верно, точно дурак. Теперь я убедился в этом лично. Знать бы раньше. Живым я твоим хозяевам и ханьцам не дам. И жезл имперский добровольно не отдам. Так и знай. И до тебя уже доберусь. Умри, иуда! — Император выстрелил в него в упор из своего парострела, но увы, кузена от мгновенной гибели защитила магия родовой защиты, сотворившая защитный щит-преграду для выстрела. Увидев неожиданную реакцию Императора, засуетились и пришедшие с Петром китайские солдаты, семеновцы и аглицкие маги, все вместе принявшие боевую стойку, словно псы на охоте.

— Ха-ха! Насмешил! Нет, братец! Такой ерундой меня враз не возьмешь. И в тебя палить, только припас переводить. Защита твоя покрепче моей будет. Знай! Не отдашь мне по добру, стало быть иначе возьму! Вот только не хочется своим подарочком дворец портить, восстанавливай потом. Не отдашь?! Ну теперь попробуй-тка вот это вот. Нейдется мне — и кузен махнул рукой, словно давая команду начинать.

С задних рядов выдвинулись несколько китайцев, вытащивших откуда-то из-за своей спины длинные блестящие трубки с насаженными на них бурыми камнями.

— А-а, знакомая штучка. Вот они, родимые, где всплыли. Ты же был на совещаниях и все наперед знал! Потому и охранка всякий раз след теряла! Твоих рук дело! И покушения на Александру значит твои, тварь!

— Много болтаешь! Отдай жезл!

— И верно, неча с тобой рассусоливать-кивнув семеновцам: — К бою!

Гвардейцы-семеновцы, получив приказ Императора, немедленно принялись его выполнять. Сделав несколько выстрелов в вылезших китайцев с новым оружием, они тут же полегли сами, сраженные ответными выстрелами стоящих рядом с ними китайских солдат. Защита же самого императора играючи выдержала случайные попадания. Места погибших китайцев заняли новые. Подхватив из рук павших брарлевские жезлы, а это были они, солдаты взяли их на изготовку и нацелились в императора.

Будущий император поднял руку, словно требуя от всех остановиться и внимания:

— Последний раз прошу тебя, Николай! Отдай мне жезл! Не нужно лишних жертв более, их и так предостаточно!

— Довольно разговоров, Петр, не отдам! На троне тебе не бывать!

~~Ну и черт с тобой, на нет и суда нет! Не обессудь, сам напросился.~~ он резко махнул рукой: - Убить его!

Из нескольких трубок в сторону Императора несколькими линиями, с треском и едва видимыми разрядами, потянулось голубое свечение, едва видимое глазу. И почти сразу магическая защита сработала, вновь образуя защитный зеленоватый купол вокруг государя. Свечения словно пытались сделать несколько проколов в куполе и прорваться сквозь защиту, но, со стороны казалось, рассеивались и поглощались. Но не полностью. Мужчина, стоящий внутри купола, моментально взмок. Энергетическая внешняя нагрузка на магический родовой щит, усиленная большим тепловыделением, резко повысила температуру внутри купола, а защита, столкнувшись с одновременными высокоэнергетическими магическими реакциями, принялась сдавать свои позиции. Скукоживаясь и сжимаясь, уплотняя все внутри. Уйти из зала тоже не получалось, выпущенные разряды, словно тяжелый груз, давили на него со всех сторон.

— Ну как? Тяжко?! Не поджарился? О чем думаешь, уйти, верно, хочешь, ваше величество? А не получится! Отдай мне жезл и я, стало быть, облегчу ношу.

Император, разом понявший, что попал в западню, из которой едва сможет выбраться

самостоятельно, зло, с тоской и сожалением во взгляде, упираясь в свой видимый щит, принявшись помогать руками, потихоньку напитывая его своей силой, произнес:

— Беса лысого у меня, а не имперский жезл ты получишь! Об одном желаю. Если уж помирать, так скопом вас, гадов, тут известь.

Поняв, что первые действия нового оружия, более удачно примененного при вскрытии магических защит на дворцовых дверях, на императоре не дали никакого более-менее заметного эффекта, “будущий” государь возопил:

— Всыпьте ему! Добавь еще! Ещё!

К катаяцам с жезлами добавилось еще несколько воинов, с такими же жезлами. Следом еще пара. Теперь уже от девяти человек исходили голубые линии потрескивающих свечений.

Кузен императора, весь в нетерпении, устав ждать перелома, повернулся к магам:

— А вы, гости заморские, почто без дела стоите. Приглашение особое нужно? Зря-ль вас сюда что-ли выписывали. Толмач, переведи!

Послышался голос знакомого по деревне катаяца-переводчика. На кривом английском, лучше он видимо не знал, тот повторил приказ начальника. Маги почти синхронно кивнули, подтверждая принятие приказа. Один из них принялся выделывать руками в воздухе непонятные пассы, а второй с тяжелым взглядом принялся всматриваться а его величество.

Первый, завершив в воздухе рисовать свой непонятный рисунок, выставляя свои ладони горизонтально полу и параллельно друг другу. И следом неведомая сила вдруг внезапно хлопнув, раскрыла все окна в большом зале, впуская в него все ветры. Разом в помещении стало свежо. А затем в ладони мага влетела небольшая шаровая молния, шариком света спрятавшись в ладонях. В воздухе запахло озоном.

Зарядившись, маг словно отщипнул руками от молнии кусочек и швырнул ее в защитный купол, словно бросил невесомый и невидимый глазу комок. Из руки в защитный шар государя сорвалась молния. Охватив его защиту, она ярко осветила ее. Только для того, чтобы следом отскочить и удариться в мраморный пол, оставляя на нем большое чёрное опаленное пятно. Потом снова и снова.

— Эй-эй! Полегче там, с молниями-то. Думай, что творишь! Мне дворец зело целым нужен. И откуда они такие берутся?

Услышав перевод слов, маг-агличанин недовольно повернулся и качнул головой хозяину Александра, быстро закончив нежности с детьми, уже всматривалась в смотровые окошки, выглядывая кого-то среди очередных выбегающих из дворца людей:

— Саша, что тебя беспокоит?

— Сергей, прости. Мне нужно вниз. Помоги спуститься.

— Александра, что такое? А как же дети. Ты их бросишь? В чем дело?

Девушка горестно вздохнула:

— Я беспокоюсь о рарап и тапап. Их должна уже вывести охрана. А их все нет и нет Я боюсь. Вдруг им нужна помощь?

— Саша, а что ты-то можешь сделать. Ты видела, сколько тут катаяцев? Нет? А я видел, сколько их здесь. Может они уже в убежище, а мы в логово полезем. Тут, в бронеходе, ты с братьями и сестрами хотя бы в безопасности. Воевать во дворце? Бронеход для этого не предназначен, ребят прикажешь посылать?! Сама понимаешь, чем это может кончиться. Надо ждать. Но девушка была настойчива:

— А вдруг им требуется помощь? А может лететь куда надобно? Я — прапорщик воздухоплавательных сил и капитан, пусть маленького, но своего дирижабля. Ну где же они?

Где? — нервничала девушка, изредка бросая взгляды на малых сестер.

Я вновь принялся успокаивать:

— Нет, никуда я тебя одну не отпущу, сиди тут. И даже не проси вниз спустить. Цела будешь, ваше высочество! — завёл я вновь старую шарманку: — Сам же могу сходить.

Попытка взять с собой кого-нибудь из команды, спросить-то их надо было, странным образом натолкнулась на их немедленный отказ.

— Кабы старосту вызволять, тогда я согласный. А так. Во дворец идти. Чего я там не видал — с явным сомнением принялся Акинфий:- Мне и тут хорошо.

Чурило же тоже может быть и хотел пойти, в чем его выдавали блестящие глаза, но не посмел пойти против родственника, ставшего вожаком их деревенской компании. А может поумнел или по какой другой причине. Других же брать с собой я не рискнул. И по причине слабого знакомства, да и а вдруг понадобятся. Оставшиеся справятся, раз опыта набрались. В бою физиономией в грязь не ударят. Ну и присмотреть за детьми, ежели что. Тьфу, словечки здешние так и цепляются.

Братья и сестры Саши вели себя больше смирно, интересуясь выступающими частями деталей нашей машины и приборами. Устроенная им Павлом экскурсия по всем палубам бронехода оставила на лицах царских детей неизгладимое впечатление. А самый смелый из них шустро скатился по шесту в пародвижительный, что вызвало у царственного отпрыска такую бурю восторга и желания скатиться еще, что его пришлось осаживать ее высочеству княжне.

Пришлось идти одному. Оставив вновь ее высочество на Пашку, с просьбой приглядеть за ней и за командой, рванул к величественному дворцовому зданию.

Но мы не ищем легких путей. Через парадный вход, как позже узнал, кажется Северного выхода, я не пошел. Ибо оттуда раздавалась стрельба, а дамы и господа, на вид потерявшие свой лоск и спесь, в ужасе и панике выскакивали оттуда. Я направлялся к пролому и разбитым окнам на втором этаже, сделанным в стене дворца упавшим катаяским бронеходом. Воспользовавшись магическим приемом, освоенным мною при написании номера бронехода, я поднялся по стене в пролом, чувствуя многочисленные уколы в спину от взглядов явно подсматривающих соглядатаев. Пролом, похоже, выводил на галерку, оказавшиеся хорами большого зала. И не успев залезть вовнутрь, желая отряхнуться от каменной пыли известняка, из блоков которой были сложены стены. Как сразу насторожили, разнесшиеся эхом по залу, громкие слова, заставившие меня подобраться и действовать куда тише:

— И ты, брат! Значит, проданся катаяцам за тридцать сребренников, поганец!

Подползаю к самому краю, осторожно выглядывая вниз, всматриваясь и одновременно вслушиваясь в разговор говорящих внизу людей, среди которых я узнал отца Саши, стоявшего под прикрытием двух крепких солдат. Императора.

Когда в большом зале раздались первые выстрелы, я инстинктивно отпрянул назад. Чуть не оглох. Уж больно хорошими оказались акустические свойства в помещении. Преодолев первые неприятные ощущения звона в ушах и вытащив из-за пазухи свой парострел, я, положив его тихонько на деревянный пол, вновь выглядываю вниз. И тут же отпрянул назад. Отбитые случайным попаданием выстрела в стену, где рядом находился я, пыль и куски побелки, полетела прямо в глаза.

— А ч-черт! Да что же ты будешь делать!

Проморгавшись, смахнув и вытащив из глаз мешающиеся мне крошки, выглядываю

вновь. Разборка между родственниками продолжалась, явно не в пользу обороняющегося Императора. Его солдаты охраны, вместе с убитыми ими катаяцами, в неестественных позах, так, как застала их смерть, лежали на полу. Мне же в голову не приходило никаких идей, как помочь императору. И пока не нашёл ничего лучшего, как тихонько сидеть в своем укрытии и не отвечивать.

На сказанных противниками словах “Тяжко?! Не поджарился?!” я вылез снова из своего укрытия, пытаясь рассмотреть действия противников. Отец Саши был в своем защитном коконе, немного похожим на тот, что был у меня. Разве что яркость зеленоватого свечения магического шара была куда выше и насыщенней. И кокон Императора, похоже, пока успешно сдерживал натиск энергетических голубых разрядов из знакомых мне брерарлевских трубок, парочка которых была у меня. Выпущенные из рук катаяских солдат разряды, впиваясь в защиту государя, словно пытаясь проколоть ее насквозь, следом сдавались, сливаясь с коконом, рассеиваясь и поглощаясь. И можно было бы радоваться этому, но нет. Кокон сжимался, сдавливая все внутри и потихоньку истончался, становясь светлей прямо на глазах. Решив добавить защиту, его явно родственник отдал приказ усилить натиск. После чего в бой вступили новые солдаты. Купол продолжал светлеть. Потом к участникам боя присоединились маги. Один из них принялся ловко испускать в его величество одну за другой шаровые молнии, второй же, готовился к участию, делая в воздухе какие-то пассы. Первые попытки мага залезть в мозги Императора кончились неудачей, что выразалось в злом рычании государя. Что делать, я не знал, лишь незаметно вытащил из заплечной сумки катаяского солдата, стоящего внизу с парострелом в руке, знакомый мне ранее трофей.

Решение пришло позже, когда с сильным хлопком, словно передавая последнее адью, зеленая защита кокона государя истончался и исчезла. А мужчина, едва державшийся на ногах, весь бурый и вспотевший от теплового нагрева, немного покачался на ногах и свалился на мраморный пол. От бессилия разжав удерживаемый в руках небольшой продолговатый предмет, покотившийся к краю зала, туда, где наверху сидел я. Наверное, тот самый жезл. Похоже мое время пришло. Одна рука свесилась с галерки, мысленно направляя сгусток к жезлу. А вторая потянулась к трофейному жезлу, пристраивая и нацеливая его в стоящих внизу противников.

— Ну вот и все. Кончилось твое время, Николай. Говорил же по хорошему, но ты... ты сам так захотел, не обижайся. Говорят, это не больно. Прощай же, брат! — сказав эти слова, его родственник, вытащив из-за пояса небольшой изящный парострел, нацелил его в лежащего на полу и возящего своими конечностями, едва живого Императора, от тела которого вдобавок дымился легкий пар. Когда родственник Императора увидел поднимающийся прямо на его глазах жезл, он заорал.

— Эй! Куда?! Это же мой жезл!

Пришло время действовать. Одной рукой схватив поднывший ко мне жезл, второй я выстрелил из брерарлевской трубки по стоящим внизу противникам. И сразу же пожалел. Хвататься за трубку нужно было обоими руками, как это делали катаяские бойцы. Из-за неопытности, пока одной рукой я пытался положить схваченный жезл Императора в свой карман, вторая рука с непривычки успела выписать, пущенной из трубки по противнику энергией, такие зигзаги, что мама не горюй. Лихо пройдясь от одного края зала к другому и обратно, сполохи энергетического разряда беспорядочно метались от одного солдата, стоящего на одном краю зала, к другому, стоящему на противоположной стороне, сжигая их, стоящих без защиты, дотла. Пока я не ухватился второй рукой за жезл, лихими зигзагами

успел разок попасть по родственничку-инсургенту, разом ошетилившимся защитным коконом, сжечь нескольких стоящих внизу солдат, троих каких-то гражданских и магалюбителя шарить в мозгах.

— Там! Мой жезл! Убейте его! Убейте! У него мой жезл. — как сумасшедший, визгливо орал родственничек Императора в коконе поменьше, указывая в выглядывающего наверху парня пальцем и совершенно не обращая внимание на лежащего внизу брата.

Когда рядом со мной бабахнул шарик первой молнии, я понял, что моим пряткам пришел конец и с этой галерки теперь надо быстренько сваливать. Заодно в этот момент закончилась энергия в трубке. С недовольством отшвырнув в сторону так некстати полностью разряженное оружие, вскочив с пола, я побежал вперед по хорам, успев прихватить свой лежащий на полу парострел. Бежать пришлось быстро, ибо меня подгоняли разрывающиеся позади меня шары.

Зал был длинным и пока я бежал по хорам, мне казалось, что этот бег будет вечным. Чтобы немного сбить запал стреляющих, я на бегу, повернув мешающееся мне на пальце отяевское кольцо вниз, перехватил другой рукой парострел и почти не глядя, наугад, принялся палить вниз. Особого результата это не дало, но, кажется, палить в меня стали меньше. Хотя шаровых молний меньше не стало. Они, вероятно запущенные аглицким магом с упреждением, почему-то стабильно разрывались позади меня. О, ч-черт, яма! Как некстати! Прыгаем!

Закинув горячий парострел за пазуху, отчего обжег свою грудь сквозь майку и тельник, следом я прыгнул. Яма, о которой шла речь, была разрывом в полу, из-за нестандартного, более высокого, чем другие, окна. Продолжение хоров шло по другой, перпендикулярной, стене. Прыжок оказался неудачным, допрыгнуть до хоров мне не удалось, отчего в мозгу пролетела шальная мысль, что надо было вообще бежать в другую сторону. В падении кинул сгустки магии на стену рядом, пытаясь зацепиться за неё. Магия, исправно сработав, удержала меня на стене, правда от веса, помноженного на инерцию, едва не вывернув напряженные в мышцах руки. И следом прыгнул вновь, уже вниз, вспомнив свой прыжок на стог сена в деревне. А шаровая молния, пущенная аглицким магом, едва я покинул этот участок стены, вновь попала мимо. Но туда, где я только что был.

Отлепившись от стены, мигом пускаю сгустки вниз, на пол, и одним махом сконцентрировавшись, прыгаю вниз, одновременно прижимая руки к телу для магического прыжка. У самого пола магия срабатывает и новый прыжок отбрасывает меня мимо явно удивленного таким приемом делом катаяца, верно желавшего схватить меня первым. Новый прыжок отбросил меня к центру зала, туда, где неподалеку лежал отец Саша. Приземляясь, сжимаю пальцами свое кольцо и оно, слушаясь желания владельца, послушно сделало защитный кокон. Упс!

— Убейте его! Убейте! — все орал в зале родственник Императора.

При приземлении на пол с коконом с треском и хлопком разбило плитку мраморного пола в зале. По инерции делаю прыжок переворотом и выровнявшись на выходе из него, давно заученным у тренера приемом, отбрасываю очередного первым подбежавшего ко мне солдата с пудао в руках в сторону. Второй за ним был отброшен магией.

— Ты кто такой! Убейте его! — продолжал визжать будущий властитель.

— Конь в пальто! Перебраться!

Усмехнувшись ошалелому от ответа виду будущего государя и не став дожидаться исполнения приказа, я побежал к раскрытому ранее аглицким магом ближайшему окну

рядом со мной. Успев попутно кинуть на лежащего на полу государя парочку сгустков. И не снижая скорости бега, перемахнул через низкий подоконник, прямо в полете лихо прыгнул вниз, под кроны растущих внизу деревьев и кустарников и корпус лежащего боком ханьского следом увлекая за собой недвижимое тело Императора. Уводя его прямо из под носа его братца.

Падая, высота тут оказалась приличной, успела проскочить шальная мысль о том, что насмерть оземь шмякнусь. А следом, в последний момент, вспомнил, что точно сдурил. Ведь смягчить падение самого Императора, падающего за мной на магической привязи, я, не видя его в полете, ну никак не смогу. Времени не хватит.

При падении вновь исправно сработало родовое отяевское кольцо. У самой земли раскрылся зеленоватый кокон, защитив меня при ударе о землю от возможных тяжелых травм. И погасло. А следом в мое тело, словно пользуясь им, как пожарным брезентом, по инерции воткнулся отец Александры.

О, й-е-о! Вот же. Больно как!

Император лежит рядом со мной недвижно. Трогаю рукой пульс. Неужели умер? Столько проделать и такой результат? Как глупо! А...нет! Где тут дерево постарше? Надо попросить сил. Заодно

Но полежать и передохнуть мне никто не дал. В растущий кустарник прилетела пущенная аглицким магом из раскрытого окна шаровая молния. Следом вторая. Ветви кустарника запылали огнем. Опять! Ч-черт! Черт!

Слышу ор и крики в окне. Явно родственничек. Заставляет мага прыгать вниз, за мной то есть. И ответ на аглицком, отправляющий его по нужному адресу. Поржав на ходу, я, накинув сгустки на лежащее тело, под прикрытием ветвей дал деру.

Дотащился с телом его величества до кажется, самого старого дерева. Перестраховываюсь, аккуратно и мягко положил мужчину на землю, это после предыдущих падений. Государь лежит рядом со мной возле дуба, словно зонтик раскинувшего ветви над нами. Вновь щупаю пульс. Еще живой, но на грани. Надо бы поспешить.

Вспомнив, как я брал силы в деревне на празднике, принимаюсь за работу. Приложив руки к коре, одновременно прося и призывая в помощь силу рядом стоящего живого гиганта, жду ответа. Недовольно пошумев для порядка ветвями при безветренном небе, старый дуб соглашается помочь, открывая канал живительной энергии, идущей откуда-то с корней. Немного напивав себя, кладу руку в область сердца его величества, мысленно сообщая сгусткам магии сформировать толстый энергетический канал. Дождавшись, когда канал разойдется по всему телу мужчины маленькими веточками, принимаюсь разгонять сгустки магии по всему телу, перекачивая энергию жизни в соседнее со мной тело. И через минуту раздалось тихое шипение, сообщившее мне, что все прошло явно удачно:

— Ты! Кто таков? — очнувшись, зашипел лежащий рядом Император. И явно узнавая, прохрипел: — А-а-а! Опять ты! Приютский!

Молчу, пытаюсь еще добавить жизненной энергии, пока не появились преследователи.

— И как ты тут оказался?

Молчу вновь, глазами показывая, что мне некогда. Мужчина завёлся, прохрипев:

— С братцем моим заодно, да?

Посчитав, что ослабленному мужчине закачанной живительной энергии на время хватит и нужно заняться катаяцами, явно отправленными начальством к ближайшему выходу, отстраняю руку от сердца.

— Знаете, государь, помолчите. Некогда мне с вами лясы точить. Позже расскажу. Некогда мне. И ничему не удивляйтесь — сунув ему в руки его имперский жезл и на всякий случай свой парострел, отправляю магией тело возмущенного таким обстоятельством мужчины. От себя подальше, в заросли погуще. И как можно ближе к бронеходу. А сам, поднявшись, заковылял, хромя отсидевшей ногой, по дороге, пытаюсь отбежать подальше от зарослей кустарника и деревьев. Как можно дальше, стараясь увлечь за собой противника. Не знаю, сколько я пробежал от дворца по дороге, надеюсь, что много, как мой побег остановил возглас мага позади:

— The Grasshopper! Stand! — и серьезность его намерений подтвердила пущенная им шаровая молния, которая шипя, воткнулась рядом со мной, заставляя вспыхнуть кокону. Черт-черт-черт! По инерции делаю еще пару шагов и рядом втыкается вторая шаровая молния. От которой вновь сработала защита кольца.

— Ну где же они?

Александра стояла у смотрового окошка, нервно заламывая себе руки. Уже давно не видно ни отца, ни матери, с которыми она рассталась при объявлении эвакуации. Что с ними? Хорошо, найденные Сергеем, малые братья и сестры стоят рядом с ней в относительной безопасности, внутри машины бронехода. Да и его самого давно уже нет. Лишь выстрелы и хлопки раздаются из глубины залов дворца. Что же там происходит? Девушка извелась вся, томясь от долгого ожидания и пугающей неизвестности.

С удивлением увидев внезапно выпрыгнувшего из окна Сергея и следом такой же полет из окон лежащего плашмя отца, парадный костюм которого она бы не спутала ни за какие коврижки, девушка от радости завизжала:

— Вот и они! Они выбрались.

А следом ее радость увяла, потому что показавшийся в проеме незнакомый мужчина вдруг запустил им вслед несколько шаров молний. Но по ним не попал, умудрившись поджечь парочку густых кустов акации. Ограничившись этим, в оконном проеме завязалась словесная перепалка. Александре на миг показалось, что она слышит доносящийся из окна дворца голос дяди. А следом мелькнула и его голова. Сразу приняв решение, девушка закричала:

— Павел, надо им помочь! Заводи машинку!

— Да, ваше высочество. Что вы хотите?

— Что-что? Пальнуть вон в то окно.

— Ваше высочество! Пальнуть то мы можем, но тут наводчик нужен.

— А где наводчик? Как вы раньше то палили?

— Так ушел наводчик-то. Сергей это был.

— Ну если Сергей с этим справлялся, то и я, верно, с этим управлюсь. Только обскажите систему и что тут надобно делать?

Девушка дулась. Пока она разбиралась с нехитрой системой наводки, в чем ей поначалу помогали разобраться Павел и Чурило, противники в дворцовом окне исчезли. Глядя в пустые окна дворца, ей вдруг захотелось помочь и оказаться рядом с отцом.

— Давайте передвинем бронеход туда, поближе к лесу.

~~Нельзя, ваше высочество. Согласно инструкции отвечал ей Павел~~

— Но им же надо помочь! А вдруг... ты чурбан стоеросовый-в ее голове роились мысли, одна другой страшнее.

Но Павел с ребятами напрочь отказывался ей помогать, упорно твердя про

необходимость ждать прихода Сергея.

— Я вам приказываю. — решив вдруг надавить властью, заявила ее высочество. Павел терпеливо объяснял:

— Через лес бронеход может не пройти. Зацепится за ветки и завалится. А в густых кустах ничего не видать. Еще нечаянно наших раздавим. Вы этого хотите?

Девушка от бессилия и обиды нахохлилась, не зная, что ей делать дальше. Будь она на своем дирижабле, ноги бы ее тут не было. Деятельная натура ее требовала движения, а тут. Просто сиди и жди. Гадство!

Когда она увидела фигурку Сергея, улепетывающего из кустов прямо по дороге в город, первым делом она решила обидеться. Но хода эмоциям не дала, следом сообразив, что тела отца с ним нет. Увидев, что следом за бегущим парнем из Северного входа и нескольких технических выходов за ним потянулись его преследователи, её высочество, не мешкая, решилась:

— Команда! Слушай сюда! Все орудия к бою! Враг на дороге! — в башне бронехода раздался звонкий девичий возглас, усиленный командными нотками в голосе. И стоя у броневой шторки, ее высочество принялась настраивать прицельную панораму орудий.

— Чурило, вниз крути!

Деревенский паренек с удивлением почесал голову, не каждый день увидишь, как ее высочество крутит прицельный механизм, за одно это точно следовало идти за князем. Он довольно хмыкнув, принялся за дело.

К Александре подскочил Павел. Убедившись в ее словах, увидев сквозь шторку бегущих преследователей, он подскочил к столу командира бронехода и скомандовал в слуховую трубу:

— Вторая! Шрапнелью. В оба орудия! Да поживее там!

— Акинфий, готовься!

Раздав нужные приказы, Павел метнулся к окну. Команда бронехода “Новик” пришла в движение. А через четверть минуты идеальный вид стриженного газона придворцовой лужайки и аккуратно уложенной плитки на дороге, часто принимавшей представительные паровики, испортили первые разрывы шрапнели. Потом вновь и вновь. После чего “Новик” с металлическим скрипом и лязгом, в несколько шагов выполнил поворот. И медленно пошел вперед по дороге, пытаясь догнать убегающего к дворцовым воротам парня. А величественные статуи богов и императоров вдоль дороги с прискорбием и укором взирали на удачные попадания бронехода, оставившие на тартарской земле множество раненых и убитых катайцев.

— Павел, ты только посмотри туда! Что же делать-то? — девушка, нервничая, в очередной раз до слышимого хруста в суставах заломила руки.

Услыхав ее слова, все присутствующие на мостике вместе с Павлом разом рванули смотреть в смотровые щели бронехода, что тут же вызвало гнев ее высочества. Недовольно зашипев, Александра разогнала Акинфия с Чурило по местам. А Павел, оценив ситуацию вновь схватился за слуховую трубу:

— Орудия! Бронебойный готовим!

— Ваше высочество! Прицел ставить надо!

— Как? Как мне ставить прицел? Ведь мы же в Сергея можем попасть?

— Ваше высочество. Прицел!

Девушка, вся трясась от нахлынувшего ужаса и страха, принялась нервно крутить

верньеру вновь, пытаясь установить настройку стрельбы. Чурило же задавал уклон ствола пушки, следуя словам ее высочества. Она же периодически бормотала:

— Еще! Нет! Еще вниз...еще...Я не смогу! Я боюсь! Я попаду!

— Ваше высочество! Нет времени. Надобно стрелять! — Павел стоял у смотровых щитков, всматриваясь вдаль.

— Я боюсь! Я не смогу! А вдруг мы попадем в него!

— Ваше высочество! Сейчас или никогда!

— И-и-и-и-и-и-пли!

Бахнул выстрел, добавив из оружейной еще больше тепла и пара на и без того нагретый мостик. И через несколько мгновений с улицы послышался новый взрыв, мощным хлопком, дуновением ветра, пыли и жара возвестивший команду о больших проблемах. Все стоявшие на мостике, за исключением Александры, от ужаса осевшей прямо в нижней юбке на металлический пол, рванули к смотровым окнам. Ее высочество, сидя на полу, завизжала:

— Кто-нибудь, скажите мне. Я в него попала?

Ребята в ответ молчали, отчего беспокойство ее высочества от случившегося и непоправимого лишь усилилось. Девушка, всхлипнув от ужаса, тряслась на полу:

— Ну скажите же мне! Я убила? Я убила Сергея?! — со злостью: — Ну чего же вы все там молчите? А?

Гулко ухнул выстрел паропушки. Мой противник, мужчина в энергетическом коконе успел лишь обернуться. Красная светящаяся полоса выстрела черкнула в воздухе и коснулась его большого шара, испаряясь в потоке лучающейся магической энергии. Лишь для того, чтобы вызвать в ней бурный хаос. От осознания всего ужаса своего положения агличанин вцепился в свои волосы и через несколько мгновений следом он взорвался. Энергия объемного взрыва отбросила меня сильно далеко на дорогу. Думаю, тут бы конец и пришел, вот только последние остатки защитной магической энергии из родового отяевского кольца, смягчив для меня энергию взрыва, смягчили и само падение, правда на какое-то время выбив из меня дух. Больно!

Точно, мне, наверное, везет по жизни. Очнувшись от щекотно ползущей по носу мушки, я лежал навзничь опустошенный, на пыльной треснутой плитке дворцовой дороги, не в силах даже сдвинуться и всем телом от земли чувствовал вибрацию шагов ступоходов. К глухому ритмичному грохоту приближающихся шагов добавилась заунывно жужжащая, знакомая мне по “Новику” музыка винтов, собираясь все вместе в причудливую какофонию. Надо мною пролетел эскадренный дирижабль, со всех сторон оцетинившийся пушками. Потом второй. Рядом сядился третий. Где-то справа, там, верно, где сел дирижабль, громко затопало множество бегущих солдатских сапог.

— Сынок, живой?! — рядом опустился какой-то добродушный усатый солдат в зелено-красной форме Преображенского полка: — Живой! Носилки сюды!

— Ваше высочество, дирижабли садятся. Несколько. Имперские.

— Пф! Дирижабли! Что мне ваши дирижабли? Зачем мне ваши дирижабли, а? — девушка явно была в истерике: — зачем они мне нужны? Не нужны они больше! Не нужны!

И заплакала навзрыд, захлебываясь слезами. К ее высочеству подбежали малые братья и сестры, которые, увидев незавидное состояние Александры, принялись успокаивать, глядя ее по голове и плечам. И когда вдруг раздали слова вдруг заоравших, стоящих у окон, ребят, она еще какое-то время плакала, пытаясь признать и осознать их:

— Ваше высочество, жив Сергей-то. Жив он. Жив!

— Где?

— Вон там, ваше высочество! Вон! Носилки ему гвардейцы несут.

— А-а-а-а! Я иду вниз! Кто-нибудь, спустите меня вниз!

Три дня спустя.

Улицы Старого Петербурга, знакомые мне еще с момента побега из приюта. С полчаса назад наш дирижабль, под охраной с настоянием приданного нам Адмиралтейством эскадренного ударного дирижабля, аккуратно встал на причальной станции в центре города. Подождав, когда нам подадут паровик, я посадил в красивый фаэтон Делонэ-Бельвиль Имперского гаража первую свою даму, Александру, на сутки вырвавшуюся из наводящего тоску дворца. Спрятав свою элегантную трость в багажное отделение, уселся в него вместе с Павлом. И под охраной из дюжих вооруженных гвардейцев из Преображенского на двух паровиках мы отправились по нужному адресу. Никольская, 25.

Как заправский гид, всю дорогу я шутил и комментировал Саше окружающие нас по сторонам виды, не менее красивые за закате уходящего дня. Иногда, правда, болела голова и мутило, отчего окружающие в тот момент были как в тумане — последствия ударно-магической контузии. Спасибо спутникам, к моментам потемнения и остановкам разговора они относились лояльно. Просто перед глазами еще были картинки из боя с магами. Врачи обещали, что контузия вскоре пройдет, а возможность пользоваться временно отсутствующей магией молодой растущий организм непременно восстановит. Подождём, раз обещают. Хотя я успел с ней свыкнуться, как когда-то с любимым смартфоном. Они же, полковые врачи Преображенского, залечили мне полученные при сильном падении раны, не пожалев для этой цели, простите за каламбур, целый магический камень. И еще дополнительно осматривал и водил по телу чем-то целебным дворцовый врач, пришедший в палату по личной просьбе Саши. Прямо дежа вю какое-то.

Императрица нашлась живой, просто погребенной на лестнице под многочисленными телами убитых и раненых гостей. Китайцы после недолгого боя и пальбы как в тире по беззащитным придворным никого не осматривали, потому ей удалось уцелеть. Да и в момент давки от чувств и навалившихся сверху тел, женщина потеряла сознание. Защитный природный механизм в мозгу, отключивший ее, позволил ей пережить психический шок куда легче. Хотя будучи эмпатом, тонко чувствующим мысли, настроение и состояние окружающих, в первое время ей пришлось тяжело. Переключиться от дурных мыслей на позитив ее величеству и одновременно маме Александры удалось лишь с помощью детей, скопом навалившихся и обнявших ее. И увидев, пусть раненого, но живого супруга.

Император лежал в своих покоях. Лучших врачей столицы, взяв с них подписку о неразглашении, тайно собрали на представительный консилиум на предмет дальнейшего лечения государя, но общий вердикт врачей был неумолим.

— Будет чудо, если государь выкарабкается. Понимаете, магические возможности тела и лечение от поражения магией-это настолько до сих пор неизученная область — важно объяснял Императрице и герцогине Шлезвиг-Голстинской пожилой представительный маг-доктор: — и мы до сих пор не понимаем, как лечить участок мозга, ответственный за энергетику жизни, пораженный сильными ударно-волновыми магопуляциями в сочетании с электротравмами, нанесенными ему импульсными токами высокой частоты. Некрэктомии и уж тем более ампутации конечностей удалось избежать, про шок и гипоксию вообще молчу, да и внешний вид государя нынче совсем не пугающ. Врачебная наука и не такое нынче лечит, но увы. Единственное, что нам удалось сделать, так это только стабилизировать

состояние и магический фон его величества. Но и это весьма ненадежно и ненадолго. Может быть неделя-две-месяц, больших гарантий из нас не даст никто. И надобно держать его на магических камнях, подавая их для стабилизации состояния государя по одному каждый день. Только вот влитая в него энергия вскоре уходит вовне, в эфир, не задерживаясь, а пропадая впустую.

— То есть, если перестать давать эти камни или они, не дай бог, кончатся? — уточнив, прервала слова доктора ее величество.

— Да! Через час-другой все! Наш государь отдаст богу душу. И то, что пока жив, благодарить надо того парня, что его оттуда выгнал и поделился жизненной силой. Без него... — доктор многозначительно промолчал: — А мы поддерживаем его жизнь чем можем и пока есть чем.

Шли во дворце и первые разговоры о передаче власти. Императрица при малейшей попытке первых новоназначенных и.о., взамен погибших на балу, придворных начать разговор о перспективах передачи власти согласно Уложения от одного отказывалась, прося отложить разговор на более позднее время, первые дни находясь у постели венценосного супруга. Первые совещания о делах государственных проводились в спальне, позже изредка перемещаясь в рабочий кабинет государя.

— Уж лучше бы он меня там оставил, чем такая жизнь!

— Мика-а! Что ты такое говоришь?

Но этого я ничего не слышал, ибо сам лежал тогда в палате под строгим надзором докторов.

А Павел же сидел с нами рядом, сверкая лаком прюнелевых штиблет и в почти таком же, как у меня, новом щегольском костюме из нежнейшего габардина, срочно пошитым дворцовым портным по самой последней столичной моде. Правда с моими правками, вызвавшими поначалу неудовольствие старого портного, но небольшая настойчивость, проявленная мною в отстаивании своих идей, возымела действие. А уж полученный результат был выше всяких похвал. Бардин все время молчал, жадно впиваясь в городские улицы глазами и впитывая, как губка, окружающую картинку. Мы с Сашей парню старались не мешать, он словно отрешился от этого мира, напряженно думая о чем-то своем. Прибыв вскоре на место, наша охрана привычно рассредоточилась по сторонам, дежурно отсекая случайных, имевших несчастье гулять в это время по тротуару, людей, беря под свою охрану парадный вход в дом.

Петр Алексеевич, вопреки обыкновению, был уже дома. Недавно плотно отобедав вместе с женой и детьми, он сидел в своем кабинете у недавно установленной в квартале новой модели телеграфного радио, собираясь с последними мыслями. По доходившим до него последним слухам, знакомые из контрразведки и его непосредственный начальник почему-то отвечать никак не пожелали, многозначительно набрав в рот воды, в столице на балу была осуществлена попытка государственного переворота. Похоже успешно отбитая, раз на третий день комендантский час в городах был отменен. Но раздававшиеся среди людей шепотки сообщали об многих погибших на балу. Так это или нет, в дежурных сводках не сообщалось. По их ведомству шла информация о найденных охранкой и убитых бомбистах, нагло атаковавших полицейские околотки столицы, вокзал и центральный телеграф, из-за чего случились перебои с подачей и приемом сообщений и среди людей поднялась паника. Неработающий который день телеграф запустил множество слухов. Что на фронтах творилось что-то непонятное. Что катайцы начали очередное свое наступление.

И по тем же многочисленным тревожным слухам, ожидалось оное и с запада, что, впрочем, опровергалось, прочтенными на работе и присланными с Адмиралтейства и по линии его ведомства, текущими сводками. Также под вопросом была и новая, обещанная лично его величеством, служба. И хотя от обдумывания и переваривания услышанных на вечерах слухов ясности в голове коллежского асессора больше не стало, мужчина крякнул с досады и решил доверять только фактам. А они сообщали, что военных и полиции на улицах-было немало. И все же, вечером, в это время мужчина ожидал у телеграфа весьма важное заявление. Прямо из Императорского дворца, анонс которого зычно выкрикивали на дорогах все встреченные им уличные мальчишки-газетчики. Внезапно раздалась трель настойчиво звенящего входного звонка.

— Маланья, кого там нелегкая принесла? — асессор нетерпеливо выкрикнул в коридор, пошедшей встречать первой, горничной. Не услышав от нее ответа, мужчина повторил вопрос вновь и снова услышав в ответ тишину, решительно направился напрямик к входной двери. Из парадной выглянула его дочь Варвара, через открытую дверь которой, проходящий мимо по коридору Бардин, заметил супругу с младшеньким, которые сидя за столом, раскладывали карты и читали книгу. Наконец, добравшись до прихожей, Петр Алексеевич открыл дверь:

— Маланья, что такое, я ж спрашиваю? Кто там?!

Горничная, резко повернувшись к хозяину квартиры с выпученными глазами, отчего весьма удивила мужчину, медленно, словно заикаясь, ответила, одновременно прижимаясь вплотную к стене. Явно давая мужчине большой обзор:

— Петр Алексеевич, а...а это...к...к вам...пришли.

Внимание коллежского асессора представились стоящие в дверях два крепких высоких бойца в зелено-красных кафтанах Лейб-Гвардии Преображенского полка с парострелами в закрытых кобурах. Убедившись в безопасности, лейб-гвардейцы разом расступились, пропуская в прихожую новых гостей. Первым в квартиру медленно, словно смертельно усталый, вошел Павел. За которым в прихожую следом важно и степенно вошла ее высочество. Я же, галантно пропустив свою даму вперед, был замыкающим. Отчего то невысказанные мысли парня мне были сильно близки. И я бы тоже подписался бы первым, под каждым следом сейчас сказанным Павлом словом.

— Здравствуй, отец. Я вернулся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net